

ГЕНИАЛЬНЫЕ АФЕРЫ

Annotation

Слово «афера» можно определить как обман, жульничество, мошенничество, сомнительная сделка. Соответственно, аферист – это человек без стыда и совести, обманщик, ради корысти выдававший себя за других людей, совершавший различные махинации и нечестные поступки. Самые известные самозванцы, спекулянты, взяточники, строители финансовых пирамид, фальшивомонетчики и вымогатели, знаменитые воры и мошенники – именно о них пойдет речь в этой книге, которая открывает новую серию издательства «Вече» «Колесо фортуны». В этой серии читателей ждут встречи с самыми известными и скандальными преступлениями, убийствами, ограблениями, побегам, терактами, супружескими изменами, банкротствами и т. д. Колесо фортуны всегда непредсказуемо и ждать от него приходится всякого...

- [Гениальные аферы](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть 1](#)
 -
 - [Лжебардия](#)
 - [Гений перевоплощения](#)
 - [Григорий Отрепьев \(Лжедмитрий I\)](#)
 - [Тушинский вор \(Лжедмитрий II\)](#)
 - [Албанский принц с итальянским гражданством](#)
 - [История графа де Бонневаля \(Ахмет-паша\)](#)
 - [Степан \(Стефан\) Малый](#)
 - [Тайна Иоанна XIII](#)
 - [Тимофей Анкудинов, первый космополит](#)
 - [Часть 2](#)
 -
 - [Фальшивомонетчики античности](#)
 - [Фальшивые деньги Вечного города](#)
 - [Пороки «красивого» короля](#)
 - [Венценосный мошенник](#)
 - [«Пекарь античности»](#)
 - [Великий фальшивомонетчик французского двора](#)
 - [Деньги – это деньги, пусть и фальшивые](#)

- [Очаровательный мошенник](#)
- [Дело о фальшивых червонцах](#)
- [Тайна озера Топлитцзее](#)
- [История с американскими дорожными чеками](#)
- [Гениальный фальшивомонетчик](#)
- [Скандал в Карлсруэ](#)
- [Фальшивомонетничество сегодня](#)
- [Часть 3](#)
 -
 - [Финансовая пирамида № 1](#)
 - [Великий комбинатор XIX века](#)
 - [«Шутка» Большой Терезы](#)
 - [Мавроди – чемпион среди мошенников](#)
 - [«Чаровница» Мария Францева](#)
 - [Афера мадам Соловьевой](#)
 - [«Щедрая» Оксана Павлюченко](#)
 - [«Золотая лихорадка» в Бусанге](#)
- [Часть 4](#)
 -
 - [Тюльпановый бум](#)
 - [Первый российский вор](#)
 - [Афера с завещанием](#)
 - [История о знаменитой Соньке Золотой Ручке](#)
 - [Граф без родословной](#)
 - [Великий махинатор](#)
 - [Помогите «Саламандре»](#)
 - [Тайны великих шулеров](#)
 - [«Золотые прииски» генералыши Штейн](#)
 - [Загадочная Мата Хари](#)
 - [Альчео Доссена, «гений фальшивок»](#)
 - [Ван Меегерен, мастер подделки](#)
 - [Великие аферы Гриши Календарова](#)
 - [Неудачи и везение Пьера де Варги](#)
 - [Узаконенные взятки](#)
 - [Криминал в Стране восходящего солнца](#)
 - [Бензиновый король](#)
 - [Таланты Юргена Шнайдера](#)
 - [Рекордсмен по воровству](#)
 - [«Семейное предприятие» Бхутто](#)

- [Махинации Офера](#)
 - [Ник Лисон, финансовый гений](#)
 - [Темные дела Виктора Козни](#)
 - [Арманд Хаммер – ангел или дьявол?](#)
 - [Хочешь быть здоровым? Плати!](#)
 - [Королева красоты](#)
 - [Из жизни хакеров](#)
-

Гениальные аферы
Галина Гальперина, Екатерина Горбачева,
Елена Доброва, Светлана Хворостухина

Введение

Во все времена в мире находилось место обману и корысти. Непреодолимое стремление к власти и богатству заставляло многих людей действовать в обход всяческих законов и вопреки моральным установкам. Так появились аферисты. Циничные, жадные, жестокие, они пытались любой ценой добиться поставленной цели, не гнушаясь при этом никакими средствами. «Цель оправдывает средства» – их лозунг в жизни, и порой ради достижения желаемого результата они готовы были идти по трупам.

Власть, слава, деньги... Какие страсти вокруг них разгорались! Не сосчитать, сколько судеб они загубили! Истории известно немало примеров, когда люди без роду без племени, томимые жаждой власти, присваивали себе имена известных личностей, которые когда-то стали жертвой коварных убийц. Самозванство по праву можно назвать древнейшей из афер, возникших на заре развития цивилизации. Мнимые цари заявили о себе практически одновременно с появлением первых государств и централизованной власти, за которую во все времена велась непримиримая борьба. В подтверждение этой мысли достаточно привести один пример. Лжебардия, выдававший себя за убитого брата персидского царя Кира, жил в VI веке до н. э. в одном из первых в мире государств.

Немалый интерес вызывает тот факт, что особенно много самозванцев появлялось в России. Более того, ни в одной стране самозванство не оказывало столь сильного влияния на взаимоотношения общества и государства. И, что еще более удивительно, некоторым из мнимых властителей, например Григорию Отрепьеву, в конце концов удавалось достичь своей цели. В XVII столетии на территории России действовало примерно 20 самозванцев, а в XVIII веке подобных проходимцев насчитывалось около 40. Нередко они до того вживались в свою роль, что полностью отождествляли себя с людьми, имена которых присваивали. Например, Пугачев начинал плакать, рассматривая портрет Павла, которого он называл своим сыном.

Наряду с аферами политическими, пожалуй, самыми распространенными во все времена были аферы финансовые. Жажда наживы не давала покоя многим мошенникам, которые за звон монет и блеск драгоценных металлов готовы были пойти на все. Как только начали чеканить первые монеты, сразу же появились мастера, научившиеся их подделывать. Фальшивомонетничество процветало уже в период

античности. С течением времени подделывать деньги становилось все сложнее и сложнее. С возникновением бумажных денег развернулась настоящая кровопролитная борьба между теми, кто придумывает всевозможные средства защиты денежных знаков от подделки, и теми, кто все-таки умудряется выпускать фальшивые банкноты, несмотря ни на что. Располагая совершенной электронной техникой, современные фальшивомонетчики научились создавать подделки, мало чем отличающиеся от настоящих купюр.

В последние несколько веков широкое распространение получили так называемые финансовые пирамиды, первой из которых считается пирамида, созданная в XVIII веке шотландцем Джоном Лоу. Идея удачливого финансиста была тут же подхвачена многими последователями и, надо сказать, небезуспешно. Особенного размаха деятельность создателей пирамид достигла в постсоветское время, когда многие из них, обманув сотни тысяч доверчивых вкладчиков, в кратчайшие сроки успели сколотить себе немалое состояние.

Изобилует гениальными аферистами и уголовный мир. Достаточно вспомнить Ваньку Каина, который одновременно был авторитетом среди воров и держал в подчинении московский сыскной приказ, или знаменитую Соньку Золотую Ручку. Сродни им также и история русского корнета Савина, который, обладая непревзойденным актерским талантом, выдавал себя за людей знатного происхождения, благодаря чему ему удавалось получать кругленькие суммы с обманутых им граждан, причем каждый раз выходить сухим из воды и жить припеваючи.

Можно было бы привести еще массу примеров гениальных афер, потому что в деле обмана и надувательства людская фантазия поистине неисчерпаема. И хотя речь на страницах этой книги пойдет далеко не о лучших представителях человечества, следует все-таки отдать должное их поистине гениальной изворотливости, умению находить выход из любой щекотливой ситуации и, конечно же, уму и целеустремленности.

Часть 1

Политические игры самозванцев

Самозванчество... «Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...» – вспоминаются слова знаменитого русского поэта. На самом деле самозванчество нельзя назвать типично русским явлением действительности. Оказывается, первый самозванец появился не в России, а в далекой Персии в VI столетии до н. э. С тех пор прошло немало времени. Самозванчество, замаскировавшись и приняв другие формы, претерпевало немалые изменения. Однако имена родоначальников этого социального явления помнят и современники нового, третьего, тысячелетия.

Лжебардия

Эту историю о первом из известных в наши дни самозванцев на царском престоле поведал Геродот. А произошла она в VI веке до н. э.

Царь Персии Камбис, сын царя царей Кира, обладал мстительным и гневным характером. Опасаясь того, что его брат Бардий когда-нибудь оспорит его право на царство, он отдал тайный приказ об убийстве Бардия. Когда коварный замысел был исполнен, Камбис щедро вознаградил убийц и устроил в своем дворце пир.

Прошли долгие годы. Все забыли о загадочной смерти Бардия. Камбис по-прежнему царствовал и вел беспощадные войны. Его неоправданная жестокость была поистине безграничной. После завоевания Египта Камбис приказал разрушить египетские храмы и убить священных животных. Не случайно одна из египетских надписей, датируемых тем временем, гласила: «Величайший ужас, подобного которому нет, охватил всю страну». Однако вскоре Камбиса все-таки настигло справедливое возмездие.

Во времена правления Камбиса в столице Персии жили два брата, которые владели оккультными знаниями. Один из них во время отсутствия Камбиса был назначен на должность управляющего царского двора. Особенный интерес представляет тот факт, что брат управляющего, маг Гаутама, по внешнему виду был очень похож на Бардию. Это и натолкнуло братьев на мысль овладеть царским престолом. Под именем Бардии Гаутама стал вскоре править Персией. Во все стороны были отправлены гонцы, чтобы объявить всем, что отныне на престоле восседает сын Кира, Бардия, и все должны подчиняться ему, а не прежнему царю.

Слухи дошли и до Камбиса, который в это время находился в завоеванном Египте. Он немедленно призвал к себе убийцу Бардии, Прексаспа, и с гневом воскликнул: «Так-то ты выполняешь мой приказ!» Услышав такие слова, распростертый у входа в шатер повелителя Прексасп решился возразить и, упав на колени перед владыкой, сказал о том, что это была ложная весть. Дело в том, что именно Прексаспу Камбис поручил похоронить мертвого Бардию. Камбис стал чернее тучи. В действительности он не сомневался в верности слуги, а это означало, что власть в персидской столице захватил самозванец. Спустя несколько дней Камбис отправился с военным походом против того, кто осмелился назвать себя именем Бардия. Однако свой план ему осуществить не удалось. Перед самым выступлением он случайно ранил себе ногу мечом и вскоре

скончался.

Лжебардия

Так самозванец остался на троне. Все области выразили ему свою покорность. Подчинилась ему также и армия, потому что не нашлось в стране другого человека, который осмелился бы объявить себя сыном Кира и стать персидским царем.

Вся страна славилась нового царя. На три года он освободил своих подданных от налогов и военной службы. Все было бы хорошо, если бы не странное поведение Бардии: царь не выходил из своего дворца, не

встречался ни с кем из знатных людей. Все это было довольно подозрительно, и многие уже начинали задавать себе вопрос, действительно ли Бардия занял царский трон.

Один из придворных догадывался, что власть в стране захватил маг Гаутама. Но высказать вслух это предположение было подобно смерти, поэтому придворный решил сначала проверить его. Через евнуха он послал записку дочери, находившейся в гареме царя. Отец обращался к дочери и спрашивал о том, правда ли, что человек, который стал ей мужем, является сыном Кира? В ответном послании дочь отвечала, что она не знает, действительно ли ее муж – сын Кира, поскольку в гареме они не знали чужих мужчин, а Бардию раньше она никогда не видела.

На другой день евнух передал еще одну записку, в которой говорилось о том, что если сама Федима не могла узнать сына Кира, то она должна была спросить об этом Атоссу, старшую жену. Однако на другой день Федима отвечала, что царским женам запретили общаться друг с другом, поэтому она не может выполнить просьбу отца.

Это сообщение выглядело довольно странно. Придворному был известен один признак, благодаря которому можно было бы изобличить нового царя в обмане. Во времена правления Кира Гаутама в чем-то провинился, за что ему отрезали уши.

Придворный послал дочери очередную записку. Тогда Федиме было поручено ощупать уши Лжебардии. Девушка долго не решалась сделать то, о чем просил ее отец. Если вдруг она раскроет тайну этого человека, в живых ее не оставят. Опасения молодой женщины были не напрасными: у человека, назвавшегося ее мужем, действительно не было ушей.

Наутро придворный наконец-то убедился в том, что был прав. На следующий день он пригласил в свой дом шестерых самых близких своих друзей. Прежде чем поведать им страшную тайну, он взял с каждого из них слово хранить услышанное в тайне. После того как они поклялись богами в верности друг другу, придворный все им рассказал. Новость ошеломила его друзей, и каждый из них подумал: «Лучше бы я не приходил сюда и не знал ничего».

Организовать восстание против самозванца заговорщики не могли, поскольку они не имели в своем распоряжении ни солдат, ни верных друзей. Времени на то, чтобы собраться с силами, также не было, так как каждый понимал, что в том случае, если маг раскроет заговор, всех их ожидает неминуемая смерть. Кроме одного, который станет доносчиком. Поэтому каждый, выйдя из дома, поспешил бы во дворец царя. Все это понимали, но не решались сказать. Первым заговорил сын царского

наместника Дарий, который сказал о том, что они должны действовать в тот же день. После этого Дарий проговорил: «Если сегодняшний день будет упущен, я сам расскажу обо всем магу».

Тем временем маги, догадываясь, что над ними нависла угроза разоблачения, решили привлечь на свою сторону Прексаспа. Ведь только ему была известна истинная судьба Бардия. К тому же Камбис застрелил из лука его сына. Неужели Прексасп не захочет отомстить жестокому властителю?

Маги пригласили Прексаспа на тайную беседу и, посулив ему взамен за верность несметные богатства, предложили действовать с ними заодно. Прексасп взамен на покровительство правителей дал клятву, что никто и никогда не узнает правды. На следующий же день Прексасп по поручению магов должен был уверить персов, что ими правит сын Кира, Бардий, и призвать их не верить никаким слухам.

Дарий I

В назначенное время Прексасп поднялся на башню. Тысячи людей, собравшихся на площади перед царским дворцом, замерли, готовые внимать его словам. Прексасп начал говорить о предках Кира, потом о самом Кире и о том, сколько хорошего сделал этот царь для своего народа. Маги с нетерпением ждали, когда же Прексасп заговорит о главном. Но он неожиданно для всех сообщил, что сын Кира, Бардия, давно умер, власть же в стране захватили маги. В заключение своей речи он воскликнул: «Плохо придется вам, персы, если вы не избавитесь от них и не расправитесь с ними». С этими словами Прексасп шагнул с карниза башни. В это время к дворцу приближались заговорщики. Узнав, что произошло на

площади, они решили воспользоваться удачным моментом и немедленно приступить к действиям. Заговорщики были знатного происхождения, поэтому стража не осмеливалась оказывать им сопротивление. Однако во внутреннем дворе путь им преградили евнухи с обнаженными мечами, но с ними заговорщики очень быстро расправились. Потом они ворвались во внутренние покои дворца, где скрывались маги. Один из них встретил заговорщиков с луком в руках, другой схватил копье. Завязалась борьба. Магу, у которого было копье, удалось серьезно ранить двух персов. Другой же брат выбрал для себя неудачное оружие, потому что лук в ближнем бою был абсолютно бесполезным. Он бросился бежать и закрылся в соседней комнате. Дарий с еще одним заговорщиком настигли его. Один из нападавших повалил мага на пол, и между ними началась схватка. Дарий занес над самозванцем меч, но бить не решался.

«Бей мечом!» – крикнул перс, боровшийся с магом.

«Я могу убить тебя», – крикнул ему Дарий.

«Убей хоть нас обоих, но маг должен погибнуть!»

В конце концов, Дарий взмахнул мечом и убил мага.

Рассказ об этом событии был высечен на огромной скале по дороге между Тегераном и Багдадом. Надпись, сделанную по приказу Дария, можно прочесть и сегодня. Заканчивается она такими словами: «Дарий убил мага и стал царем».

Гений перевоплощения

Английский король Эдуард IV оставил после своей смерти двух наследников – сыновей Эдуарда и Ричарда. Однако ни один из них не мог править страной, поскольку оба были несовершеннолетними. В результате развернулась борьба за власть между многочисленными конкурентами. Победу в ней одержал Ричард Глостерский, назначенный протектором. Он и объявил себя королем Англии, присвоив имя Ричарда III. Захватив власть, он заявил, что Эдуард IV незаконно занимал трон, потому что на самом деле не был сыном герцога Йоркского, а значит, и его сыновья не имели права претендовать на английский престол. Вскоре юных Эдуарда V и Ричарда заключили в Тауэр, откуда им не суждено было выйти. Спустя некоторое время их убили. В 1485 году умерла жена Ричарда III, которая, скорее всего, была отравлена мужем, потому что тот задумал жениться на сестре Эдуарда IV Елизавете.

Тем временем все большую поддержку у англичан завоевывал лидер оппозиции Генрих, граф Ричмонд. В 1485 году, заручившись военной поддержкой Франции, Генрих выступил против Ричарда III. В сражении близ Босворта последний получил смертельную рану. Наследников по мужской линии у него не оказалось. Поэтому на английский престол под именем Генриха VII взошел граф Ричмонд, ставший основателем династии Тюдоров. В скором времени он женился на Елизавете.

Однако на этом борьба за престол не закончилась. Другая сестра Эдуарда IV, Маргарита Бургундская, не желала мириться с тем, что власть находится в руках представителя династии Тюдоров. Не только в Англии, но и в других странах она начала распускать слухи о том, что после убийства старшего сына Эдуарда IV палачи смилостивились и втайне освободили его брата, Ричарда, герцога Йоркского, так что он остался в живых. Специально нанятые Маргаритой агенты подыскивали молодого человека, который по внешним данным и по возрасту походил бы на Ричарда. И эти поиски в конце концов увенчались успехом.

Ричард III

Роль наследника престола прочили Перкину Уорбеку, обладавшему благородной внешностью, изящными манерами и имевшему такой же возраст, что и Ричард. С детства он много странствовал, поэтому трудно было установить место его рождения. Кроме того, крестным отцом Уорбека считался сам Эдуард IV. По словам современников, «сей юноша родился в

городе Турне и прозывался Питер Уорбек, он сын крещеного еврея, чьим воспитанником у купели был сам король Эдуард».

Несмотря на то что король был крестным не Перкина, а его отца, мальчик до десятилетнего возраста, то есть до смерти короля Эдуарда, мог бывать при дворе и наблюдать некоторые сцены придворной жизни, что было как нельзя кстати и могло пригодиться при исполнении роли самозванца. Итак, как же развивались события, способствовавшие превращению простого юноши в отпрыска королевского рода?

Питер был сыном Джона Осбека и его жены Екатерины де Фаро. Так как мальчик рос хрупким и изнеженным, его стали называть уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Фамилию Уорбек ему дали наугад, но именно она принесла Перкину славу.

В раннем детстве он с родителями приехал в Турне. Мальчика отдали на воспитание в дом родственника, который проживал в Антверпене. В этом городе его и разыскал агент Маргариты Бургундской. Сестра Эдуарда IV обнаружила в юноше возвышенный дух и подкупающие манеры.

Маргарита держала существование Перкина в глубокой тайне. Она обучала его тому, как подобает вести себя в обществе, чтобы сохранять величие и в то же время нести печать смирения, наложенную перенесенными невзгодами. Маргарита во всех подробностях рассказала Перкину о Ричарде, роль которого ему предстояло исполнять, о его родителях, короле и королеве, о тех событиях, которые происходили во дворце при жизни короля и могли остаться в памяти ребенка, и о том, что случилось после смерти Эдуарда IV. Придумала Маргарита также и довольно правдоподобную версию о гибели брата Ричарда в Тауэре и о его собственном побеге.

Заговорщики обсудили, что Перкин должен рассказывать о своих странствиях на чужбине, а также учли все каверзные вопросы, которые ему могли задать. Впрочем, Маргарита была уверена, что Перкин с присущей ему находчивостью самостоятельно сможет найти выход из любой щекотливой ситуации. В довершение Маргарита пообещала самозванцу богатое вознаграждение не только в настоящем, но и в будущем, а главное, не скупясь на эпитеты, описала, что его ожидает, когда он получит английскую корону. В случае же неудачи их затеи предусмотрительная герцогиня обещала укрыть юношу при своем дворе.

Наконец все приготовления были закончены. Маргарита решила, что Перкин должен объявиться в Ирландии в то время, когда начнется война между Англией и Францией. Если бы он из Фландрии сразу же направился в Ирландию, это выдало бы ее участие в судьбе мнимого сына Эдуарда IV.

В 1490 году Перкин в сопровождении англичанки леди Брэмpton и еще одного доверенного лица выехал в Португалию, где должен был затаиться до особого указа своей покровительницы. Сама же Маргарита занялась подготовкой условий для приема и признания мнимого герцога Йоркского не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе.

Перкин провел в Португалии примерно год и отправился в Ирландию, в город Корк, только после того, как король Англии созвал парламент и объявил Франции войну. Уорбек сразу же выдал себя за герцога Йоркского, второго сына Эдуарда IV, и начал вербовать сторонников. Он отправил письма графам Десмонду и Килдеру, в которых просил их оказать ему помощь. Приезд Перкина в Ирландию и оказанный ему прием способствовали тому, что шотландский король Яков не стремился к заключению длительного мира с королем Генрихом VII.

Маргарита склонила к сотрудничеству доверенного слугу английского короля, Стефана Фрайона, который был у Генриха секретарем. Фрайон, постоянно чем-то недовольный, не задумываясь, покинул своего повелителя и поступил на службу к королю Франции Карлу. Карл понял, что замышляет Перкин, и немедленно отправил к нему Фрайона и некоего Лукаса с поручением уверить самозванца в хорошем расположении к нему французского короля и сообщить о том, что Карл готов оказать ему помощь в осуществлении его замысла и приглашает приехать в Париж.

Перкин отправился во Францию. Король Карл встретил его с великими почестями и называл не иначе как герцог Йоркский. Французский король поселил Уорбека в великолепных покоях и приставил к нему почетную охрану. Придворные поддержали игру короля, поскольку понимали, что она обусловлена государственными причинами.

В то же время Перкин принял у себя многих представителей английской знати, в том числе сэра Джорджа Невилла, сэра Джона Тейлора и около сотни других. Главным советником Уорбека был назначен Стефан Фрайон. Принимая у себя самозванца, Карл преследовал корыстные цели: таким образом он пытался заставить Генриха подписать с Францией мирный договор. Однако несмотря на то, что англичане настоятельно просили его выдать им Перкина, Карл предпочел отказаться, поступить иначе ему не позволяла королевская честь. Он лишь предупредил Уорбека о грозящей ему опасности и отослал от двора.

Перкин и сам собирался уехать, понимая, что король Англии может организовать его тайное похищение. Покинув Францию, он отправился во Фландрию и предстал перед герцогиней Бургундской, которая сделала вид,

что крайне изумлена его появлением, потому что никак не ожидала его увидеть. Маргарита заявила, что, прежде чем принять какое-то решение, ей нужно побеседовать с юношей, чтобы увериться, что это действительно герцог Йоркский. Выслушав Перкина, она изобразила величайшее изумление и радость, но в то же время дала понять, что по-прежнему сомневается в правдивости его слов. Наконец герцогиня приветствовала Уорбека как восставшего из мертвых, предрекая ему великое и счастливое будущее. Изгнанию Перкина из Франции также было найдено соответствующее объяснение: принца объявили жертвой честолюбия двух великих монархов. Сам Перкин вел себя как настоящий король и так мастерски справлялся со своей ролью, что все окончательно уверились в том, что он и есть герцог Ричард. Да и сам Уорбек был на грани того, чтобы поверить в собственный обман.

Герцогиня Бургундская оказывала Перкину соответствующие его персоне почести: называла его именем своего племянника, присвоила высокий титул Белой розы Англии и в качестве его почетной охраны предоставила ему тридцать облаченных в багряные и голубые мундиры воинов. Все придворные следовали ее примеру и были исключительно любезны с претендентом на английский престол.

Эдуард IV

Весть о воскресении из мертвых герцога Йоркского облетела всю Англию. Распространились слухи о том, что Ричарда сначала приютили в Ирландии, потом пригласили и во Францию, где его предали, и что теперь его наконец признали и приняли при дворе герцогини Бургундской во Фландрии.

В адрес Генриха VII градом посыпались обвинения в том, что он унижает своих подданных и обирает народ. Укоряли его также за потерю Бретани и заключение мира с Францией. Но больше всего возмущений вызывал тот факт, что он до сих пор не признал первичность прав на английский престол королевы Елизаветы. В народе говорили о том, что с появлением настоящего наследника престола узурпатору не сдобровать.

Слухи быстро докатились до королевского двора, и вскоре лорд-камергер Уильям Стенли, лорд Фитцутер, сэра Саймон Маунтфорд и сэра

Томас Твейтс вступили в тайный сговор в пользу принца Ричарда. Однако выступить открыто заговорщики не решились. По их поручению во Фландрию отправились сэр Роберт Клиффорд и Уильям Барли. Особенно обрадовал Маргариту приезд первого – прославленного и родовитого дворянина. Клиффорд был представлен самозванцу и неоднократно беседовал с ним. В конце концов, то ли под влиянием убеждений герцогини, то ли поверив самому Перкину, он написал в Англию письмо, в котором утверждал, что молодой человек, о котором говорит вся страна, действительно является принцем Ричардом, герцогом Йоркским. Таким образом, стране угрожали смута и мятеж, поскольку между заговорщиками Англии и Фландрии установились тесные взаимоотношения.

Чтобы предотвратить угрозу, нависшую над собственной персоной, Генрих VII незамедлительно начал строить планы разоблачения и уничтожения самозванца. Для этого ему предстояло найти свидетельства того, что настоящий принц был все-таки убит в Тауэре, или доказать, что Перкин – самозванец, собрав сведения о реальной биографии этого человека.

К сожалению, первый план властолюбивого монарха не удался. Поведать о гибели принцев могли только четыре человека, которые непосредственно имели к этому отношение. Это нанятый королем Ричардом сэр Джеймс Тиррел, двое его слуг – палачи Джон Дайтон и Майлз Форрест, а также священник Тауэра, который похоронил убитых. Однако Майлза Форреста и священника к тому времени не оказалось в живых. Джеймса Тиррела и Джона Дайтона, находившихся в полном здравии, Генрих приказал заключить в Тауэр и подвергнуть допросу.

Свидетели рассказали, как король Ричард III направил указ об убийстве принцев коменданту Тауэра Брэкенбери, однако тот отказался совершить это ужасное деяние. Тогда король попросил сэра Джеймса Тиррела исполнить это поручение. В сопровождении слуг Тиррел отправился в Тауэр. Сам он остался у подножия лестницы, а своих слуг послал наверх. Эти негодяи как раз и стали непосредственными исполнителями воли короля, задушив принцев во сне. Тела убиенных зарыли тут же, под лестницей.

Однако когда королю доложили об исполнении его высочайшего повеления, он остался недоволен местом захоронения сыновей короля. Поэтому по его же приказу следующей ночью священник Тауэра выкопал тела и перезахоронил их в другом месте, которое было известно только ему одному. Эту тайну он унес с собой в могилу.

Итак, поскольку многое в показаниях свидетелей осталось не совсем

ясным, Генрих решил пойти по другому пути, то есть попытаться собрать сведения о самозванце. В нескольких странах, в том числе и во Фландрии, Генрих создал сеть преданных агентов, которые собирали сведения не только о Перкине Уорбеке, но и обо всех участниках заговора. Некоторым из королевских агентов удалось примкнуть к окружению Перкина. Все сведения, которые удавалось добыть шпионам, незамедлительно поступали к Генриху. В итоге король получил исчерпывающую информацию о каждом из заговорщиков и к тому же завоевал расположение сэра Роберта Клиффорда.

С помощью придворных сплетен Генрих распространил слух о том, что неизвестно откуда взявшийся наследник престола является всего лишь дерзким самозванцем. В то же время король направил послов во Фландрию к великому герцогу Филиппу с целью убедить его отослать Перкина от двора. Однако Филипп ответил, что не может этого сделать, поскольку мнимый Ричард III находится под покровительством герцогини Бургундской, а распоряжаться на ее землях не в его власти. Но Генрих догадывался, что это лишь отговорка и что Филипп оказывает Перкину помощь и содействие.

Зная, что наибольшую поддержку самозванцу оказывали сторонники в Англии, Генрих решил сурово наказать группу главных заговорщиков в королевстве и тем самым подорвать силы сторонников Перкина во Фландрии. Король призвал к себе советников, которых избличил в поддержке самозванца, и Клиффорда. Последний, дабы спасти свою жизнь, пал перед королем ниц и взмолился о пощаде, и Генрих сразу же милостиво даровал прощение. Взамен Клиффорд рассказал все, что ему было известно о самом Перкине и о деятельности его сторонников, в частности, выдал лорда-камергера королевского двора Уильяма Стенли. Случилось это 22 декабря 1494 года.

В своей «Истории Шотландии» Тайтлер по этому поводу записал: «Это разоблачение стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители приграничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось то, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигэмов, Никсонов и Генрисонов, спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство

Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным».

Узнав о казни Стенли, который был главной опорой заговорщиков, и других своих сторонников, Перкин и его сообщники были ошеломлены.

Уорбек по-прежнему опирался на привязанность простолюдинов к дому Йорков и рассчитывал на их поддержку. Местом своей вылазки он избрал берег Кента. Войско, которое самозванец повел в сражение против короля Генриха, состояло в основном из разорившихся гуляк, грабителей и воров. С ним он вышел в море и в начале июля 1495 года высадился на берегу близ Кента, между Сэндвичем и Дилом. Когда жители поняли, что войско самозванца включает не знатных англичан, а чужеземцев, готовых, скорее, к грабежу местного населения, чем к походу за короной Англии, они поклялись в верности королю и выразили готовность вступить в борьбу против войска Перкина.

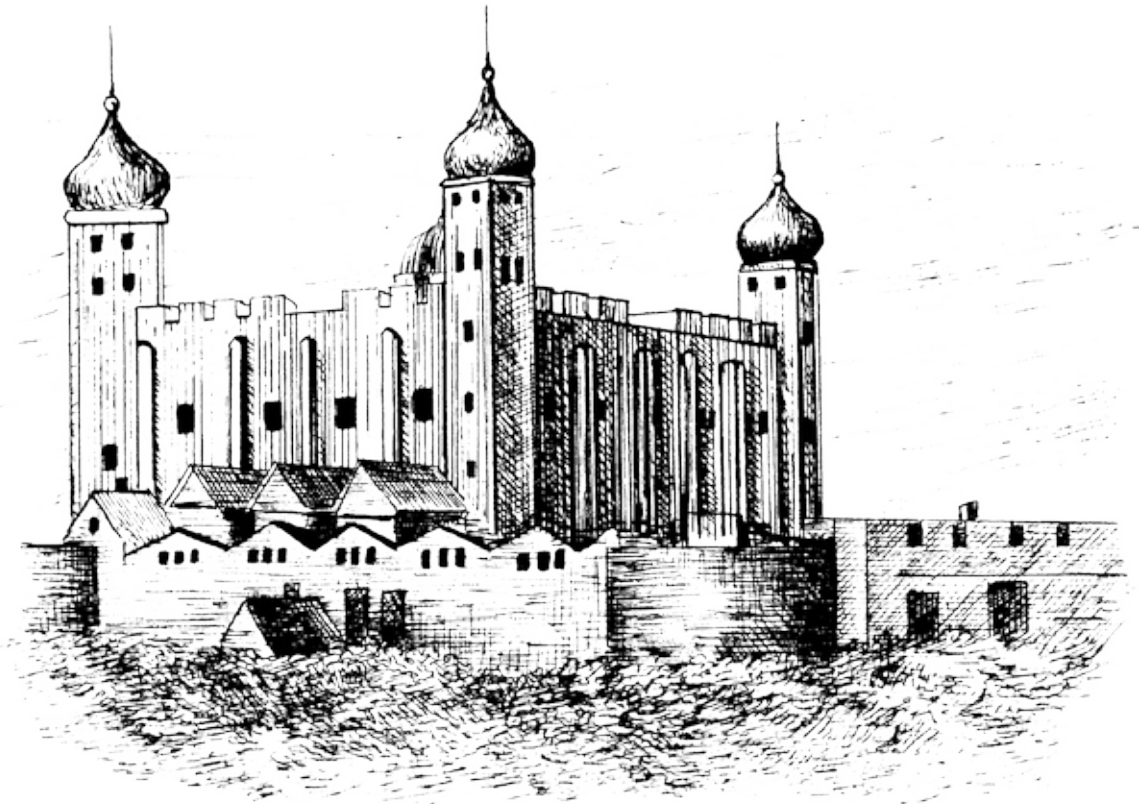
Англичане решили создать видимость отступления, чтобы выманить войско самозванца на берег, однако этого им сделать не удалось. Самозванец и его сторонники опасались приближаться к берегу до тех пор, пока не убедятся, что все надежно. Поняв, что их попытки тщетны, англичане перебили тех мятежников, которые уже были на берегу, и 150 человек взяли в плен.

Когда король, находившийся в путешествии, получил радостное известие о разгроме заговорщиков, он отправил в Кент Ричарда Гилдфорда, чтобы тот передал поздравления, а сам продолжил путь. Для устрашения мятежников Генрих распорядился всех пленников повесить. Их связали веревками и пригнали в Лондон. Казнь состоялась в Лондоне и Вэппинге. Кроме того, виселицы, подобно маякам или вехам, стояли на побережье Кента, Сэссекса и Норфолка.

Перкину ничего не оставалось делать, как отправиться обратно в Ирландию. Самозванец решил искать помощи и поддержки у шотландского короля Якова, противника короля Генриха. К тому же Максимилиан и король Франции Карл, испытывавшие известную неприязнь к английскому королю, неожиданно решили оказать содействие Уорбеку и втайне ходатайствовали за него королю Шотландии.

20 ноября 1495 года Перкин с большой свитой прибыл в шотландский город Стерлинг, где с подобающими почестями был встречен королем Яковом, который вел себя с ним как с Ричардом, герцогом Йоркским. В знак особой признательности король дал свое согласие на брак Уорбека с дочерью графа Хантли и своей близкой родственницей, леди Екатериной

Гордон – девушкой редчайшей красоты и добродетели.

Вскоре король Карл собрал большое войско, которое состояло главным образом из жителей приграничного района, и в сопровождении Перкина вступил в графство Нортамберленд. Однако вопреки ожиданиям самозванца народ не выступил в его поддержку. Тогда войско шотландского короля разорило и разрушило графство, несмотря на протест Перкина против ведения войны варварским способом.

Тем временем короли Шотландии и Англии начали вести переговоры о мире, которые в скором времени зашли в тупик, поскольку Генрих в качестве главного условия договора требовал выдать ему самозванца. На это Яков не мог согласиться, потому что принял Перкина как государя и теперь было бы крайне бесчестно и недостойно для короля изменить свое отношение к нему, кем бы он на самом деле ни являлся.

Несмотря на то что Яков не изменил своей позиции по отношению к Уорбеку, после длительных бесед с англичанами и других свидетельств он практически не сомневался в том, что приютил самозванца. Наконец король Шотландии призвал к себе Перкина и сообщил ему о том, что англичане разоблачили его обман перед шотландским народом, поэтому Уорбеку

придется искать более подходящее место изгнания, для чего Яков предоставит ему корабли.

Перкин не поехал во Фландрию, поскольку знал, что Генрих заключил с Филиппом договор и там только и ожидают его приезда для того, чтобы учинить скорую расправу. Вместе с женой самозванец отправился в Ирландию. Под именем короля Англии Ричарда V Уорбек издал прокламацию, содержащую щедрые обещания народу и призыв выступить против узурпаторов королевского трона с тем, чтобы вернуть корону ее законному владельцу.

На четырех небольших барках с 80 воинами Перкин отправился в Корнуэлл. Его корабли причалили в бухте Уитсенд-бей. В Бодмине его войско пополнилось тремя тысячами грубых мужланов.

По наущению ближайших советников – бежавшего от долгов торговца шелком и бархатом Херна, портного Скелтона и писца Эстли – самозванец решил овладеть хорошо укрепленным городом. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы предоставить своим людям возможность испытать сладость богатой добычи и набрать новых рекрутов, а во-вторых, чтобы обеспечить себе надежное убежище в случае неудачи предприятия.

17 сентября повстанцы осадили город Эксетер, который был самым сильным и богатым среди окружавших его поселений. Перкин пообещал горожанам, что он превратит Эксетер в новый Лондон, если они первыми признают его королем. Однако горожане на подобные провокации не поддались. Так что самозванцу ничего не оставалось делать, как снять осаду Эксетера и двинуться к Тонтону, растеряв по пути большую часть своего войска.

Весь день Перкин делал вид, что готовится к бою, но к полуночи самозванец прихватил с собой три десятка всадников и скрылся в неизвестном направлении, бросив свое войско на произвол судьбы. Узнав о бегстве Уорбека, Генрих выслал за ним вдогонку 500 всадников, чтобы отрезать ему путь к морю, посреди которого находился тот заветный островок, который называли святыщем. Но Перкину все же удалось опередить королевских солдат и укрыться на острове. Последние окружили остров и послали к Генриху гонца с донесением о произошедшем.

Английский король отправил на остров делегацию, которая должна была вступить в переговоры с Уорбеком. Самозванца доставили ко двору короля, но Генриху он представлен не был, хотя сам король, дабы удовлетворить свое любопытство, наблюдал за ним из окна. Перкин находился на свободе под неусыпным наблюдением королевских агентов.

Вскоре в голове у самозванца созрел новый план. 9 июня 1498 года

Перкину удалось обмануть приставленную к нему охрану и бежать. Он направился к морскому берегу, однако испугался погони и вынужден был вернуться обратно. Мошенник проник в Вифлеемский дом, называемый Шайнским приорством, и сдался в руки приора монастыря, который пользовался всеобщим уважением и слыл святым.

Приор явился к королю с просьбой сохранить жизнь Уорбеку, в остальном же он полагался на волю Генриха. Хотя многие подданные убеждали его казнить самозванца, королевское высокомерие не позволяло ему ненавидеть тех, кого он презирал. Как только Перкин оказался в его власти, Генрих приказал воздвигнуть во дворе Вестминстерского дворца эшафот, на котором забили в колодки закованного в кандалы Уорбека. Там он провел весь день. На следующий день самозванца поместили на такой же эшафот на перекрестке в Чипсайде. Здесь, так же как и в Вестминстерском дворце, он читал свою исповедь. На третий день Перкина заточили в Тауэр.

Но даже оказавшись в тюрьме, Уорбек не унимался. Он решил подкупить охранников и с их помощью выбраться на свободу. Однако стражей не интересовала его судьба, да и на высокое вознаграждение они не рассчитывали, зная, с кем имеют дело. Поэтому Перкин решил привлечь на свою сторону Эдуарда Плантагенета, графа Уорика, который в то время был узником Тауэра. Через охранников он обменялся с ним записками и договорился о побеге. Четверо охранников должны были убить коменданта Тауэра, завладеть деньгами и имуществом, достать ключи от Тауэра и выпустить графа и Уорбека на свободу.

Однако замысел Перкина не удался. Заговор был раскрыт. Оказалось, что Перкина использовали всего лишь как приманку, необходимую для того, чтобы заманить в ловушку графа Уорика. 16 ноября 1499 года судьи вынесли Уорбеку обвинение на основании многих измен, совершенных им после высадки на сушу в пределах королевства, и приговорили к смерти. Казнь состоялась в Тайберне, где он в последний раз прочитал вслух свою исповедь и в предсмертный час подтвердил ее истинность.

Граф Уорик также был обвинен в том, что замышлял вместе с Уорбеком учинить смуту и выступить против короля. Тому ничего другого не оставалось, как признать обвинение справедливым. Вскоре он был обезглавлен на Тауэр-Хилл.

Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I)

Далекие предки Григория Отрепьева жили в Литве. Прибыв на Русь, одни из них поселились в Галиче, а другие – в Угличе, резиденции погибшего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. В 1577 году Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан, которому к тому времени исполнилось всего лишь 15 лет, получили поместье в Коломне. Через несколько лет у Богдана родился сын, которого назвали Григорием. Приблизительно в то же время у царя Ивана появился сын Дмитрий.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Погиб он очень рано. В те времена в Немецкой слободе в Москве иноземцы свободно торговали вином. Нередко там случались пьяные драки. Наделенный от природы буйным характером, Богдан зачастую становился их участником. В одной из таких стычек его зарезал некий литвин.

После смерти отца Григория воспитывала мать. Она научила мальчика читать Священное Писание. Дальнейшее обучение Григорий проходил в доме дьяка Семейки Ефимьева, зятя Отрепьевой, который жил в Москве. После того как Гришка Отрепьев принял постриг, он стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Эту должность он получил благодаря своему каллиграфическому почерку.

Отрепьев обладал необыкновенными способностями, поэтому некоторые даже подозревали его в общении с нечистой силой. Учение действительно давалось ему с поразительной легкостью. Однако бедность и сиротство не позволяли способному юноше даже надеяться на выдающуюся карьеру.

Григорий поступил на службу на московское подворье к боярину Михаилу Романову. Многие считали Романовых наследниками короны. Служба при дворе открывала юноше неплохие перспективы на будущее. Немалую роль в том, что Романовы выбрали именно его, небогатого провинциального дворянина, сыграло соседство родового гнезда Отрепьевых и костромской вотчины Романовых – села Домнино.

Однако такой поворот в судьбе Григория чуть было не стоил ему жизни. В ноябре 1600 года романовский круг постигла опала. Под стенами подворья Михаила Романова произошло настоящее сражение: свита Романовых оказала вооруженное сопротивление царским стрельцам.

Всех, кто находился в услужении у опальных бояр, ожидала виселица. Отрепьев чудом спасся от смертной казни, укрывшись в монастыре.

Григорию едва исполнилось 20 лет. Ему пришлось отказаться от светской жизни и превратиться в смиренного монаха. Во время скитаний Григорию довелось побывать в галичском Железноборском монастыре, где он, по всей вероятности, и постригся, а также в суздальском Спасо-Евфимьеве монастыре. В Суздале Гришка попал под начало к духовному старцу. Однако Григория тяготило монашеское одеяние, а тем более жизнь под началом, и он, в конце концов, решил покинуть обитель.

К тому времени все Романовы находились в ссылке, поэтому розыск их сторонников был прекращен, да и оставшиеся в живых опальные вскоре получили прощение. Надо сказать, что на Руси провинившиеся перед царем нередко спасали свою жизнь в монастырях, подобно Отрепьеву. Поэтому Григорий снова объявился в Москве. Благодаря протекции он попал в самый аристократический Чудов монастырь в Кремле. Некоторое время он находился под надзором архимандрита Пафнотия, после чего был переведен в собственную келью, где занялся литературным трудом. Сам Отрепьев рассказывал знакомым монахам о том, что «живучи в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе».

Вскоре старания Отрепьева были оценены, и с этого времени начался его стремительный взлет. Григорий стал дьяконом, однако жизнь в тихой келье была не по нему, поэтому Отрепьев переселился на патриарший двор, где также завоевал себе, как он сам говорил, великую славу. Он не только переписывал книги, но и сочинял каноны святым. Григория знали и епископы, и игумены, и весь Священный собор. Нередко он бывал у самого патриарха Иова, который включил юношу в штат своих помощников, являвшихся с ним на собор и в думу.

Григорий Отрепьев

Всего лишь за один год Григорий сумел сделать поистине выдающуюся карьеру. За такой короткий срок он прошел путь от простого келейника чудовского архимандрита до почитаемого всеми придворного патриарха. Причем достиг Отрепьев такого положения не за счет невероятных подвигов аскетизма, а благодаря необыкновенной восприимчивости своей натуры. Он в течение одного месяца усваивал то, на что у других уходила целая жизнь. Церковники сразу же оценили живой ум и литературный дар Отрепьева. К тому же юноша обладал удивительной способностью притягивать и подчинять себе других людей.

Григорий начал прилюдно хвастаться, что может стать в Москве царем. Подобные дерзкие речи дошли до царя Бориса, и он отдал спешный приказ о ссылке Отрепьева в Кириллов монастырь. Однако Григория вовремя предупредили о решении царя, и он успел бежать. Сначала Отрепьев отправился в Галич, потом в Муром, в 1602 году он вернулся в

столицу, откуда, прихватив с собой двух монахов, Варлаама и Мисаила, бежал за границу.

Воспользовавшись тем, что отъезжавших монахов никто не преследовал, злоумышленники в течение трех недель служили службы в церкви, собирали с народа деньги, якобы необходимые для строительства храма, и присвоили их себе. Бродячие монахи не вызывали у властей никаких подозрений, поэтому никто даже и не пытался их задержать. Беглецы преспокойно миновали границу и отправились в Печерский монастырь в Киеве, в котором провели три недели. Затем перешли во владения князя Константина Острожского, где жили все лето. За этот срок Григорий успел завоевать расположение магната, и тот пожаловал ему щедрый подарок. Затем монахи перебрались к Габриэлю Хойскому в Гощу, на Волини, а потом в Брачин, к князю Адаму Вишневецкому. Здесь Отрепьев сбросил с себя монашеское одеяние и решился, наконец, объявить себя московским царевичем Дмитрием.

Когда Вишневецкий известил польского короля Сигизмунда III о появлении «царевича», тот потребовал подробных объяснений.

В 1603 году князь записал рассказ самозванца. Отрепьев во всех подробностях поведал о тайнах московского двора и об обстоятельствах своего чудесного спасения. Спас его якобы некий воспитатель, которому стало известно о запланированном убийстве царевича. В ночь убийства ему удалось подменить Дмитрия мальчиком того же возраста, который и был зарезан вместо царевича. Царица-мать, которая первой прибежала в спальню своего несчастного сына, не распознала подлога, потому что лицо ребенка приобрело к тому времени свинцово-серый оттенок. Точные факты и имена Отрепьев, однако, называть опасался, потому что они могли быть опровергнуты в результате проверки. Он утверждал, что его чудесное спасение оставалось тайной для всех, даже для его матери, заключенной в один из женских монастырей.

Самозванец жил в Литве открыто, поэтому его слова можно было сразу же проверить. Если бы новоявленный «царевич» попытался скрыть известные всем факты, его непременно обличили бы в обмане. Так, всем было известно, что «Дмитрий» прибыл в Литву в рясе. Для этого также необходимо было найти правдоподобное объяснение, и Отрепьев придумал следующее. Перед своей смертью спаситель передал царевича на попечение «верного друга». Этот дворянин воспитал мальчика в своем доме, а перед кончиной посоветовал ему принять постриг. Юноша последовал совету своего воспитателя и стал монахом. Он обошел многие российские монастыри, пока однажды один монах не распознал в нем

царевича Дмитрия. Тогда он вынужден был бежать в Польшу.

По всей вероятности, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича. В книгах Разрядного приказа была обнаружена любопытная запись, согласно которой Отрепьев, прикинувшись больным, признался игумену в том, что он является царевичем. Услышав такие слова, игумен указал ему на дверь. По свидетельству историков, Отрепьев не раз прибегал к тому же трюку. Разболевшись в имении Вишневецкого, на исповеди он поведал о своем «царском происхождении» священнику. Однако в докладе князя королю этот эпизод не упоминался.

Первым покровителем Отрепьева в Польше стал князь Адам Вишневецкий, который снабдил Григория приличным платьем и велел возить в карете в сопровождении гайдуков. Постепенно круг покровителей самозванца все более расширялся. Интригу Вишневецкого поддержали польский король и другие высокопоставленные лица государства, в том числе и канцлер Лев Сапега. В услужении этого сановника находился московский беглец Петрушка, который как пленник попал в Москву в годовалом возрасте. Сапега объявил, что этот его слуга, которого вдруг все начали величать не иначе как Юрием Петровским, был лично знаком с царевичем Дмитрием.

Однако при встрече с Отрепьевым Петрушка растерялся. Отрепьев же как ни в чем не бывало «узнал» бывшего слугу и уверенно вступил с ним в разговор. Холоп пришел в себя и «узнал» царевича по особым приметам: бородавке на носу и неравной длине рук. Так что все прошло согласно заранее подготовленному сценарию. Таким образом, Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу.

Тем временем число покровителей Григория Отрепьева пополнилось еще одним влиятельным человеком. Это был Юрий Мнишек, один из русских холопов которого также признал в самозванце царевича. Поддержали его также и московские дворяне-изменники братья Хрипуновы, бежавшие в Литву в 1603 году.

Когда Бориса известили о появлении самозванца, он обратился к польскому двору с требованием о выдаче преступника, который якобы был осужден за то, что отверг родительский авторитет, восстал против Бога и впал в чернокнижие. Однако поляки не торопились выдавать русским Григория Отрепьева.

Между тем самозванец, почувствовав за своей спиной реальную силу, действовал все более уверенно. Отрепьев также заручился поддержкой запорожских казаков, точивших сабли на московского царя. Самозванца

нередко видели вместе с казаками. Не случайно сведения о нападении запорожцев по времени совпадают с сообщением о появлении в их среде самозванного царевича.

В 1603 году в Запорожской Сечи началось формирование повстанческой армии, которая впоследствии принимала участие в московском походе Григория Отрепьева. Наконец к самозванцу явились гонцы с Дона с сообщением о том, что казаки готовы идти на Москву. В ответ самозванец послал им свой штандарт – красное знамя с черным орлом, после чего его гонцы заключили с казачьим войском союзный договор.

В то же время в центре России также начали возникать повстанческие отряды. Положение Бориса Годунова на царском троне становилось все более шатким. Этим и решил воспользоваться самозванец. С именем неожиданно воскресшего царевича Дмитрия народ связывал надежду на освобождение от установленного Годуновым жестокого крепостнического режима. Так что Отрепьеву представилась реальная возможность встать во главе народного восстания.

Однако самозванца, который был дворянином по происхождению, не устраивала перспектива превращения в вождя народного движения. Он предпочел организовать сговор с врагами России. Отрепьев знал, что с давних пор заветной мечтой иезуитов является подчинение русской церкви папскому владычеству. Их поддержкой Григорий и решил заручиться.

Сигизмунд III поручил Вишневецкому и Мнишеку привезти в Краков московского царевича. В конце марта 1604 года «Дмитрия» доставили в польскую столицу, где его окружили иезуиты, пытавшиеся убедить его в истинности католической веры. «Царевич», осознавая, что в этом состоит его сила, принял от иезуитов святое причастие и дал обещание ввести на Руси католичество, если только ему удастся занять российский престол.

В 1600 году Россия заключила перемирие с Польшей, но это не обеспечило безопасности ее западных границ. Король Сигизмунд готовился к новому наступлению на Россию, и для этих целей ему необходим был Лжедмитрий. Ради удовлетворения своих кредиторов самозванец без стеснения перекраивал русские земли. Он пообещал передать Польше плодородные Чернигово-Северские земли. Семье Мнишек Григорий посулил Псков и Новгород. Взамен же он получил довольно туманные обещания.

Дальновидные польские политики решительно выступали против войны с Россией. В результате Сигизмунд отказался от своих обещаний и вместо сильной королевской армии предоставил Отрепьеву около двух

тысяч разного рода наемников. Армия была слишком малочисленной, чтобы выступить с ней против России, и план самозванца был бы заведомо обречен на провал, если бы его не поддержало донское казачество.

Царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали явно нерешительно. Несмотря на это, им удалось одержать победу в сражении под стенами Новгород-Северского. В результате большинство наемников обратились в бегство, оставив лагерь самозванца. Вместе с ними восвояси отправился и Юрий Мнишек, сопровождавший Отрепьева.

Хотя вторжение на Русскую землю закончилось провалом, вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, самые трудные месяцы, до тех пор, пока народное восстание не охватило всю южную оконечность России. Голод еще более усугублял сложившуюся обстановку.

Борис, узнав о появлении в Польше самозванца, открыто заявил боярам, что это их рук дело, так как они задумали свергнуть его. Однако впоследствии царь без особых опасений за свою голову направил против войск самозванца тех же бояр. На первый взгляд подобное поведение Бориса кажется непонятным, но на то имелись свои причины. Годунову было известно, что дворяне не очень-то доверительно относились к самозваному казацкому царьку. На сторону Отрепьева перешло всего лишь несколько воевод. Как правило, крепости самозванцу сдавали посадские люди или казаки, а воевод к нему приводили связанными.

Растеряв всех своих наемников, Григорий решил довольствоваться ролью народного вождя, которая ранее его не устраивала. Он спешно сформировал новую армию из посадских людей, восставших казаков, стрельцов и крестьян. Войско Лжедмитрия пополнялось с каждым днем, но 21 января 1605 года оно снова было разбито царскими воеводами, которые, однако, не стремились к скорой расправе над самозванцем. Ведь им приходилось действовать среди враждебно настроенного населения, восставшего против крепостничества.

Несмотря на то что Лжедмитрий потерпел поражение, многие южные крепости признали его как отпрыска царского рода. Опасаясь за свою безопасность, дворяне самовольно разъезжались по домам. В течение полугода царские войска не могли взять город Кромь, в котором обосновались донские казаки во главе с атаманом Корелой.

В страхе перед самозванцем Годунов несколько раз засылал в его лагерь тайных убийц. Он приказал привезти в Москву из монастыря мать Дмитрия, чтобы узнать у нее правду. 13 апреля Борис скоропостижно

скончался в Кремлевском дворце. Ходили слухи, что он отравился. Официально было объявлено, что царь умер от апоплексического удара.

Незадолго до своей смерти Годунов назначил командующим армией воеводу Петра Басманова, который отличился в первой кампании против самозванца. Молодой воевода должен был выступить в роли спасителя династии. Однако, как показали дальнейшие события, Басманов не оправдал возлагаемых на него надежд.

Тем временем Лжедмитрий медленно приближался к Москве, высылая жителям столицы письма. Москва готовилась к встрече «истинного» царя. Федор Годунов, его мать и верные им бояре, «полумертвые от страха, затворились в Кремле», у стен которого выставили усиленную охрану. Предпринимаемые военные меры были направлены прежде всего на то, чтобы обуздать народ. Очевидцы событий тех далеких лет утверждали: «В Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или сторонников Дмитрия».

1 июня в Красное Село прибыли посланники Лжедмитрия – Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. С их появлением в селе вспыхнуло давно уже назревавшее восстание. Вооруженные красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Разъяренная толпа, уничтожив стражу, через Китай-город проникла на Красную площадь. Стрельцы,

высланные Годуновыми, были перебиты. Гаврила Пушкин с Лобного места прочитал «прелестные грамоты» самозванца, в которых он обещал многие милости всем москвичам – от бояр до черного люда.

Годуновы могли укрыться за надежными стенами Кремля, к чему нередко прибегал Борис, и это спасало ему жизнь. Но среди приближенных царского семейства нашлись изменники, которые в нужный момент открыли крепостные ворота. Выйдя к народу, бояре агитировали его против Федора Борисовича. Богдан Бельский, когда-то опекавший царевича Дмитрия, публично поклялся в том, что лично спас царевича от руки убийцы. Эти слова окончательно рассеяли сомнения толпы, которая ворвалась в Кремль и начала громить дворы состоятельных людей и торговцев, сумевших неплохо нажиться на голоде.

Богдан Бельский водворился в Кремле, чтобы править от имени самозванца. Но Отрепьев опасался этого человека. Поскольку свергнутая царица была сестрой Бельского, Отрепьев не мог поручить ему казнь семейства Бориса Годунова. Поэтому место Бельского вскоре занял присланный Отрепьевым боярин Василий Голицын.

Лжедмитрий не решался въехать в Москву, пока не были устранены все препятствия. Он приказал арестовать патриарха Иова якобы за преданность Годуновым и с позором сослать его в удаленный от столицы монастырь. На самом же деле самозванец опасался, что патриарх, прекрасно знавший его в прошлом, разоблачит его обман.

После низложения патриарха Голицын в сопровождении стрельцов явился на подворье Годуновых и велел задушить Федора Борисовича и его мать. Вместе с трупом Бориса, который был извлечен из Архангельского собора, их похоронили на заброшенном кладбище.

Расчистив себе дорогу, Лжедмитрий въехал в Москву. Произошло это 20 июля. Через несколько дней был раскрыт заговор бояр против него. Выяснилось, что Василий Шуйский распространял среди жителей столицы слухи о том, что новый царь является самозванцем. Лжедмитрий отдал его на суд собора, который состоял из духовенства, бояр и простых людей. Собор приговорил Шуйского к смертной казни, которую Лжедмитрий заменил ссылкой в галицкие пригороды, куда он было и отправился вместе с двумя братьями. Но до места назначения заговорщики доехать не успели, поскольку узнали о милостивом прощении со стороны государя. Шуйские не только вернулись в Москву, но и получили обратно боярство и имения, за что, правда, впоследствии оплатили черной неблагодарностью.

После низложения Иова патриархом в Москве стал архиепископ Рязанский, грек Игнатий. Он и венчал на царство Лжедмитрия 21 июля.

Новоиспеченный государь отличался энергичностью, неограниченными способностями и широкими реформаторскими замыслами. Так, князь Хворостинин говорил о нем: «Остротою смысла и учением книжным себе давно искусив».

Лжедмитрий ввел в думу представителей высшего духовенства, учредил новые чины в подражание полякам: мечника, подчашия и подскарбия. Он принял титул императора, увеличил в два раза жалованье служилым людям, запретил записи в наследственное холопство. Лжедмитрий приближал к себе иноземцев, добивался свободного выезда своих подданных для получения образования в Западную Европу. Из всех замыслов самозванца самым грандиозным представлялось создание союза против Турции, в который должны были войти Германия, Франция, Польша, Венеция и Московское государство. На достижение этой цели были направлены дипломатические переговоры, которые Лжедмитрий вел с папой и Польшей.

Папа, иезуиты и Сигизмунд вынуждены были навсегда похоронить свою мечту о том, чтобы превратить Лжедмитрия в покорное орудие своей политики. Он держался независимо и не собирался выполнять условия, о которых он договаривался с поляками до выступления на русские земли. О том, чтобы ввести на Руси католичество, не могло быть и речи, а за обещанные земли Лжедмитрий предложил полякам денежную компенсацию.

В конце концов все щекотливые вопросы с поляками были улажены, и 10 ноября 1605 года в Кракове состоялось обручение Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Их брак был заключен в Москве 8 мая 1606 года.

Лжедмитрию удавалось еще сохранять популярность среди жителей столицы, но прибывшие в Москву в свите Мнишек иноземцы вызывали в народе все большее раздражение. Шляхтичи не переставали хвастаться, что посадили на московский престол своего царя. Среди иноземцев преобладали украинцы, белорусы и литовцы, поляков же практически не было. Но их обычаи, поведение и наряды отличались от московских и уже только поэтому вызывали неприязнь. Больше всего негодовали москвичи из-за салютов из огнестрельного оружия, которые чуть ли не каждый день устраивали шляхтичи и их слуги.

Василий Шуйский

Недовольством народа решил воспользоваться некогда помилованный Лжедмитрием Василий Шуйский. В ночь с 16 на 17 мая он поднял против самозванца бояр, которые прибегли к обману. Они ударили в набат и объявили сбежавшемуся на его звук народу о том, что ляхи бьют царя. Толпы народа вступили в схватку с поляками, а бояре тем временем беспрепятственно проникли в Кремль.

Лжедмитрий, который ночевал в покоях царицы, направился к своему дворцу, чтобы посмотреть, что там происходит. Самозванец увидел бояр и сразу же все понял. Накануне вечером Шуйский отпустил 70 человек из 100 немцев, составлявших охрану царя, оставшиеся же не смогли оказать сопротивления боярам и сдались. Лжедмитрий бросился к окну и попытался спуститься вниз по лесам, устроенным для иллюминации, но упал и повредил ногу. Эта досадная неудача не позволила ему бежать из Кремля. Отрепьев пытался защищаться, однако силы были явно неравными, поэтому он бежал к стрельцам, но последние, запуганные угрозами бояр, выдали его людям Шуйского. Последние не замедлили с

казнью самозванца. Валуев убил Лжедмитрия выстрелом в голову.

В тот же день народу сообщили о том, что царь оказался самозванцем. Тогда провели и всенародную казнь лжецаря. Тело Лжедмитрия было сожжено, а его прахом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, «в ту сторону, откуда он пришел».

Тушинский вор (Лжедмитрий II)

В середине 1607 года в Стародубе объявился Лжедмитрий II – личность, абсолютно неподходящая для трона. Польский ротмистр Самуэль Маскевич характеризовал его так: «Мужик грубый, обычаев гадких, в разговоре сквернословный». Происхождение этого человека покрыто мраком неизвестности. Одни историки утверждают, что он был учителем из белорусского городка Шклова, другие считают его поповичем, третьи – крещеным евреем. Некоторые исследователи связывают его появление с желанием польских панов посеять смуту в Московском государстве.

Самозванец, следуя совету агента Мнишек, Меховицкого, поначалу не решился объявить себя царем. Он назвал себя московским боярином Нагим и начал распространять в Стародубе слухи о том, что царевич Дмитрий остался в живых. Когда же стародубцы подвергли Лжедмитрия пытке вместе с его пособником, подьячим Алексеем Рукиным, последний признался, что боярин, называющий себя Нагим, и есть настоящий Дмитрий. После этих слов самозванец принял грозный вид и закричал: «Ах вы сякие дети, я государь!» Стародубцы тут же с причитаниями пали перед ним ниц: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй нас. Рады служить тебе и живот свой положить за тебя».

Самозванца освободили и окружили всяческими почестями. К нему присоединились Заруцкий и Меховицкий с польско-русским отрядом и несколько тысяч северцев. Встав во главе этого войска, Лжедмитрий II захватил города Карачев, Брянск и Козельск. В Орле к его отряду присоединилось подкрепление из Польши, Литвы и Запорожья.

В мае 1608 года войска самозванца, которыми командовал украинский князь Роман Ружинский, приведший тысячи добровольцев, завербованных в Речи Посполитой, одержали победу над Василием Шуйским под Волховом. Спустя некоторое время самозванец приблизился к Москве. Войско Лжедмитрия II остановилось в 12 км от столицы, в Тушине (ныне в черте Москвы), отчего впоследствии он и получил прозвище Тушинский вор.

Лжедмитрий II

Почти полтора года длился тушинский период Смутного времени. Войско самозванца состояло из польских, украинских, белорусских и русских авантюристов. Присоединились к нему также и представители знати, которые были противниками Василия Шуйского. Лжедмитрий привлекал на свою сторону народ, обещая взамен щедрую награду – земли бояр-изменников, он позволил даже насильно брать себе в жены боярских дочерей.

Лагерь самозванца превратился в укрепленный город. В состав его войска входили 7000 польских воинов, 10 000 казаков и несколько десятков тысяч всякого сброда.

Основной его силой было казачество, которое стремилось к установлению казачьей вольности. Один из служивших у Лжедмитрия поляков писал: «У нашего царя все делается, как по Евангелию, все равны у него на службе». Но после того как в Тушине появились родовитые люди, в лагерь самозванца проникли зависть, соперничество и споры о старшинстве. В августе 1608 года часть поляков, освобожденных по

ходатайству короля Сигизмунда, присоединилась к тушинцам.

В их числе находилась Марина Мнишек, которая после уговоров Сапеги и Рожинского согласилась тайно обвенчаться со Лжедмитрием II, признав его своим мужем.

Как в столице, так и в ее окрестностях городах влияние самозванца с каждым днем все более возрастало. Ему подчинились Ярославль, Кострома, Вологда, Кашин, Муром и другие города. Однако поведение поляков и русских воров, которые образовывали шайки и, нападая на села, грабили их и издевались над людьми, вскоре вызвало бурю возмущения у русского народа, который разуверился в том, что в Тушине обосновался настоящий Дмитрий.

В конце концов положение царька пошатнулось. Один за другим стали от него отрекаться отдаленные города. Очередная попытка захвата Москвы не увенчалась успехом. Тем временем с севера вел свое наступление Скопин со шведами, в Пскове и Твери тушинцы были разбиты и обращены в бегство. Москва наконец-то освободилась от осады.

Сигизмунд III предпринял поход под Смоленск, во время которого из войска самозванца к нему перешло большинство поляков. Лжедмитрий вынужден был переодеться в крестьянина и бежать из в укрепленную Калугу, где его встретили с почестями. Сюда же прибыла и Марина Мнишек. Избавившись от надзора польских панов, Лжедмитрий почувствовал себя намного свободнее. Ему вновь присягнули Кашира и Коломна.

24 июня 1610 года под городом Клушиным, расположенным в 150 км от Москвы, поляки во главе с коронным гетманом Станиславом Жулкевским разгромили войско Шуйского. Путь на Москву был открыт. Жулкевский наступал на столицу с запада, а самозванец двинулся с юга. Лжедмитрию удалось взять Серпухов, Боровск, Пафнутьев монастырь и дойти до самой Москвы. Марина Мнишек остановилась в Николо-Угрешском монастыре, а самозванец – в дворцовом селе Коломенском. Обстоятельства складывались в его пользу. К тому же царский трон был свободен, потому что 17 июля Шуйского низложили и насильно постригли в монахи.

Однако и на этот раз новоявленному царьку не удалось, как его более расторопному предшественнику, захватить власть в свои руки. 17 августа Жулкевский заключил с московскими боярами договор о вступлении на российский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава, которому вслед за Москвой присягнули на верность многие города. В Москву был введен польский гарнизон, который отрезал самозванцу путь в

Москву.

Однако Жулкевский решил уладить дела с Лжедмитрием, не прибегая к силе. Польский гетман от имени своего короля обещал самозванцу взамен за поддержку даровать город Самбор или Гродно. Но Лжедмитрий не желал соглашаться на подобные условия. Впоследствии Жулкевский записал в своих мемуарах: «Он не думал тем довольствоваться, а тем более его жена, которая, будучи женщиной амбициозной, довольно грубо бормотала: «Пусть Его Величество король уступит Его Величеству царю Краков, а царь Его Величество уступит королю Его Величеству Варшаву». Тогда Жулкевский, забыв о правилах хорошего тона, приказал арестовать царскую чету. Но не успел, потому что Марина Мнишек с царьком в сопровождении 500 казаков атамана Ивана Мартыновича Заруцкого бежали в Калугу.

Этот город явился для самозванца последним пристанищем. Лжедмитрий стал жертвой мести крещеного татарина Урусова, которого когда-то подверг телесному наказанию.

11 декабря 1610 года полупьяный Лжедмитрий, конвоируемый толпой татар, отправился на охоту, во время которой Урусов, улучив подходящий момент, рассек своему господину саблей плечо. После этого младший брат кровавого мстителя отсек Лжедмитрию голову.

Известие о смерти царя привело к сильному волнению в Калуге. Все татары, которые оставались в городе, были перебиты донцами.

В память об отце мятежники провозгласили сына Лжедмитрия II калужским царем.

Албанский принц с итальянским гражданством

Стефан Зданович в свое время был необычайно популярным человеком. А известность он приобрел благодаря тому, что выдавал себя за принца Албании, а затем – владыку Черногории.

Известно, что Стефан Зданович родился в 1752 году в Албании. В 1760 году семья Здановичей покинула родину и отправилась в Венецию. Фортуна улыбнулась отцу семейства, и он разбогател. Именно поэтому он смог дать хорошее образование обоим своим сыновьям в Падуанском университете.

В 1774 году вместе со своим братом Стефан предпринял путешествие по Италии. В один из дней они повстречали юношу-англичанина. Братья уговорили молодого человека сыграть с ними в карты. С помощью шулерских приемов они в два счета обыграли англичанина и потребовали незамедлительной выплаты карточного долга.

Молодой человек выплатить деньги не смог, а потому раздосадованные шулеры обратились к его родителям. Они же не только ничего не заплатили мошенникам, но и подали в суд на картежников. Судья вынес достаточно мягкий для того времени приговор: пожизненная высылка из Тосканского герцогства.

Однако на этом приключения братьев Здановичей не окончились. В надежде разбогатеть они пустились в путешествие по странам Европы. В течение всего следующего года они занимались тем, что, сидя за карточным столом, обыгрывали легковверных партнеров.

Наконец, однажды в Венеции им удалось обмануть в игре весьма влиятельного человека. Однако братьям Здановичам тогда удалось благополучно избежать наказания, поскольку они попросту вовремя скрылись от правосудия. Суд заочно приговорил мошенников к смертной казни через повешение. Казнь состоялась на следующий день. Поскольку преступников так и не удалось изловить, повешенными оказались портреты с их изображением.

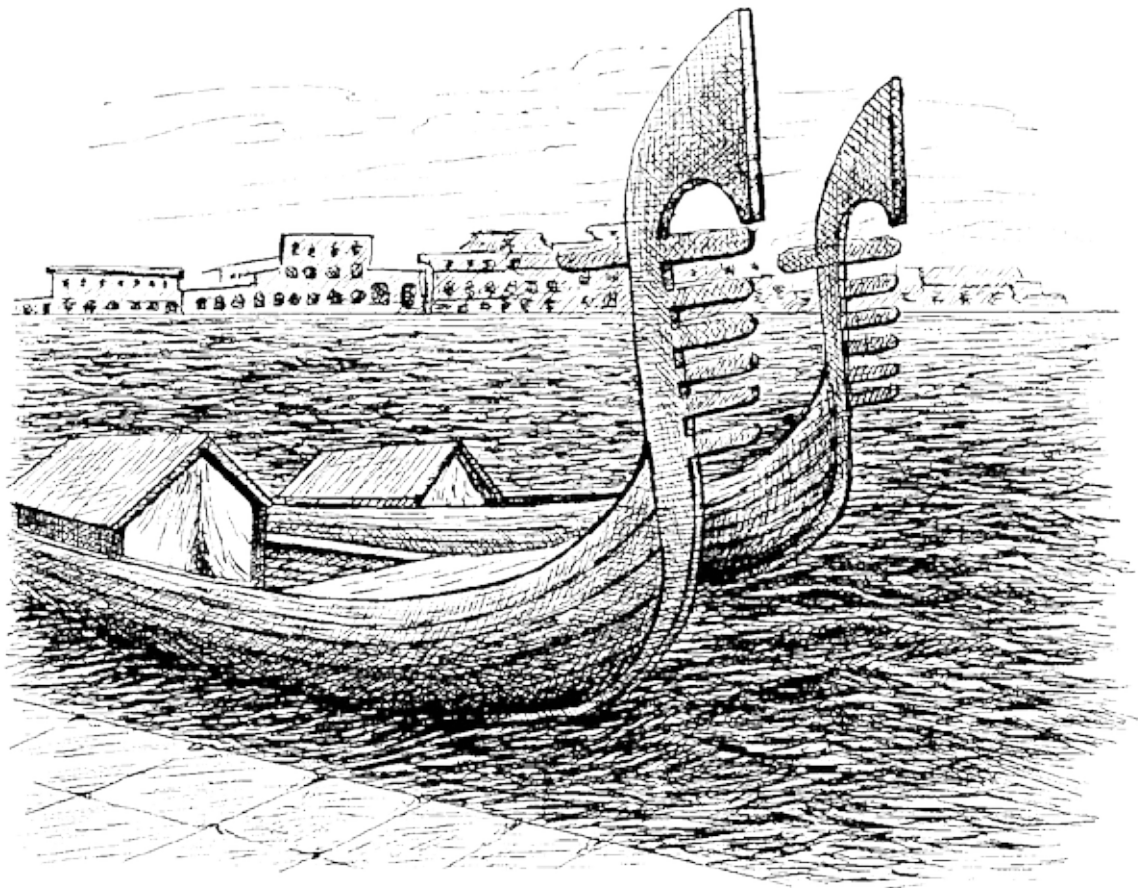
Необходимо сказать, что в отличие от большинства мошенников, специализировавшихся на карточных играх, братья Здановичи были весьма образованными людьми. Они увлекались литературой, владели несколькими иностранными языками и превосходно танцевали. Известно также, что какое-то время они вели активную переписку с Вольтером и Даламбером. Кроме того, они близко знали знаменитого Казанову, который

частично описал их похождения в «Записках».

После суда, состоявшегося в Венеции, братья решили расстаться. С тех пор каждый из них жил своей жизнью. Примислав поселился во Флоренции. А Стефан Зданович решил отправиться в Потсдам, где и находился достаточно долгое время, выдавая себя за албанского принца. Он вошел в доверие к прусскому принцу и его супруге, часто рассказывая им о том, как ему пришлось покинуть родную Албанию из-за происков завистников.

Идиллию его существования нарушили газеты. Одна за другой стали появляться статьи, повествовавшие о похождениях двух братьев, карточных шулеров. В результате из опасения быть узнанным Стефан решил покинуть дворец принца и бежать из страны.

На этот раз Стефан Зданович остановился в Голландии. Нужно сказать, что к тому времени он (вероятнее всего, в карточной игре) смог раздобыть рекомендательное письмо венецианского посланника в Неаполе. Благодаря той бумаге Стефан оказался принятым в аристократических кругах общества.

Особенно часто посещениями мошенника удостоивались состоятельные банкиры. В целом в результате мошеннической деятельности самозванца они потеряли сумму, составлявшую около 300 000 гульденов, обеспечив тем самым известному авантюристу довольно безбедное существование. Пожалуй, не нужно говорить о том, что, получив требуемую сумму, мошенник тот же час бежал из страны.

Поняв, что аванюриста догнать невозможно, обиженные банкиры решили предъявить иск самому послу Венеции в Голландии. Однако тот, пожурив пострадавших и посетовав на их глупость и наивность, категорически отказался выплачивать требуемую сумму.

Тогда на помощь банкирам пришло правительство Голландии, возглавляемое принцем. Оно предъявило иск правительству Венеции на выкраденную одним из его подданных сумму в размере 300 000 гульденов. Однако и на этот раз банкиры оказались в проигрыше. Власти Венеции наотрез отказались платить деньги за мошенника, который был повешен несколько лет назад.

Таким образом, у Голландии появился повод развязать войну. Спустя некоторое время после судебного разбирательства война была объявлена. Однако бессмысленное кровопролитие удалось вовремя остановить с помощью третьего лица, в качестве которого выступил тогда император Австрии Иосиф II.

А в то время, пока шло разбирательство по делу об украденных деньгах, сам виновник политического спора смог пробраться в Черногорию, где выдал себя за воскресшего владыку Степана Малого. Спустя два года он отправился с визитом к королю Фридриху, которому представил письмо с описаниями его заслуг в войне черногорцев с турками.

Однако в Черногории слишком хорошо знали Степана Малого, чтобы поверить самозванцу. Испугавшись жестокой расправы со стороны местных жителей, Стефан Зданович решил скрыться в Польше. Но и там он не смог долго находиться.

После этого Стефана Здановича не раз видели в Речи Посполитой, Германии, Амстердаме и Голландии. Известна крупная афера, проведенная мошенником в 1776 году. Тогда он жил в Германии и ему удалось получить огромную сумму денег от поляков-конфедератов, которые стремились к тому, чтобы развязать войну между Турцией и Россией.

В 1783 году Стефан Зданович появился в Амстердаме. Там он называл себя Царабладасом и брал в долг у легковверных богачей значительные

суммы денег. Спасаясь от правосудия, мошенник вновь вынужден был бежать. Однако тогда он был пойман и препровожден в тюремную камеру.

Спустя некоторое время авантюрист отправился в Голландию, где, называя себя князем Здановичем-Албанским, принял активное участие в восстании, направленном против власти Иосифа II. Затем он пообещал восставшим, что сможет поднять на войну черногорцев. Однако сделать это ему так и не удалось. Он был пойман, осужден как самозванец и приговорен к тюремному заключению.

Быть может, спустя некоторое время Стефан Зданович вновь оказался бы на свободе. Однако судьба непредсказуема. В ночь на 25 марта 1785 года он был обнаружен тюремным охранником мертвым в своей камере. Врачи определили, что он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены.

В своем признательном письме, адресованном герцогине Кингстон, Стефан Зданович писал о том, что всю свою жизнь носил чужие имена, разыгрывая из себя разных людей.

История графа де Бонневалья (Ахмет-паша)

Ахмет-паша известен как человек, который, будучи уже зрелым мужчиной, принял мусульманство, участвовал во многих военных походах и, кроме того, в предприятиях сомнительного свойства.

Мало кто сейчас знает о том, что настоящим именем Ахмет-паши было Клод-Александр граф де Бонневаль. Он родился в 1675 году в семье знатного дворянина. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Ахмет-паша происходил из старинного рода Бурбонов, знаменитой династии королей Франции.

Клод-Александр рос упрямым и своенравным ребенком и с самого раннего детства доставлял родителям и окружающим немало хлопот. Для того чтобы привить ему правила хорошего тона и обучить некоторым наукам, отец отдал его на воспитание в иезуитскую коллегию. Среди прочих предметов там особенно выделялись богословие и изучение древних языков.

Но и добропорядочные иезуиты не смогли воспитать в мальчике покорность и усидчивость. Очень скоро они обратились к его отцу с жалобами на беспокойный нрав ученика. А потому граф де Бонневаль вынужден был забрать сына из иезуитской коллегии.

В возрасте 13 лет Клод-Александр был отправлен отцом на военную морскую службу. Однако и суровый распорядок дня морских солдат не переломил твердого характера своенравного юноши. Особенно тяготила подростка необходимость точно соблюдать установленный кем-то раз и навсегда распорядок дня, который никак нельзя было назвать легким.

Известен случай, когда на одном из военных смотров молодой граф де Бонневаль отказался выполнять приказ, данный командиром. Вследствие этого он навлек на себя неудовольствие морского министра маркиза де Сеньеле, имевшего огромную власть при дворе.

Клод-Александр Бонневаль Ахмет-паша

Разгневанный маркиз приказал было изгнать графа из флота, приговаривая, что таким солдатам, как гардемарин де Бонневаль, нет места среди французских матросов. На это Клод-Александр гордо заявил: «Людей моего имени не исключают, господин министр». Такой смелый ответ солдата пришелся по сердцу старому командиру, и он приказал произвести отличившегося в мичманы.

Время рассудило простого гардемарина и знатного министра, доказав последнему правоту его решения оставить графа на службе. В сражениях, происходивших под Дьепом, Ла-Гогом и Кадиком, Клод-Александр де Бонневаль зарекомендовал себя как отважный и храбрый боец, не страшившийся вражеских пушек.

Кроме того, командуя небольшой группой гардемарин, он проявил себя как талантливый флотоводец, который может не только посылать подчиненных на смерть, но и находить выходы из самых сложных и опасных ситуаций. Необходимо заметить, что знаменитому мичману в то время едва исполнилось 20 лет.

Подобная смелость, бескомпромиссность и решительность де Бонневалея проявлялись не только во время морских военных походов, но и в мирной жизни. Так, например, известно о произошедшей в ту пору дуэли между молодым графом и одним из офицеров.

Необходимо заметить, что дуэли тогда были категорически запрещены во французской армии. Они приравнивались к преступлению, а потому лица, участвовавшие в дуэлях, неизменно представляли перед военным судом.

Так случилось и с Клодом-Александром де Бонневалем. Решением суда он был лишен звания и изгнан из флота. Следующие три года незадачливый гардемарин служил в полку телохранителей. А начиная с 1701 года был назначен командиром инфантерийского полка.

Как командир отряда пехоты Клод-Александр де Бонневаль также не раз отличался. Так, например, известны его победы в Итальянской и Нидерландской военных кампаниях, командование которыми вели, соответственно, маршалы Катин и Люксембург. Однако, несмотря на столь очевидные и громкие заслуги перед отечеством, де Бонневаль не получил ни одной награды. Виной тому был его тяжелый характер. До командования не раз доходили слухи о тирании и вымогательстве командира инфантерийского полка.

Естественно, своенравный де Бонневаль не мог долго терпеть подобное с ним обхождение. Спустя некоторое время после возвращения из Нидерландского похода он серьезно поссорился с военным министром Шамильярм. Суровый и справедливый министр не захотел спускать с рук такой проступок офицера, а потому отдал приказ о придании де Бонневалея военному суду. Однако враждовавшие стороны сошлись на том, что виновный покинет ряды французской армии, что называется, без суда и следствия.

Таким образом освободившись от тяжелой армейской службы, граф де Бонневаль отправился в путешествие по Италии. Зимой 1706 года он повстречал на своем пути маркиза де Лангалдери, который также долгое время служил в армии, а затем по принуждению вышел в отставку. Но де Лангалдери был настоящим солдатом, а потому решил не оставлять военного ремесла. После выхода в отставку во французской армии он завербовался на службу в армию Австрии.

Графу де Бонневалею армейская служба также пришлась по сердцу. Но он некоторое время никак не мог решиться перейти в австрийскую армию. Убедил его принять подобное решение принц Австрии Евгений, узнавший об отважном де Бонневале еще во время военных кампаний французской

армии.

В австрийской армии Клод-Александр де Бонневаль сразу же получил звание генерал-майора и не раз принимал участие в военных походах армии, возглавляемой принцем Евгением. Часто, как, например, в сражениях во Фландрии и Италии, его врагами оказывались его же соотечественники, французы.

В составе войска принца Евгения Клод-Александр де Бонневаль участвовал в битвах, происходивших в Александрии, Савойе и Дофине. Кроме того, полк французского графа брал штурмом Тортонский замок, бывший владением Папы Римского. В той осаде де Бонневаль остался без руки. Однако и покалеченный, он не думал о том, чтобы оставить военное дело и заняться каким-либо мирным ремеслом. Несмотря на столь ревностное служение своему делу, графа де Бонневаля нельзя было назвать безудержным маньяком. Действительно, ему по душе пришлась военная служба, однако не уничтожение человека было для него главным.

Де Бонневаль был солдатом до мозга костей, но не маньяком. Об этом свидетельствует тот факт, что, встретившись однажды на поле боя со своим братом, маркизом де Бонневалем, он не убил его, а, напротив, помог выбраться живым из самого пекла боя, который завязался между французской и австрийской армиями.

В 1715 году де Бонневаль был награжден от имени командования австрийской армией повышением по службе. Тогда ему присвоили звание фельдмаршала-лейтенанта. После этого он принимал участие в знаменитой Турецкой кампании и ряде других военных походов. В бою при Петервардейне, произошедшем в 1716 году, де Бонневаль был тяжело ранен в живот. Спустя некоторое время после этого он вынужден был вновь оставить службу в армии, но вовсе не из-за полученного ранения.

Дело в том, что после окончания войны де Бонневаль возвратился в Австрию, ко двору принца Евгения. В то время легкомысленный, взрывной и эгоистичный характер героя нескольких успешных военных кампаний снова заявил о себе. Дошло до того, что французский граф стал вмешиваться в дела самого принца, чего высокопоставленная особа, конечно же, не могла стерпеть.

В результате многочисленных обоюдных перепалок австрийский принц Евгений повелел своему вассалу отправиться на учебу в Нидерланды. Там он проходил службу, занимая должность фельдцейхмейстера.

Нужно сказать, что пребывание де Бонневаля в Брюсселе отнюдь не было спокойным. В течение короткого срока он умудрился поссориться со

многими влиятельными людьми страны и даже с самим губернатором, маркизом де Призом.

Из сохранившихся до наших дней письменных источников стало известно, что граф де Бонневаль некоторое время занимался шпионажем. В Брюсселе ему удалось близко познакомиться с французскими и испанскими послами, через которых он передавал сведения, выведенные у австрийского правительства. Узнав об этом, принц Евгений повелел сурово наказать шпиона. В результате Клод-Александр де Бонневаль оказался заточенным в высокую тюремную башню, из окна которой был виден только лишь небольшой кусочек неба да пролетающие мимо птицы. Просидев в тюремной камере около года, де Бонневаль был отпущен на свободу и выслан из Австрии как человек, нанесший серьезный вред государству.

После того как де Бонневаль оказался за пределами Австрии, он решил отправиться в далекую и загадочную Турцию. Он остановился в Константинополе и вскоре принял ислам, после чего стал зваться Ахмет-пашой.

Находясь в столице Турции, де Бонневаль (новоявленный Ахмет-паша) устроился на службу в армию турецкого султана. В одном из писем де Бонневаль сообщал о том, что он стал турецким воином только потому, что остался без средств к существованию.

За доблестную службу турецкий султан присвоил де Бонневалю звание трехбунчужного паши. В то время в турецкой армии особенно отличившихся воинов награждали бунчуками, связанными вместе конскими волосами, которые представляли собой своеобразные знаки отличия. Чем больше у воина было таких бунчуков, тем более высоким званием он обладал.

Во время службы в турецкой армии де Бонневаль провел, говоря современным языком, несколько реформ, касавшихся воинского порядка. Кроме того, он принимал участие в крупных кампаниях против России и Персии.

Помимо бунчуков, турецкие воины-офицеры в случае победы могли получить достаточно большие земельные наделы или почетные должности. Французский граф де Бонневаль, воин Ахмет-паша, за успешно проведенную кампанию был награжден должностью наместника в области Хиос.

Нужно сказать, что благорасположение турецкого султана к бежавшему из Франции и Австрии офицеру длилось недолго. Действительно, султан и Ахмет-паша какое-то время были близкими друзьями. Однако завидовавшие воину приближенные владыки вскоре

стали устраивать различные козни. В результате поверивший рассказам прислуги султан приказал отобрать у Ахмет-паши его земли, после чего отправил впавшего в немилость вассала в пашалык (маленькое поместье), находившийся на побережье Черного моря.

Таким образом де Бонневаль, удачливый когда-то военный офицер, оказался в совершенном одиночестве. Долгое время никто из людей не бывал в далеком поместье доблестного Ахмет-паши. Однажды, когда де Бонневаль уже не надеялся на то, чтобы увидеть живого человека, к нему с визитом прибыл Джакомо Каталано, более известный под именем Казанова.

Много вечеров провели в беседах Казанова и де Бонневаль. Позднее откровения франко-австро-турецкого подданного были записаны его собеседником в дневник. Из него-то современные историки и узнали о годах жизни Клода-Александра де Бонневалья в Турции.

В своем дневнике Казанова упомянул также и об отношении де Бонневалья к новой, принятой им на чужой земле вере. Оказалось, что Ахмет-паша являлся не такими уж и ревностным приверженцем ислама. Он любил пропустить стаканчик-другой хорошего вина и не сделал обрезания – словом, он делал то, что, по сути, было запрещено священной книгой мусульман, Кораном.

Самым необычным зрелищем из того, что удалось увидеть Казанове в замке де Бонневалья, оказалась библиотека, в которой на книжных полках ровными рядами стояли... бутылки с различными сортами вин. Как человек, принявший ислам, Ахмет-паша должен был прятать свои «сокровища» от глаз тех редких гостей, которые навещали его. По мнению де Бонневалья, каждый человек может делать со своей жизнью все, что ему хочется.

Один из разговоров Казановы и де Бонневалья закончился такими словами последнего: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его». Но после недолгого молчания хозяин отдаленного поместья добавил: «Я обязан лишь произносить это, а думаю я так или нет – это не забота турков». Затем де Бонневаль похвастался, что знает текст Корана так же хорошо, как и текст Евангелия.

Граф де Бонневаль, Ахмет-паша, скончался в Константинополе, достигнув 72 лет. Будучи уже умудренным прожитыми годами старцем, он изъявил желание побывать на родине. Однако этой мечте великого авантюриста не суждено было сбыться.

После смерти его похоронили на кладбище, находящемся в Пере. Его могильную плиту украшает надпись: «Бог вечен: преславный и великий

Бог да упокоит вместе с истинно правоверными усопшего Ахмета-пашу, начальника бомбардиров. 1160 год Эгирь». Могила бесстрашного полководца и смелого человека сохранилась до наших дней.

Степан (Стефан) Малый

В начале 1766 года на Адриатическом побережье, в черногорской деревне Маина объявился знахарь-чужестранец, который нанялся в батраки к состоятельному черногорцу Вуку Марковичу. Звали его Степан Малый. В отличие от деревенских знахарей он не брал платы со своих пациентов до тех пор, пока те полностью не выздоравливали. Степан не только лечил людей, но и вел с ними беседы о миролюбии и доброте, о необходимости прекратить межобщинные распри. Удалось ему завоевать не только расположение, но даже и уважение своего хозяина, которого он тоже излечил от болезни.

Со временем в речах Степана Малого появилась таинственная важность. По его просьбе один из солдат отнес генеральному проведитору А. Реньеру письмо, предназначенное самому венецианскому дожу, в котором Степан сообщал о том, что в скором времени в Котор прибудет «свет-император». Дело в том, что в те годы приморские территории Черногории, которыми завладела Венецианская республика, назывались венецианской Албанией. Управлял этими областями наместник, или генеральный проведитор, резиденцией которого являлся Котор.

В конце лета 1767 года по окрестным селам поползли слухи, что батрак Степан – это не кто иной, как русский царь Петр III. Хотя он сам не подтвердил в открытую это известие и продолжал называть себя прежним именем, нашлось немало любопытных, которые пытались сравнить облик Степана Малого с портретами русского царя, дабы найти между ними внешнее сходство. Один из очевидцев происхождения описывал Степана так: «Лицо продолговатое, маленький рот, толстый подбородок... блестящие глаза с изогнутыми дугой бровями. Длинные, по-турецки, волосы каштанового цвета... Среднего роста, худощав, белый цвет лица, бороды не носит, а только маленькие усики... На лице следы оспы... Кто бы он ни был, его физиономия весьма сходна с физиономией русского императора Петра Третьего... Его лицо белое и длинное, глаза маленькие, серые, запавшие, нос длинный и тонкий... Голос тонкий, похож на женский...» В то время ему было лет 35–38.

Истинное происхождение Степана неизвестно. Разным людям он сообщал противоречивые сведения: называл себя далматинцем, черногорцем, дезертиром из Лики или говорил, что пришел из Герцеговины или из Австрии. Патриарху Василию Бркичу заявил, что родился в

Требинье, «лежащем на востоке». Ю. В. Долгорукову объяснил, что во время своих странствий часто изменял имена, поэтому предложил ему целых три версии своего происхождения: Раичевич из Далмации, турецкий подданный из Боснии и выходец из Янины. Степан Малый прекрасно знал сербскохорватский язык. Кроме того, он мог свободно изъясняться на немецком, французском, итальянском, турецком языках, русский же знал неважно.

Сразу же после того, как Степан признался в своем царском происхождении, нашлись люди, которые с готовностью подтвердили эту ложь. Среди них были Марко Танович, монах Феодосий Мркочевич, игумен Йован Вукачевич, некогда бывавшие в России и видевшие царя Петра Федоровича. Внешнее сходство Степана с русским императором окончательно подтвердилось, когда в одном из монастырей был найден портрет Петра. Чуть позже в поддержку мнимого Петра III выступили видные иерархи православной церкви. Особенно кстати оказалось сообщение русского офицера, с которым Степан встретился в Черногории незадолго до описываемых событий, о присланных из России золотых медалях. Трудно описать словами удивление черногорских старшин, к которым «русский царь» обратился с требованием отчета о том, куда они подевали те самые медали.

11 октября 1767 года генеральный проведитор поручил полковнику венецианской службы Марку Антонию Бубичу встретиться со Степаном Малым и побеседовать с ним. В своем отчете полковник записал: «Особа, о которой идет речь, отличается большим и возвышенным умом».

Скоро в горном селе Цеглича состоялся совет старшин, которые вынесли решение принять Степана за русского царя. Захваченный общим настроением, на встречу с ним приехал престарелый митрополит Савва, который был фактическим правителем страны. Самозванец покорила владыку своим красноречием по поводу пороков черногорского духовенства. По окончании беседы митрополит был до того подавлен, что пал перед Степаном на колени и удалился сраженный.

В конце октября в Цетинье на всенародном собрании (зборе, скупщине), на которое явились около семи тысяч человек, был зачитан первый указ новоявленного царя. Сам Степан не решился появиться перед народом и ожидал результатов собрания в Маине. Его указ, призывавший к установлению в стране мира и прекращению кровных распрей, был принят единогласно. На том же собрании Степана Малого не только признали русским царем, но и провозгласили государем Черногории. Вынесенное решение было подтверждено особой грамотой, которую 2 ноября 1767 года

торжественно вручили Степану.

Популярность нового правителя возрастала день ото дня. Степану, окруженному охранниками, то и дело приходилось принимать паломников, которым он выкатывал бочки вина, милостиво предоставленные «государю» митрополитом Саввой, поскольку собственным доходом «царь» еще не располагал.

В начале ноября 1767 года Степан Малый впервые объехал страну. Повсюду черногорцы восторженно встречали своего правителя. Опасаясь народных волнений, венецианские власти предоставили самозванцу свободу. Генеральному провектору в те дни оставалось лишь сетовать на свое вынужденное бездействие: «Благоразумие не позволяет мне прибегнуть к решительным мерам, чтобы не возбудить открытого сопротивления».

Противопоставляя Степана венецианцам, один из черногорских старшин с восхищением писал: «Наконец Бог дал нам... самого Степана Малого, который умиротворил всю землю от Требинья до Бара без веревки, без галеры, без топора и без тюрьмы». Один из губернаторов, только что получивший свой пост, обратился к Степану со словами: «Наиславный, наивозвышенный, наивеликий... господин, господин государь, царское крыло, небесный ангел».

Черногорцы с абсолютным спокойствием относились к раздвоению личности своего героя: его считали Петром III, но продолжали именовать Степаном. Так же черногорский государь и подписывался под издаваемыми им документами. На личной печати он приказал добавить к своему имени лишь придуманный им самим титул – «милостью Божией Степан Малый».

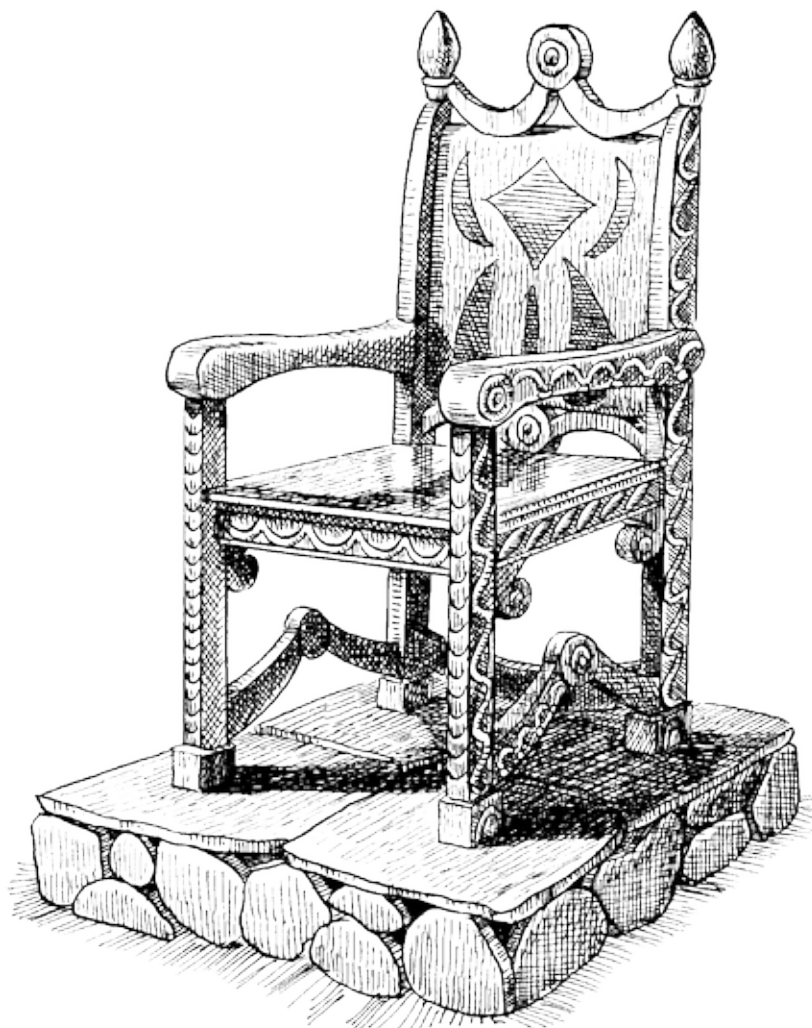
Расчетливый самозванец преднамеренно не изменял свое имя на русское Петр. В этом сыграл свою роль тонкий расчет: само имя Степан, в переводе с греческого означающее «венец», было наполнено царственным смыслом. Плюс ко всему именно так именовали многих сербских государей из династии Неманичей.

Все складывалось как нельзя лучше до тех пор, пока митрополита Савву не начало раздражать все большее возвышение самозванца. Владыка корил себя за то, что когда-то проявил неслыханную слабость и подчинился Степану. В конце концов старец решил обратиться к русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову, которому в письме изложил состояние дел в Черногории. Не менее возмущенный посол сразу же ответил. В его письме содержались разоблачительные слова: «Удивляюсь, что ваше преосвященство... впали в равное... с вашим народом заблуждение». Получив аргумент не в пользу Степана, Савва разослал копии письма во

все черногорские общины.

Однако, будучи ловким политиком, Степан быстро нашел выход из критической для его персоны ситуации. В феврале 1768 года в монастыре Станевичи состоялась сходка старшин, на которую был приглашен и Степан. Самозванец избрал сильнодействующее средство: он объявил, что митрополит оговаривает его, следуя, прежде всего, интересам Венеции, и обличил владыку в расхищении поступавших в дар от России ценностей и спекуляции землями. Не успел Савва опомниться, как лишился всего своего богатства: его дом, монастырь и еще несколько церквей в мгновение ока оказались разграбленными, сам же владыка вместе с членами его семейства был взят под стражу.

Степан остался у власти, а своим ближайшим советником он назначил в недавнем времени изгнанного из резиденции в городе Печ сербского патриарха Василия Бркича. В марте 1768 года Василий обратился с призывом ко всему православному населению о почитании Степана как русского царя. Для того чтобы подкрепить эту версию, в день Петра и Павла, который православная церковь праздновала 29 июня, самозванец устроил торжественную церемонию в честь Петра Великого и «своего сына», цесаревича Павла Петровича.

На посту государя Степан показал себя энергичным и дальновидным политиком, лейтмотивом деятельности которого стало требование мира. Прежде всего самозванец решил установить в Черногории неплеменную систему управления по типу государственной. Первым шагом на этом пути стало стремление к искоренению всяческих распрей – от кровной мести до межплеменных войн. Любое проявление кровной мести грозило зачинщику изгнанием из страны.

Кроме того, Степан Малый составил последовательную программу преобразований. Он ввел суровые наказания за убийство, воровство, угон чужого скота, умыкание женщин и двоеженство. В мае 1768 года были приведены в исполнение первые приговоры: одного черногорца повесили за братоубийство, с двоих взяли штраф в размере 100 дукатов. Всем, кого когда-то выслали из страны, разрешили вернуться.

Однако осуществлять подобные реформы было нелегко, поскольку

Степан мог рассчитывать лишь на отряд, состоявший из 15 человек, то есть свою личную охрану. Только в конце 1772 года специально для контроля над исполнением судебных приговоров был создан отряд из 80 человек, которым управлял ранее служивший у русских С. Баряктарович. Приговоры выносил суд из 12 человек. Еще одной из заслуг самозванца стала перепись населения, проведением которой занимались пять старшин. Чтобы упрочить свою власть, Степан Малый издал специальную грамоту, провозгласившую отделение церкви от государства.

Черногорцы с одобрением восприняли реформы «царя». А. М. Обресков доносил в Петербург из Константинополя: «Преградил между славянским народом разных званий издревле бывшие между ними вражды». Савва писал: «Начал между народом черногорским великое благополучие чинить и такой мир и согласие, что у нас еще никогда не было».

Степану удалось добиться резкого сокращения кровавых распрей и установить порядок на дорогах в условиях борьбы с венецианцами и турками. Авторитет его возрос до такой степени, что о нем даже слагали легенды. Одна из них рассказывает о том, как Степан рассыпал на дороге золотые монеты и положил пистолет в серебряной оправе. Все эти вещи оставались нетронутыми в течение нескольких месяцев.

Из многих мест Степан получал письма с заверениями, что народ «готов пролить кровь за царскую славу». Некоторые албанские села отказались платить харач туркам. Поддерживали самозванца и на Адриатическом побережье. Один из почитателей государя сложил в честь Степана сонет, в котором были такие слова: «Спустя пять лет после того, как ужасным образом сорвана корона с чела, приходит беспокойная тень в эти горы, чтобы найти здесь благочестивое успокоение». Далее звучит призыв: «Но если не хочешь отдыха на этой земле, иди туда, роковая тень, где у тебя было отнято царство, и подними войну». В этих строках звучало своеобразное пророчество, предвещавшее крестьянскую войну 1773–1775 годов. В начале 1774 года дубровницкий посланник в Петербурге, Ранина, писал на родину: «В губернии Оренбург, около сибирской границы, восстал один человек, в некотором роде Степан Малый, который выдает себя за Петра Третьего».

Венецианскую республику беспокоила судьба далматинских владений, население которых открыто выступало в поддержку самозванца. Правительство пыталось избежать войны, поэтому венецианский суд инквизиторов отправил которскому проведитору предписание «прекратить жизнь иностранца, виновника происходящих в Черногории волнений», к

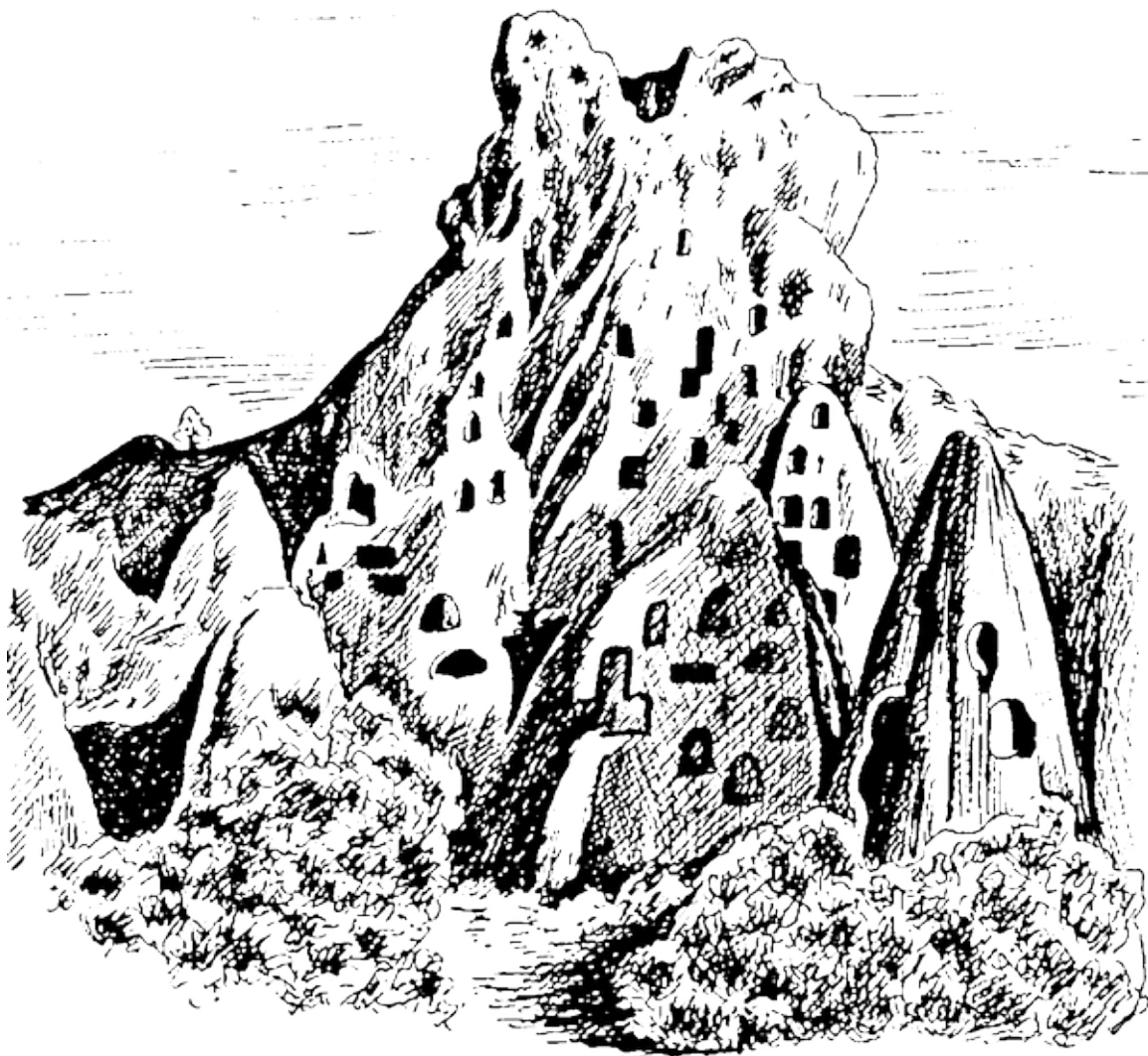
посланию прилагались несколько флаконов с ядом и отравленный шоколад. Исполнителю сего предписания заранее было обещано помилование, убежище в Венеции и денежное вознаграждение в 200 дукатов. Однако нанятые венецианцами люди не смогли пробраться к Степану, так как охрана ни на минуту не оставляла его. Степан же стремился решить конфликт мирным путем и отправил в сенат письмо: «Вижу, что готовите войска для того, чтобы опустошить три общины (Маине, Побори и Браичи, перешедшие на сторону Степана), которые никому не причинили зла... Прошу не губить людей ради меня и оставить меня в покое». Но это письмо не привело к желаемому результату.

Венецианцы сумели внести раскол в черноморские общины в Приморье, после чего развернулись военные действия. В апреле 1768 года венецианский отряд из 4000 человек двинулся на Маине. Степан располагал всего лишь тремя сотнями вооруженных сторонников, поэтому вынужден был уйти в горы. Венецианцы остановились у подножия Черной горы, отрезав черногорцам выход к морю.

В 1768 году губернатор и воеводы с негодованием писали наместнику А. Раньеру, выражая свое недовольство тем, что их принимают за неприятелей «без всякой вины». В то же время они выражали свою преданность Степану – «человеку из царства Московского, которому... обязаны везде до последней капли крови служить, будучи объединенными одной верой и законом». «Все мы умрем... но от Московского царства отойти не можем», – уверяли они наместника.

В октябре 1768 года венецианские карательные войска высадились в прибрежной зоне Черногории. В селах начались массовые репрессии.

В то же время против Степана выступили турки, поскольку в Стамбуле сочли, что он представляет серьезную угрозу для Турции, так как способствует превращению Черногории в крепкое государство. Тем временем десять племен, находившихся в подчинении у турок, подняли восстание против них и перешли на сторону Степана. Сам «государь» не стремился к развязыванию войны. Чтобы сохранить мирные отношения с турками, он даже гарантировал им свою вассальную зависимость, обещал уплатить харач и выдать заложников. Однако все эти усилия ни к чему не привели.

В январе 1768 года османское войско численностью 50 000 человек выступило против Черногории. Степану же удалось собрать всего лишь 2000 человек, которые, естественно, не смогли оказать должного отпора туркам. 5 сентября отряд самозванца попал в окружение и был наголову разбит османским войском. Степану чудом удалось спастись от плена. Он нашел прибежище в одном из горных монастырей, где скрывался в течение девяти месяцев.

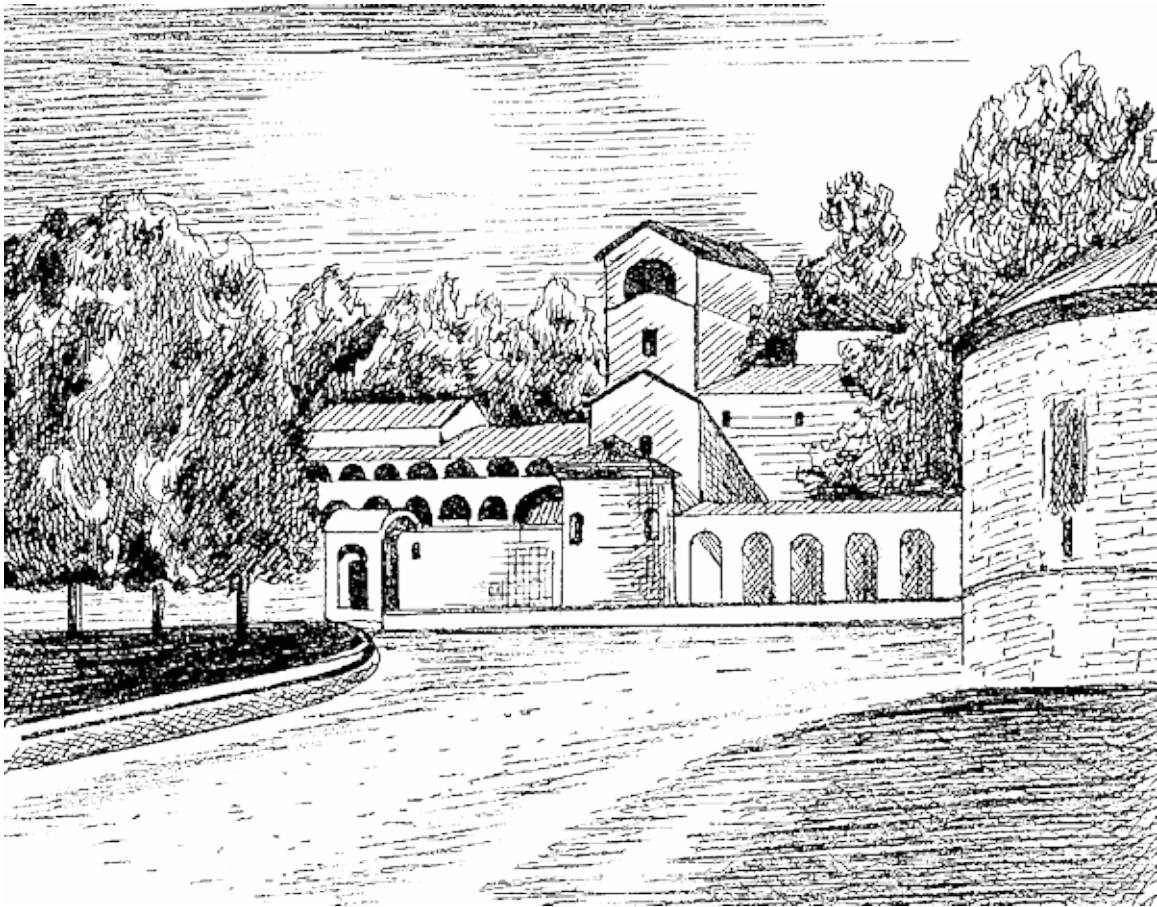
Вскоре началась русско-турецкая война, и турки, которые не в силах были вести войну на два фронта, оставили Черногорию. В интересах России было воспользоваться поддержкой балканских народов, находивших под гнетом Османской империи. Правительство Екатерины II регулярно получало сведения о деятельности Степана Малого от А. М. Обрескова из Стамбула и Д. М. Голицына из Вены.

Летом 1769 года в Черногорию прибыла миссия из России, возглавляемая генералом от инфантерии Ю. В. Долгоруковым, который впоследствии сыграет немаловажную роль в судьбе самозванца.

12 августа миссия, состоявшая из девяти офицеров и 17 солдат, прибыла на черногорское побережье, прихватив с собой около 100 бочек пороха и 100 пудов свинца. Затем команда, с большим трудом преодолев каменные россыпи и ущелья, добралась до монастыря Брчели, где была встречена духовенством.

На следующий же день в сопровождении черногорцев к генералу явился Степан Малый. Долгоруков не скрывал своего намерения разоблачить перед черногорцами самозванца. Однако Степан решил не сдаваться без борьбы. Он объехал все окрестные села, возмущая народ. Приказ арестовать самозванца так и не был приведен в исполнение.

17 августа на поле перед воротами Цетинского монастыря собралось около 2000 черногорцев, губернатор и старшины. В присутствии Долгорукова один из монахов огласил грамоту, составленную Василием Бркичем. Патриарх провозглашал Степана обманщиком, неизвестным бродягой, «возмутителем покоя и злодеем нации». После того как Долгоруков подтвердил эти слова, на поле установилась тишина.

Затем был прочитан манифест Екатерины II от 19 января 1769 года, переведенный потом на сербский язык, в котором русская императрица призывала христианские народы Балканского полуострова оказать помощь России в борьбе с турками. Долгоруков обратился к собравшимся с вопросом: «Обещает ли народ черногорский... со своей стороны верность и усердие и желает ли это утвердить присягою?» По толпе прокатился одобрительный шум. Началось целование креста Евангелия, продолжавшееся до вечера, после чего князь, уверенный в том, что разоблачил самозванца, приказал раздать народу 400 дукатов.

Наутро произошло событие, последствия которого оказались абсолютно непредсказуемыми. На рассвете к Цетинскому монастырю верхом на коне и с обнаженной саблей прискакал Степан Малый, появление которого народ встретил с ликованием. Вооруженные черногорцы окружили своего предводителя и двинулись к монастырю. Доподлинно неизвестно, какими правдами или неправдами Долгорукову удалось склонить народ на свою сторону, но в конце концов Степана отвели в монастырь и, обезоружив на глазах у толпы, начали допрашивать.

Вероятно, тогда же он и признался в своем подлинном происхождении.

Главной ошибкой самозванца стало то, что он позволил себя обезоружить, что само по себе у черногорцев приравнялось к бесчестию. Среди людей, которые всего лишь несколько часов назад готовы были следовать любому приказу своего «государя», стали раздаваться возгласы: «Повесить!», «Изрубить на куски!» С большим трудом русские солдаты спасли Степана Малого от самосуда. Самозванец угодил в тюрьму. Однако, как выяснилось, ненадолго.

Долгоруков продолжал настраивать воевод Боснии и Герцеговины на восстание против турок. По сути дела, князь продолжал политику самозванца. Но действия русского генерала вызывали все большее недовольство у населения. Чтобы как-то спасти положение, Долгоруков вынужден был искать советников, и самым надежным среди них оказался, как ни странно, Степан Малый, которого вскоре выпустили из тюрьмы, пожаловали ему чин и подарили русский мундир. Кроме того, Долгоруков вновь назначил его начальником Черногории.

С тех пор Степан стал признанным правителем страны. Вновь было восстановлено былое влияние самозванца в народе. Еще в Цетинском монастыре ему удалось убедить окружающих в том, что русские относятся к нему с уважением. «Смотрите, – говорил он русским солдатам, которые его охраняли, – сам Долгоруков признал меня царем, он поселил меня выше себя, на втором этаже, а сам поселился внизу». Как только русские погрузились на корабли, Степан снова захватил власть в свои руки. Однако осенью 1770 года рядом с ним взорвался заряд пороха, в результате он был изувечен и потерял зрение. Полуживого Степана доставили в монастырь Брчели, где ему суждено было провести последние два года своей жизни. Даже в таком состоянии он по-прежнему сохранял былой авторитет, поэтому к нему нередко приезжали за советом старшины.

Турки и венецианцы продолжали считать Степана опасной личностью, поэтому не переставали нанимать убийц. В октябре 1773 года грек Станко Класомунья, поступивший к Степану на службу, был подкуплен скадарским пашой и в одну из ночей перерезал самозванцу горло. Так закончилась история самозваного черногорского правителя.

Гайна Иоанна XIII

Папа Римский Иоанн XIII правил в период с 1410 по 1415 год. Балтазар Косса (граф Беланте) получил столь высокий сан не сразу. Прежде ему было суждено пройти нелегкий и не всегда честный путь.

Балтазар Косса происходил из старинного обедневшего графского рода Беланте. Его старший брат, Гаспар, вследствие отсутствия денег у семьи вынужден был покинуть отчий дом и заняться пиратским промыслом.

Очень скоро на пиратском корабле Гаспара появился и Балтазар. В то время ему едва исполнилось тринадцать. Нужно сказать, что Балтазара ничуть не смущало недостойное его графского рода занятие. Напротив, его необычайно сильно привлекала романтика морей и возможность за короткий срок получить много денег.

Кроме того, он мог ежедневно выбирать себе для любовных утех любую из плененных пиратской командой девушек. Необходимо заметить, что до самой смерти Балтазар Косса, даже будучи уже Папой Римским, не мог отказаться ни от одной красавицы. С пиратской деятельностью было покончено, когда Балтазару исполнилось 20 лет. Мать юноши хотела видеть сына юристом, а потому Балтазар вскоре оказался в числе студентов юридического факультета Белонского университета. Однако не своими успехами в учебных дисциплинах снискал себе славу молодой Косса. Среди товарищей и преподавателей он был известен как легкомысленный повеса и франт, умеющий превосходно драться на шпагах и в одно мгновение покорять сердца юных дам.

Молодой Косса ни дня не мог прожить без приключения или авантюры. Самыми интересными для него были, конечно же, любовные истории. Так, например, Косса предпочитал уединенным свиданиям с замужними женщинами встречи, которые происходили недалеко от места нахождения супруга возлюбленной или кого-либо из ее ближайших родственников. Вероятность быть застигнутым в момент совершения «преступления» лишь прибавляла Коссе желания обладать женщиной.

Известна одна из историй, произошедших с будущим Папой Римским Иоанном XIII. Однажды поздним вечером Балтазар Косса возвращался домой после любовного свидания. Внезапно из-за угла соседнего дома показался человек, одетый в черный длинный плащ и черную широкополую шляпу, которая наполовину закрывала его лицо.

Как оказалось, это был наемный убийца. Однако, по-видимому, Косса

родился под счастливой звездой. Едва только обидчик вытащил кинжал, Балтазар отскочил в сторону и смог выхватить нож, после чего взмахнул им, словно собираясь нанести удар. Испуганный и удивленный таким оборотом дела преступник бросился наутек.

Спустя некоторое время Балтазару Коссе удалось выяснить, что заказчиком убийства была одна из покинутых им недавно возлюбленных. Она хотела убить своего любовника и тем самым отомстить ему за нанесенную ей обиду.

В свою очередь возмущенный такой «несправедливостью» Косса не пожелал оставить в покое покинутую им любовницу. Желая покарать несчастную, он убил ее мужа. После этого он напал и на бывшую возлюбленную, нанеся ей тяжелым металлическим стилетом глубокие раны. На пронзительный крик женщины тотчас же сбежались все слуги. Однако им не удалось изловить обидчика. Едва только тот слышал топот ног бегущих, он молниеносно подбежал к окну и в следующую минуту уже был на улице.

Благополучно удрав от погони, Балтазар Косса вскоре оказался на одной из самых пустынных улиц города. Для того чтобы отдохнуть, ему необходимо было найти тихое, спокойное и надежное пристанище. Тогда он решил постучать в первый попавшийся на его пути дом. На стук вышла прекрасная девушка, которая, увидев раненого юношу, в ту же секунду приказала своим слугам ввести его в комнаты.

Имя спасительницы кровавого мстителя было Яндра делла Скалла. В округе она славилась своим талантом предсказывать судьбу и излечивать от многих тяжелых болезней. Однако магией и алхимией она занималась втайне от официальных властей, поскольку в то время за это можно было поплатиться жизнью.

Балтазар долгое время жил в доме Яндры. Однако спустя несколько месяцев любовная идиллия была нарушена солдатами инквизиции, которые ворвались в комнату вещуньи. Самой хозяйке дома предъявили обвинение в колдовстве, а ее любовнику – в убийстве двух солдат.

После этого обвиняемых в сопровождении стражи проводили в тюрьму. А через некоторое время они предстали перед судом, который вынес довольно суровое решение: казнить арестованных через публичное сожжение на костре.

Напуганный таким оборотом дела Балтазар Косса решил во что бы то ни стало найти путь к спасению. Вскоре ему предоставилась возможность бежать из тюремной камеры. Однако его возлюбленная Яндра все еще оставалась в заключении. Тогда Косса решил обратиться за помощью к

своему старшему брату, Гаспару.

Объединившись, братья смогли разработать план освобождения Яндры. Но для успешного развития событий им необходимо было штурмовать тюремные стены, а такое предприятие невозможно решить без надлежащей подготовки. Как только братьям предоставилась возможность, они не без помощи команды пиратов ворвались в тюрьму и освободили заключенных, в числе которых была и Яндра. А происходило это в феврале 1385 года.

В том же году Балтазар Косса возвратился к пиратскому ремеслу и занимался им в течение четырех лет. В одну из ночей на море разбушевался страшный шторм. Внезапно пиратский корабль накрыла огромная волна, которая, словно гигантская акула, поглотила судно и всех тех, кто находился на его борту.

Из всех членов пиратской команды спастись удалось только четверым. Среди них были Яндра и Балтазар. Воспользовавшись щепками разбитого корабля как спасательными кругами, выжившие пираты направились к берегу. Там их встретили местные жители. Однако, узнав в них пиратов, славившихся по всей округе своей жестокостью и кровожадностью, они поспешили передать их в руки властей.

Но и на этот раз Балтазару Коссе удалось уйти от правосудия. Тогда его спас вмешавшийся в дело Папа Римский Урбан VI. Тот долгое время искал человека, которому бы он смог передать полномочия командира военного отряда. По его мнению, никто так не подходил для этой должности, как знаменитый своими морскими похождениями пират Балтазар Косса.

Итак, Папа Римский Урбан VI пришел в камеру к известному пирату с предложением принять командование войском. В обмен на это глава католической церкви пообещал, что никто из пойманных преступников не будет казнен.

Делать нечего. Балтазар Косса согласился стать военачальником, а затем прибавил, что готов, если это необходимо, принять монашеский сан. Нужно сказать, он был достаточно ревностным хранителем покоя папы. За время его службы командиром папского войска все враги Урбана VI оказались уничтоженными. Таким образом известный авантюрист надеялся завоевать его доверие и благорасположение.

Дружбу Урбана VI и пирата Балтазара Коссы прервала смерть папы. Вскоре его место занял другой служитель католической церкви по имени Бонифаций XI (Петр Томачелли). Он вовремя разгадал мошеннический характер Балтазара Коссы и отвел ему новую роль при священном дворе.

Именно во время вступления в священный сан Петра Томачелли Косса был назначен архидиаконом ватиканского собора Святого Евстафия. А затем бывший пират получил и сан кардинала. Тогда ему было 37 лет.

На первый взгляд, читая о столь головокружительной карьере Коссы, у читателя может создаться впечатление, будто бы герой действительно встал на путь исправления и помышлял о рае небесном. Однако все было вовсе не так. Получение сана кардинала оказалось для бывшего пирата не чем иным, как еще одним шансом наслаждаться всеми благами земной жизни. Его современники не раз описывали в своих заметках богатые пиры, роскошные одежды и комфортабельные залы дворца нового кардинала.

До наших дней сохранилась одна из подобных записей. А принадлежит она перу иноземного гостя Дитриха фон Нима, который прибыл в Ватикан с визитом. Он писал: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые дела творил Балтазар Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий. Только в Болонье Коссе удалось совратить более двухсот женщин. Он поехал туда по поручению папы для решения различных вопросов, касающихся церкви и политики, но не забыл при этом своих любовных дел. Любовницами его были замужние женщины, вдовы, девушки и даже монашки, жившие в монастыре. Некоторые из них любили его и по доброй воле становились его любовницами, но некоторые были грубо изнасилованы в монастырях». Вот таким был герой представленного читателям рассказа, «благочестивый» кардинал Балтазар Косса.

В ноябре 1406 года кардинал Балтазар Косса на время покинул свою резиденцию, находившуюся в Риме. Тогда же к нему пришло печальное для всех католиков известие о том, что смерть настигла папу Иннокентия VII, который пришел на смену умершему Бонифацию XI и правил католической церковью в течение недолгих двух лет.

С помощью Балтазара Коссы на священном престоле оказался Григорий XII. Долгое время папа находился в зависимости от своего попечителя. Однако наступил тот день, когда Григорий пожелал освободиться от этой зависимости, что, естественно, вызвало недовольство со стороны Коссы.

Балтазар Косса

Спустя недолгие годы вражды и распрей папа Григорий XII издал приказ о том, чтобы лишить Коссу звания кардинала и прав легата. Однако нерастерявшийся экс-кардинал объявил о том, что только он один является полноправным хозяином земель, которыми до поры он управлял от имени главы католической церкви. При этом Косса заручился поддержкой со стороны влиятельных священнослужителей и владык крупных государств.

В июне 1409 года в Пизе состоялась встреча 24 кардиналов, которые должны были рассмотреть и решить конфликт, возникший между двумя священнослужителями, папой Григорием XII и папой Бенедиктом XIII, возглавлявшим католическую церковь в Авиньоне. Многие участники того собора выступили за низложение пап и избрание нового. Единственно достойным, по их мнению, претендентом являлся в то время многоуважаемый Балтазар Косса.

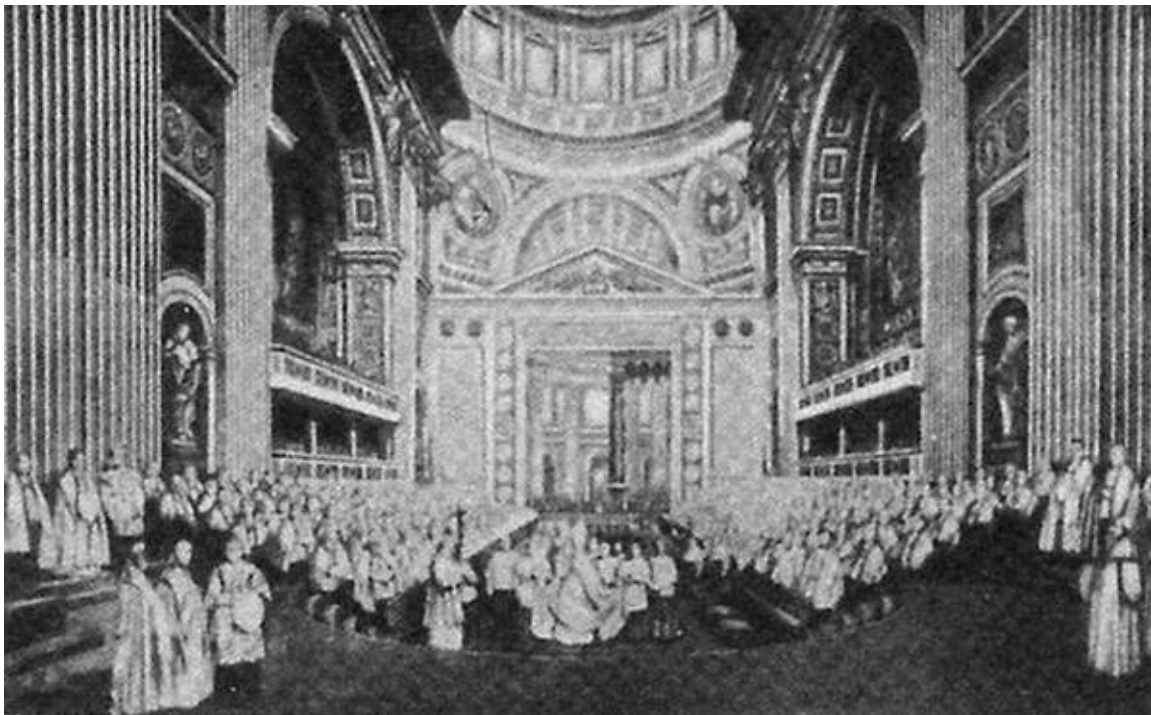
После этого Балтазар Косса выразил свою признательность всем собравшимся за особое доверие, однако принять сан Папы Римского

отказался напрочь. В качестве своего ставленника он предложил некоего Петра Филарга, который впоследствии стал известен под именем Александра V.

Папа Римский Александр V пробыл в новом назначении сравнительно недолго. Менее чем через год он скоропостижно умер, а его место под именем Иоанна XIII занял Балтазар Косса.

Заветная мечта бывшего пирата наконец сбылась. Заняв папское кресло, Иоанн XIII занялся прежде всего пополнением казны, которая к тому времени значительно оскудела. Так, были введены индульгенции на отпущение грехов.

Именно во время правления Иоанна XIII католики получили возможность откупиться от совершенных ими провинностей и даже преступлений. Так, например, для того чтобы получить прощение папы за убийство супруги, виновный должен был заплатить два дуката, а за совершенное прелюбодеяние платили восемь дукатов.

Очередной церковный собор, возглавляемый папой Иоанном XIII, состоялся 16 ноября 1414 года. Тогда в нем приняли участие 150 священнослужителей, приехавших из разных европейских стран. К тому времени для многих из собравшихся не являлись секретом авантюры бывшего пирата, который смог добиться высокого церковного сана. Было решено заставить Коссу отказаться от папского кресла.

Однако прозорливый Иоанн XIII, осознавая свое шаткое положение, поспешил удалиться из города накануне собора. Он направился напрямик во дворец герцога Фридриха Австрийского. После этого он отправил послание императору Сигизмунду, в котором извещал владыку о своем бегстве и нежелании участвовать в соборе. Тем самым авантюрист надеялся на то, что собор не состоится. Однако точно в назначенный день собор начал свою работу.

Взбешенный письмом Иоанна XIII император Сигизмунд собрал свое войско и пошел войной на землю Фридриха Австрийского. Очень скоро резиденция герцога, город Шафхаузен, оказалась полностью окруженной солдатами Сигизмунда. Сам хозяин города и его гость, почтенный папа Иоанн XIII, разумеется, не стали ждать, когда замок окажется в руках врага. Они поспешно покинули город, жители которого сдались на милость победителя, так и не приняв бой.

Спустя некоторое время, 17 мая 1415 года, Иоанн XIII был пойман солдатами Сигизмунда во Фрибурге. Состоявшийся вскоре суд лишил его звания и всех привилегий священнослужителя, после чего арестованный папа был препровожден в Готлебенскую крепость, где его поместили в одиночную камеру. Через несколько месяцев Иоанна XIII перевели в другую, не менее мрачную тюрьму, которая располагалась в городке Мангейм.

Однако такой хитрый и умный человек, каковым был бывший пират и Папа Римский Иоанн XIII, не мог долгое время находиться в бездействии. Вскоре ему удалось подкупить (не без помощи одной из своих многочисленных бывших любовниц) тюремных стражников и выбраться на свободу. Освобождение Балтазара Коссы стоило ему самому тогда 38 000 флоринов золотом.

Выбравшись из мангеймской тюрьмы, Балтазар Косса направился в Бургундию, а оттуда переехал в Савойю. Однако и там он пробыл недолго, решив, наконец, поселиться в тихой и благопристойной Италии.

Прибыв в маленький итальянский городок, он первым делом пишет письмо, адресованное новому Папе Римскому, Мартину V. Балтазар Косса обращается к папе с просьбой простить его за содеянные когда-то, «в пору незрелой молодости», грехи. В свою очередь он обещал никогда впредь не предъявлять претензий на папский престол.

По-видимому, Мартин V был человеком добрым и мягким. Он не только простил Коссе все его грехи, но и возвел того в сан кардинала.

Удовлетворенный таким стечением обстоятельств Косса поселился в подаренном ему замке, находившемся во Флоренции. Там он и умер 22

декабря 1419 года. Ему были устроены пышные похороны. И спустя некоторое время владыка Флоренции Козимо I Медичи заказал Донато ди Николо ди Бетто Барди (Донателло) изготовить над могилой Балтазара Коссы часовню.

Тимофей Анкудинов, первый космополит

Нередко Тимофея Демидовича Анкудинова называют первым космополитом, вкладывая при этом в последнее слово определенный смысл. Дело в том, что Анкудинов еще в XVII веке прославился как особенно талантливый... мошенник, который с успехом проворачивал всяческие авантурные сделки и махинации не только на территории России, но и далеко за ее пределами.

Во время совершения своих мошенничеств Анкудинов, естественно, называл себя вымышленными именами. Одним из наиболее известных «деловых» псевдонимов авантюриста стало имя Иван Васильевич. Это имя и отчество мошенник выбрал вовсе не случайно. Дело в том, что он любил выдавать себя за близкого родственника Василия Шуйского.

Известность Тимофея Анкудинова в XVII столетии была довольно большой. Некоторые считают, что именно он стал прототипом героя книги братьев Стругацких «Хромая судьба» Константина Кудинова. В настоящее время это единственное свидетельство того, что когда-то давно существовал человек, мошеннический талант которого превосходил все мыслимые представления об этом ремесле.

Известно, что Тимофей Демидович Анкудинов родился в 1617 году. Отец его достаточно успешно вел торговлю в Вологде. По достижении определенного возраста Тимофей был отдан отцом на обучение вологодскому архиерею Варлааму (по другим источникам, Нектарию).

Именно при дворе архиерея Тимофей впервые встретился с Авдотьей, внучкой Варлаама, к которой вспылал любовью. Спустя некоторое время Тимофей и Авдотья были обвенчаны. Их брак оказался как нельзя кстати Варлааму, поскольку тот хотел, чтобы Тимофей навсегда остался при его дворе.

К тому времени веселый и бойкий Тимофей Анкудинов снискал себе славу удачливого человека, к которому деньги текли рекой.

Предметом зависти многих горожан был красивый высокий дом Анкудинова. Да и его красавица жена, проходя по улице, заставляла оборачиваться прохожих.

Однако, как известно, все хорошее когда-нибудь заканчивается. После смерти старого Варлаама архиерейство принял другой священнослужитель. Для него Тимофей был не более чем пустым местом. А потому очень скоро его выпроводили со двора.

Нужно сказать, что Тимофей Анкудинов недолго горевал по поводу смерти Варлаама. За короткий срок ему удалось спустить все состояние, принесенное женой в качестве приданого. А местные жители стали судачить о том, что слишком много времени он проводил в кабаках да иных питейных заведениях в компании девушек и молодых людей, имеющих сомнительную репутацию.

Вскоре Тимофею Анкудинову с его разгульным и веселым нравом стены родного города стали казаться слишком тесными. А потому он решил перебраться в Москву.

Бегство Анкудинова стало причиной развала семьи. Покинутая им жена осталась одна в горе и печали. Родители прокляли неразумного сына, который отправился в царь-град на поиски счастья и лучшей жизни. Для того чтобы замолить грехи сына, мать вскоре приняла постриг и стала жить в монастыре. А отец Тимофея, не выдержав позора, скончался от сердечного приступа.

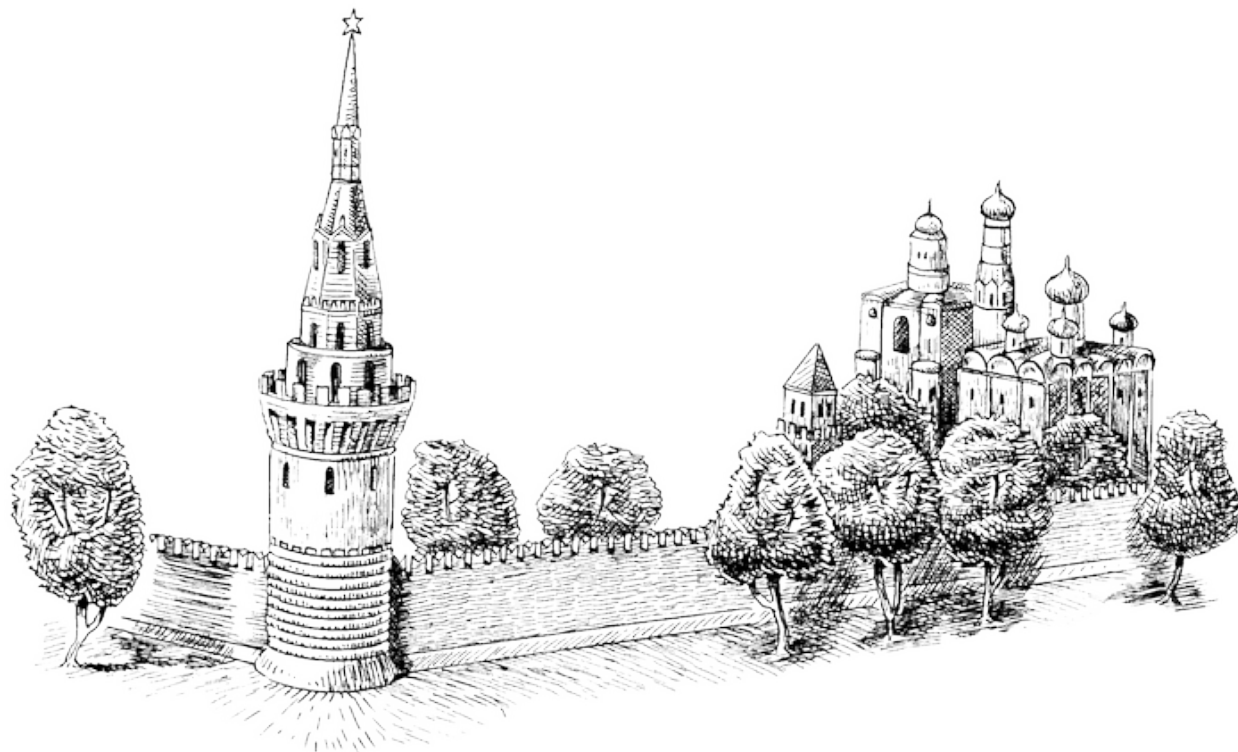
В Москве Тимофей Анкудинов стал подьячим и, кроме того, занимался сочинительством стихов. По воспоминаниям современников, его считали довольно хорошим и талантливым поэтом. В то время он работал в так называемой приказной школе, которая славилась своими стихотворцами.

Несмотря на столь счастливое стечение обстоятельств, спокойная жизнь, по-видимому, была не по сердцу Анкудинову. Те деньги, что он привез из родного города, очень скоро оказались растраченными в кабаках. Кроме того, в то время Анкудинов был замечен и в нескольких служебных провинностях, а также наделал немало долгов.

Куда же было деваться мелкому мошеннику? Он нашел выход из создавшегося положения. Вскоре Тимофей Анкудинов возвратился в родной город, где помирился с женой.

Спустя некоторое время он вновь отправился в столицу и стал работать писцом. И опять благодаря своему веселому и открытому характеру он очень скоро обрел множество друзей и зарекомендовал себя как хороший работник и благодушный человек.

Через год после того, как Анкудинов вторично прибыл в Москву, его назначили сборщиком налогов. Все вернулось на круги своя. У Анкудинова появился большой красивый дом, материальный достаток, успех на службе. В то же время в семье Анкудиновых появился малыш, которого нарекли Сергеем.

Однако благоразумие недолго властвовало над душой Анкудинова, которому, казалось, природой был дан мошеннический талант. Очень скоро единственной радостью в жизни для Тимофея становятся кабаки, разгул, водка и пьяная компания.

Тогда же сборщика налогов Анкудинова уличили в том, что он транжирит не только собственные, но и казенные деньги. Нужно сказать, те времена были суровыми. За расхищение государственного имущества и тем более денег человек мог поплатиться не только тем, что он имел, но и своим здоровьем. Нередко за такие проделки мошеннику попросту отрубали руку.

Но Анкудинов никогда не думал о возможной расплате за совершенные преступления. Тем временем он запутывался в своих долгах все больше и больше. Именно тогда и состоялась проверка государственной казны.

Однако даже ревизия не смогла унять мошенника, любившего сладко попить и вкусно поесть за государственный счет. Но к чести авантюриста нужно сказать, что не только казна пострадала от его желания легко разбогатеть. Долгое время он брал драгоценности «в долг» у своего кума, обещая в скором будущем вернуть все «до копейки».

К тому времени запутавшийся в долгах Тимофей Анкудинов уже почти

не жил с семьей и редко появлялся на службе. Пристанищем для него стали грязные кабаки и ночлежки. Наконец ему пришла мысль о том, чтобы покинуть Россию и за ее пределами попытаться найти свое затерявшееся счастье и легкую наживу. Из сохранившихся исторических источников стало известно, что он выехал из родной страны в 1643 году.

Однако, прежде чем отправиться в путешествие, Тимофей Анкудинов замыслил страшное: он пожелал избавиться от вечно причитавшей, плакавшей и знавшей о его мошеннических проделках жены Авдотьи. Поздно вечером он вынес из дома своего сына и передал его на воспитание куму.

После этого Анкудинов запер все двери дома и поджег его вместе с женой. После того страшного пожара от всей улицы осталось только лишь несколько домов. Дом самого злоумышленника сгорел дотла. Местные жители подумали тогда о том, что вся семья Анкудинова и сам хозяин погибли в огне.

Но, как оказалось, Анкудинову предстояло еще жить долгие годы. Встретив в назначенном месте своего сообщника, Анкудинов направился к российско-польской границе. Для того чтобы хватило средств на дорогу в Польшу, мошенники выкрали у проезжавшего мимо немецкого купца Миклафа деньги и драгоценности.

Миклафу удалось достичь Москвы и рассказать жителям о том бесчинстве, которое учинили Анкудинов и его сообщник. Только тогда москвичи поняли, что мошенник не сгорел в пожаре, а здравствует, не переставая заниматься грабежом и обманом.

Едва только Анкудинов достиг Польши, он отправился ко двору короля, где представился как сын Василия Шуйского, вынужденный тайно бежать из России. С того времени Анкудинов жил при дворе короля в Варшаве. Он смог добиться необычайного благорасположения польского короля Владислава, тем самым обеспечив себе безбедную и спокойную жизнь.

Не нужно думать о том, что король Владислав был настолько глуп, что поверил рассказам Анкудинова. Однако политическая ситуация в то время была таковой, что подобное положение вещей вполне устраивало польского монарха. Он не изгнал со двора русского самозванца даже после того, как приехавшие с визитом московские купцы рассказали историю о том, как была разграблена государственная казна и оказалась сожженной целая улица.

Однако все шло своим чередом. Вскоре король Владислав умер, а трон занял другой человек, не пожелавший видеть при дворе авантюриста,

бежавшего из России от справедливого наказания. Но и на этот раз Анкудинову удалось, что называется, выйти сухим из воды. Он поспешил покинуть Польшу. По дороге из Польши Анкудинову пришла в голову мысль отправиться на Украину. Там он встретил Богдана Хмельницкого, с которым очень быстро сблизился и стал правой рукой мятежника. Не раз Анкудинов присутствовал на встречах Хмельницкого с послами, прибывшими из разных стран мира.

Однажды к украинскому разбойнику прибыли послы из России. Многие из них лично знали Анкудинова. А потому, увидев его сидящим около Хмельницкого, очень удивились. Собравшись вечером в отведенных им комнатах, они решили рассказать обо всем Богдану Хмельницкому. Но не успели...

Поняв, что может быть разоблачен, Тимофей Анкудинов в тот же вечер поспешил покинуть своего благодетеля и бежать в стан хана Девлет-Гирея, который благожелательно отнесся к прибытию русского.

Действительно, отношение к Анкудинову при дворе восточного хана было очень хорошим. Дабы уверить всех окружающих в своем рвении служить хану, Анкудинов решил принять мусульманство. Нужно сказать о том, что это была уже третья по счету религия, которую принимал русский мошенник.

Затем вместе с караваном Девлет-Гирея Анкудинов прибыл ко двору турецкого султана. Авантюрист смог быстро расположить к себе султана, который оставил его при своем дворе.

Однажды, сильно напившись, Анкудинов решил незаметно пробраться в гарем султана. Однако его план не удался. Он был пойман, что называется, с поличным и предан суровому суду. Каким-то чудом Анкудинову удалось избежать смерти и выбраться из глубокой ямы, в которую он был брошен по приказанию султана.

Убежав из Турции, Тимофей Анкудинов отправился в Швецию, поскольку считал эту страну наиболее удобной для поселения. В то время Швеция и Россия были враждовавшими государствами. Поэтому шансы Анкудинова остаться неузнанным значительно возросли.

В Швеции Анкудинов жил под именем Ягана Синельсена и так же, как и в других странах, смог добиться благорасположения к себе достаточно высокопоставленных особ. В Швеции он близко сошелся с королевой Кристиной и канцлером Оксеншерном. По-видимому, столь быстро войти в доверие к влиятельным лицам Швеции ему помогло то обстоятельство, что он принял государственную веру – протестантизм. Более того, успешному продвижению его «карьеру» способствовала и выдача себя в качестве сына

Василия Шуйского, которого незаконно и несправедливо изгнали с родины.

Известная русская пословица гласит: «Сколько веревочке ни виться – конец близок». Очень скоро закончилась и легкая жизнь Анкудинова в Швеции. В страну с визитом прибыли русские послы. Они, конечно, сразу же узнали известного мошенника и рассказали обо всех его «подвигах» королеве Кристине. Разгневанная королева отдала приказание поймать авантюриста и посадить его в клетку. Но сколько ни искали шведские солдаты обманщика, найти его им не удалось.

В то время пока во дворце шведской королевы кипели страсти, Анкудинов был уже далеко. После бегства из Швеции он решил отправиться в Эстонию. Именно там его и изловили эстонские солдаты, получившие соответствующий приказ от самой королевы Кристины. Но русский мошенник, видимо, действительно был рожден под счастливой звездой. На следующий день после заточения ему удалось бежать из тюремной камеры.

Несколько лет прожив в Европе, Анкудинов вернулся в Россию. Он часто менял места жительства из опасения, что его удастся разыскать агентам московского правительства. Однако он не жил тихо, а жизнь его нельзя было назвать скучной.

Так, например, находясь в Новгороде и Пскове, Анкудинов организовывал народные мятежи. Но все его начинания, казалось, были обречены на провал. Единственным свидетельством того, как проводил мошенник те годы, стали его вирши, написанные в бунтарском духе и обличавшие политику русского царя и его приближенных.

Находясь в России, Анкудинов все время жил в постоянном страхе, боясь в любую минуту оказаться за решеткой. Тогда он вновь решил покинуть родину и опять пустился в странствие.

Спустя некоторое время русские купцы увидели его в Кёнигсберге, а еще через несколько месяцев – в Брабанте. Известно, что в Брабанте Анкудинов близко познакомился с императором Леопольдом I и Габсбургом.

Вскоре Анкудинов оказался в голштинском городке Нойштадте. На одной из улиц его случайно увидел когда-то давно обокраденный русским мошенником немецкий торговец Миклаф. В тот же день Анкудинова взяли под арест, после чего предали суду.

В 1653 году герцог Фридрих решил передать преступника России. При этом Анкудинов обошелся русскому правительству в 100 000 червонцев. В то время это была баснословная сумма денег, в которых так нуждалось герцогство Фридриха.

Тимофей Анкудинов был помещен в крепость, а затем перевезен в Россию.

Сопровождал его тогда обманутый им кум Шпилькин. Дважды в дороге Анкудинов хотел свести счеты с жизнью. Но оба раза его вытаскивали из петли и таким образом в целости и сохранности привезли в Москву.

На суде Анкудинов не переставал уверять всех, что он является сыном Василия Шуйского. Против него выступили многие свидетели и жертвы его афер. Наконец терпение царя было исчерпано и, не желая более слушать рассказы подсудимого, он приказал казнить его.

Казнь знаменитого авантюриста состоялась в 1654 году. Он был четвертован, как и требовали государственные законы того времени.

Часть 2

Аферы фальшивомонетчиков

Фальшивомонетничество, возможно, появилось одновременно с выпуском первых бумажных купюр и ценных бумаг. Но только с развитием техники мошенники смогли по-настоящему развить свое производство и, нужно признать, достигли на этом поприще немалых высот. Однако прогресс не стоит на месте. Фальшивомонетчики конца XX века пользуются для изготовления поддельных купюр уже не краской и примитивным полиграфическим станком, а дорогостоящей копировальной техникой. При этом изобретается масса самых разных способов нанесения на обычный лист бумаги необходимых линий и даже водяных знаков. Искусство изготовления фальшивых денег сейчас достигло таких высот, что не каждый человек сможет невооруженным глазом определить, поддельная ли перед ним купюра или настоящая. В таких случаях на выручку человеку приходит все та же техника, которая и помогает установить подлинность бумаги.

Фальшивомонетчики античности

На одной из вилл в античном полисе Дима была обнаружена плита из белого мрамора, уложенная в основание лестницы. Лишь в конце XIX века археологи заинтересовались древней надписью, выгравированной по краю этой плиты. Время не пощадило содержащихся в ней слов, и они наполовину стерлись. Но ученым все же удалось восстановить содержание текста. Материалы, посвященные этой теме, в 1878 году опубликовал один из археологических журналов.

Полис Дима расположен на северо-западе Пелопоннесского залива. В стародавние времена он был крупным центром земледелия и цветущим портовым городом. Он принадлежал к Ахейскому союзу, образованному четырьмя городами-государствами и существовавшему с 280 по 146 год до н. э. Это была военно-политическая коалиция, противостоявшая македонским притязаниям на господство в регионе.

Полустертая временем надпись повествует о смертном приговоре шести фальшивомонетчикам. Она гласит: «Жрец Филоклес, писец Дамокритос и первый советник Клеон от имени города приговорили к смерти: Дракиона, он же Анти (...) или как бы он еще себя ни называл, далее... (...) тиса, кузнеца по золоту; затем (...) аниоса, он же Панталеион и как бы он еще себя ни называл, и, наконец, Мошолоаса за то, что они посягнули на священное имущество и чеканили медные деньги.

При первом советнике Дамофанесе (осуждены за те же преступления) сын Дромаса (...) иллас и при первом советнике Филеасе сын Олимпиона (...) ас».

Доподлинно неизвестно, кто и когда впервые обратил внимание на белую мраморную плиту, лежавшую среди развалин Димы. Невозможно также прочитать и имена фальшивомонетчиков, так же как и определить точную дату надписи, поскольку письменные памятники Древней Греции, относящиеся к описываемой эпохе, датировались довольно своеобразно: точкой отсчета могли стать годы жизни какого-либо государственного писца союза, верховного жреца или время правления главы города.

Мраморную плиту с надписью сначала, по всей вероятности, устанавливали на какой-нибудь рыночной площади Димы. Судя по количеству приговоренных и по периодичности появления на плите надписей, которые разделяет примерно полгода, поскольку первый советник городского совета переизбирался по прошествии именно такого

промежутка времени, фальшивомонетничество тогда было весьма распространенным ремеслом. Пункт обвинения, в котором говорится, что кузнец по золоту и его соучастники посягнули на священное, может обозначать только одно: злоумышленники похитили медь из храма. Хотя можно найти и другое объяснение этой фразе: жрец храма мог одновременно являться и первым лицом в официальной чеканке монет, и храм извлекал из этого определенную пользу. Значит, фальшивомонетчики посягнули на доходы храма.

Документы, подобные найденной в Диме мраморной плите, встречаются очень редко. В древнегреческих полисах принято было записывать приговор на камне, который выставлялся на всеобщее обозрение лишь в тех случаях, когда преступнику удавалось ускользнуть от правосудия. Подобные плиты были своеобразным объявлением о розыске. С другой стороны, в странах, входивших в Ахейский союз, выпускались единые монеты. Так что их подделка, независимо от того, где совершалось это злодеяние, так или иначе касалась всего союза и обязывала каждый город открыто осуждать подобного рода преступления.

Мраморная плита из Димы является едва ли не самым древним официальным свидетельством, подтверждающим факт существования фальшивомонетничества и его наказуемости во времена античности. И хотя о монетных мошенниках древности практически не сохранилось никаких сведений, изделия, изготовленные их руками, дошли до наших дней. Однако и здесь существует одно но: они могли быть изготовлены «по высочайшему повелению».

Как бы парадоксально это ни выглядело, Диоген Синопский (412–323 годы до н. э.), который ограничивал себя во всем и, согласно легенде, жил в бочке, по утверждению лиц осведомленных, был фальшивомонетчиком. По крайней мере, об этом повествует не менее известный Диоген Лаэртский в своем труде «Жизнь и мнения прославленных философов», написанном около 220 года до н. э. Легенда гласит о том, что отец Диогена Синопского был ростовщиком и менялой в портовом городе Синопе, располагавшемся на южном побережье Черного моря. Он и приобщил своего сына к изготовлению легких монет.

Случаев подобного мошенничества история знает немало. Так, уже через несколько лет после того, как в малоазиатском царстве Лидия из сплава золота (40 %) и серебра (60 %) начали чеканить первые монеты, а произошло это в VII веке до н. э., было произведено умышленное снижение содержания в них золота. Номинальная же их стоимость осталась на прежнем уровне. О причинах содеянного мы, ныне живущие, можем лишь

догадываться. Вероятно, города, которым приходилось выплачивать немалую дань правителю, весьма быстро усвоили ту простую истину, что ухудшение состава сплава позволяет сэкономить довольно внушительную сумму денег.

Дабы затруднить осуществление подобного мошенничества, король Крѐз, правивший с 560 по 547 год до н. э., чье имя благодаря его бесчисленным богатствам стало нарицательным, издал указ чеканить золотые и серебряные монеты отдельно. Более того, он утвердил собственную монополию на чеканку монет.

После завоевания Лидии персами, присвоившими себе все богатства Крѐза, королевское право на чеканку монет на несколько десятилетий было прервано. Персидским владыкам, Киру и Камбису, не было необходимости использовать деньги в качестве всеобщего платежного средства, поскольку к тому времени им не удалось еще установить тесного контакта с Грецией. Первым из персидских царей, при котором началась чеканка монет, стал Дарий, правивший в 522–486 годах до н. э. Эти деньги впоследствии получили название дариков.

Однако начало денежного хозяйства связано не только с изобретением монеты. До того как в обращение были введены деньги, их роль выполняли предметы повседневного обихода и скот. С конца III тысячелетия до н. э. в Месопотамии в качестве денег начали использовать серебро в форме тщательно взвешенных кусков, слитков, на которых позднее стали делать оттиски. Подделка денег в таких условиях была невозможна, однако обманывать все-таки удавалось посредством неправильного взвешивания серебряных слитков.

В VI веке до н. э. монетное хозяйство восприняли греки и персы, причем каждая местность в Греции чеканила свои монеты. Но самыми распространенными были деньги, выпускавшиеся в Аттике. Их использовали не только в греческих полисах, но и за их пределами.

Греческий политик и поэт Солон (640–560 годы до н. э.) известен как мудрый законодатель. В 594 году до н. э. он получил полномочия на преодоление экономического и политического кризиса Афинского государства. Одной из мер, которые он предпринял для достижения поставленной цели, было введение в Афинах аттийских денег, или, как их называли, эвбейских монет. Эта мера способствовала тому, что афинские купцы заняли ведущую позицию в мировой торговле того времени. Чтобы сохранить такую позицию, законы Солона требовали смертной казни обличенных в фальшивомонетничестве мошенников.

Поскольку государство обладало монополией на чеканку монет, законы

Солона и всех последующих правителей подчинялись принципу: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». То, что под страхом смерти запрещалось простым гражданам, власть предержащим служило важным средством пополнения государственной казны, финансирования войн и т. п. Фальсификация денег нередко приводила к массовому обнищанию, поэтому народ относился к подобным операциям, предпринимаемым правителями, осуждающе. Но от этого, к сожалению, зависело немногое.

Нередко фальшивомонетчики прибегали к так называемому наполнению монет, то есть ядра монет, отлитые из менее ценного, чем оболочка, или даже недрагоценного металла, покрывались тонким слоем золота или серебра. Такой способ фальсификации денег известен с незапамятных времен. Так, наполненные монеты археологи обнаружили среди монет Коринфа, датированных VI веком до н. э., впервые в истории денежного хозяйства имевшие двустороннюю чеканку. Поэтому нередко незадачливый нумизмат под видом настоящей античной монеты за баснословные суммы приобретает подделку – так называемый субаэрат. Этот термин был введен в обиход во времена античности и употреблялся в качестве определения для фальшивых монет. Наполненные монеты из Коринфа, коринфские статеры, весили 7,58 г, тогда как подлинный серебряный статер обычно имел вес, равный 8,7 г.

Кроме того, следует заметить, что в античные времена не существовало точных приборов для определения веса, поэтому нередко фальшивые монеты по весу соответствовали принятому для подлинников стандарту. Показательной в этом отношении является история одного швейцарского коллекционера, который в 1978 году приобрел серебряный статер из Тиры (ныне остров Санторин), датированный приблизительно 530 годом до н. э. Его вес в точности соответствовал эгинскому стандарту (от портового города Эгина), который равнялся 12–12,5 г. До середины V века до н. э. это был один из самых распространенных масштабов, использовавшихся для чеканки монет.

Со временем на приобретенной нумизматом монете проявились отчетливые следы окисления. Озадаченный владелец статера поспешил в реставрационный отдел швейцарского музея, где ему сообщили, что вместо настоящего серебряного статера он приобрел фальшивую медную монету, покрытую тонким слоем серебра.

У древнегреческого историка Геродота (484–425 годы до н. э.) можно найти сведения о Поликрате, который правил в Самосе в 538–522 годах до н. э. Отец истории повествует о том, что упомянутый правитель чеканил свинцовые монеты, покрытые сверху позолотой. Несмотря на то что

данные сведения почерпнуты не из самых достоверных источников, тем не менее сам по себе факт довольно интересный.

Своим «золотом» Поликрат расплатился с лакедемонцами, окружившими Самос, после чего те сняли блокаду. При описании деяний этого властителя Геродот, соблюдая осторожность, ссылается на другие, не вполне определенные источники. Однако сведения о военной хитрости и легендарной удачливости Поликрата, которые были воспеты в одной из шиллеровских баллад, представляются весьма достоверными.

Кроме того, известно, что наполненные монеты выпускались афинскими мастерами чеканки после окончания Пелопоннесской войны (431–404 годы до н. э.), которая привела к полному упадку экономики Афин. В одном из своих сочинений древнегреческий комедиограф Аристофан (446–385 годы до н. э.) сравнивает судьбу Афин и их достойных граждан с судьбой «старой, полнозвучной» монеты, которую подменили «плохие медные, неблагозвучные» деньги.

Во времена Аристофана выпускались тетрадрахмы – древнегреческие серебряные монеты достоинством в 4 драхмы и весом 14–17 г. Технология изготовления наполненных тетрадрахм была до такой степени несовершенна, что тонкий слой серебра, покрывавший медную начинку, очень быстро изнашивался, обнажая настоящую сущность фальшивой монеты. Экземпляров подобных подделок до наших дней сохранилось очень мало. Один из них занимает достойное место среди экспонатов Британского музея Лондона.

Наполненные тетрадрахмы были изъяты из обращения в 393 году до н. э. О том, как это происходило, рассказывает в одной из своих комедий под названием «Женщины в народном собрании» все тот же Аристофан.

Однако необходимо отдать должное античным правителям, которые прибегали к выпуску фальшивых денег лишь во времена экономического кризиса, когда страна находилась на грани финансового краха. Вместе с тем властители отдавали себе отчет в том, что выпуск фальшивых денег в течение длительного времени не приведет к положительному результату, поскольку их нельзя использовать для обмена товарами с другими государствами.

Фальшивые монеты античности в большинстве своем имели частное происхождение. От настоящих они отличались как качеством нанесенного изображения, так и выгравированными на поверхности надписями. Но с уверенностью утверждать, что данная монета фальшивая, все же невозможно, поскольку зачастую отклонения в штемпелях встречались и на монетах государственной чеканки. Кроме того, следует учитывать тот факт,

что античные монеты отличались огромным разнообразием. Они не только выступали в качестве средства платежа, но с V века до н. э., и в особенности в период расцвета рабовладельческого Римского государства, начали выполнять функцию своеобразной газеты, которая могла сообщить о важнейших событиях, происходивших в том или ином государстве, содержала различные призывы и т. п.

В эпоху античности выпуск новых монет осуществлялся довольно часто, старые обычно поступали в переплав, поэтому до наших дней сохранились лишь немногие экземпляры. В том случае, если содержание золота в них отличалось от принятых в эпоху обращения этих монет норм или они оказывались настоящими субэратами, никто не решался утверждать, кто был изготовителем этих фальшивых монет: государство или частное лицо.

Частным промыслом в производстве подделок занимались, по всей вероятности, люди, причастные к чеканке монет. Такое положение сохранялось на протяжении всей эпохи существования монетного хозяйства. Конечно же, лучше всех владели техникой легирования металлов и изготовления штампов мастера-чеканщики. Более того, они имели возможность поставить на фальсифицированные монеты государственные штампы.

Дать адекватную оценку изготовлению фальшивых денег в эпоху античности практически невозможно. Особенно широкие масштабы приобрело производство субэратных монет. Технологию их изготовления античные мастера держали в тайне, поэтому до наших дней во всех подробностях она не дошла. Однако в общих деталях ученым все же удалось установить последовательность наполнения монет. Заготовками

для них в Риме служили медные пластины, а в Греции – медные шары. Сначала все стороны заготовки подвергались тщательной обработке. Затем она плотно обтекалась тонким слоем серебра и в специальном сосуде подогревалась до температуры плавления этого металла, которая составляет 960°C . Поскольку точка плавления меди лишь ненамного выше – 1083°C , верхний ее слой также становился мягким и вступал в сплав с серебряной фольгой. Этот сплав сохранялся и при последующей чеканке. По тому же принципу наполнялись и золотые монеты.

Таким образом, фальшивомонетчик присваивал себе довольно внушительную прибыль. Для того чтобы изготовить один субаэратный денарий, требовалось всего лишь 0,45 г серебра, иначе говоря, из одного полновесного денария можно было сделать 10, а чуть позже – 8 субаэратных монет. Если исходить из соотношения цен, которое сложилось в последние годы существования Римской республики и в первые два столетия империи, один денарий представлял собой довольно внушительную сумму денег. Так, например, в I веке н. э. легионер получал 225 денариев в год.

Фальшивые деньги Вечного города

В Риме денежное хозяйство начало развиваться относительно поздно – около 290 года до н. э. Первой римской городской монетой стал асс – медная монета, которая весила один римский фунт, или 327,45 г. Впоследствии вес монеты уменьшился до 236 г, а с появлением серебряных монет – дидрахм, введенных в обращение с 235 года до н. э., вес асса достиг 13,64 г к 89 году до н. э.

Серебряный денарий весом 4,55 г, содержащий 97–98 % серебра, поступил в обращение примерно в 213 году до н. э. Переменчивая судьба этой монеты в известной степени символична для римской истории. До настоящего времени динар является валютой многих арабских стран. В других европейских государствах – таких, как Франция, Венгрия и Италия, – он трансформировался в пфенниг, который пережил эпоху Средневековья.

Чеканка золотых монет достоинством в 60, 40 и 20 ассов началась в Риме в 222–205 годах до н. э. При Юлии Цезаре основной золотой монетой стал аурей.

Во время 2-ой Пунической войны (218–201 годы до н. э.) в сражении при Каннах римские войска были наголову разбиты Ганнибалом, в результате чего в Риме началось что-то вроде всеобщей мобилизации. Сенат, будучи законодательным органом Римской республики, принял решение сократить содержание металла в дидрахмах (квадригат, 6,98 г золота) и ассах, которые к тому моменту весили 81,9 г. Эта чрезвычайная мера была направлена на то, чтобы максимально использовать находившийся в распоряжении казны монетный металл. Одновременно сенатом было принято постановление о сдаче гражданами золота, серебра и меди в аэриум, то есть в государственное хранилище металлов, которое использовалось для чеканки монет. В частных руках могло оставаться не более одного фунта серебра и 5000 ассов.

Однако подобное уменьшение содержания ценных металлов в монетах еще не являлось прямым обманом, поскольку римлянам было известно, что крайне ослабленная войной республика вынуждена была превратить свои монеты в разновидность кредитных денег. Вместе с тем, как показали некоторые находки, в то время выпускались медные монеты достоинством в 20 ассов, покрытые позолотой.

После трех Пунических войн, в 146 году до н. э., в Римской

республике были восстановлены прежние денежные соотношения. Однако вес монет изменился: у денария он теперь составлял 3,88 г, а у асса – 34,9 г. Предположительно в то же время изменилось соотношение между стоимостью золота и серебра. Золото стало дешевле, что способствовало уменьшению веса серебряных монет.

Завоевав Карфаген, римляне присвоили его богатства, в том числе склады драгоценных металлов и рудники Испании и Сардинии. В 180 году до н. э. только на рудниках Нового Карфагена (ныне Картахена в Испании) золото и серебро для Рима добывали 40 тыс. рабов. Таким образом, критические периоды в истории Римской республики, а затем и Римской империи можно с большой точностью определять по состоянию монетной системы.

Первый серьезный кризис денежного хозяйства разразился в Риме в 122 году до н. э. На рынке в больших количествах появились субаэратные денарии. Дошло до того, что никто уже не мог сказать, какой же в

действительности суммой денег он располагает. В сложившейся ситуации общей неуверенности начался рост цен, а для фальшивомонетчиков наступили поистине золотые времена, несмотря на то что их деятельность по-прежнему сурово наказывалась.

Вскоре началась так называемая союзническая война (91–89 годы до н. э.) между римлянами и италийцами, всегда считавшимися союзниками и оказывавшими военную помощь римлянам. Теперь италийцы требовали равных с римлянами прав или независимости. В связи с военной ситуацией римский сенат вновь издал указ о том, что каждый восьмой отчеканенный денарий должен быть субаэратным. После окончания войны, которая хотя и закончилась поражением италийцев, все же их уравнивали в правах с римлянами, чеканка субаэратов была прекращена. В подтверждение этого по краю новых монет стали делать насечку. Такие зубчатые денарии, получившие название «серрат», пользовались большим доверием купцов, чем продолжавшие изготавливаться обычные полновесные монеты. Так, известный историк Рима Тацит (56–120 годы) в своем труде «Германия» свидетельствует о том, что среди германцев наибольшим предпочтением пользовались зубчатые монеты.

Тем не менее выпуск фальшивых денег продолжался. В 87 году до н. э., когда борьба между аристократической партией сената (оптиматами) и их противниками, выступавшими за реформы в целях спасения политической системы (популярами), достигла своего апогея, римское денежное хозяйство снова переживало тяжелый кризис. Строгий указ сената предписывал принимать любые деньги, которые запрещалось не то что взвешивать, но даже проверять на звук.

По свидетельству Цицерона (106–43 годы до н. э.), в 87 году до н. э. претор (председатель совета присяжных, одна из ступеней карьеры сенатора) Марий Грацидиан издал эдикт, учреждавший специальную государственную службу контроля за качеством монет. Согласно эдикту,

каждый, кто будет уличен в том, что расплатился фальшивой монетой, подвергнется суровому наказанию.

Цицерон утверждает, что римляне с большим подъемом восприняли эдикт и выразили Марию благодарность, т. к. это постановление обязывало государство осуществить замену «плохих» денег на «хорошие». Однако этому процессу не суждено было осуществиться.

В республике продолжалась Гражданская война. В 83 году до н. э. вождь оптиматов, Корнелий Сулла, захватил Рим, где учинил кровавую расправу над своими противниками, в процессе которой было убито около 10 тыс. приверженцев популяров. Через четыре года, в 87 году до н. э., консул Гай Марий не менее жестоко обошелся со сторонниками оптиматов. От щедрого подарка, преподнесенного римлянам Гаем Грацидианом, то есть от закона, требующего стабильности монет, не осталось и следа.

Отныне, как и прежде, все деньги без исключения, отчеканенные в государственных монетных мастерских, должны были приниматься к платежу.

Пороки «красивого» короля

В 1285 году на французский престол под именем Филипп IV взошел 17-летний юноша, в историю же ему суждено было войти под прозвищем Филипп Красивый.

Филипп являлся отпрыском древнего рода Капетингов, и успехи его предков на государственном поприще были весьма различного свойства. Его же самого целиком захватил честолюбивый замысел установить во Франции абсолютную власть и стать единственным полноправным вершителем мирских и духовных дел в этой стране. Однако обстоятельства этому отнюдь не благоприятствовали, так как для укрепления власти над королевскими территориями Филиппу нужны были деньги, а их-то как раз все время и не хватало. Желая как-то поправить финансовое положение, Филипп Красивый в 1292 году ввел всеобщее обложение налогами своих подданных, распространяющееся и на духовенство.

Филипп IV Красивый

Необходимо сказать, что данная мера была вызвана не только плачевным состоянием финансов двора, но и тем, что король Франции готовился к войне с англичанами за Аквитанию и Фландрию. Данная кампания обошлась Французскому государству очень дорого. Достаточно лишь отметить тот факт, что до подписания мирного договора, заключенного в 1303 году, в Аквитании дислоцировались французские войска, их содержание там стоило казне 2 млн. ливров – сумма по тем временам просто невообразимая. Расчеты тогда осуществлялись в ливрах, солях и денье. 12 денье равнялись 1 солю, а 20 солей – 1 ливру, который представлял собой только счетную единицу, так как монеты достоинством в 1 ливр не было.

Документ, составленный примерно в 1296 году, дает возможность понять, из каких источников предполагалось изыскать средства для

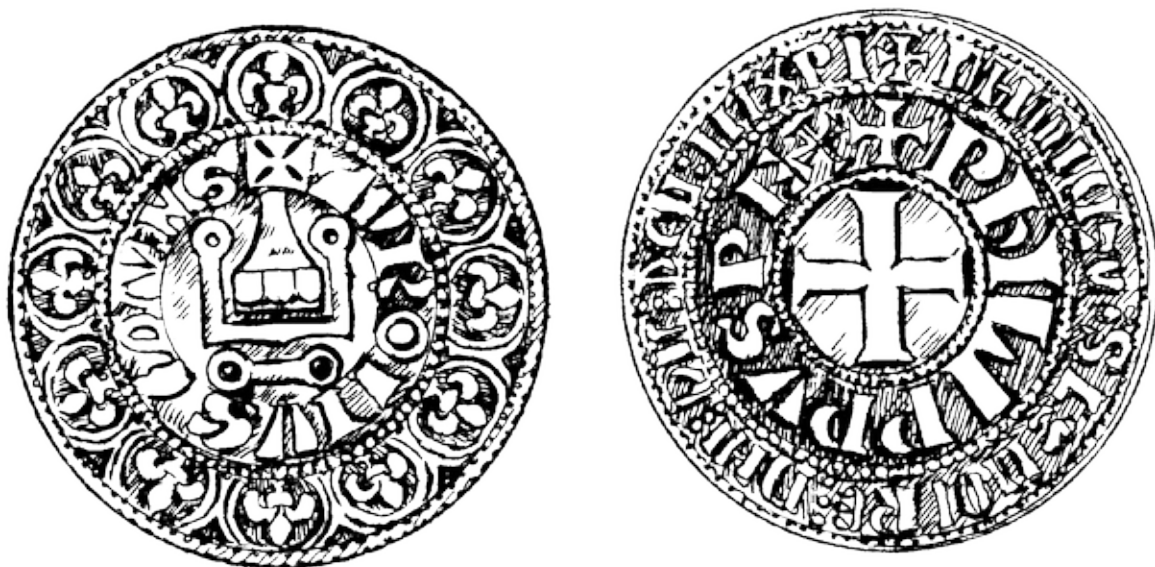
финансирования войны за Аквитанию и Фландрию: 225 тыс. ливров – налог на евреев, 200 тыс. – займы у ломбардцев, 630 тыс. – займы у зажиточных подданных, 50 тыс. – займы у прелатов и королевских служащих, 50 тыс. – доходы от «облегчения монет». Итого: 2 105 000 ливров.

Были ли деньги, указанные в данной бумаге, получены – неизвестно. Но зато историки знают, что в 1295 году Филипп Красивый уже обращался к внутренним займам и получил 632 тыс. ливров, последующие же его попытки подобного рода, очевидно, такого успеха уже не имели.

Однако в представленном читателю документе, бесспорно, обращает на себя внимание такая любопытная позиция, как доходы от «облегчения монет». Уже в 1239 году король имел доверительную беседу с весьма сведущим в денежных делах неким Мускиатто Гуиди о преимуществах и недостатках манипуляций с монетами. Мускиатто не советовал Филиппу пускаться в это рискованное предприятие, ибо последствия подобных действий для хозяйства отрицательны, доходы короны в конечном счете превращаются в потери. Но король не слишком разбирался в потребностях экономики страны. Его главный советник по монетным вопросам – Бэтен Косинель, который был главой парижского монетного двора, тоже не являлся знатоком в данном вопросе. Он мог подсчитать лишь прямой сиюминутный выигрыш короны от уменьшения содержания в монетах драгоценных металлов и к тому же был преданным слугой своего господина.

Короче говоря, Косинель, особо не задумываясь о последствиях, взялся за выполнение указания короля чеканить новую крупную французскую монету соль с номинальной стоимостью значительно выше прежней, бывшей в обращении, одновременно существенно снизив содержание в ней драгоценного металла.

Крупнейшая монета, бывшая в обращении в период пика махинаций – в 1305 году, имела нарицательную стоимость 36 денье вместо 12, что в конечном счете должно было вызвать соответствующий рост цен. Но, к счастью для короля, экономика страны на такие изменения отреагировала не слишком быстро, и потому Филипп Красивый смог посредством выпуска фальсифицированных и завышенных по сравнению с реальной стоимостью монет освободиться от трети своих долгов.

Тем временем во Франции нарастало социальное беспокойство, и, чтобы предупредить возникновение беспорядков, король поручил своим чиновникам разъяснять народу проводившуюся денежную политику как своего рода заем: как только прекратится война, ухудшенная и завышенная по сравнению с реальной стоимостью монета будет полноценно обменена на новые деньги.

Однако Филипп Красивый выполнил данное обещание по-своему. До 1306 года он пять раз изымал монеты из обращения, чтобы заменить их новыми, улучшенными, и восстановить прежнее состояние.

Указы, в соответствии с которыми все полновесные монеты, имевшие хождение в стране и вне ее, а также изделия из золота и серебра подлежали обмену на плохие королевские монеты, дополняли эти мероприятия Филиппа, который, кроме того, складывал в свой личный карман все доходы от военных трофеев.

Масштаб махинаций можно представить, ознакомившись со следующими данными. Доход королевской казны от денежных махинаций в 1296 году был обозначен цифрой 101 435 ливров, уже через два года он составил 1,2 млн. Причем Филиппу и его советникам и в голову не приходило увеличить жалованье своим подданным.

Но ни одно из предпринятых Филиппом Красивым неблагоприятных действий не пошло на пользу королевству. Отяжеленные деньгами кошельки баронов по-прежнему оставались недоступными для казны, так как налогообложение дворянства осуществлялось лишь в военное время, а в 1310 году Франция ни с кем не воевала. Тогда король решил на

крайнюю меру – ухудшение золотых монет, которые до сих пор оставались неприкосновенными. Он распорядился с 22 января 1310 года вместо монет достоинством в 44 ливра чеканить из той же массы золота 55 ливров.

Через год французский венценосец предпринял последнюю попытку пополнить свою казну за счет махинаций с монетами. Здесь следует пояснить, что в те времена во Франции существовали две валютные системы: старая, парижская, и новая. Четыре старых ливра равнялись пяти новым. Филипп же объявил, что монета достоинством в 1 денье по новой системе обращения отныне имеет достоинство в 1 денье по парижской системе. Таким образом получалось, что теперь каждый француз должен был платить всюду на 20 % больше. Правда, разгоревшаяся вслед за реформой Филиппа буря протестов со стороны общественности заставила его пойти на попятную.

Неизвестно, что еще бы успел придумать король-аферист, но смерть унесла его в 1314 году. Филиппу IV не удалось реализовать главную цель своей жизни – объединение Франции под его абсолютным началом. Кроме того, все проекты этого короля, продолжавшие действовать и после его смерти, были преданы анафеме

Венценосный мошенник

Фридриха Великого потомки называли блестящим правителем. Когда он занял прусский трон в 1740 году, его считали не только образованным, открытым и терпимым, но и сказочно богатым.

Терпимость короля, правда, не простиралась дальше декретированной еще его прадедом свободы вероисповедания. Сказочное же богатство состояло из 8,7 млн. талеров и серебряных сокровищ берлинского замка, который сестра Фридриха Вильгельмине Фредерике Софи фон Байреит оценила в 6 млн. тайлеров.

Спустя пять лет вся наличность прусского короля ушла на оплату тех нужд, которые неминуемо тянет за собой любая война, а войн за эти годы было две (Силезские: первая с 1740 по 1742 год, вторая с 1744 по 1745 год). Первоначальный капитал, необходимый для новой кампании, в которой Фридрих в союзе с Англией и некоторыми германскими государствами боролся за обладание Силезией и Саксонией против коалиции Австрии, Франции, России, Швеции и большинства германских княжеств, был оценен финансовыми экспертами Фридриха в 5,5 млн. талеров, в то время как налоги принесли в казну лишь 2,3 млн. талеров. Часть серебряных сокровищ отправили на переплав, что дало еще 1,5 млн. талеров. Оставалось собрать 1,5 млн. талеров, и этой суммы могло хватить только при условии быстрого окончания кампании.

Фридрих II Великий

Примечательно, что острый недостаток средств подействовал на Фридриха достаточно странно: он, всегда отличающийся необыкновенной трезвостью и расчетливостью, обратился за помощью к некой даме, занимавшейся алхимией. Последняя заверила короля, что «изготовит» золота на 1 млн. талеров. Конечно, сделать это ей удалось, но так как эксперимент был секретным, дальнейшая судьба дамы неизвестна.

Завоевание Саксонии являлось первой целью прусского короля. В связи с этим необходимые для войск мелкие монеты для покрытия первых потребностей уже были изготовлены по образцу лейпцигских монет в Кёнигсберге и Бреслау, пока в строгом соответствии с саксонскими нормами.

В 1796 году прусские солдаты вторглись в Саксонию и вскоре наголову разбивают ее защитников. Фридрих обязывает саксонцев уплатить контрибуцию в размере 5 млн. имперских талеров, а затем издал указ о включении лейпцигского монетного двора во владения прусской короны, что было вызвано, в частности, тем, что саксонский арендатор монетного

двора Фреге остерегался ухудшать качество монет.

Новый арендатор нашелся в лице берлинской фирмы «Эфраим и сыновья», которая за чеканку миллиона имперских талеров в разменной монете была готова уплатить королю 200 тыс. имперских талеров. Причем качество этих денежек оказалось гораздо ниже исходного уровня. Так, при Фреге монетный масштаб составлял 14 талеров разменной монеты из марки серебра. Эфраим, чтобы вносить арендную плату, довел выпуск монет до 18 и даже 20 талеров.

Спустя некоторое время Эфраим предложил прусскому королю подделывать австрийские монеты достоинством в 7, 10 и 20 кройцеров из расчета 200 тыс. монет на 1 млн. талеров. Фридрих согласился, но, к счастью, население Богемии не слишком пострадало от такой аферы.

Между тем продукция саксонских монетных дворов под давлением нарастающих требований короля обесценивалась. Вместо первоначальных 14 талеров из 1 марки серебра стали чеканить 45 талеров в мелких монетах. Фридрих II, однако, в каждом договоре со своими монетными арендаторами специально оговаривал, что саксонские монеты не должны попадать в Пруссию. Выгода от этого мошенничества для прусского короля была огромной: он получил около 25 млн. талеров, что составило шестую часть от того, во что обошлась ему вся Семилетняя война.

Изготовление фальшивых денег со временем охватывало все более широкие круги «монетных господ». Первым среди них был граф фон Вид, который в своей мастерской чеканил недоброкачественные четырехгрошовые монеты, сбывая их в основном в Саксонии, где они составляли конкуренцию прусским подделкам. За графом фон Видом следовал маркграф фон Ансбах, организовавший производство фальшивых монет в своем родовом имении, и другие аферисты.

Обманываемый же народ возложил всю вину за монетные махинации на евреев, так как арендаторами королевских и многих других монетных дворов являлись в основном представители этой нации. Конечно, и в их руках оседало немало из того, что они делали по приказу своих господ. Восстановленный дворец Эфраимов в одном из районов Берлина стал ярким свидетельством их власти, но они тем не менее страшно боялись разоблачения, что означало бы для них не только разорение, но, возможно, и суд, а также какой-нибудь страшный приговор.

Однако не евреи были ответственны за фальшивомонетничество. Это видно из следующего эпизода.

Итак, Англия обещала Пруссии за кампанию против Франции, Австрии и России значительные субсидии, предоставление которых было

начато в середине 1758 года: золото стоимостью 1 367 626 и серебро стоимостью 2 655 388 имперских талеров. Изготовление монет из полученных драгоценных металлов было поручено не арендаторам-евреям, а осуществлялось самим государством.

Фридрих Великий, знакомый со способами облагораживания меди, отправляет своему тайному военному советнику Фридриху Готтхольду Коппену послание, в котором значатся следующие слова: «Я располагаю информацией, что существует способ рафинирования меди, при котором обработанная рафинированная медь может использоваться вместе с золотом для чеканки монет, внутренняя ценность которых значительно выше, чем стоимость монет, сделанных из обычной меди. Если сейчас дополненные плохой медью монеты с изображением Фридриха (эти монеты должны были быть на самом деле золотыми) по своей ценности примерно соответствуют 2 талерам 12 грошам, то использование рафинированной меди повышает их стоимость до 4 талеров...

Так как это может дать значительную прибыль и увеличить доходы от чеканки монет, я пришел к решению, что все золото, субсидированное англичанами и пока не превращенное в монеты, должно быть использовано в соответствии с этим способом на монетном дворе в Берлине. Все должно оставаться в моей собственности, чтобы никакие еврей-монетчики не имели с этим ничего общего и не могли отчеканить ни одной монеты из оставшегося английского золота». Как видно из этого письма, просвещенный абсолютный самодержец опять оказался в плену алхимических идей.

А вот отрывок из воспоминаний Бенджамина Фейтеля Эфраима, помогающий составить представление об аферах Фридриха Великого: «Король решил произвести уменьшение содержания драгоценного металла в монетах. То, как он хотел это сделать, было неправильным. Он не хотел ничего слышать о том, что содержание металла в монете не может быть совершенно произвольным. Для того чтобы разубедить его в этом, я привел пример с разменной монетой. Мне хватило мужества признаться в том, что я не внял его приказу, но, Бог свидетель, я всегда следовал правилу, что из всех циркулирующих монет не больше десятой части должно приходиться на разменные монеты.

Чеканку ущербных монет король обосновывал следующими соображениями: для того чтобы не допустить подъема промышленности в Польше, необходимо привести в негодность основной измеритель, оценивающий и воплощающий в себе все предметы, – польские деньги.

С одной стороны, я не рискнул говорить ему о несправедливости этих

действий, так как он бы наверняка ответил: „Смотри-ка, еврей, а разыгрывает из себя честного человека“; с другой стороны, они вполне совпадали с моими интересами. В результате я должен был на фальшивые польские деньги закупать в Польше овощи и зерно».

Бенджамин Фейтель Эфраим завершает портрет Фридриха Великого, не единственного монарха-фальшивомонетчика, словами: «Привязанность большого человека чеканить в уменьшенном виде чужие монеты восходит еще к Семилетней войне. Эта страсть не покидала его, так как тем самым король находил не только необходимые для ведения войн средства, но и скрытым образом взимал контрибуцию со своих соседей».

«Пекарь античности»

Нередко между фальшивомонетчиками и теми, кто занимается подделкой монет, ставят знак равенства. Однако многие криминалисты и нумизматы выражают несогласие с подобным весьма распространенным мнением. Фальшивые монеты изготавливались высокопоставленными или рядовыми мошенниками во времена монетного хозяйства, причем чеканщики прибегали к уменьшению содержания в них драгоценных металлов или облегчению их веса, так что установленной стоимости такие монеты соответствовали лишь по внешнему виду, на самом же деле они стоили гораздо дешевле. Тем самым фальшивомонетчики наносили ощутимый ущерб как государству в целом, так и простым его гражданам, у которых в обращении находились такие монеты.

Подделывать же деньги стали гораздо позже, когда люди начали коллекционировать монеты разных стран и эпох. По свидетельству биографа римских императоров Светония, жившего где-то в начале I века н. э., одним из первых нумизматов в истории был император Август (63 год до н. э. – 14 год н. э.), любивший в дни торжеств одаривать своих друзей старыми монетами.

Плиний (23–79 годы) в своей «Истории» сообщает о том, что фальшивые монеты пользовались большой популярностью у римских патрициев, которые за один фальшивый денарий готовы были выложить несколько настоящих. Возможно, такое положение дел побудило римских фальшивомонетчиков расширить свое производство.

Особенно выгодна была подделка монет в эпоху Ренессанса, когда в кругах высшей знати распространилась мода на коллекционирование монет и оборудование специальных монетных кабинетов. Особенным спросом у нумизматов пользовались античные монеты. Коллекционерами монет были такие известные личности, как Микеланджело Буонарроти, Джорджио Вазари, императоры Максимилиан I и Карл V, Римский Папа Пий IV, король Испании Филипп II, Екатерина Медичи, Антуан и Иоанна Наварские, а также архиепископы Кёльна и Майнца.

В дневнике голландского художника и историка Губрехта Гольция (1526–1583 годы) упоминается около 950 монетных кабинетов, которые ему довелось посетить. Именно Гольций, являющийся автором трехтомного труда «Памятники римской и греческой античности, заключенные в старинных монетах», стал одним из основоположников нумизматики как

вспомогательной исторической науки. Доподлинно известно, что к тому времени в Риме насчитывалась 71 крупная коллекция монет, в Неаполе – 47, в Париже и Аугсбурге – по 28, в Венеции – 25, в Брюсселе – 23 и в Антверпене – 22 коллекции.

Поскольку античные монеты представляли огромную редкость, многие искусные гравировщики занялись изготовлением их копий, что обещало им немалые доходы. Среди зачинателей этого прибыльного дела следует назвать Витторе Камелио (1460–1537 годы), Джованни Кавино (1500–1570 годы) и Алессандро Бассиано. Нумизматы не относят их к фальшивомонетчикам, так как работы этих мастеров являются настоящими произведениями искусства и мало чем отличаются от оригиналов. Кроме того, эти гравировщики создавали многочисленные «авторские» медали.

Античные монеты, изготовленные в мастерских Камелио, Кавино и Бассиано, позднее стали известны как падуанские. Они считаются подлинными медалями эпохи Возрождения.

Однако вернемся к предмету нашего интереса и выясним наконец, кем же был «пекарь античности» и почему его так называли. Под этим странным прозвищем скрывается вполне реальный человек, надворный советник оживленного промышленного города Оффенбаха Карл Беккер, который вошел в историю как самый крупный фальшивомонетчик всех времен и народов. Фамилия его действительно переводится на русский язык как «пекарь». Среди его почитателей был сам Гёте. Кем же был этот загадочный человек?

Карл Вильгельм Беккер родился 28 июня 1772 года в семье члена городского совета и виноторговца Иоганна Вильгельма Беккера в старинном городе Шпейере, где находился и монетный двор. Отец старался дать сыну прекрасное образование с тем, чтобы тот продолжил семейное дело. Однако молодой человек строил собственные планы на будущее. Карл мечтал стать скульптором или заняться художественным промыслом. Но отец послал его на обучение к одному виноторговцу в Бордо. Именно с этого времени Беккер и увлекся изучением старых монет и начал делать их зарисовки. Кроме того, он получил некоторые навыки в искусстве гравировки, что и определило его дальнейшую судьбу.

В 1795 году во Франкфурте Карл открыл собственную винную торговлю. Однако спустя три года он забросил это дело и, переехав в Мангейм, организовал торговлю сукном, но и это занятие, так же как и предыдущее, не принесло ему ожидаемого коммерческого успеха. В результате в 1803 году Беккер окончательно оставил торговлю и обратился к художественному промыслу. По утверждению биографа Беккера М.

Пиндера, это были работы по золоту.

Достоверных сведений о жизни Беккера в рассматриваемый период не сохранилось. Следы его деятельности обнаруживаются в Шпейере, Мангейме и Мюнхене, где он работал на императорском монетном дворе и специализировался на изготовлении монетных печатей, постепенно совершенствуя свое мастерство.

Именно в Мюнхене приключилась история, которая способствовала обращению Беккера к подделке монет. Как-то раз он купил у барона фон Шеллерсгейма фальшивую монету, отчеканенную во времена Римской империи. Распознав подделку, Беккер в тот же день высказал Шеллерсгейму справедливые претензии. Ответ барона буквально его ошеломил. «Все правильно. Если чего-то не понимаешь, то не следует этим и заниматься». Как спустя много лет признавался сам Карл Беккер, с этого момента он и превратился в фальшивомонетчика. Причем первый же образец из его фальсификаторской мастерской стал предметом мести обидчику. Беккер обменял его на подлинную монету через посредника, работавшего на Шеллерсгейма.

Описываемые события происходили в 1804 или в 1805 году. С тех пор чеканка античных монет приобретала все большие масштабы. Поначалу Беккер предпочитал изготавливать золотые монеты. Он покупал те из них, которые имели широкое хождение (достать их не составляло особого труда), а затем переплавлял по античным образцам. С серебряными монетами, к подделке которых Беккер приступил несколько позднее, он поступал точно так же.

Прежде чем приступать к работе, Карл тщательнейшим образом изучил приемы, которые использовали в своей практике античные мастера. Для того чтобы максимально приблизить свои изделия к оригиналам, Карл отказался от использования появившихся в эпоху Средневековья специальных прессов и производил чеканку вручную. Кроме того, он возвратился к так называемой двойной чеканке. Так же как античные мастера, в том случае если чеканка получалась слабой, Беккер повторно использовал штамп. В результате контур оттиска получался двойным. Изготовленную таким способом подделку очень сложно было отличить от подлинной монеты.

Несмотря на все хитроумные уловки фальшивомонетчика, нашелся-таки человек, который смог разоблачить его. Речь идет о Георге Фридрихе Кройцере (1771–1858 годы), который являлся знатоком античной литературы и искусства и создателем многих трудов на эту тему. Уже в 1806 году по воле случая он сумел добыть доказательство того, что

«искусный Беккер копирует греческие королевские монеты».

Однако Беккер и не подумал хотя бы каким-то образом отреагировать на предупреждение Кройцера и с еще большим рвением продолжал заниматься подделкой монет. Более того, спустя год после пресловутого разоблачения он изобрел новую древнегреческую монету – так называемый антипатер.

В 1810 году Беккер отправился в путешествие по Швейцарии и Италии. В этом же году он гостил у директора миланского монетного кабинета Брера, которому продал монеты на сумму 6986 лир.

В 1812–1813 годах по неведомым причинам Беккер снова обратился к торговле вином и стал совладельцем одной из торговых фирм в Мангейме. Вскоре он открыл там же антикварный магазин для «повышенных запросов». В число крупнейших клиентов Беккера входил князь Карл Фридрих фон Изенбург-Бирштейн, принадлежавший к Рейнскому союзу 16 князей, которые в 1806 году вышли из «Священной Римской империи германской нации» и присоединились к Наполеону. Как сообщает М. Пиндер, из испанского похода наполеоновской армии князь привез «прекрасную коллекцию монет и, прежде всего, полный комплект монет вестготов».

Князь с большой симпатией относился к удивительно образованному любителю античности, то есть Карлу Беккеру, и даже пригласил его в Оффенбах, на что Беккер любезно согласился. Так он получил сначала должность библиотекаря, а затем – надворного советника изенбургского двора.

Многие представители княжеского двора были не прочь использовать таланты Беккера для собственного обогащения. Особенное рвение в этом вопросе, по свидетельству М. Пиндера, проявлял маркиз Иоганн Габриэль фон Частелер (1763–1825 годы). Беккер не спешил соглашаться на сомнительные предложения, понимая их тайный умысел. К тому же он отнюдь не нуждался ни в чьем покровительстве, поскольку располагал надежной сбытовой сетью, которая, в частности, включала известные еврейские торговые и банкирские дома. Среди них прежде всего следует назвать Колинов в Оффенбахе, Джованни Рикарди в Венеции, Оппенгеймеров и даже Ротшильдов. Так, в 1806 году от фирмы «Мейер Амшель Ротшильд и сын» Беккер получил заем, который спустя пять лет погасил фальшивыми монетами. Ротшильды же, ничего не подозревая, подтвердили получение золотых монет следующими словами: «Мы видим, что имеем дело с честным человеком».

В 1815 году Беккера посетил Иоганн Вольфганг фон Гёте. Встреча с

надворным советником не оставила поэта безразличным, потому что чуть позже он сделал в своем дневнике такую запись: «Надворный советник Беккер в Оффенбахе показал мне значительные картины, монеты и геммы, и при этом он иногда не отказывал в подарке гостю любившейся ему вещи».

В книге Гёте «Искусство и древность» есть следующие слова: «Господин Беккер, высоко ценимый знаток монет и медалей, собрал значительную коллекцию монет всех времен, поясняющую историю его предмета. У него же можно увидеть значительные картины, бронзовые фигурки и другие древние произведения искусства различных видов».

В письме Й. К. Эрманну Гёте еще раз упоминает о Беккере, причем из текста становится понятно, что поэт знает наверняка о характере основной деятельности надворного советника. Гёте пишет о том, что Беккер, как и прежде, располагает «резиденциями» для развития своего «монетного дела» во многих городах.

Беккер, и в этом следует отдать ему должное, был неутомимым тружеником. Для изготовления своих подделок он ни разу не использовал отливки с настоящих монет. Каждый раз он чеканил монеты заново. А это означает, что для изготовления 330 монет ему требовалось примерно 600 штампов, поскольку для чеканки отдельных экземпляров он использовал аверс или реверс других монет. Некоторые монеты, так же как и вышеупомянутый «антипатер», явились исключительно плодом его фантазии, потому что аналогов в истории просто-напросто не существовало.

В своем ремесле Беккер вынужден был полагаться только на свои собственные силы, поскольку привлечение к делу помощников могло повлечь за собой разоблачение его обмана. Только в 1826 году, когда Карлу Вильгельму начало отказывать зрение, что не преминуло сказаться на качестве его работ, он нанял помощника – Вильгельма Циндера. К тому времени всем уже было известно, чем занимается надворный советник в промежутках между выполнением своих прямых обязанностей, поэтому наконец он смог себе это позволить.

Поистине удивительным представляется умение этого человека распределять свое время. То, как он успевал выполнять обязанности библиотекаря, постоянно проводить беседы с покровителем, совершать «деловые поездки» в Италию и Австрию и при этом заниматься своим промыслом, остается загадкой. Ведь на изготовление некоторых штампов, особенно тех, которые предназначались для чеканки древнегреческих монет, у мастера уходило до 12 недель.

Изделия Беккера к тому времени достигли высочайшего совершенства. Французский эксперт-криминалист XIX века Поль Эдель, который специализировался в области искусствоведения, в связи с этим писал: «Ему (Беккеру) подвластно все: элегантная грация греков, строгая красота римского искусства, оригинальность и причудливость средневековых монет».

Действительно, коллекция отчеканенных Беккером фальшивых монет охватывала огромный период – с VII века до н. э. до XVIII века. Она включала монеты из Сицилии, Греции, Древнего Рима и его итальянских провинций, из Карфагена, Тракии, Македонии, Крита, Пергамона, Сирии, Финикии, Египта, монеты вестготов, Меровингов, Каролингов, германских императоров и епископов из Майнца.

Для того чтобы выпускаемая им продукция имела подлинно античный вид, надворный советник разработал собственную технологию. К рессорам своей двуколки находчивый мошенник прикрепил открытую емкость, в которую помещал монеты, перемешанные с тщательно пропитанной жиром металлической стружкой. Когда двуколка проносилась по городской брусчатке или по пыльной проселочной дороге, монеты подвергались интенсивным грязевым процедурам, от которых быстро старились, приобретая вид подлинных экспонатов древности. Недаром на страницах дневника Беккер с характерной для него скрупулезностью записывал: «Опять вывозил свои монеты».

Образцами для подделок Беккеру служили монеты из богатой коллекции князя, к которой он имел доступ с 1814 года. При этом Беккер частенько подменял подлинники, продавая их затем за немалые суммы. Аналогичным образом он поступал и с другими коллекционерами, даже не подозревавшими о подмене. С достаточной откровенностью Беккер писал о подобных своих проделках в письме в Альтенбург, господину фон Габеленцу: «Что касается «Юлии Тити», она настолько хорошо сохранилась, она так редка и изысканна, что мне трудно с ней расстаться. Прошу Вас проявить еще немного терпения. Вы обязательно получите ее и другие монеты, как я Вам и обещал. Делаю это потому, что рассчитываю и от Вас получить что-нибудь действительно редкое».

Так доверчивый нумизмат получил вместо своих подлинников изделия Беккера. Директор берлинского монетного кабинета с 1854 года Юлиус Фридлендер (1813–1884 годы) в посвящении отцу Й. Г. Бенони Фридлендеру писал о Беккере следующее: «Он нашел в коллекции моего отца „свои“ серебряные монеты, обрадовался и сказал, что это наверняка хорошие копии, раз в них поверил такой знаток! А на следующий день в

качестве „доказательства“ он прислал бронзовые экземпляры тех же монет, потому что тогда обстоятельства вынудили его признать, что изготавливает он античные монеты якобы для того, чтобы коллекционеры, которые не могут достать настоящие монеты, получили хотя бы их копии».

В 1820 году умер покровитель Беккера, князь Карл. С этих пор для него наступили трудные времена. Начались разоблачения его подделок. В 1822 году о них писал в венском литературном ежегоднике директор императорского кабинета античности и нумизматики в Вене Антон фон Штайнбюхель фон Рейнвальд. Однако никто не торопился выдвигать против Беккера обвинения, а чтобы их предотвратить, сам «пекарь античности» выставил на продажу серию сделанных им серебряных монет за 300 дукатов. Кроме того, он решился предложить венскому кабинету свои штампы с заверениями в том, что его деятельность никогда не преследовала корыстных целей. Хитроумный обманщик выставил себя в выгодном свете, объявив свою скромную персону жертвой алчных торговцев, якобы выдававших его копии за оригиналы.

Однако факты оказались сильнее, и свидетельствовали они против Беккера. Монетный каталог зафиксировал комплект его подделок, который оценивался в 70 тыс. талеров. К тому же Беккер сам изобрел некоторые монеты. Имелись у него и другие уникальные работы, которые, без сомнения, представляли собой продукцию фальшивомонетничества.

После неудавшейся сделки с венским кабинетом античности и нумизматики Беккер продолжил изготовление штампов для новых монет. Некий Данц, с которым он познакомился в Вене, предложил ему свои

услуги в организации продажи изготовленных им монет на Востоке.

Как бы то ни было, но чутье не подвело Беккера. Он вовремя обратился с официальным предложением своей продукции, потому что через год после этого появилась прокламация, предупреждавшая о подделках Беккера, а в 1826 году вышла книга итальянца Доменико Сестини, посвященная фальсификациям монет. Нашлось в ней место и для описания деятельности Беккера. Сестини писал: «Этот человек обладает глубокими знаниями, к тому же он чрезвычайно одарен, талантлив и умел как гравер. Он изготовлял штампы для монет различных римских императоров и чеканил их из золота для того, чтобы поставлять английским коллекционерам. После этих первых операций Беккер продолжал изготовлять штампы различных редких монет, которые оказывались в королевском собрании в Париже. Во всех европейских музеях имеются беккеровские монеты». По всей вероятности, после разоблачения деятельности великого фальшивомонетчика обстоятельства в Оффенбахе складывались не в его пользу, поэтому в том же 1826 году ему пришлось переехать в Бад-Хомбург, где он весьма скромно провел последние годы своей жизни. Беккер не оставил после себя никакого наследства. Торговцы отказывались продавать его продукцию, поскольку она уже не пользовалась спросом, как в былые времена, когда все принимали такие монеты за подлинники.

Для своих штампов мастеру также не удавалось найти покупателей. В 1829 году Беккер специально отправился в Берлин, чтобы предложить их прусскому королю за 5000 дукатов, однако тот не пожелал сделать эту покупку. Не смог Беккер продать штампы и русскому королю за 6000 дукатов. 11 апреля 1830 года великий фальшивомонетчик скончался от инсульта. Его штампы безвозмездно перешли во владение хомбургской семьи Зайденштрикеров. Коллекцию из 331 штампа продали за 30 рейнских гульденов. Впоследствии часть этих штампов оказалась в берлинском монетном кабинете, где они находятся и по сей день.

Не подлежит сомнению тот факт, что у Беккера были поистине золотые руки. Недаром многие опытные эксперты оказывались введенными им в заблуждение и приобретали в свои коллекции его подделки, приняв их за оригиналы. Копии мастера обладали единственным недостатком: они были слишком правильны и чересчур совершенны. Кроме того, беккеровские серебряные монеты имели сине-черный оттенок, который их как бы слегка затуманивал.

Изенбургский надворный советник, конечно же, не был единственным в ряду гениальных фальшивомонетчиков. Многие из его коллег, не

получившие особенной известности, использовали более простую технологию для изготовления своих подделок. Сначала они делали отливки настоящих монет, а потом в подготовленные таким образом формы заливали жидкий металл. Однако такие монеты не были столь же совершенными, как изготовленные настоящей чеканкой. Поверхность «слиточных» монет была далеко не идеальной: под лупой она выглядела зернистой, иногда на ней просматривались следы воздушных пузырьков. Однако благодаря специальной технике старения подобные улики удавалось завуалировать, и эти монеты с легкостью находили своего покупателя.

Подделка монет и в наши дни является настоящей «золотой жилой». Труд современных фальшивомонетчиков облегчила специальная техника. Они используют гальванопластику, прессовое и литейное оборудование.оборот фальсифицированных монет достигает таких масштабов, какие Беккеру и не снились.

Развитию и расширению бизнеса фальшивомонетчиков способствуют огромные цены, которые увлеченные нумизматы готовы выкладывать за особо редкие монеты. Кроме того, большим спросом также пользуются

многие фальшивые монеты. Появилась даже специальная область нумизматики – коллекционирование фальшивых монет.

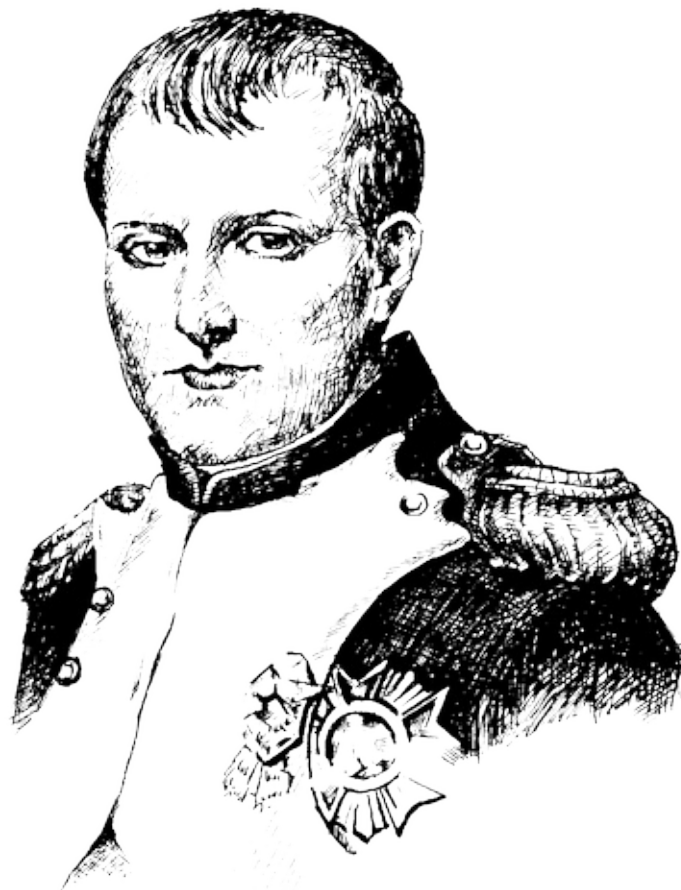
Изделия известных мастеров-фальшивомонетчиков скупаются по довольно внушительным ценам. Так, например, в 1972 году на аукционе, проходившем во Франкфурте-на-Майне, 11 беккеровских монет были проданы по цене 180–300 германских марок за каждую.

Только в одной Германии на рынке ежегодно появляются сотни подделок, которые порой оказываются до такой степени совершенными, что распознать подделку не удастся даже экспертам. Многие фальшивые монеты под видом подлинных вошли не только в частные, но и в государственные коллекции.

Великий фальшивомонетчик французского двора

Неподалеку от южного пригорода Парижа, Монружа, находилась небольшая заброшенная вилла. Старожилы помнили, что она когда-то принадлежала состоятельному господину. Вокруг виллы был разбит небольшой сад, за которым заботливо ухаживал невысокий дружелюбный человек. С 1790-х годов дом пустовал, не открывались даже ворота сада. Постепенно начали ходить слухи о странном шуме в заброшенном доме. По ночам в навешенных окнах загорался свет. Летом 1811 года несколько обеспокоенных жителей городка явились в местную жандармерию, чтобы рассказать о происходящем. Однако жандармы лишь усмехнулись в ответ: «Шли бы вы по домам. Дом в полном порядке». Они объяснили, что на вилле работают люди, которые по заданию правительства выполняют кое-какие изыскания.

Действительно, в доме выполнялось правительственное задание. Изыскания же касались изготовления фальшивых денег, о чем жандармы, конечно, предпочли умолчать. Более того, фабрика на вилле в Монруже принадлежала самому Наполеону Бонапарту. Первой продукцией, выпущенной этой фабрикой, стали банковские билеты Венского банка. Необходимый для производства фальшивок исходный материал был заготовлен в Вене еще в 1805 году, когда она находилась под властью Наполеона. Однако поставки в Вену фальшивых денег вскоре пришлось приостановить, поскольку 2 апреля 1810 года дочь австрийского императора, Мария-Луиза, стала женой Бонапарта. Тем не менее немногочисленные партии фальшивок все-таки дошли до Австрии. Когда же бдительные жители Монружа обратились в жандармерию, фабрика занималась подделкой русских ассигнаций.

Наполеон Бонапарт

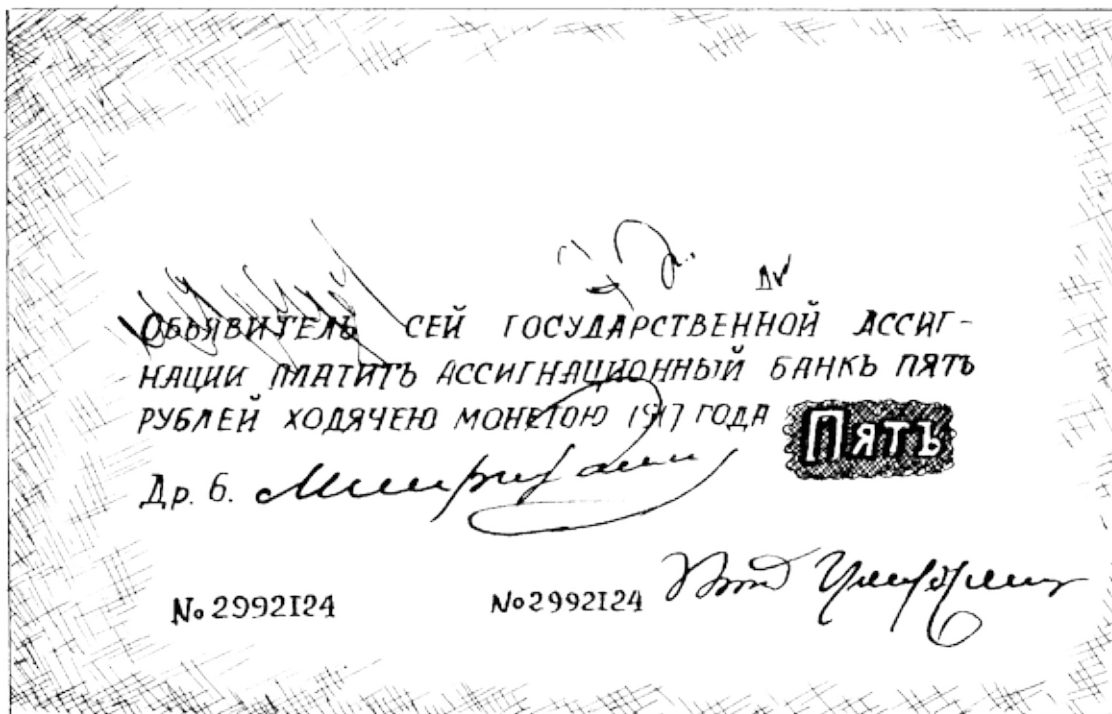
Война с Россией к концу 1810 года была делом решенным, и никто уже не сомневался в том, что французы одержат победу. 26 октября 1810 года царь Александр I писал своей сестре Екатерине: «Кажется, прольется новая кровь. Я, по крайней мере, сделал все, что было в человеческих силах, чтобы это предотвратить». 23 июня французские войска осуществили переправу через Неман, которая ознаменовала начало русского похода властолюбивого правителя.

Оборудование типографии из Монружа переправили в Варшаву, где в скором времени было организовано новое производство фальшивых денег. После того как пала Москва, его филиал начал работать в одном из полуразрушенных зданий на Преображенском кладбище. По всей вероятности, был создан и еще один филиал, который находился непосредственно в Москве, что следует из записи в дневнике офицера русской армии, некоего К. Мартинеса, который участвовал в отражении французской агрессии. Он писал: «Когда мы ехали по улицам второй

столицы России, в одном из полусторевших домов мы нашли хорошо оснащенную фабрику фальшивых денег со всем необходимым: машинами, инструментами, а также массу готовых ассигнаций. Они были сделаны настолько искусно, что отличить от настоящих денег их было просто невозможно».

После прочтения этих строк невольно возникает вопрос о том, знал ли великий французский монарх о существовании двух типографий в Москве и Подмоскowie или опасным промыслом втайне занимались его офицеры.

Склад выпускаемых в Монруже и Варшаве фальшивых денег находился в Вильно. Главный придворный конюшенный Наполеона, маркиз Коленкор, описал в своих воспоминаниях, с каким отчаянием воспринял император известие о сдаче его последнего оплота в России, города Вильно: «С неописуемым нетерпением он ожидал приезда и доклада герцога Бассано (Г. Б. Марэ, наполеоновский министр иностранных дел). В первую очередь он хотел знать, удалось ли уничтожить фальшивые русские банкноты, хранившиеся в Вильно. „От наших людей можно ожидать, что они вполне могут забыть об этом, – говорил мне император. – Они могут и перепоручить это дело кому-нибудь, кто в поисках наживы может пустить их в оборот. Будет неприятно, если в руки русским что-нибудь попадет“. Он добавил, что от некоторых частных лиц знает, что после его проезда через Вильно эти банкноты были поделены, и это его обеспокоило». По всей вероятности, император планировал пустить фальшивые банкноты в обращение в качестве оккупационных денег в случае своей победы, в которой был уверен до последнего.

Большинство фальшивых русских ассигнаций были достоинством в 25 рублей. 50-рублевых было произведено намного меньше. Огромные партии этих подделок поступили в обращение. Хотя они были изготовлены с большой тщательностью, на некоторых экземплярах все же содержались ошибки в надписях. Например, вместо слова «государственная» было напечатано «госуларственная», а вместо «ходячей» – «холячей». Впоследствии, когда 25– и 50-рублевые купюры были изъяты из обращения, оказалось, что в ходу было 70 миллионов фальшивых денег.

Деньги – это деньги, пусть и фальшивые

После Крымской войны 1853–1856 годов финансовое состояние Российской империи внушало известную тревогу не только высокопоставленным лицам, но и простым гражданам. С 1856 года покупательная способность рубля неудержимо снижалась. Золото и серебро уходило с рынка, оседая в руках граждан, которые предпочитали откладывать монеты на черный день, не пуская их в дальнейшее обращение. Высокопробные российские монеты, особенно серебряные, в огромных количествах вывозились в Европу, где использовались как материал для изготовления ювелирных изделий.

Для борьбы с этим явлением министерство финансов в 1860 году предложило императору Александру II проект реформы денежного обращения, предусматривавший снижение номинала серебряных монет и пробы сплава без уменьшения содержания в них чистого серебра. Государь счел эту меру недостаточно радикальной и повелел впервые с 1764 года уменьшить содержание чистого серебра в серебряном рубле с 18 грамм до 15,3. Однако этой меры оказалось недостаточно, и в 1867 году последовало второе крупное обесценивание рубля, в результате чего содержание серебра в нем упало до 9 грамм. Понятно, что в таких условиях золото постоянно уходило из оборота, поэтому для поддержания денежного обращения министерство финансов было вынуждено восполнять потери бумажными деньгами.

Александр II

И вот в августе 1868 года представители правопорядка стали получать первые известия о фальшивых купюрах достоинством в 10 рублей (образца 1864 года) и в 50 рублей (образца 1865 года). Вскоре особое отделение канцелярии министерства финансов (специальное подразделение, ответственное за вскрытие операций фальшивомонетчиков и очистку

денежного рынка от подделок) констатировало появление в России очень качественно изготовленных фальшивых денег. Так, на банкнотах даже менялись номера, причем изготовитель ни разу не ошибся и не запустил в оборот ассигнации невыпущенных министерством финансов серий и номеров.

На протяжении второй половины 1868 года подделки появлялись в различных городах европейской части России (Ярославле, Вологде, Москве, Ревеле, Харькове, Таганроге и т. д.) всегда в единичном экземпляре. Как правило, ими расплачивались в железнодорожных кассах, буфетах или в поездах. В тех случаях, когда удавалось установить лицо, предъявившее банкноту в уплату или попросившее о размене, допрос снимал все подозрения в его адрес, так как эти люди были с абсолютно безупречной репутацией. Ни разу фамилия одного и того же человека не прозвучала в связи с выяснением обстоятельств хотя бы двух случаев обнаружения фальшивок.

В сентябре 1868 года на экспертизу в канцелярию министерства финансов было доставлено несколько десятирублевых купюр, изъятых из оборота в маленьком уездном городке Путивль. Немедленно туда были направлены чиновники Особого отделения и полетела телеграмма, адресованная судебному следователю окружного суда, с требованием «принять все надлежащие меры к разысканию и задержанию виновных».

Выяснилось, что новенькие десятирублевые ассигнации расходились по городу из одного места – кассы цеха по производству железнодорожных шпал. Цех этот принадлежал французскому подданному Августу Жюэ. 12 октября 1868 года полиция нагрянула с обыском одновременно и в цеховую контору, и на квартиру французского предпринимателя. В результате в сейфе в кабинете Жюэ были найдены 92 десятирублевые ассигнации с номерами, близкими номерам тех банкнот, относительно которых экспертиза уже дала свое заключение, признав их фальшивыми. Кроме того, во время обысков в руки полиции попала переписка Августа Жюэ, в которой внимание привлекли два письма Станислава Янсена, владельца магазина, торгового дома и большого аптекарского склада в Санкт-Петербурге. В этих письмах Янсен извещал Августа Жюэ о том, что он высылает ему «жидкость для спринцевания», и делился своими планами относительно поездки в Париж для осуществления «выгодного предприятия». Самого Жюэ арестовать не удалось, так как он смог выехать за границу. О его дальнейшей судьбе ничего не известно.

Между тем письма Станислава Янсена попали к начальнику петербургской сыскной полиции Ивану Дмитриевичу Путилину. Он сразу

понял, что под «жидкостью для спринцевания» подразумевается что-то другое, но для него до поры до времени оставалось загадкой, какие деловые интересы могли связывать торговца парфюмерией и изготовителя шпал.

Осенью 1868 года сыскная полиция приступила к негласной проверке Янсена и его торгового предприятия. В ходе этой кропотливой и малозаметной работы удалось выяснить много весьма любопытного: например, некоторые факты из биографии Станислава Янсена, который родился в 1812 году в России. В 1831 году он эмигрировал во Францию, где окончил университет и получил звание доктора медицины, потеряв подданство Российской империи. В 1858 году Янсен неожиданно для всех решил вернуться в Россию. Чтобы получить разрешение на въезд в нашу страну, Станислав Янсен представил саксонскому дипломату документы, подтверждавшие его торговую, промышленную и научную деятельность. Однако о своей финансовой несостоятельности Янсен в тот момент не заявил.

По приезду в Петербург Станислав Янсен выступил учредителем бесчисленного количества акционерных обществ и товариществ на паях. Все эти предприятия существовали недолго, впрочем, успевая приносить своему хозяину неплохие доходы.

Самым подозрительным в полученной Иваном Путилиным информации было то, что доходы Янсена не соответствовали оборотам его предприятий. Француз действительно владел довольно значительными суммами, которые ссужал членам французской колонии в Петербурге, но при этом был неясен источник этих денег. Торговая деятельность Станислава Янсена явно не приносила доходов, которые позволили бы свободно оперировать десятками тысяч рублей. Это соображение заставляло испытывать некоторые сомнения в его добропорядочности.

В январе 1869 года в Санкт-Петербург из Парижа приехал Эмиль Янсен, сын Станислава Янсена. А 1 марта 1869 года на прием к столичному обер-полицмейстеру явился дипломатический курьер французского посольства в Российской империи по фамилии Обри. Он сделал заявление столь важное, что его попросили повторить сказанное в присутствии Ивана Дмитриевича Путилина, за которым немедленно послали.

Рассказ француза сводился к следующему: за 8 дней до его отъезда в Петербург с почтой Министерства иностранных дел Франции к нему обратился некий Риу, попросивший передать Эмилю Янсону за вознаграждение небольшую коробочку. В ней находились якобы образцы модных парижских товаров общей стоимостью едва ли 30 франков.

Деревянная коробочка была обшита клеенкой (поскольку содержимое боялось влаги), на которую была приклеена карточка с указанием адреса Эмиля Янсена в Петербурге. Курьер поначалу отказался выполнить просьбу, но после того, как Риу обратился к его начальнику и последний разрешил коробочку взять, он согласился. Затем курьер бросил коробку в холщовый мешок, который был опечатан министерством иностранных дел Франции, и без досмотра и оплаты груза на таможне привез ее в Россию.

Вскрыв мешок 28 февраля 1869 года при передаче государственной корреспонденции в посольстве, француз обнаружил, что клеенка на коробке разорвалась. Он снял ее совсем и ему показался крайне подозрительным тщательно упакованный деревянный ящик. Курьер решил поинтересоваться его содержимым. Вскрыв ящик, он обнаружил в нем два свертка, каждый из которых был опечатан по пять раз печатью с тремя лилиями, повторявшей своим видом герб дома Бурбонов. В одном из свертков находился мешочек из коленкора, в другом – мешочек из холстины. Когда Обри их развязал, оказалось, что они заполнены мелко нарезанной бумагой. А вот в бумаге находились пачки российских пятидесятирублевых ассигнаций, свернутые трубочкой и перетянутые суровой ниткой. Курьер, недолго думая, решил известить российские власти о странной посылке.

Немедленно была проведена экспертиза доставленных французом ассигнаций, которые все являлись подделками. Кроме того, представители правоохранительных органов переписали номера фальшивых купюр, сфотографировали деньги и упаковку, запротоколировали заявление курье. Затем фальшивки поместили обратно в мешочки, а те, в свою очередь, зашили и спрятали в коробку, которую вернули курьеру, получившему необходимые инструкции.

Вечером 1 марта 1869 года курьер послал Эмилю Янсону записку, в которой проинформировал его о своем прибытии в Петербург и намерении встретиться для передачи посылки. Второго марта на квартиру дипломатического курьера, располагавшуюся на территории посольства, прибыла Мелина Янсен, мать Эмиля Янсена. Обри, действуя согласно полученным инструкциям, сказал ей, что посылка вместе с доставленной им дипломатической почтой находится на обработке в секретной части посольства. Именно сейчас получить ее не представляется никакой возможности, поэтому за посылкой надлежит подойти позже. Тут Мелина Янсен попыталась вручить Обри 100 франков, но тот денег не взял и добавил, что посылку вручит только лицу, указанному на визитке, прикрепленной к коробке, то есть Эмилю Янсону.

На следующий день, 3 марта 1869 года, отец и сын Янсены были на квартире Обри. Последний, вручая посылку Станиславу Янсену, попросил его написать расписку в ее получении. Отец делать этого не захотел и перепоручил это сыну. Затем Обри попросил за оказанные услуги выдать обещанное вознаграждение в размере 20 рублей, и Янсены дали ему эти деньги.

Здесь следует немного прояснить ситуацию. Дело в том, что 20 рублей по тем временам были деньгами достаточно большими. Давать 20 рублей за доставку коробочки, в которой лежали товары якобы на 30 франков, значило просто швырять деньги на ветер.

Когда Янсены вышли из квартиры Обри, их уже поджидал отряд полицейских в штатском. Однако непредвиденный случай едва не помешал задержанию. По улице, где стояли отец и сын, шел строй солдат. Эмиль Янсен с зажатой под мышкой коробкой успел перейти на противоположный тротуар, а Станислав Янсен остался возле ворот, из которых только что вышел. К нему немедленно подошли трое полицейских в штатском и заявили о его задержании. При этом представители правопорядка, не разглядев коробку у Эмиля, пропустили его. И тот получил необыкновенную возможность избавиться от опасного груза, но в силу каких-то причин этого не сделал. Вместо того чтобы зашвырнуть коробку куда подальше, молодой Янсен возвратился с ней назад к отцу, которого, как он видел, остановили какие-то люди в штатском.

Отец и сын Янсены были доставлены на допрос к Путилину. Суть сделанных ими заявлений сводилась к следующему: Станислав Янсен утверждал, что ничего не знает о содержимом посылки и ее принадлежности. Сын говорил, что посылка будет передана некоему третьему лицу, которое заплатит за хлопоты 50 или даже 100 рублей. Именно в расчете на получение этих денег он, Станислав Янсен, составил компанию сыну при его посещении Обри и заплатил 20 рублей.

Эмиль Янсен утверждал, что приехал в Петербург, узнав от отца о болезни матери. В день отъезда из Парижа к нему обратился некий Леон Вернике, литейщик по бронзе, просивший перевезти в Россию небольшую посылку. В Петербурге ее должен был забрать некто, который при получении и оплатит ее доставку. Поскольку на момент разговора Эмиля Янсена с Леоном Вернике посылка еще не была готова, первый сообщил адрес своего дяди, преподавателя Парижской горной школы Леона Риу, который мог бы организовать доставку посылки. Эмиль Янсен уехал в Петербург и жил на квартире отца, пока к нему не явился тот самый Куликов и не поинтересовался судьбой посылки из Парижа. Узнав, что она

еще не прибыла, Куликов пришел в ярость, долго ругался, но потом пообещал хорошо оплатить хлопоты по доставке бандероли.

В то время пока Станислав и Эмиль Янсены давали свои показания начальнику столичной сыскной полиции, к ним на квартиру прибыли судебный следователь и полиция. По ордеру, еще накануне подписанному прокурором окружного суда А. Ф. Кони, начался обыск, позволивший обнаружить печать с тремя лилиями, оттиски которой красовались на бумажных свертках с фальшивыми деньгами, а также 50-рублевую фальшивую купюру. Примчавшийся с обыска курьер доложил Путилину о полученных результатах. Начальник столичного сыска тут же поинтересовался у задержанных происхождением найденной ассигнации и печати с лилиями. Станислав Янсен заявил, что купюра принадлежит ему: она якобы была получена его супругой при расчете в магазине неизвестного клиента. Поскольку этот кредитный билет вызвал сомнения в своей подлинности, Станислав Янсен хранил его отдельно от остальных денег и намеревался в ближайшее время отнести в банк для проверки.

Эмиль, демонстрируя живое участие в работе полиции и желание сотрудничать, с готовностью признал, что печать принадлежит ему. Он рассказал, что получил ее во время своего единственного разговора с Леоном Вернике для передачи Куликову. Заметим, что более нелепое объяснение трудно придумать, ведь если бы Вернике и правда отдал печать

с тремя лилиями Эмилю Янсену, то он никак не смог бы уже после этого опечатать ею свою посылку (напомним, Янсен утверждал, что на момент разговора с Вернике посылка еще не была готова).

Как бы то ни было, но Янсены из задержанных превратились в арестованных. А столичный обер-полицмейстер передал своим коллегам из Франции известие о задержании Янсенов и попросил их провести в Париже проверку заявления Эмиля Янсена. Довольно быстро были получены ответы французских полицейских, гласившие, что в столице Франции и отнесенных к ней пригородах не проживает ни одного Леона Вернике. Кроме того, начальник тайной полиции Парижа полковник Клод в послании, переданном в середине марта петербургскому обер-полицмейстеру, дал подробную характеристику как самому Станиславу Янсену, так и его предпринимательской деятельности в России. Клод прямо указал, что Янсен занимается распространением фальшивых российских ассигнаций, которые получает предположительно через дипломатическую курьерскую службу посольства Великобритании в Петербурге. Английский курьер, фамилия которого не приводилась, имел, по мнению Клода, прямой выход на автора фабрикации.

В это время произошло событие, несколько отвлекшее внимание петербургских сыщиков от отца и сына Янсенов. 20 марта 1869 года в Варшаве был арестован еврей Яков Шенвиц, при обыске дома которого было обнаружено поддельных 50-рублевых ассигнаций образца 1865 года на сумму 100 тыс. рублей. Все эти фальшивки оказались изготовлены на том же самом оборудовании, что и привезенные курьером из Франции. Это могло означать лишь одно: изготовитель фальшивых денег механически разделил ассигнации на две большие стопки, каждую из которых направил сбытчику.

Получив информацию из Варшавы, туда немедленно отправился Путилин. Пока он работал в Варшаве, расследование в столице шло своим ходом. Было обнаружено немало важных фактов, отчет о которых получили министр юстиции К. И. Пален, управляющий Третьим отделением Его Императорского Величества канцелярии граф П. А. Шувалов и сам государь.

П. А. Шувалов

Весна и лето 1869 года прошли в напряженных следственных действиях: допросах, очных ставках, изучении самой разнообразной документации, имеющей отношение к делу. В конце концов было составлено обвинительное заключение, подписанное прокурором Петербургского окружного суда А. Ф. Кони, согласно которому отец и сын Янсены признавались виновными в организации по предварительному уговору между собой ввоза в Петербург 360 фальшивых кредитных билетов 50-рублевого достоинства заграничной механической подделки. Причем в данном документе подчеркивалось, что никто из обвиняемых виновным себя так и не признал, а значит, и не раскаялся в содеянном. После почти четырехмесячного ознакомления обвиняемых с материалами следствия была назначена дата начала судебного процесса – 25 апреля 1870 года. Первым важным пунктом обвинения являлось доказательство того, что Янсен неоднократно «общался» с французскими подданными через

дипломатических курьеров посольства, то есть минуя должный таможенный и пограничный контроль. Далее прокурор смог убедить присутствующих в зале суда в том, что отец и сын Янсены были прекрасно осведомлены о содержимом посылки, доставленной Людвигом Обри. Защита Станислава и Эмиля Янсенов не смогла отвести ни одного пункта обвинения, на котором настаивал прокурор.

Суд закончил свою работу 26 апреля 1870 года. После полуторачасового совещания присяжные вынесли вердикт: все обвиняемые признавались виновными в предъявленных им обвинениях. Решением суда они приговаривались к тюремному заключению с учетом срока содержания под стражей в период следствия и к возмещению причиненного государству ущерба, оцененного в 32 560 рублей.

Очаровательный мошенник

В 1925 году Португалия, как и многие европейские государства после Первой мировой войны, находилась в состоянии тяжелой экономической депрессии, вследствие чего обострились социальные конфликты. В декабре 1920 года португальский эскудо котировался относительно доллара США в 20 раз ниже, чем в декабре 1910 года. Вместе с тем повышался номинал банкнот, из оборота исчезала мелочь, зато появлялись красочные купюры достоинством в 500, 1000 и 5000 эскудо.

Начиная с февраля 1925 года из разных концов Португалии в полицию, банк, газеты стала поступать информация о появлении в обращении большого количества новых банкнот достоинством в 500 эскудо. Деньги такого номинала были в обороте уже больше четырех лет, и банк продолжал их выпускать для поддержания беспроблемного размена крупных купюр на мелкие. Поскольку среднее время эффективного использования бумажной ассигнации составляет 6–8 месяцев, а время выпуска в обращение серий также известно специалистам Банка Португалии, то они всегда точно рассчитывают, когда надлежит производить вброс замещающих партий. Причем в случае простого замещения ветхих либо непригодных для обращения банкнот новыми процентное содержание ассигнаций этого номинала в общем объеме наличной денежной массы не будет расти.

Появление же в обращении в феврале 1925 года новых купюр достоинством в 500 эскудо не походило ни сроками, ни масштабами на планомерную замену ветхих банкнот. У многих людей независимо друг от друга стало складываться впечатление, что ассигнаций этого достоинства в обороте стало чересчур уж много. Достаточно быстро возникшие подозрения облетели всю небольшую страну, вызвав общее недоверие к купюрам номиналом в 500 эскудо.

4 марта 1925 года произошел инцидент, имеющий прямое отношение к многочисленности банкнот. В этот день работники отделения Банка Португалии в городе Брага в течение нескольких часов приняли от разных клиентов несколько нераспечатанных пачек 500-эскудовых банкнот. Прекрасно зная, что последняя крупная партия таких денег была пущена в оборот в 1922 году, они сильно засомневались в том, что почти три года настоящие деньги могли пролежать в банковской упаковке нетронутыми. Поинтересовавшись источником этих денег, работники банка не без

удивления узнали, что все эти пачки были получены их клиентами у одного и того же лица, а именно – у некоего Адриано Сильва, крупного оптового торговца.

Была немедленно оповещена полиция, которую представители банка убедили в том, что Сильва, видимо, крупный фальшивомонетчик. Последнего задержали, но вскоре от его личности пришлось отменить всякие подозрения, так как экспертиза денег, которыми Адриано Сильва расплатился со своими контрагентами, показала, что все банкноты были настоящими.

Впрочем, слухи о поддельных деньгах не исчезли. Наоборот, недоверие к купюрам в 500 эскудо стало столь значительным, что некоторые банки и организации отказывались их принимать. Однако выборочные проверки обращающихся денег экспертами Португальского банка убедительно демонстрировали, что никакого вброса фальшивок не существует.

Желая погасить возникшее недоверие, руководство Государственного банка выступило с официальным заявлением, размещенным на страницах газет 6 мая 1925 года, гласившим следующее: «Администрация Банка Португалии доводит до всеобщего сведения, что для беспокойств по поводу якобы появившихся в обращении фальшивых ассигнаций в 500 эскудо нет никаких оснований».

Этот призыв оказал нужное воздействие на общественные массы, больше уже не выказывавшие явного недоверия к банкнотам. Лето и осень 1925 года прошли сравнительно спокойно, но вот 4 декабря история с деньгами получила дальнейшее развитие. В этот день управляющий Банком Португалии Комачо Родригес принял записавшегося к нему на прием владельца небольшого частного банка Н. Кондельса. Последний рассказал о некоем ювелире из города Порту, клиенте его банка, который регулярно являлся в пункт обмена валюты, где скупал британские фунты и доллары США, расплачиваясь преимущественно банкнотами в 500 эскудо. И на свои депозиты в банке господина Кондельса он тоже имел обыкновение вносить деньги такими же ассигнациями. Клерк, занимавшийся с ювелиром, имел возможность наблюдать расчеты странного клиента в пункте обмена валюты: тот неделю за неделей приносил в банк пачки банкнот по 500 эскудо. В конце концов работник банка спросил своего хозяина: продолжать ли ему и дальше принимать новые банкноты по 500 эскудо. Кондельс тоже не мог поверить в законное происхождение этих денег и потому переадресовал вопрос Комачо Родригесу.

Информация, переданная Кондельсом Родригесу, действительно вызывала подозрения, так как свыше трех лет португальский Банк не вбрасывал новых партий купюр достоинством в 500 эскудо. Банкноты, поступавшие в оборот в порядке замены ветхих денег, могли сосредоточиться в руках одного держателя только чудом. Еще более невозможной представлялась версия, согласно которой новенькие купюры в нераспечатанных пачках остались с той поры, когда они только вводились в оборот.

Управляющий банком Португалии, выслушав Кондельса, немедленно связался с криминальной полицией города Лиссабона. Уже 5 декабря 1925 года в Порту выехала смешанная следственная группа, уполномоченная на самое широкое расследование. Возглавлял группу высокий чиновник министерства юстиции, старший судья по уголовным делам, доктор юриспруденции Дирейто. Своей властью он мог санкционировать любые обыски, задержания, аресты, вскрытие переписки, арест счетов и денег, изъятие документов. Помимо полицейских, в группу также вошли инспектор Банка Португалии Кампос и эксперт по фальшивым деньгам Педросо.

Вскоре следователи разыскали подозрительного ювелира и устроили ему допрос, одновременно с этим проведя обыск в доме задержанного. В результате выяснилось, что свои основные деньги ювелир держал в местном отделении Банка Анголы и в метрополии, владельцем которого являлся не кто иной, как уже знакомый читателю Адриано Сильва.

Далее представители правоохранительных органов опять задержали Адриано Сильву и обыскали помещение его банка, где обнаружили 40 пачек по 100 новых банкнот достоинством в 500 эскудо в каждой. Эксперт Банка Португалии Педросо начал проверку денег прямо на месте, после чего вынес заключение о подлинности купюр. Тогда ошеломленным результатами экспертизы денег блюстителям порядка пришла на ум другая версия: фальшивомонетчикам удалось завладеть типографскими пластинами и самостоятельно организовать выпуск денег.

Правда, работники Португальского банка тут же опровергли гипотезу полицейских. Дело в том, что купюры в 500 эскудо были многоцветными, изготавливались методом последовательной глубокой печати отдельных элементов, при котором неразрезанный лист бумаги позиционировался на рабочем столе станка с минимальными припусками. Наладить массовое производство денег подобным способом, то есть посредством точного копирования всех операций, производимых на монетном дворе, было невозможно, ибо для этого мало было украсть типографские пластины –

следовало построить печатную линию, аналогичную заводской. Да и печатных пластин в том виде, как их представляли себе полицейские, в данном производстве просто не существовало: имелся набор из нескольких десятков клише, каждое из которых содержало лишь часть рисунка банкноты. Любая же попытка упростить производство непременно привела бы к погрешностям при цветоналожении и совмещении фрагментов рисунка.

Но самый главный аргумент экспертов Банка Португалии против полицейской версии о хищении пластин заключался в другом: они твердо заверили коллег из полицейского департамента в том, что деньги данного номинала в стране не изготавливались вовсе. Они печатались в Великобритании известнейшей фирмой «Waterlow & sons», и невозможно было вообразить обстоятельства, при которых клише могли бы попасть в руки злоумышленников.

Следствие зашло в тупик. Полицейские решили прибегнуть к последнему способу, который оказался бы уместным в данной ситуации, – постарались отыскать банкноты с одинаковыми номерами. Если действительно имело место повторное использование печатных пластин, то номера банкнот должны были неизбежно повториться, так как преступники ни за что не стали бы печатать номера несуществующих серий. В связи с этим представители правопорядка взялись переписывать номера 4000 банкнот достоинством в 500 эскудо, обнаруженных в хранилище Банка Анголы и метрополии. Группа работников Государственного банка занялась тем же самым в городе Лиссабоне. Время от времени получавшиеся списки сверялись.

Проделав огромную работу по сличению номеров купюр, полицейские установили 4 пары подлинных ассигнаций достоинством в 500 эскудо, имевших одинаковые номера и находившихся одновременно в двух разных хранилищах, все остальные были фальшивыми. Таким образом, произошло невероятное: преступники сумели повторно использовать настоящие типографские пластины, находившиеся на ответственном хранении в Великобритании.

Получив отчет о результатах сверки номеров, судья Дирейто выписал ордера на арест учредителей Банка Анголы и метрополии, членов его совета директоров и высших администраторов. А в это время в Португалию из путешествия по Африке как раз возвращался главный из четырех учредителей данного банка – Артур Вергилио Альвес Рейс. Его сопровождал Адольф Густав Хеннис, официально не занимавший никаких постов в Банке Анголы, но тем не менее принимавший деятельное участие

в жизни этого предприятия.

Блюстители порядка задержали Артура Рейса, но Адольф Хеннис исчез. Однако вскоре за неимением доказательств вины был отпущен на свободу и Рейс, спустя некоторое время благополучно покинувший пределы Португалии и перебравшийся в Германию. Правда, перед этим Рейс успел сообщить следственной группе судьи Дирейто, что он контролирует 31 тыс. из 90 тыс. акций Государственного банка Португалии. Интересно, что по законам данной страны физическое лицо не могло иметь обыкновенных акций Госбанка свыше определенного лимита, но Артур Рейс просто обошел это ограничение, не нарушив при этом буквы закона: акции, которыми он мог распоряжаться, принадлежали разным физическим и юридическим лицам и находились на различных счетах в депозитариях, а Рейс имел доверенности владельцев на проведение операций с их счетов и управление находящимися там активами.

7 декабря 1925 года управляющий Банком Португалии К. Родригес получил доклад о первом допросе Рейса, после чего дал распоряжение подготовить полную справку о Банке Анголы и метрополии и провести аудиторскую проверку подозрительного банка. Кроме того, за подписью Комачо Родригеса президенту фирмы «Waterlow & sons» сэру Вильяму Альфреду Ватерлоу была отправлена телеграмма следующего содержания: «Наплыв фальшивых банкнот в 500 эскудо. Как можно скорее направьте эксперта. Проведите расследование со своей стороны».

В связи с теми событиями, которые разворачивались дальше, необходимо сделать небольшое пояснение. Дело в том, что все степени защиты банкноты знает только ее изготовитель. Цепочка обычно выглядит таким образом: 6 степеней защиты знают и способны более или менее точно оценить рядовые граждане; 6 дополнительных степеней известны экспертам полицейских органов (то есть их заключение основывается на оценке 12 степеней защиты); еще 6 степеней знают эксперты эмиссионного центра, то есть Национального банка (в общей сложности им известны уже 18 степеней защиты); и еще 6 или больше степеней защиты известны только изготовителю. Численные соотношения внутри этой цепочки могут меняться от страны к стране, но в целом подобный механизм существует везде, где имеет место централизованное денежное обращение.

История Банка Анголы и метрополии коротка, но весьма интересна. Его учредителями являлись Артур Виргилио Альвес Рейс, Жозе душ Сантуш Бандейра и Адриано Сильва. Совет Банка Португалии дважды отклонял подаваемую заявку о регистрации частного банка с уставным капиталом в 20 млн. эскудо. Номинально причиной отказа в регистрации

было то, что «в создании подобного банка нет нужды», так как ангольскую провинцию успешно обслуживает банк „Ультрамарино“. Однако на самом деле совет Национального банка не устраивал состав учредителей. Так, Артур Рейс, основавший в 1922 году компанию «Артур Рейс», был замешан в весьма подозрительной истории с займом компании «Амбако».

Открыв счет в американском банке, он выписал на него чек без обеспечения на сумму 40 тыс. долларов. Зная, что приходование чека займет 8 дней, Артур Рейс на несуществующие деньги, заявленные в этом документе, скупил контрольный пакет сильно обесцененных акций компании «Амбако» – хозяйина трансафриканской железной дороги. Далее, взяв выписку депозитария о состоянии своего счета, Рейс явился в лиссабонский офис «Амбако», где представился новым владельцем компании и на правах такового перевел со счета фирмы 35 тыс. долларов в Нью-Йорк для покрытия чека.

«Амбако» получила неделей раньше заем в 100 тыс. долларов от правительства Португалии, и им-то и распорядился Артур Рейс, купивший контрольный пакет «South Angola mining Co.» В итоге получилось, что Рейс, практически не нарушая закона и не вкладывая собственных денег, сумел стать владельцем двух весьма крупных компаний, работавших в Африке.

Работники «Амбако» все же подали на своего хозяина в суд, обвиняя его в нецелевом расходовании государственного кредита. Одновременно с ними и представители нью-йоркского банка опомнились, что им вернули не 40, а 35 тыс. долларов. В результате Артура Рейса арестовали и два месяца продержали в следственной тюрьме города Порту. За это время ему удалось отмести от себя все обвинения и уладить все конфликты.

Другой учредитель Банка Анголы и метрополии, Жозе душ Сантуш Бандейра, в прошлом имел несколько серьезных столкновений с законом. Отправившись в начале XX века в Бразилию, он отсидел там 7 лет в тюрьме за ограбление со взломом, укрывательство краденого и за спекуляцию спиртным. После возвращения в Португалию Бандейра постоянно находился в центре внимания полицейских, но благодаря покровительству своего отца, крупного землевладельца, и старшего брата, дипломата, к ответственности его в это время ни разу не привлекали.

В довершение всего никто из учредителей Банка Анголы и метрополии не имел необходимого для финансиста образования. Члены совета Банка Португалии понимали, что это не те люди, которых следовало пускать в бизнес, но формальных причин для отказа в выдаче лицензии на банковскую деятельность не существовало. Поэтому после двух апелляций

учредителей совет выдал им 15 июня 1925 года запрашиваемую лицензию.

Однако вернемся непосредственно к тем событиям, которые разворачивались в Португалии после того, как была обнаружена огромная масса фальшивых денег. Правление Государственного банка решило изъять из обращения все банкноты номиналом в 500 эскудо. В связи с этим оно обратилось через средства массовой информации к гражданам, призывая их до 22 декабря 1925 года обменять имеющиеся у них на руках 500-эскудовые банкноты на любые другие.

Между тем к министру юстиции Португалии обратился посол Венесуэлы в этой стране – граф Симон Планес Суарес, сообщивший, что он знаком с Рейсом и Адриано Сильвой через генконсула Португалии в Гааге Антонио Карлуша душ Сантуша – старшего брата Жозе Бандейра. Кроме того, граф Симон сказал португальскому чиновнику, что по просьбе Рейса и Сильвы он привез из Нидерландов два чемодана с «конфиденциальными материалами», которые находятся в его лиссабонской резиденции.

Полицейские, приехавшие в дом посла, обнаружили два чемодана, заполненных банкнотами в 500 эскудо. Граф признался, что за их перевозку в своем багаже, то есть без таможенного досмотра, ему обещали 200 тыс. эскудо.

8 декабря 1925 года управляющий Банком Португалии на совещании кабинета министров сделал доклад о первых результатах расследования. Вслед за ним выступили министры юстиции и внутренних дел. В конце концов присутствующие на этом заседании решили объявить посла Венесуэлы в Португалии персоной нон-грата, а генконсула Португалии в Гааге отозвать назад.

Уже 9 декабря 1925 года все крупнейшие европейские газеты разнесли по свету весть о новом этапе большевистского всемирного заговора – экономическом подрыве стран свободного мира. В частности, на первой странице британского периодического издания «Daily telegraf» красовался заголовок: «Фальшивые португальские банкноты, изготовленные в России».

Общее мнение сводилось к тому, что появление поддельных денег, неотличимых от настоящих, есть масштабная акция СССР, направленная на подготовку мировой революции. Артура Рейса и других лиц, замешанных в деле, при этом рассматривали как агентов Кремля. Впрочем, версия о «происках со стороны Кремля» оказалась рассеяна буквально в тот же день, так как специалист лондонской фирмы, выехавший для проведения экспертизы в Лиссабон, заявил, что все купюры с совпадающими номерами действительно изготовлены с одних и тех же пластин. Таким образом, первоначальное предположение о повторном использовании типографского оборудования получило подтверждение. Как это произошло, тем более что набор печатных пластин продолжал лежать на хранении в Лондоне? Вот главный вопрос, волновавший умы высокопоставленных португальских чиновников в те дни.

Посол Португалии в Великобритании Жозе душ Сантуш Лукаш 9 декабря 1925 года появился в офисе сэра Вильяма Ватерлоу и спросил его, когда была отпечатана последняя партия банкнот достоинством в 500 эскудо. Президент компании ответил, что производство данных купюр возобновлено год назад и продолжается по сей день. Но полковнику Лукашу к тому моменту было известно и кое-что другое: Банк Португалии получил последнюю партию 500-эскудовых банкнот в 1923 году, то есть за два года до описываемых событий. Когда португалец рассказал об этом Ватерлоу, тот был просто в шоке, так как стало ясно, что весь 1925 год «Waterlow & sons» печатала деньги якобы для Банка Португалии, тогда как руководство последнего об этом и ведать не ведало.

Из архива компании «Waterlow & sons» были немедленно извлечены и предъявлены португальскому послу те документы, на основании которых возобновился выпуск банкнот. Среди них оказался нотариально заверенный договор между Банком Португалии и колониальным управлением Анголы, дающий право последнему привлечь на внешнем рынке заем в 1 млн. фунтов стерлингов и выпустить на ту же сумму деньги, номинированные в эскудо, для обращения на территории этой колонии. Другим интересным документом являлось соглашение между колониальным управлением Анголы и Артуром Виргилио Рейсом, который получал полномочия на организацию эмиссии новых ангольских денег.

Еще одним документом была доверенность, выданная Артуром Рейсом голландской фирме «Маранг и Коллиньон» и предоставляющая последней право подписи контрактов от имени Рейса. Кроме того, сэр Вильям Ватерлоу показал португальскому послу договор между его фирмой и компанией «Маранг и Коллиньон», согласно которому «Waterlow & sons» должна была до 31 января 1925 года напечатать 200 тыс. ассигнаций достоинством в 500 эскудо и предоставить их своему контрагенту для последующей переправки их в Анголу и допечатки на лицевой стороне банкноты надписи: «Деньги для Анголы». Стоимость выполнения заказа составляла 1500 фунтов стерлингов.

Сэр В. Ватерлоу также представил еще одно письмо управляющего Банком Португалии, датированное 17 июля 1925 года, в котором тот просил изготовить дополнительно 380 тыс. купюр номиналом в 500 эскудо.

Посол Португалии, ознакомившись с представленными бумагами, тоном, не допускающим каких бы то ни было возражений, заявил, что это подделка. Потрясенный его словами сэр В. Ватерлоу тем же вечером выехал в Лиссабон, захватив с собой вышеуказанные документы. Правда, там его ждали еще более ошеломляющие вести. Так, следственная группа

быстро определила, что управляющий Банком Португалии К. Родригес не имеет никакого отношения к письму от 17 июля 1925 года.

Кроме того, представители правоохранительных органов выяснили, что в колониальном управлении Анголы прекрасно знали господина Артура Рейса, который с 1916 по 1922 год жил и работал в этой стране. При поступлении на государственную службу в Анголе Рейс предъявил диплом политехникума при Оксфордском университете, где значилось, что он является бакалавром технических наук: сопротивления материалов, гидравлики, черчения и пр. Однако вскоре коллегам Рейса стало известно, что никакого политехникума при Оксфордском университете не существует, и молодой человек был с позором изгнан с государственной службы, после чего перебивался случайными заработками.

В связи с этой историей, а также потому, что единственным эмиссионным центром, выпускавшим в обращение деньги для Анголы, был банк «Ультрамарино», никто из представителей власти Анголы не решился бы связаться с Артуром Рейсом и поручить ему выпуск банкнот в обход уполномоченного банка.

После того как в Лиссабоне появился сэръ В. Ватерлоу, расследование начало продвигаться еще более быстрыми темпами, и вскоре блюстители порядка восстановили мельчайшие элементы картины аферы гигантских масштабов, совершенной Артуром Рейсом.

Итак, в ноябре 1924 года Рейс приобрел стандартные бланки, с помощью которых в Португалии оформлялись договора, контракты, поручительства и прочие деловые бумаги. На них он записал текст вымышленного договора на поставку шерсти, причем третий лист двух экземпляров этого документа начинался фразой: «Сделано в двух экземплярах и подписано». Данные бумаги молодой человек 23 ноября 1924 года представил нотариусу Авелину де Фариа, который их и заверил.

Так как, согласно контракту, составленному Рейсом, необходимо было зарегистрировать груз на таможне, то аферист отправился в посольства Великобритании, Германии и Франции, где на документах, заверенных нотариусом, поставили соответствующие отметки.

После этого Артур Рейс отделил первые два листа обоих экземпляров и уничтожил их за ненадобностью. На точно таких же, только чистых листах мошенник оформил те самые договоры, которые через две недели оказались представлены сэру В. Ватерлоу в Лондоне. Тексты были написаны на двух языках (португальском и французском), а их смысл заключался в том, что Артур Виргилио Альвес Рейс уполномочивается колониальным управлением Анголы на выпуск в обращение денежной

суммы, номинированной в португальских эскудо, эквивалентной 1 млн. фунтов стерлингов, которые колониальное управление получило в кредит от некоего международного консорциума, не называемого в целях сохранения коммерческой тайны.

Однако любой серьезный финансист, в руки которого попал подобный документ, задумался бы, с чего бы консорциуму, чья неизвестность сама по себе подозрительна, выдавать такой огромный кредит на тех условиях, что обозначены в контракте. Рейс, конечно, тоже осознавал, насколько неправдоподобным выглядит состряпанный им договор. Для того чтобы свести к минимуму угрозу разоблачения в самом начале своего мероприятия, он и придумал двуязычное оформление договора. Очевидно, что англичане не могли работать с документом на португальском и французском языках – они первым делом должны были перевести его юридически точно на английский язык. Такой перевод были в состоянии сделать только юристы и филологи, мало смыслящие в финансовых вопросах.

В итоге, когда договор очутился на столах финансовых менеджеров, он уже нес на себе заверенные подписи юристов и официальных переводчиков компании, что автоматически должно было вызвать доверие к документу как к прошедшему уже первоначальную цензуру. Следует отдать должное Артуру Рейсу, проявившему себя в данной ситуации в качестве незаурядного психолога, – его расчет оправдался полностью и во всем.

Португало-французский текст был отпечатан на пишущей машинке секретарем Артура Рейса, неким Франциском Феррейра, отставным майором. После того как были изготовлены новые варианты вторых листов, Артур Рейс скрепил их с третьим и четвертым. Для придания весомости получившемуся документу он украсил третий лист подписью управляющего Банком Португалии Комачо Родригеса и его заместителя Жозе де Мотта Гомеша. Как показала графологическая экспертиза, А. Рейс просто скопировал карандашом подписи этих людей с банкнот и обвел их чернилами. Ниже он изобразил подписи верховного комиссара по делам Анголы Фердинанда да Куньи Рего Чавеса, министра финансов Диего Родригеса и специального представителя Анголы Диего Кошты. Причем, не зная, как в действительности выглядят подписи этих людей, Артур Рейс подписался так, как, по его мнению, это могли бы сделать они.

Оказавшись в тюрьме, Артур Рейс от сотрудничества с органами охраны правопорядка отказался и разъяснений по существу выдвигаемых обвинений делать не стал. Он лишь заявил, что никто, кроме него, не знал сути имевшей место аферы, а каждый из замешанных в этом деле людей

являлся всего-навсего слепым исполнителем его воли.

Вскоре полиция решила арестовать управляющего Банком Португалии К. Родригеса и его заместителя Жозе де Мотта Гомеша, так как на тот момент вышеупомянутое письмо от 17 июля 1925 года считалось подлинным. Таким образом, управляющий оказался пособником афериста.

Между тем в обществе, обеспокоенном слухами о денежной афере, разгоралось недоверие к властям. В этой обстановке на заседании правительства Португалии 26 декабря 1925 года было решено освободить из тюрьмы руководителей государственного банка. Полученное позже заключение графологов, без колебаний назвавших фальшивкой письмо сэру В. Ватерлоу от имени К. Родригеса, подтвердило правильность этого решения. Проходившее в тот же день собрание акционеров Банка Португалии с воодушевлением узнало о решении правительства страны и большинством голосов постановило оставить управляющего и его заместителя на своих местах.

Далее события развивались следующим образом. В 1926 году Карел Маранг ван Иссельвеере, тот самый предприниматель, что с доверенностью А. Рейса на руках вел переговоры с сэром В. Ватерлоу, был арестован в Голландии. Двигалось дело и в самой Португалии. Был ликвидирован Банк Анголы и метрополии, а полученная от реализации активов сумма в 488 430 фунтов стерлингов была целиком обращена в доход Банка Португалии в целях компенсации понесенного им ущерба.

Тем временем Артур Рейс требовал от прокуратуры своего освобождения на том основании, что акционерный Банк Португалии не был внесен в особый банковый кадастр страны и потому как бы не существовал для национальных законов. Любой юрист знает, что для признания преступного посягательства реальным необходимо существование как объекта преступления, так и субъекта, другими словами, жертвы и преступника. Поэтому Артур Рейс заявлял, что его невозможно обвинять в преступлениях против юридического лица, которого не существовало на момент совершения им инкриминируемых действий. Когда же правление Банка Португалии добилось включения своего предприятия в национальный кадастр, Артур Рейс стал требовать освобождения на том основании, что законы не могут иметь обратной силы. После официального обвинения в организации выпуска поддельных денег он заявил, что выпущенные в ходе его деятельности деньги поддельными не являлись.

В конце концов обвинение, предъявленное Рейсу по статье «подделка денег», было заменено на «несанкционированную эмиссию ценных бумаг».

Статья эта относилась к случаям искажения отчетности или нарушения правил регистрации при выпуске в обращение биржевых инструментов – акций, облигаций, векселей. Однако аферист совершенно справедливо указал прокуратуре на то, что выпущенные им в оборот деньги не являлись биржевыми инструментами и потому указанная статья никак не может быть применена в отношении него.

Суд над Артуром Рейсом и его сообщниками начал свою работу 6 мая 1930 года в Лиссабоне. Обвинение оперировало такими серьезными статьями уголовного кодекса, как «заговор с целью изменения образа правления», «подделка договоров и писем», «подделка гражданских актов», «использование фальшивого диплома». Но главный пункт обвинения был сформулирован так: «Изготовление в обход закона 580 тысяч банкнот и их частичная эмиссия».

Процесс длился почти полтора месяца. Приговор огласили 19 июня 1930 года. Все обвиняемые были признаны виновными и получили различные сроки тюремного заключения с последующим поражением в правах. Наиболее тяжелые приговоры ждали Артура Виргилио Альвеса Рейса, Адольфа Хенниса и Жозе душ Сантуш Бандейра: каждый из них был приговорен к 8 годам заключения в каторжной тюрьме и к 12 годам ссылки в колонии. Суд разрешил при желании приговоренных заменить данное наказание 25 годами ссылки в колонии.

О дальнейшей судьбе гениального афериста известно следующее: он благополучно отсидел весь срок в Лиссабонской тюрьме, отказавшись отправляться в колонии. На свободу Рейс вышел 7 мая 1945 года глубоко верующим человеком. Он стал странствующим проповедником учения протестантской церкви и до самой своей смерти, последовавшей в июле 1955 года, влачил нищенское существование.

Дело о фальшивых червонцах

В тот морозный декабрьский день в одном из ресторанов Парижа, «Ла рю», можно было увидеть сразу нескольких знаменитостей. Среди посетителей находились Эмануэль Нобель и два его брата, Людвиг и Роберт, которых в то время считали владельцами крупного пакета акций кавказских нефтепромыслов. Кроме того, один из столиков ресторана занимал в тот день генерал Макс Гофман, во время гражданской войны занимавший должность начальника Генерального штаба германской армии на Востоке.

За следующим столиком сидел Шалва Карумидзе, которого многие эмигранты из России знали как состоятельного банкира и весьма преуспевающего в прошлом политика. Рядом с ним находился Спиридон Кедиа, являвшийся в то время председателем национал-демократической партии грузинских эмигрантов.

Среди присутствовавших тогда в ресторане «Ла рю» можно было встретить и Василия Садатирашвили, отец которого был зажиточным грузинским землевладельцем. По правую руку от него – международный шпион Георг Эмиль Белл. Его современники поговаривали о том, что он одновременно состоял на службе у правительства двух государств: Великобритании и Германии. Кроме того, он работал на организаторов нефтяного концерна «Ройал датч-Шелл» и фашистского политического объединения «Флаг рейха».

Собрание общества, проводимое в парижском ресторане, началось с пламенной речи организатора, Макса Гофмана. Цель работы членов общества он определил следующими словами: «Объединенные державы, Франция, Англия и Германия, должны своей совместной военной интервенцией свергнуть советское правительство и восстановить экономически Россию в интересах английских, французских и германских экономических сил. Ценным было бы участие, прежде всего экономическое и финансовое, Соединенных Штатов Америки. При этом были бы обеспечены и гарантированы особые экономические интересы Соединенных Штатов в русской экономической области».

После него на импровизированную трибуну взошел Эмануэль Нобель. Он говорил не только о сложившейся к тому времени в мире политической ситуации. Главная часть его доклада оказалась посвященной вопросам использования германской армии для высвобождения Грузии из-под

«советского гнета».

Далее на собрании выступил англичанин сэр Генри Детердинг. В то время это был крупнейший бизнесмен Западной Европы и обладатель пакета акций «Ройал датч-Шелл». Так же как Нобель и Георг Эмиль Белл, он протестовал против «наглого захвата Советами» главных нефтяных месторождений.

Нужно сказать, что сумма иностранного капитала, инвестированного иностранными компаниями в Россию, составляла примерно 2,3 млрд. рублей. Из них 250 000 000 – инвестиции, вкладываемые в нефтепромышленные предприятия, расположенные в Баку, Грозном, Майкопе и Эмбе.

В тот декабрьский день эмигранты из России и иностранные «правдолюбцы» говорили о том, что следует создать специальный освободительный комитет, который занялся бы разработкой плана по освобождению Грузии. Сначала «армия освобождения» должна была захватить территорию, прилежащую к горам Кавказа, а затем уже «очистить от Советов» весь СССР.

Спустя почти два месяца, в феврале 1926 года, Гофман собирает на своей берлинской квартире всех участников движения освобождения Грузии. В тот день количество собравшихся составляло 30 человек, включая и уважаемых всеми в Германии нескольких депутатов рейхстага.

Как и двумя месяцами ранее, собрание открыл Макс Гофман. После его речи присутствовавшие высказали мысль о том, что самым легким путем свержения советского правительства является выпуск фальшивых монет. Необходимо заметить отдельно, что среди гостей Гофмана были и такие, кто мог без особого труда подделывать банковские билеты, денежные купюры и паспорта.

Кто же эти люди? Это были уже упомянутые выше Шалва Карумидзе и Василий Садатирашвили. Когда-то давно, незадолго до революции, Карумидзе и Садатирашвили смогли организовать небольшую мастерскую, где изготавливали поддельные денежные знаки. Однако их промысел очень скоро оказался известен русской полиции, после чего злоумышленники были арестованы и осуждены.

Судья вынес мошенникам довольно суровый для такого преступления приговор. Так, Карумидзе осудили на смертную казнь, а Садатирашвили приговорили к 12 годам тюремного заключения. Однако во время перевозки преступникам удалось бежать. И спустя некоторое время они вновь появились, но уже за границей, и нередко выступали на различных собраниях как люди, «серьезно пострадавшие от произвола советской

власти».

Однако общество, возглавляемое Гофманом, могло похвастаться и другими не менее популярными в преступном мире людьми. Первым был некто Герман Эрхардт, капитан третьего ранга. В 1919 году он руководил не одной военной кампанией, в результате чего погибли сотни жителей Берлина, Мюнхена и Брауншвейга. Именно Герман Эрхардт возглавлял знаменитый капповский путч. А в 1920 году члены созданной им военно-политической организации совершили нападение и убили Вальтера Ратенау, который в то время занимал пост министра иностранных дел Германии.

Вторым был доктор Ойген Вебер, находившийся во время Первой мировой войны в чине капитана. В 1919 году он был награжден за особые заслуги и участие в кампании против Баварской советской республики. В 1926 году Вебер был известен как меценат, спонсировавший Движение зарубежных немцев. При этом он разделял взгляды своего товарища «по политической борьбе» Макса Гофмана.

Очередное собрание представителей различных военных и политических организаций и группировок, представители которых были «недовольны советской властью», состоялось в марте 1926 года в Гааге. В том собрании участвовал и «серый кардинал» объединенной организации, сэр Генри Детердинг. Его «свиту» составляли трое управляющих фирмой «Ройал датч-Шелл».

К 1926 году Детердинг уже смог наладить связи между многими богачами и несколькими влиятельными людьми, имеющими солидный вес на политической арене Западной Европы. К этому же времени относится и публикация в «Морнингпост», автор которой, рассуждая о цели деятельности знаменитого нефтяного магната первой половины XX века, цитирует его же: «С большевизмом в России будет покончено еще до конца этого года; после этого Россия будет пользоваться доверием во всем мире. Для каждого, кто будет готов к сотрудничеству, она откроет свои границы. Деньги, кредиты и, что еще важнее, заказы рекой потекут в Россию».

Спустя еще три месяца, в июне того же года, подобная конференция проходила в столице туманного Альбиона, Лондоне. Тогда, помимо указанных выше персон, в ней приняли участие эмигранты из Прибалтики, фон Клейст, фон Курсель и Локкер Лэмпсон, занимавший пост статс-секретаря министерства иностранных дел Великобритании.

Главным лозунгом той конференции стал: «Нет большевизму! Большевизм должен быть уничтожен!» Тогда же организаторы составили и утвердили текст соглашения, заключенного между Англией и Германией.

Суть этого соглашения сводилась к тому, чтобы призвать членов общества ко всяческому содействию (политическому и финансовому) внедрению германской армии на Украину и Кавказ. С течением времени эти территории должны были стать областями, политически и экономически подчиненными Германии и Англии.

По словам выступавших, такая экспансия германской армии могла быть оправдана и другими целями. Во-первых, это стремление прогрессивно мыслящих людей защитить европейские страны от агрессии со стороны Советского Союза. И во-вторых, это желание нейтрализовать опасность для Запада, надвигавшуюся с Востока, попытка противостоять злу в обличье СССР.

На последней конференции было произнесено немало речей, посвященных отрицательной оценке политики советского правительства, а также «истинному» патриотизму. Никто из выступавших ни на минуту не задумался над тем, что стремление завоевать Украину и Кавказ (освободить от власти Советов) больше напоминает обычную авантюру обычных мошенников...

Тем временем Детердинг произносил заключительную речь, не забыв упомянуть о том, что якобы 60 % нефтяных месторождений, обнаруженных на территории Предкавказья, принадлежат ему. А потому он был готов дать на финансовую поддержку запланированного «прогрессивными патриотами» предприятия такую сумму денег, какую он смог бы собрать в течение 10 лет эксплуатации кавказских нефтяных промыслов.

Как оказалось, эта сумма была равна приблизительно 1 млрд. немецких марок. Сумма действительно головокружительная! Однако даже ее не хватило бы на финансирование похода против Советов. Тогда организаторы предприятия обратились за помощью к присутствовавшим.

Однако чаще всего слова оказываются всего лишь словами. Обычно за ними скрываются низменные человеческие инстинкты. Так случилось и на этот раз. За видимым патриотизмом германских и грузинских радетелей за свободу скрывалась обычная жажда легкой наживы.

Об этом свидетельствует запись, сделанная в ходе конференции, состоявшейся в Лондоне. Впервые она была опубликована немецкой буржуазно-либеральной толка газетой «Фоссише цайтунг» от 4 февраля 1930 года. В статье говорилось о том, что «цель работы организации заключалась в следующем: 1) проведение переговоров между Англией и Германией; 2) проведение мероприятий по подготовке соглашений между представителями фирм, владельцев нефтяных месторождений на Кавказе; 3) заключение соглашения между Англией и Германией по вопросу

взаимных политических и экономических интересов на Украине; 4) осуществление формирования германских военных поселений на освобожденных территориях».

В то время пока Макс Гофман произносил свою речь, в кулуарах конференции кипела работа. Шалва Карумидзе, обращаясь к каждому из своих «коллег», настоятельно просил их оказать содействие развитию «освободительного движения» в виде субсидий. С такой просьбой обратился он и к Детердингу, предъявив при встрече рекомендательное письмо, подписанное Георгом фон Лейхтенбергом, потомком Наполеона I.

Георг фон Лейхтенберг писал о том, что будущий поход на Советскую Россию имеет наиважнейшее значение для политического и экономического роста ряда стран Западной Европы.

Суть же идеи Карумидзе заключалась в том, чтобы, выбросив на российский черный рынок фальшивые червонцы, парализовать экономику молодого государства, заставив тем самым мировое сообщество признать его правительство несостоятельным и бессильным. Однако, естественно, в официальном протоколе заседания подобные высказывания отсутствовали. Намеком на предстоящую мошенническую кампанию стали слова Детердинга, который высказал мнение о том, что, вероятнее всего, Россия «в данный момент времени стоит на пороге масштабной инфляции».

Лондонская конференция «германских патриотов» дала много интересных сведений для современных историков. Так, например, из протокола заседания стало известно, что многие влиятельные лица из Турции, Болгарии, Персии, Польши, Румынии, Финляндии и Чехословакии выразили желание принять активное участие в сборе средств, которые планировалось направить на организацию крупномасштабного военного похода в Россию.

Официально правительство Германии и Англии не поддерживало начинания общества «освободителей и патриотов». Однако время от времени в прессе звучали одобрительные слова в адрес его руководителей. Так, например, ни для кого уже не секрет, что Уинстон Черчилль, занимая в то время пост министра финансов Великобритании, выступил в одной из газет с похвалой итальянского фашизма, заявив, что он полностью разделяет мнение о губительной для Европы силе социализма. Черчилль заметил, что сам с радостью вступил бы в ряды партии Муссолини и присоединился к его «борьбе и победе над бестианской хищностью и дикостью ленинизма».

Окрыленный удачей и поддержкой многих влиятельных лиц мировой политической арены, Детердинг после закрытия конференции отправился

во Францию, надеясь найти там ту же поддержку. Однако его мечтам не суждено было сбыться. Авантюра германцев не могла заинтересовать французов по определенным политическим причинам.

Не пожелали принимать участие в кампании Детердинга и представители американской фирмы «Стандарт ойл». Организатору и крупному дельцу удалось только лишь достичь того, чтобы американцы признали существование Комитета за освобождение Кавказа. Однако в финансовой помощи Детердингу было категорически отказано.

На просьбу оказать финансовую помощь германскому Комитету за освобождение Кавказа отозвались осторожные и расчетливые англичане. Для того чтобы доказать свое благорасположение к германскому освободительному объединению, министр внутренних дел Великобритании, сэр Уильям Джойнсон-Хикс, без особенных раздумий и колебаний поставил подпись под приказом о штурме и разграблении до той поры находящегося под защитой дипломатической неприкосновенности русского торгового представительства «Аркос».

Спустя несколько часов после захвата английской полицией советского торгового представительства правительство Великобритании выпустило сообщение о том, что в ходе обыска якобы были обнаружены документы, свидетельствовавшие о шпионаже одного из дипломатов. Далее говорилось о разрыве дипломатических отношений между Англией и Россией.

По прошествии нескольких дней автор одной из статей, размещенных в журнале «Форин афферс», заявил: «То, что выдворенными агентами «Аркоса» оказались как раз те, кто занимается продажей нефти, оставляет впечатление об очень тесном совпадении защиты общих интересов с защитой неких нефтяных интересов».

7 октября 1927 года произошло событие, которого многие западные политические чиновники ждали с нетерпением. Именно в тот день из России был выслан посол Франции. Однако о разрыве дипломатических отношений между двумя странами тогда объявлено не было.

После завершения Гражданской войны правительство Советского Союза предприняло ряд мер, направленных на подъем курса рубля. Одной из таких мер стал выпуск червонца – денежной единицы, обеспеченной золотом. В то время стоимость одного червонца оценивалась в 10 рублей, что было равно 21,6 рейхсмарки (данные на 1924 год). Тогда находились в обращении банкноты в 1, 2, 3, 5, 10 и 25 червонцев. Все они были покрыты 25 %-ным золотом.

Наряду с червонцами, Государственным банком выпускались казначейские билеты номиналом в 1 и 3 золотых рубля. В России они

обращались по номинальной стоимости, а за рубежом – по курсу золотого рубля. С 20-х годов на денежном рынке Советского Союза появились купюры в 3 (их выпуск начался с 1924 года) и 5 (выпускавшиеся с 1925 года) рублей.

Кроме того, в обращении находились серебряные монеты номиналом в 1 рубль. А первая партия выпущенных серебряных рублей появилась в 1921 году.

Начиная со времени выпуска первой банкноты червонца была запущена в действие мошенническая машина фальшивомонетчиков. Мозгом всех операций по изготовлению и реализации поддельных денежных знаков была группа, в которую входили уже известные читателю люди: Карумидзе, Садатирашвили, Вебер и Белл. Они-то и решили наладить выпуск таких червонцев, которые наиболее часто находились в обращении, а именно купюр достоинством в 1, 2 и 10 червонцев.

Необходимо заметить отдельно, что степень защиты новых советских денег от возможной подделки была в то время минимальной. Особенно легко можно было изготовить даже самым примитивным способом банкноту в 1 червонец, поскольку она имела изображение только на одной стороне листа.

Однако операция по снижению курса советского рубля изначально была обречена на провал. Во многом этому способствовала неготовность мошенников к тому, что среди простых людей – русских, грузин и украинцев – окажутся такие, кто без особого труда сможет отличить поддельную купюру от настоящей.

Действительно, рисунок на фальсифицированной банкноте был выполнен безукоризненно. Однако качество бумаги оставляло желать лучшего. В ходе следствия полиции удалось выяснить, что бумага и заготовки с нужными водяными знаками приходили к мошенникам с одной из фабрик, находившихся в Баварии.

Так, с помощью меценатов, «патриотов-космополитов», до осени 1926 года мюнхенской типографией, хозяином которой был Иоганн Шнайдер, было выпущено 15 000 поддельных червонцев. Той же осенью 12 000 из них были отправлены с курьером в Советский Союз.

Центром изготовления поддельных советских червонцев стала германская столица. Известен и точный адрес, где располагался штаб по выпуску фальшивых денег: Берлин, Цигельштрассе, 24. «Мастерская» находилась в подвале. А на первом этаже было оборудовано бистро.

Из Берлина тюки с фальшивыми банкнотами переправляли в Данциг. Именно там нашел себе укрытие Союз белогвардейских офицеров армии и флота. А возглавляли его бывшие генералы Белой гвардии Лебедев и Глазенапп. Особенный интерес представляет тот факт, что Глазенапп был близко знаком с князем Кириллом, который в 20-е годы XX столетия оставался единственным претендентом на русский престол.

В самом начале 1927 года центром по изготовлению фальшивых червонцев стал Франкфурт-на-Майне. Основателем и руководителем новой типографии был владелец небольшого местного магазина Карл Бёле, представлявший партию национал-социалистов.

После переезда подпольной типографии Садатирашвили вынужден был также покинуть Мюнхен и отправиться во Франкфурт. Прощаясь, он говорил своей невесте: «Молись, чтобы мне повезло, тогда у нас будет свой дом».

К тому времени Садатирашвили не испытывал недостатка в рекомендательных письмах, которые в результате и помогли ему получить приглашение в кабинет Черчилля. Однако того количества наличных, которое было, Садатирашвили явно не хватало. Единственным его накоплением стала сумма в 7500 марок, ровно половина того, что они получили с Карумидзе для производства фальшивых червонцев.

С течением времени изготовление и сбыт фальшивых денег,

выпущенных франкфуртской типографией, набирали все большие обороты. Удачные сделки не могли не привести участников преступного предприятия к тому, что они потеряли бдительность и перестали быть осторожными при реализации своего «товара».

К тому времени комиссар берлинской криминальной полиции Эрих Либерманн фон Зонненберг, возглавлявший отдел службы по борьбе с фальшивомонетничеством, уже не раз получал доказательства существования подпольной типографии, специализирующейся на выпуске фальшивых червонцев.

Подобная информация чаще всего поступала от некоего «доброжелателя», ежедневно звонившего в комиссариат по телефону и упоминавшего в разговорах имя доктора Леонарда Беккера. По словам анонима, Беккер, являвшийся большим почитателем партии Адольфа Гитлера, состоял на службе у Дитердинга и выполнял функции распространителя фальшивых купюр, выпускаемых его типографией.

После первого же подобного звонка в участок комиссар Зонненберг приказал установить слежку за доктором Беккером. И спустя всего несколько дней он был арестован берлинской полицией в тот момент, когда пытался сбыть в одном из банков несколько поддельных банкнот.

В ходе предварительных допросов оказалось, что доктор Леонард Беккер действительно состоял на службе у Детердинга и, кроме того, возглавлял техническое бюро машиностроительной компании в Мюнхене, известной под названием «Маффей и Шварцкопф». Компания занималась производством и сбытом железнодорожных локомотивов.

В ходе следствия полиции удалось выяснить также, что в упомянутой выше фирме работал и Георг Белл, принимавший самое активное участие в работе ставшего к тому времени популярным в Германии и ряде других европейских стран Комитета по освобождению Украины и Кавказа.

Итак, цепь преступлений «великих» махинаторов была прервана. Оказалось, что в махинации принимали участие многие влиятельные политики того времени. В их числе был и министр иностранных дел Германии Штреземанн.

Начальник прусской криминальной полиции, едва узнав о существовании банды фальшивомонетчиков, тут же приказал установить слежку за подозреваемыми. Прежде всего, полицейские вышли на след Садатирашвили. Однако в квартире, принадлежавшей ему, был обнаружен только Карумидзе. Но полиция не могла предъявить тому какое-либо обвинение и арестовать его, а потому Карумидзе был отпущен на свободу.

Едва только закрылась дверь за последним полицейским, Карумидзе

тот же час отправился к своим «соратникам», чтобы предупредить их о слежке и возможном аресте. Однако он опоздал всего на несколько часов.

11 августа 1927 года полиции удалось выйти на след злоумышленников. Так была обнаружена подпольная франкфуртская типография. Тогда же полицейские взяли под стражу Бёля и Садатирашвили. При аресте из портфеля последнего изъяли шесть типографских пластин.

Все события развивались столь стремительно, что преступники не смогли вовремя скрыть следы преступления. В результате операций, проведенных подчиненными комиссара Либерманна фон Зонненберга, полиции удалось завладеть 120 000 полуфабрикатов, из которых мошенники надеялись изготовить банкноты, а также многочисленными рулонами бумаги, шедшей на производство фальшивых червонцев.

Но на этом дело о появившихся на рынке фальшивых червонцах не закончилось. Известно о том, что в мае 1928 года в одном из берлинских отелей, «Эксельсиоре», произошла встреча Арвида фон Сиверса, выходца из богатого балтийского дворянского рода, Петера фон Глазенаппа, экс-офицера Белой гвардии, и некоего третьего лица.

Имя последнего осталось неизвестно историкам, однако удалось выяснить, что это был генерал британской армии. Историк и литератор Георгий Польский в своей книге «Рыцари фальшивых банкнот» упоминает о том, что, вероятнее всего, тот британский генерал был вхож в кабинет самого Уинстона Черчилля и мог находиться в тот день в отеле «Эксельсиор» по его заданию.

Кроме того, генерал близко знал и Глазенаппа, поскольку существуют сведения об их совместном участии в походах, возглавляемых Юденичем.

О чем же говорили встречавшиеся в одной из комнат отеля? Вездесущие историки смогли дать ответ и на этот, казалось бы, риторический вопрос. Сиверс, Глазенапп и британский генерал обсуждали только лишь одну проблему: составление нового плана действий, направленных на подрыв советской власти и захват СССР.

По возвращении в Данциг Глазенапп призывает членов Комитета по освобождению Украины и Кавказа к активным действиям, подразумевая проведение на территории Советского Союза мероприятий по шпионажу и диверсиям.

Среди присутствовавших на той конференции можно было заметить и литовца, ротмистра Альберта Шиллера, отец которого был зажиточным крестьянином. Судьба и трудолюбие этого человека не могут не вызывать у читателей восхищение. Дело в том, что Шиллеру понадобилось совсем

немного времени на то, чтобы сделать головокружительную карьеру, пройти путь от рядового до штабс-фельдфебеля.

Звание офицера Шиллер получил после Февральской революции. А штабс-ротмистром он стал в 1922 году по приказу самого Глазенаппа. Он же дал и специальное задание Шиллеру, которое заключалось в том, чтобы тот вел шпионскую и подрывную деятельность на территории СССР.

Первым заданием Шиллера стал перевоз и распространение фальшивых червонцев в Советском Союзе. Глазенаппу было известно о том, что мюнхенская типография, занимавшаяся производством поддельных денег, была закрыта, а некоторые члены банды арестованы. Однако он все же надеялся на продолжение общего «патриотического» дела.

Но у Глазенаппа уже были на руках 12 000 фальсифицированных червонцев, и он решил во что бы то ни стало переправить их на территорию СССР. А исполнить его приказ должен был не кто иной, как Альберт Шиллер.

В сентябре 1928 года Альберт Шиллер перешел границу между Литвой и Советским Союзом. В одном из пограничных городков он передал пачку фальшивых купюр своему агенту, после чего через него же узнал о том, как живут его бывшие однополчане. В Советском Союзе Шиллер пробыл около месяца. После этого, получив необходимые сведения, он возвратился в Данциг.

Приехав в Данциг, Шиллер первым делом отправился к своему шефу, Глазенаппу. Тот остался очень доволен результатами «деловой поездки» подчиненного. В скором времени он надеялся отделиться от Комитета, в котором состоял Карумидзе. Разница во взглядах заставила Глазенаппа задуматься над тем, чтобы в дальнейшем действовать самостоятельно.

В то время пока Шиллер находился в Советском Союзе, Георг Белл выехал в Трапезунд. Нужно сказать, что Белл с недавнего времени был завербован секретными государственными службами двух стран: Германии и Англии. Таким образом, он стал двойным агентом, оправдывая свое положение патриотическими настроениями. Действительно, у Белла были все причины, чтобы прислуживать правительству двух государств: его мать происходила из старинного английского рода, а отец – из немецкого.

Будучи отосланным в Трапезунд, Белл должен был познакомиться там с представителями кавказских националистов. Собравшись воедино, они приступили к подготовке плана заговора против советского правительства. После того как Белл получит сообщение с Запада о том, что германская армия готова к наступлению, вооружившись, заговорщики должны будут

поднять восстание.

Спустя несколько дней в Трапезунд прибыли несколько инженеров и техников. Все они были офицерами рейхсвера.

В то время на особенно крупных черных рынках Советского Союза появилось немало фальшивых червонцев. Из Парижа их привезли курьеры, работавшие на Комитет освобождения Украины и Кавказа. Именно в Париже в то время и существовала типография по изготовлению поддельных купюр. А руководили ею Мясоедов, экс-вице-губернатор города Сувалок (современная Польша), Симанович, который когда-то числился личным секретарем Григория Распутина, а также офицеры Белой гвардии Эристов и Литвинов.

В конце октября Глазенапп вновь приказывает Шиллеру отправиться в Советский Союз. Подробности того, что предстоит сделать, агент получил от офицеров генерального штаба латвийской армии, рейхсвера и лично от Судакова, который работал в штаб-квартире английского посольства в Латвии.

После перехода границы Шиллер направился в Ленинград, где остановился у давнего своего знакомого, бывшего прапорщика-белогвардейца Алексея Гайера. Оказалось, что тот вот уже несколько месяцев находится в состоянии глубокой депрессии из-за того, что никак не может смириться с приходом и установлением власти большевиков.

Приехавший друг стал для спившегося Гайера последней надеждой на избавление от того образа жизни, какой он вел до сих пор. В беседе с Шиллером он сказал: «Эта жизнь не для меня. Что у меня есть? Грязная работа на кожевенной фабрике. Денег с трудом хватает, чтобы залить свои горести».

Тогда Шиллер, желая «помочь» своему фронтовому товарищу, рассказал ему о предстоящем предприятии, после чего пообещал Гайеру переправить его в Германию, но при одном условии: тот должен прежде сбыть фальшивые червонцы. Конечно же, Гайер согласился распространить поддельные деньги.

На следующий день в комнате Гайера появились двое. Это были бывшие однополчане хозяина, штабс-ротмистр Николай Федотов и Карштанов. Федотов едва ли не с порога стал жаловаться Гайеру и Шиллеру на свое плохое житье-бытье, на притеснения, чинимые советскими чиновниками и милицией. Он, конечно же, согласен выполнять задания по шпионажу, но... только в обмен на нужные сведения Шиллер должен был переправить своего новоиспеченного агента в Германию, «поближе к солнышку».

В тот же день Федотов дал согласие на сбыт фальшивых червонцев. На другой день он пошел в магазин и расплатился поддельными банкнотами. Однако за такую диверсию он чуть было не заплатил своей свободой и едва смог уйти от преследовавших его милиционеров.

Перепуганный до смерти Федотов решил было отказаться от сотрудничества с Шиллером. Однако тогда к нему пришла спасительная мысль: распространять червонцы через подставных лиц. Он тут же поехал на вокзал и купил билет на поезд, следовавший в Мурманск.

На станции Сванка Федотов вышел не случайно. Именно там в одном из ветхих домишек жил его дальний родственник Биткин, в то время исполнявший обязанности церковного старосты. Затерянная в лесу избушка оказалась идеальным местом для хранения фальшивых денег.

На следующий день Федотов возвратился обратно в Ленинград. Тем же вечером он докладывал Шиллеру о том, что дело полностью улажено и фальшивые червонцы уже нашли своих новых хозяев.

В один из октябрьских дней в почтовом отделении на станции Сванка дежурство принял связист Сепалов. Тогда он даже не мог и подумать о том, что пройдет несколько часов, и его имя будет звучать во всех советских газетах, а он сам будет приглашен в Кремль для получения государственной награды.

То утро не предвещало ничего необычного. Войдя в зал почтового отделения, Сепалов жарко натопил печь, поставил самовар и стал медленно просматривать телеграммы, пришедшие из центра. Многие из них содержали сообщение о том, что в стране находятся в обращении фальсифицированные червонцы. Авторы сообщений призывали почтовых служащих к повышению бдительности и особенной внимательности.

Примерно в полдень к кассе почтового отделения подошел невысокий пожилой мужчина, тот самый гражданин СССР Биткин. Он заговорил с Сепаловым о погоде, обсудил со служащим последние политические новости, после чего заполнил бланк на денежный перевод размером в 30 рублей, адресованный государственному страховому обществу.

Несомненно, перевод был принят Сепаловым без задержки. И довольный успехом своего предприятия Биткин покинул почту.

Однако Сепалова, видимо, что-то насторожило в данных ему деньгах. Действительно, банкнота, казалось бы, ничем не отличалась от всех остальных, находящихся в обращении. Однако бумага показалась служащему провинциального почтового отделения немного толстоватой и грубоватой.

Тогда Сепалов решил закрыть почту и отправиться в местный филиал

Государственного банка. Банкиры согласились с Сепаловым, что купюры следует тщательно проверить. Их переслали в Ленинград, где профессиональные эксперты вынесли свой приговор: купюры достоинством в 1 червонец на самом деле – мастерски выполненная подделка.

В тот же момент на станцию Сванка были направлены сотрудники ОГПУ. Им удалось узнать, что подателем фальшивых банкнот являлся некто Биткин, живший неподалеку от почтового отделения. В следующую минуту военные направились в дом Биткина, где арестовали распространителя поддельных денежных знаков.

При аресте и во время допросов Биткин не особенно сопротивлялся. Уже в первой же беседе со следователем он рассказал о том, каким образом фальшивые червонцы попали к нему. Однако в самом начале расследования задержанный отказался называть имя того, кто привез ему деньги, называя того иностранцем. Тем не менее сотрудникам ОГПУ все же удалось докопаться до истины и установить имя курьера. Таким образом, заключенными под арест оказались Федотов и Карштанов.

Некоторое время спустя советские милиционеры арестовали и Шиллера. Причиной его ареста стала обычная проверка документов. 16 ноября 1928 года милицейский патруль остановил гражданина Александра Карловича Гринберга. Документов у задержанного не оказалось, а потому часовые пригласили его пройти в ближайшее отделение милиции, где у него были изъяты пистолет и 222 червонца (как выяснилось позднее – фальшивых!).

На допросах Шиллер не сопротивлялся и давал следователю достаточно четкие и вразумительные ответы на заданные вопросы. Тогда же он признался и в том, что фальшивые банкноты он получил от Гаральда Сиверта, который когда-то был офицером русской царской армии. Признался Шиллер и в своей шпионской деятельности.

Состоявшийся суд приговорил Альберта Шиллера к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение в январе 1929 года.

В то время пока советская милиция разбиралась с германским шпионом Альбертом Шиллером, в Германии происходило нечто странное. В сентябре 1927 года комиссар Либерманн фон Зонненберг получил послание, автор которого горячо благодарил получателя за хорошую работу.

Но к тому времени Зонненберг был официально отстранен от ведения дела о хождении на мировом рынке фальшивых червонцев. Начиная с того времени им занимались земельный судебный советник Крюгер и прокурор Васмунд. Настораживает отзыв о них, данный обвиняемым доктором

Ойгеном Вебером. Он называл Крюгера и Васмунда «проверенными национальными кадрами». Такие «кадры» и вели дело о подделке советских денег...

Георг Белл оказался заключенным под стражу в мае 1928 года. Однако каким-то чудом ему удалось избежать наказания и даже высвободиться из камеры предварительного заключения.

Узнав об этом, к делу подключились советские сыщики. Они выслали в Германию запрос на документы по делу о подделке червонцев. Однако протоколы так и не попали к своему адресату, поскольку «были утеряны в дороге» из Мюнхена.

Как выяснилось позднее, все документы, свидетельствовавшие о существовании подпольной группы фальшивомонетчиков, оказались в руках... самих мошенников. Каким образом они попали к ним, догадаться не составляет особого труда. Как бы то ни было, авантюристы изготовили фотокопии документов и распространили их среди участников предприятия.

Вскоре скандальные статьи, посвященные разоблачению группы мошенников, среди которых находились многие влиятельные лица ряда европейских государств, появились и в популярной в то время немецкой газете «Роте фане». После этого, желая обезопасить себя от гнева «стоящих выше», прусский министр юстиции вызвал в свой кабинет Васмунда и заставил его написать заявление об уходе с должности комиссара по состоянию здоровья.

Однако развитие событий на этом не закончилось. Адвокат обвиненных в производстве и сбыте фальшивых червонцев заявил, что в случае их осуждения он обнародует информацию, касающуюся участия в деле многих видных политических деятелей. Угрожая, он говорил: «При прениях сторон могут всплыть такие детали, которые представят министерство иностранных дел в невыгодном свете... Так, Белл утверждает, что действия, которые ему ставят в вину, он предпринимал с ведома министерства иностранных дел. Есть в деле показания, в которых прямо упоминается участие в афере молодого Штреземана».

Упомянутый адвокатом «молодой Штреземан» был не кем иным, как сыном самого министра иностранных дел Германии. Таким образом, скандал вокруг фигуры министра готов был разразиться с минуты на минуту. Но ничего подобного не произошло. 27 июля 1928 года дело о фальсификации советских червонцев было приостановлено. Спустя несколько дней его вовсе закрыли, а обвиненных в фальшивомонетничестве освободили.

Должность наркома обороны Советского Союза в то время занимал умный и принципиальный молодой человек по имени Максим Литвинов. Он никак не хотел мириться с тем, что на Западе прекратили столь на шумевшее дело об изготовлении и распространении на территории СССР фальшивых червонцев. Тогда он отправил письмо-протест германскому правительству, которое убедилось в том, что уйти от разбирательства и серьезного политического конфликта все же не удастся.

Итак, судебный процесс начался 6 января 1929 года. Однако, по воспоминаниям многих очевидцев, он более походил на театральную постановку с заранее известным всем присутствующим финалом.

Окончательный приговор мошенникам был вынесен германским судьей 8 февраля того же года. В протоколе решения суда значилось: «Обвиняемые действовали не в своих корыстных эгоистических интересах, их национальное рвение было направлено на обеспечение общего блага, что не может быть поставлено им в вину». В результате все, кто находился тогда на скамье подсудимых, оказались оправданными и затем отпущенными на свободу.

Тогда на помощь советским искателям правды, сами того не осознавая, пришли влиятельные в Германии промышленники и банкиры. Дело в том, что 25 октября 1929 года отмечено в историческом календаре Германского государства (и ряда других европейских стран) как «черная пятница». С этого дня начался экономический кризис, который серьезно повлиял на развитие не одного государства.

В феврале 1929 года с протестом к министру юстиции Германии обратились промышленники и банкиры. Они высказывались против ведения антисоветской пропаганды, поскольку именно молодая Страна Советов могла стать для Германии той спасительной волшебной палочкой, с помощью которой можно было частично решить многие экономические проблемы.

В результате благодаря многочисленным выступлениям банкиров и промышленников Германии, а также представителей советского правительства на лето 1930 года в апелляционной инстанции было назначено повторное слушание дела по фальсификации червонцев. Однако и оно было не более чем трагикомическим представлением, данным на потеху зрителей.

Как бы то ни было, некоторые из злоумышленников все же были наказаны. Однако суровым наказанием приговор судьи назвать было бы трудно. Так, например, Карумидзе приговорили к двум годам и четырем месяцам лишения свободы. Однако для него наказание стало своеобразным

решением давней проблемы – возможности жить в Германии.

Садатирашвили был приговорен к двум годам тюремного заключения. Однако поскольку он уже провел два года в камере предварительного следствия, то он после судебного процесса, естественно, был отпущен на свободу.

Менее всего пострадали Белл и Шмидт. За совершенное преступление они... выплатили небольшие штрафы, взятые, конечно же, не из собственных бумажников.

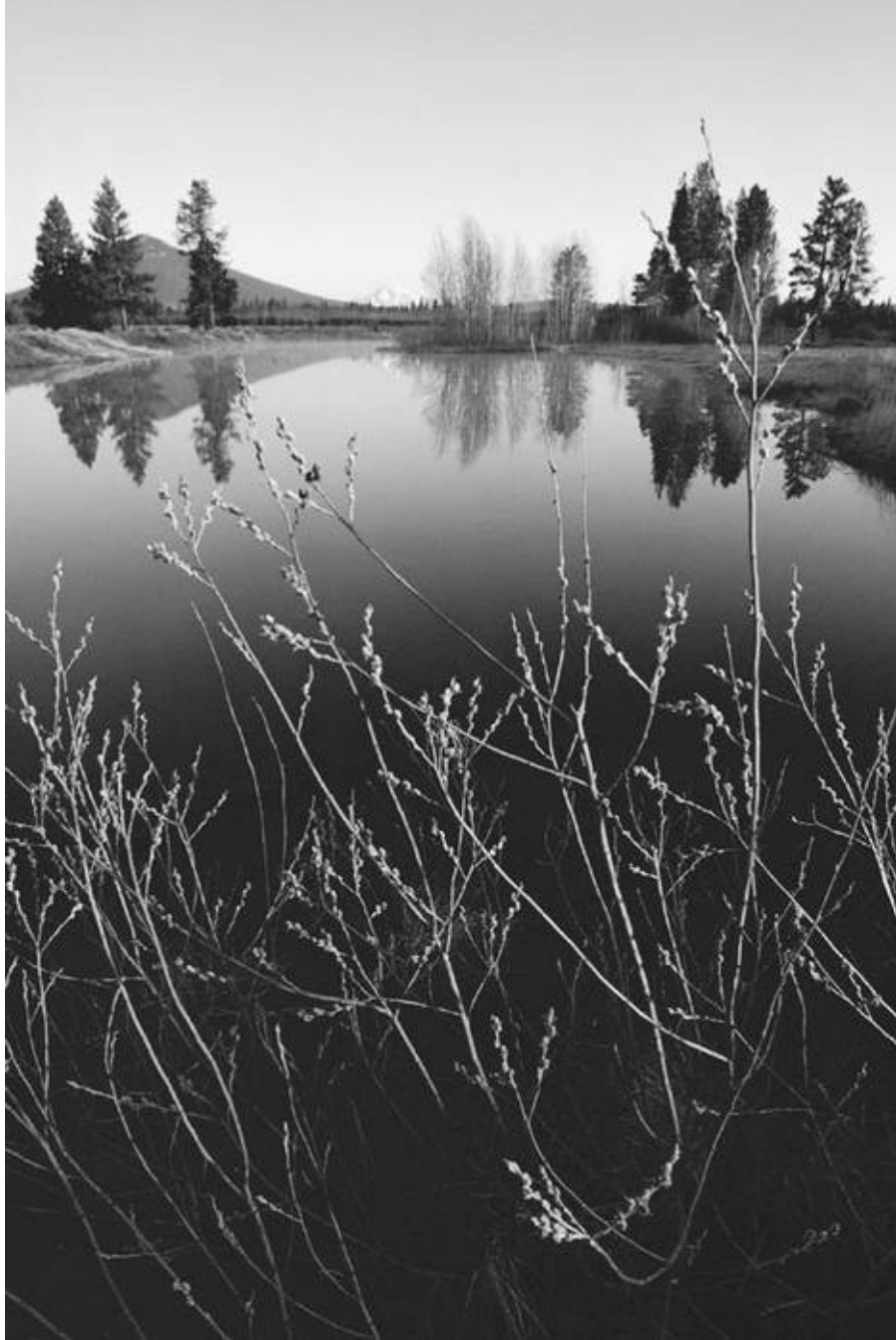
После того как к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, Карумидзе и Садатирашвили вновь появились на политической арене. Судьба Георга Белла оказалась менее счастливой. Как двойной агент англо-германской разведки он стал представлять серьезную опасность для правительства Германии, так как владел слишком обширной секретной информацией.

Так, например, многие из членов германского правительства думали о том, что Беллу известны некоторые подробности о поджоге Рейхстага, который случился 27 февраля 1933 года. Для того чтобы предотвратить распространение подобных сведений за пределы страны, 5 апреля того же, 1933, года к Беллу были направлены два секретных агента...

Из газет, вышедших на следующий день, немцы узнали о самоубийстве Георга Белла.

Тайна озера Топлитцзее

После того как в 1939 году Англия и Франция объявили войну Германии, лидеры последней прибегли к экономической диверсии. Организаторами ее стали президент имперского банка Я. Шахт, обергруппенфюрер СС Р. Гейдлик и группенфюрер СС В. Шелленберг. В пригороде Берлина была открыта фабрика. Клише были сделаны в лаборатории службы безопасности, которая специализировалась на изготовлении поддельных документов. Очень долго не удавалось подобрать подходящую бумагу. Наконец, выяснилось, что англичане печатают деньги на бумаге, в состав которой входит турецкий лен. После этого со станков немецкой типографии «Аугуст Петрик» начали сходить поддельные английские фунты стерлингов. Руководство операцией приняло решение проверить фальшивки на «подлинность». Для этого в Швейцарию отправили курьера-эсесовца и одновременно предупредили швейцарских пограничников о подозрительной персоне. Курьер был задержан, а его багаж тщательно проверен, но ничего криминального найдено не было. Позднее в банк Базеля сообщили о появлении фальшивых английских банкнот. В Швейцарии восприняли это известие крайне настороженно. Срочно была организована проверка имевшихся в наличии банкнот, но подделок среди них не оказалось. Эта хорошо спланированная операция прекратилась в 1941 году, после того как нацистская Германия напала на Советский Союз. Секретным службам Третьего рейха необходимы были достаточные средства в советских деньгах, поэтому типография «Аугуст Петрик» приступила к выпуску фальсифицированных рублей.

В августе 1942 года в концентрационном лагере Бухенвальд отобрали 23 заключенных, преимущественно евреев. Это были люди их самых разных стран мира: из Чехословакии, Германии, Франции, Нидерландов, Норвегии, Австрии, Сербии, Советского Союза. Среди них находились типографские рабочие, граверы, художники, банковские служащие, парикмахеры и представители других специальностей. Их переправили в лагерь Заксенхаузен, где оборудовали мастерскую. Так начиналась одна из

самых масштабных в истории операций по производству фальшивых фунтов стерлингов. Возглавил эту операцию штурмбанфюрер СС Бернгард Крюгер, именем которого она и была названа.

Один из вынужденных фальшивомонетчиков, Курт Левински, впоследствии вспоминал: «Через несколько дней нас погрузили в вагоны, и я вместе с еще 22 товарищами оказался в Заксенхаузене. После обычных формальностей эсэсовцы отконвоировали нас в 19-й барак, расположенный на самом краю лагеря. Вскоре барак по всем правилам был полностью изолирован... Однажды на его пороге появился штурмбанфюрер СС Крюгер и объявил, что нас выбрали для того, чтобы организовать команду фальшивомонетчиков. Крюгер говорил довольно долго, были и угрозы применения всяческих кар, и подслащенные обещания. Здесь же присутствовало несколько чинов СС. Нам разъяснили ситуацию и наши задачи. Было сказано, что небо покажется нам с овчинку и мы будем мечтать о смерти, если хоть словом, произнесенным или написанным, или даже жестом дадим знать кому-нибудь за пределами барака о своей работе».

Узники трудились добросовестно, однако не упускали случая саботировать производство. Им удалось собрать радиоприемник, благодаря чему они следили за положением на фронтах. Под всяческими предложениями фальшивомонетчики затягивали изготовление клише, специально делали мелкие ошибки, незаметные для глаз неспециалиста.

Чех Оскар Скала, который был назначен эсэсовцами главой заключенных, в тайне подробно записывал объемы, виды и номера выпускаемых в Заксенхаузене фунтов стерлингов. Благодаря его записям удалось установить, что в период с конца 1942 по февраль 1945 года в типографии концлагеря было изготовлено фальшивок на сумму 134 610 810 фунтов стерлингов. Из этой общей суммы денег после тщательной проверки первосортных подделок было выделено всего лишь на 10 364 830 фунтов. Ко второму сорту относились банкноты, которые имели практически неразличимые дефекты. У банкнот третьего сорта был слабый печатный дефект. Остальные же выбраковывались.

В результате чистый выход высококачественных первосортных подделок составлял всего лишь 7,5 % от общего количества. К тому же в процессе сортировки заключенные стремились снизить долю продукции первого сорта, подкладывая безупречно выполненные банкноты в низшие группы.

Продукция Бернгарда использовалась в самых различных целях. В 1942 году камердинер английского посла в Турции Э. Базна связался с

сотрудниками немецкого посольства и предложил им свои услуги. Он неоднократно вскрывал сейф с секретными документами и переснимал их. Несмотря на то что имперская служба безопасности не проявила особого интереса к этим документам, Базна получил за свою информацию щедрое вознаграждение. Шпион и не догадывался, что ему выдали 300 тыс. фальшивых фунтов стерлингов. Выяснилось это только после окончания войны. Когда Э. Базна попытался положить деньги на свой счет, банковские чиновники не приняли от него банкноты, сообщив о том, что они фальшивые. Упрямый шпион до последних дней своей жизни, вплоть до 1970 года, пытался получить компенсацию у правительства ФРГ как правопреемника Третьего рейха. Но, увы, попытки эти ни к чему не привели.

Помимо выпуска британских банкнот, команда фальшивомонетчиков выполняла и другие задания: подделывала иностранные паспорта, различные документы и почтовые марки.

В ноябре 1942 года в Югославии было образовано Антифашистское вече народного освобождения Югославии, которое приняло на себя полномочия правительства освобожденной от гитлеровского вермахта территории. В январе 1943 года вече выпустило всенародный заем в объеме 500 млн. динаров. Для того чтобы нанести еще больший урон и без того подорванной экономике освобожденных районов, эсэсовцы издали приказ об изготовлении в Заксенхаузене фальшивых югославских облигаций, лир и динаров.

В 1944 году количество человек, входивших в спецкоманду, возросло до 140. Нацистское руководство давно уже утратило надежду на свою

победу, но продолжало всеми правдами и неправдами внушать народу веру в «грядущий мощный ответный удар», который коренным образом изменит положение немецкой армии. Однако Гитлеру так и не удалось применить против англичан так называемое оружие возмездия, то есть управляемые ракеты «Фау-1» и «Фау-2».

Нацисты начали готовиться к выживанию в новых условиях национал-социалистического движения и его вождей. Для этого требовались немалые средства, причем в «твердых деньгах». Поэтому в 1944 году была предпринята попытка освоить производство долларов США. К началу 1945 года удалось напечатать только около 6 тысяч купюр достоинством в 100 долларов. Когда к концлагерю приблизились союзные войска, производство было прервано, а все оборудование типографии и заключенные эвакуированы. Бывшие фальшивомонетчики оказались в концлагере Эбензее, а ящики с фальшивыми деньгами были спущены в глубокие штольни Редль-Ципфа, филиала концлагеря Маутхаузена, откуда в конце войны бесследно исчезли, однако ненадолго.

В первые майские дни 1945 года на небольшом горном озере Топлитцзее, возникшем на месте соляных копей в 22 км от Эбензее, вел ловлю рыбак. Неожиданно он заметил, что возле его лодки плавает какая-то бумага с непонятными знаками. Рыбак выловил бумажку и понял, что это иностранная банкнота. Он высушил и разглядел купюру, а на следующий день сдал ее в банк в Бад-Аусзее, где получил взамен довольно внушительную сумму денег в австрийских шиллингах. Оказалось, что банкнота была достоинством в 20 фунтов стерлингов.

Вскоре рыбак отправился на то же место, где выловил купюру, и снова вернулся домой с тем же уловом. После того как он явился в банк в третий, а затем в четвертый раз, это стало вызывать подозрение, и в один прекрасный момент у кассы его встретили два офицера армии США. Незадачливому рыбаку ничего не оставалось делать, как поведать о своей тайне.

В прессе появилось сенсационное заявление. Ходили слухи о том, что на дне озера Топлитцзее находится так называемое сокровище нибелунгов – золото, награбленное СС. Американцы опросили освобожденных к тому времени узников, которые входили в состав команды фальшивомонетчиков, но те ничего не знали о местонахождении ящиков с фальшивыми британскими купюрами.

Тем временем в районе Бад-Аусзее был обнаружен грузовик, полный ящиков с деньгами. Опытный эксперт по фальшивым деньгам майор Джордж Макнэлли незамедлительно отправился на место находки и

установил, что в 23 ящиках, снятых с грузовика, находится 21 млн. фунтов стерлингов.

Находка рыбака указала на то место, где следовало искать остальное. Среди местного населения нашлись свидетели, видевшие, как в озеро опускались какие-то ящики. К работе приступила группа опытных водолазов, составленная из американских военных моряков. Однако вскоре работы пришлось прекратить, потому что один из водолазов был поднят на поверхность мертвым. Причина его гибели, так же как и семи других водолазов, пытавшихся поднять со дна озера утопленные ящики, осталась загадкой.

Следующие водолазные экспедиции вытащили незначительное число ящиков с деньгами. Однако после того, как со дна озера были подняты ящики с секретными делами ведомства Кальтенбруннера, секретные неонацистские организации стали всячески препятствовать проведению дальнейших водолазных работ, не желая, чтобы тайны Третьего рейха предавались огласке.

Точку в этом деле поставил немецкий исследователь Ганс Фрикке осенью 1984 года. О его предприятии 15 ноября 1984 года сообщила газета «Нойе Рур-цайтунг»: «Немецкий исследователь Ганс Фрикке обнаружил банкноты фунтов стерлингов на глубине 80 м, куда он погрузился на своей подводной мини-лодке. По его словам, фальшивые деньги, используя которые национал-социалисты стремились ослабить британскую валюту, представляют большую научную ценность. Находка в своем роде уникальна. Еще никогда наука не располагала возможностью исследовать бумагу, а значит, целлюлозу, которая в течение десятилетий хранилась бы в подобных условиях.

Вода на глубине озера не имеет кислорода, и при первых пробах на денежных купюрах были обнаружены неизвестные бактерии, которые питались целлюлозой. К тому же банкноты удивительно хорошо сохранились».

Газета также писала о поднятых со дна озера минах, о полуразрушенных деталях различного рода вооружений, в том числе и ракет «Фау-1» и «Фау-2». Однако о секретных документах по вполне понятным причинам не было сказано ни одного слова.

История с американскими дорожными чеками

Это произошло в январе 1947 года в Париже. Тогда столица Франции не оправилась еще от фашистской оккупации. В то время жизнь в Париже, так же как и во многих других западноевропейских городах – Варшаве, Берлине, Будапеште – словно бы замерла.

Парижские отели и гостиницы послевоенных лет были в основном закрыты. Редко когда можно было услышать одинокие голоса французских шансонье. Молодежь предпочитала в то время слушать энергичные ритмы джазовой музыки, а также буги-вуги и неподражаемые мелодии Гленна Миллера.

Французский франк стоил тогда мало: за 200 франков давали 1 американский доллар. Естественно, что простым людям жить было очень трудно. К тому же все продукты и необходимые в быту товары выдавали по карточкам. Местные лавочки и маленькие магазинчики также не могли предоставить своим покупателям богатый ассортимент продукции, кроме никому не нужных грошовых безделушек.

Настоящая торговая жизнь кипела во Франции конца 40-х годов XX века только на черных рынках, где за баснословные суммы можно было приобрести все, что угодно. Те из парижан (и приезжих), кто за годы войны смог сколотить порядочное состояние, покупали на черном рынке дорогие персидские ковры, а затем обменивали их на дефицитные продукты питания, кофе и табак.

Французский франк стоил на черном рынке еще дешевле. За 1 доллар там давали 250–300 франков. Ко всем тяготам и лишениям простых людей, чьи судьбы были разбиты тяжелыми военными годами, прибавилась еще одна – безработица. Тогда редко кому из европейцев удавалось найти работу, приносящую постоянный и высокий доход.

Однако нужда все возрастала, и многие не находили выхода из петли послевоенной нищеты. Другие же не стеснялись в средствах и использовали самые разные способы для того только, чтобы остаться в живых и не умереть голодной смертью. Кто знает, возможно, они были правы...

Послевоенные годы не случайно останутся в памяти европейцев самым тяжелым временем. Однако не все предавались горю. Находились и такие, кто участвовал в разного рода аферах и махинациях с тем, чтобы вырвать из рук своих соотечественников кусок хлеба.

На черном рынке появилось тогда множество мошенников, которые занимались тем, что подделывали денежные купюры, продовольственные карточки и документы. Но этим занимались профессионалы искусства аферы.

Во Франции послевоенных лет на рынках часто появлялись и более мелкие мошенники. Они продавали глину, положенную вместо мяса в расправленные консервные банки из-под американской тушенки, начиняли сорной травой самодельные сигареты и расфасовывали их в пачки из-под элитных «Лаки страйк» и «Кемел».

Французские и заезжие мошенники не посягали тогда только лишь на французский франк. Но происходило это не потому, что ими руководило чувство патриотизма, вовсе нет! Секрет подобного долгожительства настоящего франка заключался в другом – в его малой стоимости и снижении спроса на такую валюту.

Однако вернемся к профессионалам аферного дела. До сих пор старожилы Парижа помнят имя одного из главарей преступной мошеннической группы, Збигнева Пославского. Он был поляком по национальности и официантом по профессии. В 1947 году ему исполнилось 50 лет.

Его «карьера» талантливое афериста началась еще в 20-е годы XX столетия. Тогда он работал официантом в ресторане одного из городских отелей. За хорошую службу посетители заведения часто одаривали услужливого и вежливого официанта щедрыми чаевыми. Там же Пославский впервые встретился и с представителями «высшего общества» мошенников.

Да, в то время Збигнев Пославский мог похвастаться перед знакомыми и дорогой одеждой, и богатым столом. Однако он все чаще стал задумываться над тем, что его коллеги по «бизнесу» имеют гораздо больше материальных ценностей, чем он сам.

Мошеннический талант Пославского недолго дремал. Очень скоро официант ресторана нашел другой путь обогащения. Говоря современным языком, он стал киллером. Подкладывая бомбы под врагов своих заказчиков, он тем самым решал проблему конкурентной борьбы в той сфере жизни, которую занимали аферисты.

К великому сожалению Збигнева, война приостановила его удачно развивавшуюся карьеру киллера. Но и после войны он долго не мог найти занятия по душе, то есть такого, которое приносило бы отвечающий его запросам доход.

В то утро, 17 января, Збигнев Пославский расположился с газетой в

руках у окна маленькой комнаты, которую он снял совсем недавно. Его мало интересовали статьи о вхождении в женскую моду коротких юбок, о пышном праздновании владыкой Бомбея, Ага-ханом, своего очередного дня рождения и о разводе министра со своей супругой. Мысли его были далеки от бульварных новостей. Он ожидал прихода важного для него гостя.

В точно назначенное время в дверь комнаты, где жил Пославский, постучали. В ответ на приглашение войти в растворенных дверях показался высокий элегантный молодой человек лет тридцати.

Збигнев Пославский познакомился с вошедшим всего два дня назад в одном из многочисленных городских кафе. Его звали Джолли. Да-да, это был тот самый Джолли, настоящего имени которого не знал никто и который был знаменит на весь Париж своими торговыми аферами.

В тот день перед Збигневом Пославским предстал молодой человек, одетый в дорогое пальто. На его шее был повязан не менее роскошный и элегантный галстук с изображением грациозной женщины. На голове вошедшего красовалась ковбойская шляпа с загнутыми кверху широкими полями, которая словно бы свидетельствовала об американском происхождении молодого человека. А в нагрудном кармане пальто лежал поддельный (об этом знал только его владелец) паспорт, в котором говорилось о том, что владелец сего документа занимается торговлей табаком и коврами.

Переступив порог небольшой комнаты Збигнева Пославского, Джолли заговорил по-французски. Однако хозяин, поняв, что гость владеет языком недостаточно хорошо, тотчас же предложил перейти на английский. Новые знакомые долго разговаривали. Они обсуждали события мировой политики, ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке, положение евреев в разных странах земного шара. Пославский и Джолли рассуждали о том, что каждый из живущих на планете не должен находиться в стороне от сионистского движения. Несомненно, они сами также обязаны принять участие в спасении евреев.

После подобных отвлеченных разговоров Пославский и Джолли перешли к обсуждению частных деталей нового предприятия. Оказалось, гостю Пославского были известны места, где хранится огромное количество брошенного бежавшими немецкими оккупантами, а также американскими солдатами оружия. Далее Джолли добавил, что за скромную плату согласился бы помочь евреям и смог бы не без помощи друзей переправить оружие в Палестину.

В ответ Пославский сказал о том, что у него также имеются знакомые, которые оказали бы всяческое содействие набравшему все большую силу

сионистскому движению. Таким образом, именно в тот январский день 1947 года между Пославским и Джолли было устно заключено соглашение сотрудничать в торговле оружием. Тогда же два мошенника замыслили и фальсификацию дорожных чеков знаменитой на весь мир компании «Америкен экспресс компани».

Дорожные чеки, выпускаемые АМЭЖКО, действуют и в настоящее время. Они представляют собой выдаваемые в кредит ценные бумаги, функционирующие в качестве оборотных средств, наряду с денежными купюрами. Однако деньги значительно уступают чекам, поскольку в меньшей степени застрахованы от подделки.

Дело в том, что при получении чека его владелец должен поставить подпись в верхнем углу билета. При обмене же чека на деньги служащий банка обращается к подателю финансового документа с просьбой расписаться еще раз и предъявить паспорт или любое другое свидетельство личности, которое содержит подпись его владельца.

Однако, как показало время, и такие полностью защищенные на первый взгляд от подделки банковские билеты все же можно подделать. Шанс мошенникам давало то обстоятельство, что покупатель чека ставил на нем свою подпись при приобретении, а не при обмене. Таким образом, авантюрист мог натренировать руку и научиться расписываться, точно как настоящий обладатель чека.

Спустя примерно неделю после того, как Пославский принимал в своей маленькой комнате в Сюртэ важного гостя, Джолли отправился в один из филиалов компании «Америкен экспресс компани». Там он и купил 10 чеков, стоимость которых оценивалась в 100 американских долларов. В то время пока служащий перебирал бумаги и мало следил за тем, что происходит за окошком офиса, Джолли успел заполучить два неподписанных чека.

Тем временем Пославский так же, как и Джолли, не сидел сложа руки. В Париже он разыскал некоего Даниэля Бернхайма, который в ту пору был известен своим уголовным прошлым. После того как Пославский объяснил суть предпринятого им дела, Бернхайм тут же согласился принять в нем самое активное участие и пообещал приобщить еще пару-тройку нужных людей.

Именно так Пославский познакомился с Жаном (наборщик, умевший изготавливать фальшивые купюры), затем с Альбертом, который привел авантюриста к Анри Перрье, ставшему впоследствии „мозгом“ организации.

Каким же был Анри Перрье в то время, когда с ним познакомился

Пославский? Это был довольно мрачного вида человек. Сорокалетний Анри Перрье производил на собеседника довольно тягостное впечатление. Его широкие плечи говорили о недюжинной физической силе, а нос с горбинкой свидетельствовал о прошлом его обладателя, который, видимо, славился многочисленными победами в кулачных боях.

Очень скоро к таким победам прибавилась и еще одна – весьма успешное участие в предприятии по изготовлению поддельных банковских билетов и ценных бумаг. До той поры за Анри Перрье прочно закрепилась репутация обычного уличного хулигана. Мошенничество и жажда легкой наживы впервые заинтересовали его только после знакомства со Збигневом Пославским.

Необходимо заметить, что в досье, хранившемся в полицейском участке, значились только хулиганские проделки Перрье. Ни в каких более серьезных аферах и преступлениях до 1947 года он замечен не был. Именно такого «коллегу» и искали Пославский и Джолли. Впоследствии Анри Перрье принимал участие в самых рискованных операциях с поддельными чеками и денежными знаками.

Известно, что 15 марта 1947 года в квартире Збигнева Пославского собрались все участники нового предприятия, главной целью которого был оборот фальшивых денежных купюр. Нужно признать романтический характер Пославского. Общее собрание членов преступной группы он начал с эмоциональной речи о мировой политике и ситуации на Ближнем Востоке. При этом, заявил тогда оратор, каждый из собравшихся должен был внести свою лепту в дело защиты палестинских евреев...

Аплодисменты Бернхайма заставили Пославского замолчать на несколько минут. Однако после того, как он вновь открыл рот, чтобы продолжить свою речь, его слова были прерваны возгласом Анри Перрье: «Кончай молоть ерунду, давай о деле. А ты, Жан, уже успел набраться. Я привык иметь дела с настоящими мужчинами, а не с размазнями и пьянчугами».

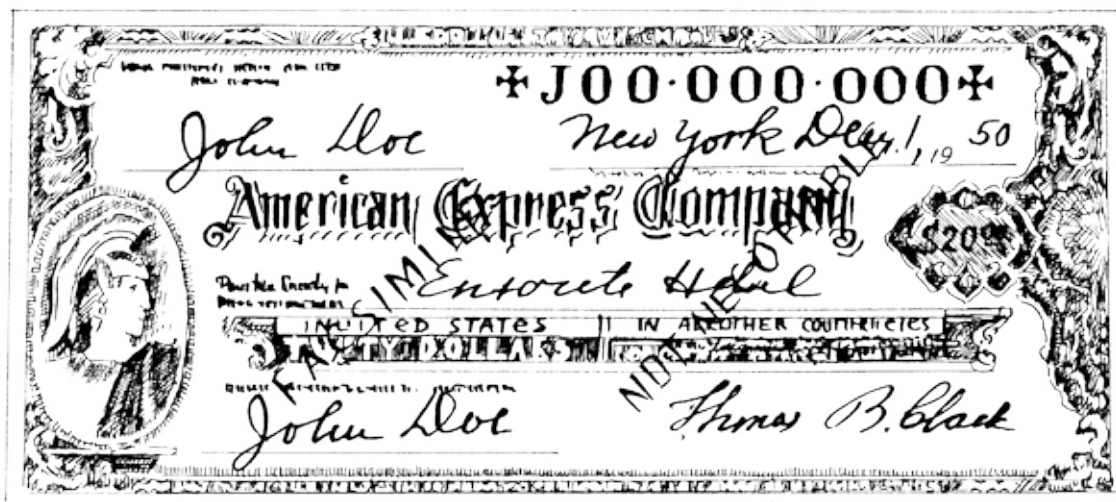
Искаженное злобной гримасой лицо Перрье заставило всех присутствовавших умолкнуть и перейти от международного положения к подготовке плана по реализации фальсифицированных чеков и получению за них настоящих денег.

Тогда Джолли достал из своего бумажника добытый им в «Америкен экспресс компани» неподписанный чек. «Мастер» Перрье недолго разглядывал протянутый ему банковский билет, после чего установил цену за изготовление подобного – 750 000 франков. При этом он затребовал аванс, равный 1/3 указанной суммы, еще треть он просил на покупку

бумаги, а оставшуюся часть мошенник надеялся получить после того, как автомобиль, нагруженный свежевывпущенными чеками, покинет двор типографии.

Затем Перрье произнес: «Все остальное – ваше дело, меня это не касается». С этими словами он покинул уютную комнату Пославского, заставив тем самым оставшихся подумать над тем, как собрать необходимую для изготовления фальшивых банковских билетов сумму денег.

Итак, Джолли и Пославский отправились на поиски меценатов, которые согласились бы оплатить все расходы по печатанию чеков. Прежде всего они надеялись на поддержку евреев, бежавших из Палестины во Францию. Однако прежние знакомые Пославского из таких кругов после войны сами нуждались в средствах, а потому помочь авантюристу не могли.

Тогда Збигнев Пославский обратился к Альфонсу Лупу, еврею по национальности, в то время владеющему маленькой фабрикой по изготовлению щеток. Взывая к патриотизму и любви к еврейскому народу, Пославский своими пламенными речами заставил Лупа согласиться принять активное участие в «деле освобождения евреев Палестины».

Но хитрый Луп в первую очередь был настоящим дельцом. Положительно ответив на просьбы Пославского выступить спонсором его предприятия, он тем не менее не забыл и о щетках, выпускаемых его фабрикой. Да, он согласен дать просителю требуемую сумму денег, но тот в свою очередь, должен был выкупить у него некоторую часть щеток. Итак, Пославский получает от Лупа 160 000 франков наличными и в придачу

чистой воды бриллиант, оправленный в золото. Анри Перрье берет у Пославского и деньги, и бриллиант, хотя хорошо знает о том, что он не больше и не меньше, чем искусная подделка.

Получив деньги, Анри Перрье занялся делом. Вначале он пустился на поиски гравера и печатника. Гравером должен был стать Мишель Сути, человек, с которым Перрье когда-то сидел в одной тюремной камере. Однако, внимательно изучив банковский билет, Сути возвратил его владельцу со словами: «Ничего не выйдет. Вот водяные знаки, месье, их нельзя подделать, а без этого все остальное сущая ерунда. Я в этом не участвую».

Вот так Перрье впервые получил от своего сокамерника отказ участвовать в предприятии по подделке ценных бумаг. Но делать нечего. Возникшая проблема должна быть решена во что бы то ни стало. Тогда находчивый Перрье обратился к знаменитому фальсификатору документов Пьеру Жанину. Именно он, занимаясь подделкой паспортов, в годы войны спас жизнь не одному фашисту, находившемуся в бегах.

Так или иначе, Пьер Жанин за определенную плату согласился принять участие в печатании чеков «Американ экспресс компани». По воспоминаниям современников, Жанин был гением в подделке документов и ценных бумаг. С помощью специального оборудования ему удалось создать такие чеки, которые необычайно трудно было отличить от настоящих. Даже водяные знаки на подделанных им бумагах мало чем отличались от водяных знаков, нанесенных на настоящую банкноту.

Итак, Перрье сумел удачно подобрать «кадры», оставалось только найти специальное оборудование, с помощью которого можно было бы выпустить целую серию фальшивых чеков знаменитой дорожной компании. И такой станок был найден.

Сразу же после объявления окончания войны одна из французских фирм заказала в Соединенных Штатах Америки офсетный пресс. Однако он так никогда и не дошел до заказчика и долгое время хранился в подвале одного из парижских частных домов. Как пресс попал к хозяину того дома, до сих пор остается загадкой.

Как бы то ни было, Анри Перрье удалось выкупить офсетный пресс у парижанина. После этого поделщики взяли в аренду подвальное помещение, находившееся под знаменитым на парижской окраине баром. Начиная с последней недели мая в подвале бара кипела бурная работа по изготовлению поддельных банковских билетов. 21 день понадобился Перрье и его сообщникам на то, чтобы выпустить не одну сотню фальшивых чеков.

Естественно, ни посетители питейного заведения, ни сам хозяин оною даже не догадывались о том, что происходит в подвале. Перрье был очень осторожен. Пресс включали только тогда, когда наверху звучала музыка. Когда же оркестр прекращал свою игру, станок отключали.

19 июня 1947 года в подвальном помещении парижского бара Анри Перрье и его помощниками было изготовлено 6000 фальшивых чеков достоинством в 100 американских долларов каждый. Для вывоза со двора бара были наняты два легковых автомобиля, которые доставили пачки поддельных чеков на склад небольшого хозяйственного магазина, владелицей которого была возлюбленная Альфонса Лупа.

На следующий день склад посетил Анри Перрье, надеявшийся получить последнюю часть требуемой ранее с заказчиков суммы денег. Однако пришедший на встречу Джолли сообщил о том, что собрать нужное количество денег для того, чтобы полностью рассчитаться с Перрье, организации не удалось. Тогда Перрье вскрывает первую попавшуюся ему под руку пачку чеков и кладет в свой бумажник 1000 купюр. После этого, не говоря ни слова, он покидает магазин.

Перрье не случайно взял тысячу чеков. Дело в том, что в то время их стоимость на французском черном рынке достигала не менее 250 франков. Таким образом, продав фальшивые чеки, мастер подделки смог бы неплохо подзаработать. Что же касается Джолли и Збигнева Пославского, то им только еще предстояло разработать план реализации фальсифицированных ценных бумаг.

Еще спустя два дня, 21 июня 1947 года, Бернхайд и Джолли отправились в Антверпен, чтобы оптом сбыть имевшиеся у них фальшивые чеки АМЭККО. Торговцам нельзя было медлить ни минуты. Прибыль от продажи поддельных банковских билетов обещала быть огромной.

Двумя днями ранее, 19 июня, шефом отдела детективов, находящегося в одном из европейских филиалов «Америкен экспресс компани», Седерлундом, было получено сообщение о том, что зарегистрирован случай обмена фальшивого дорожного чека на наличные. Спустя некоторое время подобные сообщения пришли из Ниццы, Брюсселя и Парижа. В столице молодой торговец поддельными чеками предложил свой «высококачественный товар» одному из сотрудников «Сюрте насъональ». Не нужно говорить о том, что бизнес закончился для незадачливого продавца весьма плачевно.

Итак, несколько фальшивых чеков оказалось в руках детектива Седерлунда. Внимательно изучив работу французских мошенников, он сказал: «Высококласная работа... Краски бледноваты, водяные знаки

оттиснуты слегка сильнее, номера серий несколько темнее нормы...»

В июле 1947 года старший комиссар «Сюрте насъональ», Эмиль Бенаму, объединившись со старшим комиссаром парижской полиции, Луи Пуарье, решил объявить непримиримую войну мошенникам, изготавливавшим фальшивые дорожные чеки. Оба детектива отличались превосходными качествами настоящих полицейских. Еще в военное время им удалось раскрыть не одно преступление, касавшееся подделки денежных купюр и документов. Позднее для поимки авантюристов к ним присоединились еще два полицейских, Марсель Фрапье и М. И. Седерлунд.

Прежде всего о том, что в Европе появились поддельные дорожные чеки, решено было известить Интерпол. После этого полиция Парижа разослала такое же сообщение и в периодические печатные издания. Таким образом жители многих западноевропейских стран в течение нескольких дней узнали о происшествии и получили предостережение от покупки фальшивых банковских билетов.

Очень скоро в информационном отделе «Сюрте насъональ» появляются сведения о хождении фальсифицированных чеков АМЭККО на черных рынках Швейцарии, Бельгии, Западной Германии, Скандинавии и Чехии. А 3 июля служащий одного из нью-йоркских банков находит среди настоящих чеков и 20 поддельных билетов.

Расследование происшествия очень быстро заходит в тупик. Все следы вели к пилоту трансатлантического лайнера. Однако установить его местопребывание после посещения банка полицией не удалось.

Руководство компанией, имевшей на мировом рынке репутацию солидной фирмы, оказалось всерьез обеспокоенным за дальнейшее развитие предприятия. В результате решено было послать во Францию ревизора. Им стал Дж. К. Ливингстон. 60-летний американец, который половину своей жизни проработал в фирме АМЭККО. Прибыв во Францию, он решительно заявил о том, что не позволит мелким воришкам портить репутацию компании, имевшей большой вес в мировом бизнесе.

Однако известная русская пословица гласит: «Собака лает – ветер уносит». Фактической пользы от Ливингстона оказалось куда меньше, чем вызванного его пламенными речами шума в обществе.

Тем временем Пославский и Джолли, очень встревоженные решением полицейских во чтобы то ни стало изловить злоумышленников, попытались как можно скорее освободиться от фальшивых чеков. Однако вследствие газетной шумихи тогда нашлось не так много покупателей банковских билетов.

Но 22 июля 1947 года один из таможенников маленького пограничного

городка в Швейцарии изъял 50 чеков, не указанных в декларации. Тем не менее таможенники не смогли разглядеть в найденных чеках фальшивку, а потому, лишь предупредив их владельца о возможном наказании, отпустили его.

Только спустя две недели швейцарские полицейские пригласили в участок первого секретаря миссии одной из южноамериканских стран в Париже. Дело было в том, что у задержанного полицейскими дипломата оказалось 100 поддельных чеков компании АМЭККО. В ходе следствия оказалось, что те чеки дипломат купил на парижском черном рынке.

В один из таких дней наборщик Жан случайно повстречал в одном из многочисленных парижских кафе своего давнего компаньона по изготовлению фальшивых денег и документов, Поля Таллендье. Он-то и согласился за умеренную плату продать отпечатанные бравой компанией «Пославский и К^о» фальшивые дорожные чеки.

Друзья договорились о встрече, которая должна была состояться вечером следующего дня в кафе под названием «Аккей». Жан пообещал выдать Таллендье на продажу 400 поддельных банковских билетов. Точно в установленное время в зал кафе «Аккей» вошли трое мужчин, Поль Таллендье и два незнакомца. К тому часу Жан и Альбер уже находились в кафе. Таллендье оставалось только лишь познакомить четырех мошенников. «Месье Жильбер и месье Антон» – представились двое вошедших. Вслед за этим Жан и Альбер также назвали свои имена. Фамилии в преступном мире принято было не называть.

Жильбер Хайслер, молодой человек лет тридцати, имел, по словам своих товарищей, большой талант мошенника и смог бы сделать хорошую карьеру в уголовном мире. Однако он был романтиком, а потому ему необходим был более старший коллега, который направлял бы его энергию в нужное русло. Таким товарищем и стал 40-летний Антон Берманн.

На встрече с Жаном и Альбером Берманн не раз вспоминал о своем аристократическом происхождении. Действительно, он хорошо говорил по-немецки, мог свободно изъясняться на французском языке и владел английским. Однако талант Берманна не ограничивался превосходным знанием нескольких европейских языков. Главным его достоинством, как считал он сам, была страсть к наживе и легким деньгам. Не случайно он числился в списках Интерпола за изготовление и реализацию фальшивых денежных знаков.

В то время в «Аккее» собирались представители самых разных профессий. В том же кафе предпочли встретиться и разыскиваемые полицией за изготовление фальшивых чеков Жан, Альбер, Таллендье,

Жильбер и Антон. Заказав легкий завтрак, они приступили к обсуждению плана продажи банковских билетов.

Таллендье, Хайслер и Берманн, внимательно осмотрев показанные им дорожные чеки, отозвались о них как о мастерски изготовленной подделке. После этого Берманн сообщил о том, что он уже нашел покупателя для тех 400 чеков, которые были предложены Жаном. А потому они могут прямо из кафе проехать к покупателю и получить за фальшивые чеки настоящие деньги.

Жан согласился ехать к покупателю. Однако Альбер решил повременить и не ввязываться в сомнительное предприятие. Он остался в кафе, а Жан, Таллендье, Жильбер и Антон отправились к стоявшему за углом ситроену.

Очень скоро компания мошенников остановила автомобиль на одной из пустынных улочек недалеко от Елисейских полей. Берманн взял портфель, доверху наполненный поддельными дорожными чеками, и посоветовал Жану сопровождать его, при этом тот должен был находиться на некотором расстоянии от него.

Берманн и Жан, благополучно миновав постового, стоявшего перед входом в отель «Астория», больше известный как штаб-квартира американской армии, двинулись вверх по лестнице. Внезапно перед ними возникли фигуры двух мужчин, одетых в гражданские костюмы. Они схватили Берманна и, выворачивая тому руки, быстро повели его вниз, а затем вывели на улицу, где усадили в автомобиль. За происходящим наблюдал Жан, сумевший ловко удрать (как он думал) от преследователей.

А последние оказались вовсе не полицейскими. Действительно, когда-то они служили в полиции. Однако во время описываемых событий были уволены и, кроме того, близко знали Берманна. Он-то и предложил им простой способ выгодно подзаработать, а именно – украсть у мошенников поддельные дорожные чеки.

После удачно проведенной операции Берманн и двое его товарищей отправились в то же кафе «Аккей», где расплатились за заказанный ужин чеком (конечно же, фальшивым!) в 100 долларов.

Как уже было замечено выше, всего мошенниками было изготовлено 6000 фальшивых дорожных чеков. В течение двух лет полиции удалось изъять только лишь 1100 поддельных банковских билетов. Однако еще долгое время фальсифицированные бумаги появлялись в разных странах мира, в том числе на Ривьере и в государствах Южной Америки.

«Америкен экспресс компани» не осталась в накладе. В результате судебного разбирательства за нанесенный авантюристами моральный

ущерб (игра на репутации фирмы) совет директоров получил от Французского государства 20 000 000 франков наличных (настоящих!).

Таллендье, так и не догадавшийся об истинном смысле устроенной Берманном махинации, вскоре начал новое дело. Спустя некоторое время он оказался задержанным полицией за подделку и торговлю фальсифицированными продуктовыми карточками.

А Хайслера арестовали за реализацию поддельных почтовых марок. Он попался в руки полицейских в тот день, когда пытался сбыть пачку саксонских треугольных марок для почтовых конвертов.

Спустя некоторое время госпожа удача отвернулась и от Берманна. Однажды он появился на одном из черных рынков американской зоны оккупации Германии с пачкой поддельных долларов, которые намеревался продать. Там он и был пойман с поличным германскими полицейскими. Состоявшийся вскоре суд приговорил злостного мошенника, в течение многих лет скрывавшегося от Интерпола, к 12 годам тюремного заключения.

Джолли, вовремя почуявший опасность, спешно выехал из Франции. Известно, что он поселился в Нью-Йорке и таким образом ушел от наказания. За состоявшимся в марте 1950 года судебным процессом по делу мошенников, подделывавших дорожные чеки, он наблюдал по телевизору, удобно расположившись в уютном кресле, стоявшем в одной из комнат его комфортабельной нью-йоркской квартиры.

Джолли стал единственным участником громкого скандала, разразившегося по поводу хождения фальсифицированных дорожных чеков АМЭККО, кто вышел чистеньким. Он жил под чужим именем и смог уйти от справедливого наказания. Избежал заточения в тюремную камеру и его товарищ по аферам, организатор предприятия Збигнев Пославский. Он вовремя уехал в Израиль, где смог скрыться от полиции и, как говорят, даже занялся собственным «честным» делом – открыл комфортабельный отель.

Таким образом, на скамье подсудимых оказались 59 человек, принимавших участие в незаконном предприятии по подделке банковских билетов. Однако на упомянутом выше процессе, произошедшем в марте 1950 года, только лишь 50 из них были приговорены к лишению свободы на различные сроки. Самый маленький срок был определен несколькими месяцами, а самый длительный – девятью годами.

Многие из подсудимых оказались приговоренными к штрафам на различные суммы. Так, одному из участников громкой аферы пришлось выплатить 6 000 000 франков.

На том судебном процессе главное обвинение было выдвинуто судьями против Сути, Хайслера, Жана, Перрье, Жанина, Таллендые и Лупа. Обвинительный приговор прозвучал и в адрес Берманна. Но, к сожалению, только заочно, поскольку поймать мошенника полиции так и не удалось.

На этом и закончилась нашумевшая в свое время история о подделке дорожных чеков знаменитой «Америкен экспресс компани». Благодаря работе полицейских и, в частности, Эмиля Бенаму к суду удалось привлечь многих злоумышленников. После этого к старшему полицейскому пришла слава самого лучшего сыщика во всем мире, его часто называли не иначе как Мегрэ. Он подтвердил свое «звание» спустя несколько лет, когда смог усадить на скамью подсудимых знаменитого фальшивомонетчика XX столетия Чеслава Боярского. Но это уже другая история...

Гениальный фальшивомонетчик

В 1912 году в городке Ланцут в Польше, в семье мелкого предпринимателя Боярского родился мальчик, которого нарекли Чеславом. Закончив курс обучения в средней школе, он поступил в Львовский политехнический институт, где занимался изучением политической экономии. Получив диплом, Чеслав отправился в Данциг, поступил в местный университет и получил там специальность инженера-строителя.

В годы Второй мировой войны Чеслав Боярский сражался против фашистов, числясь в рядах польской армии Сопротивления, и заслужил офицерское звание. О победе он узнал в то время, когда был в Париже.

После войны многие однополчане Боярского вернулись на родину, но сам Чеслав остался во Франции и поселился в пригороде Парижа, Бабиньи. Свою небольшую квартиру он превратил в настоящую мастерскую, работая в которой, изобрел пластмассу, электрическую бритву и ротационные моторы. Впрочем, все его новинки оказались невостребованными во Франции, так же как был не нужен и он сам в качестве экономиста или инженера. А между тем финансы Боярского таяли, и необходимо было что-то срочно предпринять, пока его семье не пришлось голодать. Тогда Боярский приобрел у старьевщика старое биде, переделал его в пресс, необходимый для производства бумаги, и занялся изготовлением денежных купюр.

В первое десятилетие после окончания войны мошенничество было единственным делом, которое приносило семейному бюджету Боярских доход. Затем глава семейства, которое больше не испытывало острую нужду в деньгах, сделал попытку оставить свой «бизнес» и вновь вернуться к научному труду, но его изобретения опять остались без внимания.

Отчаявшийся в успехе инженер с 1954 года приступил к изготовлению

фальшивых банкнот достоинством в 5 тыс. франков. Однако в связи с необычайно высокой инфляцией во Франции в те годы эти купюры быстро обесценились, и Боярский был вынужден задуматься о выпуске денег более высокого номинала. Так он начал изготавливать банкноты достоинством в 100 франков.

В то же время Чеслав Боярский приобрел в лице некоего Антуана Довгье, которого не раз спасал от долговой тюрьмы, друга и сообщника. Спустя некоторое время партнером Боярского стал также его родственник по фамилии Шувалов. Именно необдуманные поступки последнего в дальнейшем привели к разоблачению фальшивомонетчиков. Правда, история эта длилась достаточно долго.

Еще в 1946 году старшему комиссару по борьбе с подделкой денежных банкнот Эмилю Бенаму показали появившуюся в обращении фальшивую купюру достоинством в 5 тыс. франков. А спустя еще 5 лет, в 1951 году, комиссар получил другую – достоинством в 1000 франков.

После 1960 года на экспертизу были представлены несколько банковских билетов по 100 новых франков. Уже тогда Бенаму понял, что их изготовлением занимается «одиночка», так как деньги появлялись в единичном экземпляре. Забегая вперед, отметим, что эта догадка комиссара оказалась верна: Боярский, как он признался впоследствии на суде, действительно реализовывал купюры строго по одной, вкладывая ее в середину пачки настоящих денег.

В течение последующих 12 лет Бенаму не удавалось поймать злоумышленника, а между тем по городу ходили сотни фальшивых купюр разного достоинства. Казалось, что остановить поток подделок невозможно, но тут на помощь представителям правоохранительных органов пришел сам его величество случай.

В 1963 году служащий одного из почтовых отделений заявил в полицию о том, что один из посетителей выкупил пакет ценных бумаг, заплатив за него фальшивыми купюрами. Фамилию и имя того посетителя определили по номерному знаку его машины, замеченной у здания почтового отделения. Хозяином автомобиля оказался некто Алексис Шувалов, 1927 года рождения.

Вскоре Шувалова арестовывают, но он отрицает свою вину и указывает на Антуана Довгье, который тоже спустя некоторое время оказался в полиции. На первом же допросе Довгье признается в том, что фальшивые деньги дал ему Чеслав Боярский. Проведя обыск в доме последнего, полицейские обнаруживают огромный кейс, наполненный деньгами, и по подозрению в фальшивомонетничестве заключают под

стражу хозяина. Правда, в дальнейшем выясняется, что купюры в чемодане были все же настоящими.

Однако комиссар Бенаму почему-то был уверен, что Боярский именно тот человек, который им нужен. Он послал к дому мошенника группу полицейских, которые провели повторный обыск. В результате представителям правопорядка удалось обнаружить под письменным столом потайной ход, ведущий в подвал-мастерскую, где и осуществлялось изготовление банкнот.

В 1966 году начались судебные слушания по делу фальшивомонетчика Чеслава Боярского, мастерство которого признал даже сам комиссар Бенаму. Однако, несмотря на общепризнанный художественный талант мошенника, приговор суда оказался суровым: 20 лет лишения свободы.

Боярский, будучи не в состоянии поверить в реальность происходящего и надеясь на милость судей, написал прошение о помиловании и переводе его на должность государственного эксперта по банкнотам. Преступник предложил даже свой рецепт изготовления бумаги особого качества, идущей на производство денежных купюр.

Но просьбу о помиловании ввиду огромного ущерба, причиненного Боярским своими противозаконными действиями государству,

правительство Франции отклонило, подписав тем самым для узника смертный приговор. Дело в том, что врачи, осматривавшие гениального мошенника, поставили ему страшные диагнозы – туберкулез легких и рак костей. После заключения в тюрьму здоровье Боярского резко ухудшилось, и в 1867 году он умер.

Скандал в Карлсруэ

В январе 1975 года жителей Карлсруэ (Германия) поразила весть об аресте заместителя директора Государственного монетного двора, расположенного в этом городе, и рабочего-монетчика Клауса Фетцнера. В тот день страницы периодических изданий пестрели заголовками наподобие «Коллекционеры обеспокоены судьбой своих сокровищ», «Лихорадочная активность в министерствах после разоблачения фальшивомонетчиков из Карлсруэ» и т. д.

Директор предприятия в Карлсруэ Вилли Отт вскоре после вскрытия фактов нарушения порядка на монетном дворе был отстранен от службы. Причем для самого Отта данный скандал явился как гром среди ясного неба, развеяв его мечты о предстоящем 150-летнем юбилее руководимого им заведения и о связанных с ним награждениях и других приятных мероприятиях.

История с фальшивыми монетами значительно подорвала доверие заказчиков к Государственному монетному двору в Карлсруэ, до той поры пользовавшемуся неизменным уважением клиентов, в том числе и зарубежных. Однако настала пора посвятить читателя в суть аферы, имевшей такие огромные последствия.

Итак, в конце ноября 1974 года Германский федеральный банк получил запечатанный пластиковый пакет с серией монет, на которых был выгравирован 1967 год и буква «G» – фирменный знак монетного двора в Карлсруэ. Эти железные монеты, покрытые медным слоем, достоинством в 2 пфеннинга, заслужили особое признание нумизматов, так как в свое время в оборот выпустили всего 520 экземпляров таких денежек, рыночная стоимость которых составляла 1800 марок каждая. Отправитель пакета просил банк провести экспертизу посланных монет в связи с тем, что грань между их лицевой и обратной сторонами вызывала у него определенные опасения.

Специалисты подтвердили сомнения внимательного коллекционера, признав монеты фальшивкой. Но вскоре к ним стали поступать и другие подобные сигналы, вызывая у работников банка подозрения в том, что кто-то на монетном дворе в Карлсруэ манипулирует монетами прежних выпусков.

После обстоятельной предварительной проверки, которую проводили сотрудники федерального банка и криминальной полиции на Государственном монетном дворе, а также обысков на квартирах подозреваемых были произведены аресты заместителя директора этого предприятия Стефана Хайлинга и рабочего-монетчика Клауса Фетцнера.

Лишь спустя некоторое время, когда скандальная тема была уже изрядно подзабыта общественностью, 27 сентября 1976 года в земельном суде в Карлсруэ начался процесс по делу Отта, Хайлинга и Фетцнера, которым инкриминировалось мошенничество и обман покупателей в корыстных целях. Причем последнее выдвигалось против Хайлинга и Фетцнера, производивших незаконную чеканку монет, ранее выпускавшихся в строго ограниченных количествах. Кроме того, директору вменялось в вину укрывательство преступников, а также ряд неправомερных служебных действий, которые, однако, подлежали рассмотрению не в судебном, а в административном порядке.

На допросах публика ознакомилась с деталями биографий обвиняемых.

Вилли Отту, имевшему диплом инженера-машиностроителя, было 62 года. С 1961 года он возглавлял монетное предприятие в Карлсруэ. По уровню своего месячного оклада Отт приравнялся к высшим правительственным чиновникам.

Клаус Фетцнер, 40 лет от роду, до того как поступил в 1957 году на службу в Государственный монетный двор, работал плотником. Но в

дальнейшем смог получить высокую квалификацию в монетном деле и стать признанным мастером, способным самостоятельно выполнять порученную ему работу. Полученные заказы, в том числе и изготовление медалей и «зеркальных» монет, особым образом полировавшихся и предназначенных специально для коллекционеров, он выполнял самым тщательным образом. У руководства Государственного монетного двора Фетцнер пользовался безграничным доверием, и ему даже поручили наблюдение за одним из четырех имеющихся на предприятии помещений особого хранения.

Уже в январе 1975 года журналисты главным обвиняемым называли 61-летнего Стефана Хайлинга, бывшего учителем по образованию, но с 1948 года работавшего на монетном дворе в Карслруэ. Причем начинал Хайлинг свою службу на этом предприятии как неквалифицированный рабочий, затем, постепенно поднимаясь по чиновничьей лестнице, смог в конце концов занять пост заместителя директора.

Для того чтобы судьи имели возможность как можно точнее разобраться в механизме преступления, первыми слово получили эксперты. Из их показаний следовало, что монетный двор не мог по собственной инициативе осуществлять чеканку или дочеканку денег и медалей: для этого необходимо было получить соответствующие предписания федерального министерства финансов. В свою очередь, контроль за выдачей заказов и их исполнением в министерстве находился в руках двух человек: Вальтера Хаака и Роберта Термера. Первый из них пылал настоящей страстью к собирательству памятных монет, и когда к нему в 1973 году пришел один из его коллег и предложил купить свою коллекцию западногерманских монет, Хаак, не задумываясь, согласился, получив вместе с тем и список недостающих монет. Далее Хаак передал этот список своему знакомому Отту с просьбой посмотреть его, а последний обещал узнать, «не осталось ли чего» на его предприятии.

В конце концов Отт понял, что помочь Хааку он ничем не может, так как на Государственном монетном дворе необходимых монет не было. При этом он совсем «забыл» о некой коробке, содержание которой впоследствии превратило мелкие служебные просчеты в громкий скандал. В дальнейшем читатель еще познакомится с содержимым коробки.

Однако Отт был не таким человеком, чтобы не сдержать своего обещания, тем более что выполнение его сулило благосклонность вышестоящего лица. В результате он поручает Фетцнеру отполировать требуемые монеты, и тот выполняет указания шефа. Между тем это предписание является явным нарушением закона, так как на тот момент

никаких официальных заказов со стороны министерства финансов на Государственный монетный двор не поступало.

И вот спустя несколько недель Отт вручает Хааку 14 недостающих по списку монет по их номинальной стоимости 13,86 марок. Правда, здесь сразу возникает вопрос, наводящий тень на имя Хаака: неужели он как эксперт и нумизмат в узкой области действительно не представлял реальной ценности приобретенных им монет, которые на самом деле должны были стоить гораздо больших денег? Среди монет, попавших в руки Хаака за 13 марок 86 пфеннигов, была уже упомянутая «двушка», а также денежка в 50 пфеннигов, выпускавшаяся в 1950 году с надписью «Банк германских земель». Только эти две монеты оценивались в кругах коллекционеров в 1800 и 340 марок соответственно.

В результате Хааку с большим трудом удалось избежать обвинений в подстрекательстве к изготовлению фальшивых денег. А спасло его следующее. До создания в 1968 году специализированной организации, занимающейся рассылкой монет для коллекционеров, четыре предприятия в ФРГ, где чеканились монеты, могли самостоятельно производить рассылку и расчеты по согласованию с федеральным банком. Таким образом, некоторые экземпляры ранее изготовленных монет действительно могли находиться на монетных дворах. Это обстоятельство и выручило Хаака, который, как следовало из его заявлений, не имел ни малейшего представления о том, какие монеты попали в его коллекцию.

Основной аргумент обвиняемых и их адвокатов состоял в том, что за каждую из «дочеканенных» раритетных монет, которые формально находились в обращении, из оборота изымалась и пускалась в переплав «нормальная» денежка. Сумма денег, находившихся в обращении, оставалась неизменно, а значит ни о каком фальшивомонетничестве и речи быть не могло.

Далее суд рассмотрел конкретные факты по делу. Так, в 1968 году директор Отт распорядился отчеканить для Музея денег федерального банка в «зеркальном» исполнении по 20 экземпляров каждого вида монет, сделанных до этого момента в Карлсруэ. Хайлингу он в устной форме объяснил, что соответствующий заказ выдало федеральное министерство финансов. Однако все вызванные в суд представители федерального банка отрицали, что когда-либо оформляли подобный заказ. Так возникла странная ситуация, позволившая наполнить уже упомянутую выше коробку.

«Заказ» Отт охватывал 73 типа монет, его общая номинальная стоимость составляла 2020 марок. Кроме того, Хайлинг в тайне от своего

шефа несколько увеличил «заказ», распорядившись изготовить несколько больше экземпляров каждого типа монет, намереваясь потом вручить их друзьям и родственникам. Все сделанные на мнимый заказ монеты были упакованы в уже известную коробку, которую, во избежание ее открытия ревизорами, поместили в сейф, находившийся в распоряжении Фетцнера и практически не подвергавшийся проверкам.

В конце декабря 1974 года Хайлинг, замещая своего шефа, принял участие в совещании руководителей предприятия по производству монет. Между делом в разговоре с одним из высокопоставленных коллег федерального банка он поинтересовался дальнейшей судьбой монет для коллекционеров, изготовленных по заказу Музея денег. Как оказалось, его собеседник об этом деле слышал впервые. Хайлинг немедленно отправляется за коробкой и изымает из нее 4 комплекта штампов коллекционных монет, также хранившихся в данной емкости.

В рождественские дни 1974 года Клаус Фетцнер привлекается к реализации многообещающих планов Хайлинга, суть которых сводится к тому, что, имея на руках штампы, оборудование и мастера чеканки, можно выпускать столь вожделенные в кругах коллекционеров монеты в своих целях. Находится и распространитель, взявшийся снабжать рынок ценным товаром. Это разъездной монтер по фамилии Маурич, умудрившийся за все время, пока длились махинации с монетами, сбыть около 500 монет. За них монтер получил около 75 тыс. марок, из которых 11 тыс. он оставил себе, 36 тыс. забрал Хайлинг, а Фетцнеру, соответственно, досталось 28 тыс.

Однако в планах Хайлинга с самого начала присутствовали серьезные просчеты. Один из них заключался в монете достоинством в две марки, заказ на чеканку которой поступил на монетные дворы Карлсруэ и Гамбурга в 1959 году. Штампы поступили из Мюнхена. Но затем по каким-то причинам заказ был аннулирован, и, следовательно, монет серии «М. р. 1959 G» вообще не могло существовать, но в коробке они имелись. Другими словами, Хайлинг и Фетцнер, не задумываясь, запустили их в свое подпольное производство, обнаружив ошибку только тогда, когда Маурич уже продал первые несуществующие монеты.

Второй крупной ошибкой аферистов явились монеты в 50 пфеннигов 1950 года выпуска. При их изготовлении они для лицевой стороны использовали старый штамп с гравировкой «Банк немецких земель», а для обратной стороны применяли более поздний штамп. К тому же фальшивомонетчики использовали технологию зеркальной полировки, упустив из виду, что таким образом монеты стали делать только в 1952 году. Короче говоря, 50-пфенниговые монеты 1950 года в зеркальном

исполнении являлись настоящими униками.

Представитель обвинения Адольф Мюллер, руководитель отдела по борьбе с хозяйственными преступлениями прокуратуры Карлсруэ, в своем выступлении счел вполне доказанным обвинение трех сидящих на скамье подсудимых господ в фальшивомонетничестве. Однако подделываются только те деньги, которые могут иметь курс, а Хайлинг и Фетцнер первые в истории додумались подделывать монеты, чтобы купить их за ту же цену. То есть за каждую монету «собственного производства» они вносили ее номинальный эквивалент в обычных монетах, которые шли на переплав.

Интересно, что проводившиеся в то время действия по конфискации штампов и монет у мошенников способствовали тому, что те деньги, которые они уже успели сбыть, превратились в настоящий раритет среди коллекционеров, и спрос на них значительно вырос. Между тем прокурор настаивал на серьезном наказании для аферистов. Он опирался на то, что законного заказа на дочеканку монет не было. Речи адвокатов подзащитных сводились к требованию освободить их клиентов. Они говорили, что нанесение имущественного ущерба ни государству, ни коллекционерам не доказано, а обвинения в фальшивомонетничестве не обоснованы хотя бы потому, что любые деньги, производимые на Государственном дворе, если незаконность их изготовления не доказана, должны быть признаны настоящими.

В конце концов 11 октября 1976 года земельный суд в Карлсруэ вынес следующий приговор: Клаус Фетцнер за продолжительное воровство и мошенничество осуждался на 10 месяцев лишения свободы, причем при внесении штрафа в 5 тыс. марок это предписание заменялось условным сроком заключения на три года. За аналогичные преступления Стефан Хайлинг приговаривался к 11 месяцам лишения свободы и штрафу в 4800 марок. При внесении дополнительного штрафа в 5 тыс. марок заключение в тюрьму заменялось условным сроком на три года.

Вилли Отт обязывался уплатить денежный штраф в размере 7200 марок. Маурич же избежал наказания, так как был выдвинут довод, что он мог догадываться, но не знал наверняка, что имеет дело с фальшивыми деньгами.

Несмотря на такой довольно мягкий приговор, осужденные подали апелляцию, которую рассмотрел федеральный суд и направил дело на пересмотр в большую уголовную палату земельного суда в Карлсруэ. Однако вынесенное судьями заключение на этот раз оказалось гораздо более строгим. Вилли Отт должен был отсидеть 11 месяцев в тюрьме с заменой на три года условно при выплатае штрафа в 10 тыс. марок. Клаус

Фетцнер приговаривался к 10 месяцам тюрьмы с заменой на три года условно при выплате штрафа в 3 тыс. марок. Стефан Хайлинг осуждался на 18 месяцев лишения свободы без возможности замены этого срока на условный и к штрафу в 3600 марок, что означало потерю им всех привилегий и утрату права на пенсию.

Впрочем, в кругу коллекционеров зла на фальшивомонетчиков не держали. Благодаря официальному запрету на их продукцию цены на «монеты Хайлинга» достигли заоблачных высот, а их обладатели считали себя самыми счастливыми людьми на свете.

Фальшивомонетничество сегодня

В наши дни фальшивомонетничество переживает необычайный подъем. Современная компьютерная и копировально-множительная техника стала не только доступной по цене, но и достигла такого высокого совершенства, что буквально за 10–15 минут можно изготовить копию денежного билета, которую с первого взгляда совершенно невозможно отличить от настоящей банкноты.

Естественно, что многие предприимчивые граждане в поисках легкой наживы поддаются искушению, не задумываясь об ожидающих последствиях. Следует напомнить, что статья № 186 Уголовного кодекса РФ за изготовление в целях сбыта или сбыт поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, а также металлической монеты либо иностранной валюты предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без таковой. В случае совершения тех же деяний в крупном размере (в УК однозначно не определена сумма, считающаяся крупным размером) либо лицом, ранее судимым за изготовление или сбыт поддельных банковских билетов, преступление карается лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с конфискацией имущества.

Если же подделкой денег занимается организованная группа, УК предусматривает в качестве наказания всех входящих в нее людей лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества. Подобные преступления, как правило, совершаются именно организованной группой лиц, в которой одни изготавливают купюры, а другие их сбывают. Обычно преступникам до момента разоблачения их деятельности и задержания органами правоохранения удается сбыть всего лишь несколько десятков поддельных купюр. Прибыль от такого небезопасного занятия, как видим, невелика, поэтому заниматься этим промыслом решаются, по-видимому, только настоящие авантюристы исключительно из любви к риску и острым ощущениям.

Пик наплыва фальшивок в России пришелся на середину 1990-х годов. Именно в это время в стране появилось огромное количество хорошо выполненных подделок купюр достоинством в 50 000 рублей образца 1993 года. Фальшивые банкноты имели ряд достоинств. Во-первых, на них отчетливо просматривался выполненный промышленным способом

водяной знак, а во-вторых, благодаря отлично выполненной УФ-защите в ультрафиолетовых лучах купюра светилась лишь немного ярче, чем подлинная. Кроме того, на купюре можно было увидеть и прочитать микротекст, который, впрочем, был не слишком четким. Это была самая качественная серийная подделка российской валюты из всех подобных афер, выявленных в постсоветское время.

В настоящее время в число наиболее подделываемых российских банкнот входят 100, 500 и 50-рублевые купюры в порядке убывания популярности. Примерно третья часть всех подделок не имеет водяного знака, еще реже встречается защитная полоска. В большинстве своем подделки российских рублей представляют собой тусклые бумажки с расплывчатым изображением и обтрепанными краями, абсолютно без водяных знаков и защитной полосы. Так что нынешние фальшивомонетки не слишком-то заботятся о качестве, вероятно, действуя по правилу: «Авось, повезет. Авось, не заметят».

Нелишним будет привести в этих строках один довольно поучительный пример. Однажды некая немолодая гражданка по имени Софья Курдюмова, совершенно не подозревая об этом, стала обладательницей фальшивой купюры, которая к тому же по причине забывчивости была ею постирана в кармане платья. В конце концов хозяйка обнаружила злополучную купюру, бережно высушила ее, прогладила, подклеила и решила сдать в банк на обмен. Вердикт экспертизы был неумолим: купюра фальшивая, и стирка тут ни при чем.

Однако бывает и по-другому. Постиранная купюра, даже если она является самой что ни на есть подлинной, может предательски выдать себя за фальшивую, поскольку перестает должным образом реагировать на направленные на нее лучи УФ-осветителя. Следует помнить, что в том случае, если такую купюру объявят поддельной и ее незадачливый обладатель будет привлечен к уголовной ответственности, существует еще экспертиза, которая обязательно все расставит на свои места, и невиновный не пострадает из-за оплошности своих обличителей.

При подделке долларов фальшивомонетки обычно пытаются достичь как можно более высокого качества и, как правило, воспроизвести все наиболее известные степени защиты валюты. Среди фальшивок лидируют, причем с большим отрывом, купюры достоинством в 100 долларов, за ними следуют 50-долларовые банкноты. Случаи обнаружения фальсифицированных долларовых купюр других номиналов крайне редки.

Граждане, совершающие сделки купли-продажи, в которых средством платежа выступают доллары США, нередко становятся жертвами

фальсификаторов или мошенников. Невозможно описать словами состояние человека, узнавшего, что за проданный автомобиль он получил фальшивые доллары, а иначе говоря, просто-напросто подарил свой автомобиль своему покупателю. И уже совсем обидно продать вещь за «канадские доллары», которые при внимательном рассмотрении оказываются малоизвестной валютой государства Эквадор, стоимость которой к тому же, намного ниже, чем у рубля. Увы, такие события действительно происходили и происходят в реальной жизни.

Иногда фальшивомонетничество приобретает по-настоящему карикатурные формы. Трудно понять, на что рассчитывал фальшивомонетчик Василий Лагутин, изготовивший поддельную купюру на факсимильном аппарате. Выполнена она была на тонкой глянцевой бумаге и вырезана не чем иным, как маникюрными ножницами, до такой степени неровными были ее края. Эта купюра не могла быть принята за настоящую даже ночью. Однако намерения ее владельца оказались совсем

нешуточными. Бедолага на почве безденежья попытался использовать ее для покупки настоящей бутылки водки в одном из коммерческих киосков, за что и был задержан.

Каким бы это ни казалось невероятным, но иногда подобные, совершенно нелепым образом изготовленные подделки все же находили своих покупателей. Так, в одной из захолустных российских деревень под названием Михайловка кто-то из особенно талантливых местных жителей сделал копию 100-рублевой купюры на черно-белом ксероксе, непонятно откуда взявшемся в этой глуши.

Для того чтобы придать своей подделке больше правдоподобия, мастер слегка раскрасил бумажку коричневым карандашом, после чего кое-как вырезал и, дождавшись темноты, приобрел на нее четыре литра браги да еще и сдачу получил. Утром подделку обнаружили и сдали в соответствующие органы. Но, как говорится, ищи ветра в поле.

Часть 3

Краткая история финансовых пирамид

Действительно, в представленной главе речь пойдет не об истории всем известных египетских пирамид, а о пирамидах несколько иного рода – финансовых. В настоящее время во всем мире, пожалуй, трудно найти человека, который ни разу не слышал о финансовой пирамиде. Такие имена, как Сергей Мавроди и Мария Францева, некоторое время были на слуху буквально у каждого второго россиянина.

Тогда, в самом начале знаменитой эпохи перестройки, в России появилось огромное количество богатых банкиров-благотетелей, желавших одарить каждого жителя своей родной страны несметным богатством. К сожалению, надежды легковверных людей не оправдались. Пирамиды, выстроенные «надежными и опытными» финансистами, рухнули так же быстро, как и были возведены.

Однако русский человек не унывает. И в настоящее время найдется, пожалуй, немало тех, кто пожелает доверить свои кровно заработанные капиталы «очаровательной» Марии Францевой или «властной» Валентине Соловьевой...

Финансовая пирамида № 1

В 1671 году в семье ювелира и банкира Лоу родился мальчик, которого назвали Джоном. Наверное, именно от отца Джону передалась по наследству страсть к накоплению богатства и денег.

Когда Лоу-младшему исполнилось 23 года, он столкнулся на дуэли с неким Вильсоном и одержал над ним победу. Однако долго радоваться Джону не пришлось, так как в то время подобные поединки были запрещены законом. В результате молодого человека приговорили к 8 годам лишения свободы. Впрочем, из этого срока он не отсидел и половины, так как его помиловали и выпустили на свободу. После столь скандальной истории Джон Лоу покинул родину и некоторое время прожил в Италии, которая уже тогда являлась довольно крупным центром банковского дела. По возвращении в Шотландию Лоу написал две книги, посвященные финансовому и банковскому делу. Основной идеей этих работ стала мысль о том, что денежные средства составляют базовый капитал любого государства и народа и потому необходимо направить все силы на увеличение капитала, что, в свою очередь, благоприятно отразится на состоянии страны в целом. В тех же трудах Лоу впервые в истории банковского дела высказал предложение о замене дорогостоящих металлических денег на бумажные, указав несомненные преимущества последних: в любой момент их количество с легкостью можно было увеличить до нужного.

Джон Лоу

Однако заменять деньги на дешевые бумаги никто из шотландских банкиров не торопился, и потому Лоу решил предложить это где-нибудь в других местах. С данной целью он перебрался сначала в Бельгию, а затем и во Францию. Поселившись в Париже, он вскоре снискал славу выдающегося игрока, что крайне негативно сказалось на его отношениях с французскими властями – те попросили Лоу покинуть столицу Франции. Через некоторое время Джону удалось добиться разрешения вернуться в Париж. И вот здесь необходимо сказать несколько слов о ситуации, сложившейся в ту пору во Франции. Финансовые дела страны обстояли нелучшим образом: отсутствовала система сбора налогов. В государственном аппарате царил хаос. Такое положение вещей привело к тому, что к 1716 году дефицит денег в государственной казне достиг невероятно высокого уровня – 140 млн. долларов. Необходимы были

срочные меры для спасения экономики Франции.

И вот тогда-то некая мадам де Парабер и представила регенту Филиппу Орлеанскому талантливого финансиста из Шотландии Джона Лоу, который предложил попробовать оживить финансовое дело Франции с помощью разработанной им новейшей финансовой системы. Суть этого метода заключалась в замене металлических денег банковскими билетами, за которые должно было поручиться какое-нибудь солидное предприятие с тем, чтобы бумаги пользовались должным доверием у французов.

Такое предприятие – банк – создал сам Лоу, правда, не без помощи некоторых влиятельных лиц Франции. Участие последних в деле оказало должное воздействие на рядовых граждан страны, которые стали в большом количестве закупать бумаги, выпущенные банком. Сам же Лоу надеялся, что в будущем банковские билеты приобретут ценность металлических денег и затем их можно будет направить на погашение внешних долгов.

Очень скоро финансовое состояние банка Лоу позволило главе предприятия расширить дело. В 1717 году с разрешения регента он открыл знаменитую Индскую компанию, которая одной из первых получила право на самостоятельное ведение торговых операций.

Спустя еще некоторое время аферист получил в аренду от Филиппа Орлеанского часть королевских земель. Тогда же банк выпустил 300 тыс. акций, стоимость которых достигла 5 тыс. ливров за штуку. Причем если сначала приобрести акции мог любой житель Франции, то затем количество желающих совершить выгодное капиталовложение возросло настолько, что руководство банка Лоу вынуждено было принять меры по ограничению потенциальных покупателей. Вместе с тем оно получило шанс сыграть на повышении стоимости новых денег: акции продавались только тем, кто расплачивался за них банковскими билетами.

Очень скоро приобретение акций и банковских билетов обратилось в своеобразное соревнование, в котором, казалось, каждый обладатель определенных средств, выраженных в звонкой монете, стремился обменять их на заветные бумаги.

С 1718 года банк, учрежденный Джоном Лоу, стал государственным. К тому же его владелец обрел контроль над процессом колонизации Луизианы (для чего был специально создан банковский альянс под названием «Все Индии»), а также распорядился генеральным и табачным откупами, выпуском банковских билетов и акций, конверсиями внешнего государственного долга.

Впрочем, не все мероприятия Лоу оборачивались успехом. Финансовая система талантливого шотландца скрывала целый ряд серьезных ошибок, которые впоследствии явились причиной краха банковского дела и катастрофы в сфере экономики когда-то могущественного государства.

В качестве примера одного такого промаха может служить выпуск большого количества акций, часть которых оставалась невостребованной из-за отсутствия у французов необходимого количества наличных денег. Чтобы восполнить недостаток финансов, Лоу велел напечатать дополнительное количество банковских билетов, постепенно обесценивавшихся.

В 1718 году один из золотопромышленников привез в Париж известие о том, что в Луизиане было обнаружено месторождение золота. И тотчас же данное известие обросло слухами: якобы Индская компания получила от короля кредит в 25 млн. банкнот на разработку луизианского прииска. В тот же день цены на акции банка взлетели до невероятных размеров – стоимость одной бумаги поднялась с 5 до 25 тыс. ливров. Многие парижане тогда буквально за несколько минут стали богачами.

Современники впоследствии вспоминали, что вполне обычной в те дни была картина, когда слуга, едущий на запятках кареты своего хозяина,

на обратном пути уже сидел внутри кареты, раскинувшись на мягких пуховых подушках.

Начало 1719 года ознаменовалось для Лоу его назначением на должность министра финансов Франции. Однако уже на следующий год на безоблачном горизонте его жизни появились первые тучки, предвещающие грозу. Проще говоря, в банке Лоу возникли некоторые финансовые затруднения. И первой крысой, бегущей с тонущего корабля, стал герцог Бурбонский, который поспешил вернуть себе капитал, когда-то вложенный в предприятие. Он обменял свои банковские билеты на золото и серебро.

Вскоре после этого по Парижу пронесся слух о том, что банк Лоу находится на грани банкротства, в связи с чем акции немедленно упали в цене. Паника овладела горожанами, которые стремились избавиться от банковских билетов. Естественно, что руководство банка, выпустившее 3 млрд. банкнот под гарантию всего 700 млн. ливров, не могло рассчитаться со всеми кредиторами.

Таким образом, финансовая система Лоу потерпела крах. Сам ее разработчик был вынужден укрыться от разъяренной толпы обманутых граждан в замке Пале-Рояль.

Филипп Орлеанский долгое время не мог поверить в несостоятельность метода Лоу. Но однажды он проезжал мимо деревни Руль и услышал, как разоренные жители кричали ему вслед и требовали возврата капитала. Тогда Филипп понял, что не остается ничего другого, как примириться с реальностью и забыть о планах быстрого развития экономики страны.

В середине 1720 года Джон Лоу с позором покинул Париж, так как в этом городе назревал мятеж. Указ о признании Индского банка банкротом и о его ликвидации регент подписал 7 апреля 1721 года. Тогда многие кредиторы предприятия так и не смогли вернуть вложенный в него капитал.

Лоу же вместе с семьей поселился в Италии, где вновь занялся азартными играми, причем его выигрыши являлись единственным источником дохода семьи. Кроме того, Лоу вновь попытался заняться экономическими преобразованиями, но граждане Венецианской республики не позволили ему ставить эксперименты над своей финансовой системой.

Умер Джон Лоу в 1729 году. Его наследникам досталось всего несколько ценных картин и бриллиант.

Великий комбинатор XIX века

В 1833 году в провинциальном российском городке Скопине в семье небогатого мещанина появился на свет Иван Гаврилович Рыков, в дальнейшем прославившийся как удачливый предприниматель и талантливый мошенник. В 15 лет мальчик остался круглым сиротой, но зато с приличным состоянием на руках, оценивавшимся в 200 тыс. рублей. Впрочем, этой суммы молодому человеку хватило ненадолго, и спустя некоторое время он уже перебивался с хлеба на воду без гроша в кармане.

В 1863 году Ивану удалось поступить на службу в городское управление, а еще через несколько лет указом губернатора был назначен на должность бургомистра. Чем объяснить такой быстрый карьерный рост? Скорее всего, прославленной фамилией молодого человека, многие представители которой долгие годы пользовались неизменным уважением жителей Скопина.

По прошествии некоторого времени глава города Скопина организовал банк, руководство которым поручил Ивану Рыкову. И тут неожиданно проявились выдающиеся способности последнего к проведению различных финансовых операций: всего за месяц Рыков смог увеличить начальный капитал в несколько раз. В дальнейшем дела банка, управляемого Рыковым, неизменно шли в гору.

В какой-то прекрасный момент Иван решил, что пора бы уже обратить свой талант и себе во благо. Однако осуществлению его корыстных замыслов мешал городской голова, купец Михаил Леонов. А тут, как по заказу, настало время для очередных выборов городского головы. И Рыков, заранее обеспечив себе поддержку влиятельных горожан, выдвинул свою кандидатуру. Он одержал убедительную победу на выборах, но занимать одновременно две должности (городского головы и директора банка) не мог. Тогда Рыков отказался от места градоначальника, поставив на него вместо себя своего товарища, купца Никифора Афанасьева. Сам же он занялся привлечением в свой банк еще больших капиталов.

В последующие годы Иван Рыков во имя своих личных целей осуществил выпуск и распространение ценных бумаг, не обеспеченных денежным капиталом. Об этом обстоятельстве знал только он один, а доверчивые горожане нарасхват раскупали разрекламированные в газетах облигации. В результате у банка появилась масса новых клиентов, которые выкладывали наличные за ничего не стоящие листы бумаги.

Между тем благосостояние Рыкова все увеличивалось. Постепенно он захватил в свои руки не только огромное количество денег, но и власть в городе Скопине. Впоследствии из достоверных источников стало известно, что многие влиятельные лица города получали от предприимчивого дельца взятки, размеры которых определял сам Рыков в зависимости от пользы, приносимой ему тем или иным человеком. Такие подарки от руководителя скопинского банка регулярно получали полицейские, судьи и секретарь городской управы. Со временем Рыков стал настоящим градоправителем, единолично распоряжающимся своими подчиненными. В связи с этим можно привести в пример такую историю, приключившуюся с купцом по фамилии Дьяконов.

Дело в том, что Дьяконов, честный и порядочный по натуре, никак не мог смириться с беззаконием, учиняемым в городе Рыковым. В конце концов он послал в жандармерию письмо, в котором подробно описал все злодеяния Рыкова. Когда же его жалоба осталась без ответа, Дьяконов решил написать самому губернатору, но до последнего письмо не дошло.

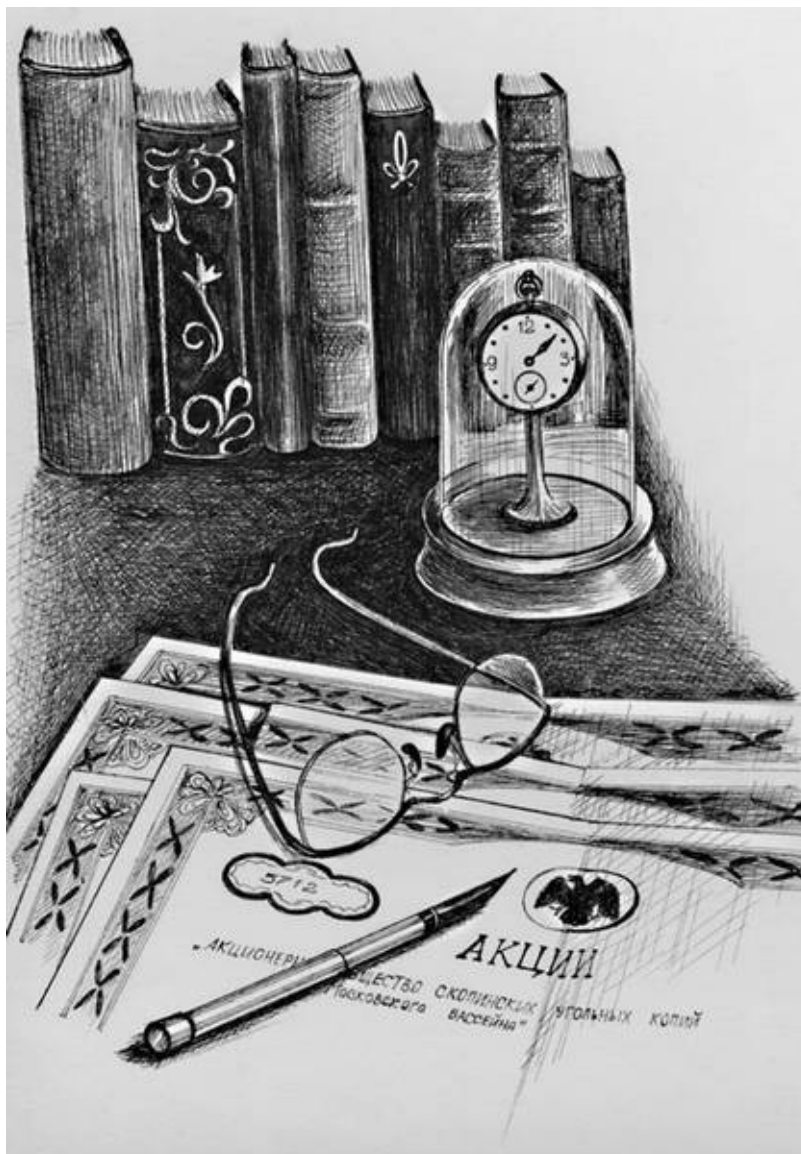
Тем временем о посланиях Дьяконова Рыкову рассказал услужливый почтмейстер. Разгневанный Рыков не пожелал оставить поступки Дьяконова, грозящие подорвать благосостояние банкира, безнаказанными. И вот в один прекрасный день по Скопину разлетелась весть о том, что винокуренный завод купца Дьяконова сгорел дотла.

Однако, лишив своего противника большей части состояния, мстительный Рыков не успокоился. Он потребовал с несчастного купца вернуть ему долг в размере 20 тыс. рублей. Дьяконов, только что понесший огромные убытки, конечно, не смог рассчитаться с банкиром и был брошен в долговую яму, где провел целый год.

Спустя некоторое время Рыков решил увеличить число источников своего дохода, что и сделал весьма оригинальным способом. Ему каким-то образом удалось заставить скопинцев и гостей города поверить в существование угольного месторождения в Скопине. Далее он организовал «Акционерное общество скопинских угольных копей Московского бассейна», сам себя назначил его руководителем, а роль акционеров навязал своим должникам.

Со страниц газет было объявлено о сумме уставного капитала нового предприятия, которая составляла 2 млн. рублей. Кроме того, там же приводилось объяснение того, как выгодно приобретать акции угольного общества – бумажки, на самом деле ничего не стоящие. Следует отметить, что реклама сделала свое дело: в короткий срок акции были распроданы не только в провинциальных городах, но даже в столичных – Москве и Санкт-

Петербурге. В прессе то и дело сообщалось о молодом, но весьма перспективном предприятии, занимающемся разработкой скопинских угольных копей, акции которого якобы имеют самую высокую котировку в России. Чтобы те, у кого еще оставались сомнения, избавились от них и окончательно уверовали в Акционерное общество, Рыков представил на московской Политехнической выставке образцы угля и проекты угольной шахты скопинского месторождения.

Помимо разрешения на распространение акций несуществующего предприятия, полученного от министра финансов Рейтерна, Рыков приобрел также и право на обмен своих «ценных» бумаг на акцизные марки и алкогольную продукцию. В результате этой аферы он смог тогда

выручить по 75 рублей за каждую акцию.

Но, как известно, тайное рано или поздно становится явным. Так получилось и с «Акционерным обществом скопинских угольных копей Московского бассейна», когда выяснилось, что никаких угольных месторождений в Скопине не существует. Обман раскрылся, но привлечь Рыкова к ответственности оказалось невозможно.

Только в 1882 году гениальный аферист предстал перед судом – после того как его банк был объявлен банкротом. Открытые слушания дела прошли лишь осенью 1884 года, когда следствие нашло достаточно улик против Рыкова. Приговор суда оказался довольно жестоким: мошенник, создавший финансовую пирамиду, действовавшую в течение 20 лет, пожизненно отправлялся в ссылку в Сибирь. Что стало там с ним – неизвестно.

«Шутка» Большой Терезы

А вот история еще одной финансовой аферы, только имевшей место во Франции. Тереза Юмбер некоторое время служила прачкой в доме мэра Тулузы, однако всем горожанам было известно, что она знатного происхождения и что рано или поздно справедливость восторжествует и ее отец вернет их родовое поместье. Отец Терезы с такой уверенностью говорил об этом, что ему охотно давали деньги в счет будущих доходов от поместья. Его же дочь в итоге женила на себе сына мэра. В 1874 году отец Терезы умер, и тут только выяснилось, что в старинном сундуке, где, по утверждению старика, якобы хранились бумаги, которые доказывали его дворянское происхождение, не обнаружили ничего, кроме обыкновенного кирпича. Покойный, несомненно, обладал незаурядным чувством юмора.

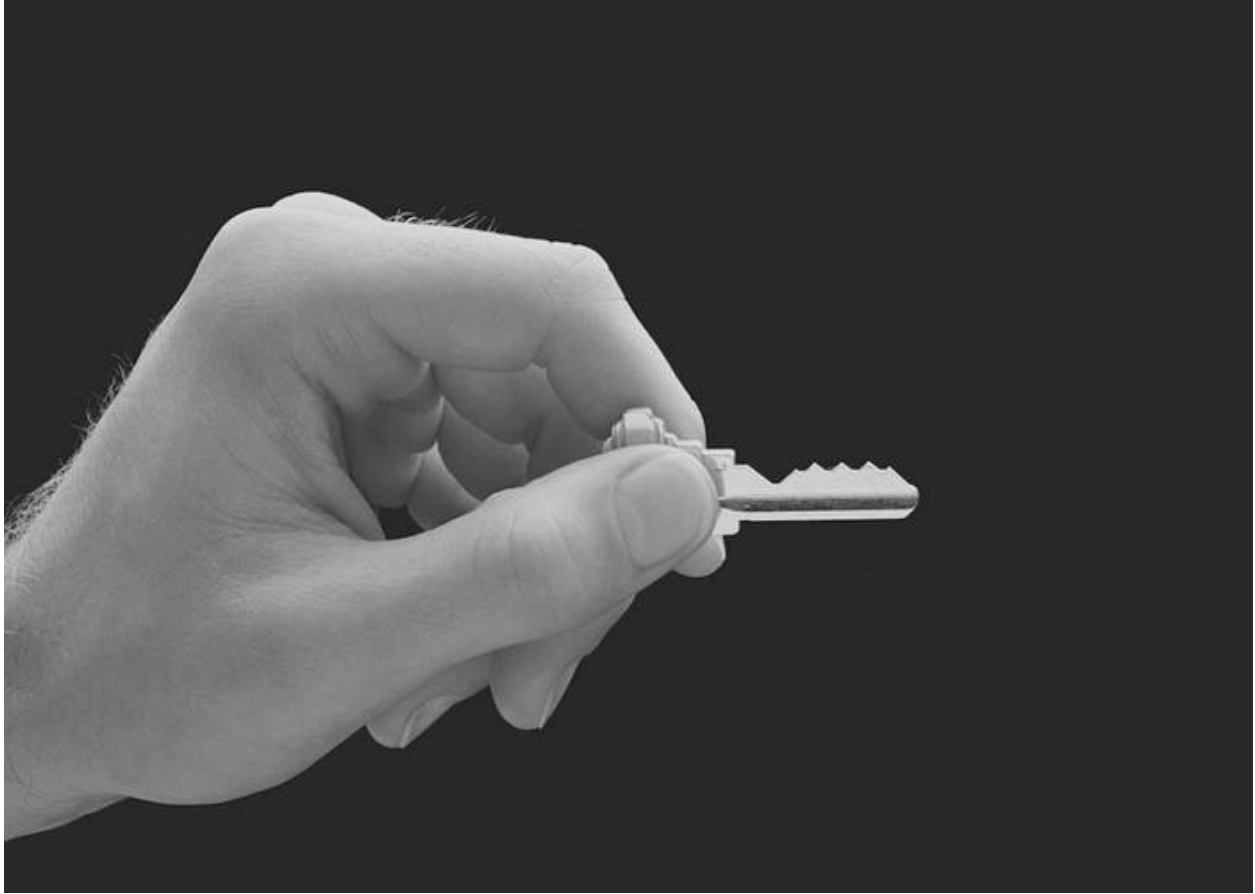

Узнав о случившемся конфузе, семейство мэра устроило скандал невестке-бесприданнице. Однако Тереза не растерялась и на ходу сочинила другую, не менее фантастическую историю. И, как ни странно, ей все поверили.

Она рассказала о том, что получила наследство от чикагского миллионера Роберта Генри Кроуфорда. Он якобы ехал в поезде, неожиданно почувствовал себя плохо и непременно умер бы, если бы

рядом случайно не появилась Тереза и не оказала ему первую медицинскую помощь. Благодаря своей спасительнице миллионер благополучно вернулся в Штаты, где вскоре все-таки скончался, но успел составить завещание, в котором отписал все свое состояние отзывчивой французской девушке. Тереза заявила, что ценные бумаги, облигации и бонны хранятся в ее личном сейфе, но условия завещания чикагского миллионера таковы, что реализовать их можно будет только после того, как младшая сестра Терезы, Мари, достигнет 21-летнего возраста. Мари, кстати, тоже ехала в том же поезде. Под это завещание, которое никто и никогда не видел, французские банки предоставили Терезе практически неограниченный кредит. Недолго думая, новоиспеченная миллионерша начала жить на широкую ногу; ее задолженность только одному из лилльских банков составила 7 млн. франков.

Однажды известный лионский банкир Делатт отправился в Бостон, чтобы выяснить, действительно ли там, как утверждала Тереза, жили племянники покойного чикагского миллионера. Выяснилось, что ни в Бостоне, ни в Чикаго о человеке по имени Роберт Генри Кроуфорд и слыхом не слыхивали. Однако на этот раз французским соотечественникам так и не удалось узнать правду о проделках мошенницы, потому что труп лионского банкира со следами насильственной смерти в скором времени выловили из нью-йоркской Ист-Ривер.

Между тем приближался 21-й день рождения Мари и Терезе нужно было снова искать выход из создавшегося щекотливого положения. Она зарегистрировала страховую компанию под названием «Rente Viagere», которая, как и следует из самого ее названия, гарантировала вкладчикам пожизненную ренту.

Как правило, подобные страховые компании собирали деньги с вкладчиков, после чего пускали их в оборот с целью получения прибыли. Но Тереза вовсе не собиралась действовать, как все, то есть заниматься инвестициями. Она решила получать доходы иным способом.

Тереза назначила зицпредседателями «Rente Viagere» своих родных братьев Эмиля и Романа и с их помощью начала строительство грандиозной пирамиды, которая продержалась на плаву в течение 20 лет. За это время провинциалка Тереза превратилась в парижскую светскую львицу, Большую Терезу, которой поклонялись многие банкиры и политики, желавшие вложить свои капиталы в ее сверхдоходную «Rente Viagere».

Однако все на этом свете как известно, имеет свой конец. Один из

управляющих Банка Франции Жюль Виза (Jules Vizat) был крайне обеспокоен тем, что огромные размеры пирамиды Большой Терезы угрожают финансовым кризисом национального масштаба. Об этом он и доложил премьер-министру Пьеру Вальдек-Руссо.

Однако премьер не решился выступить в открытую против мадам Юмбер, слишком сильны были ее позиции. Поэтому по его приказу в газете «Матэн» было вскоре опубликовано несколько разоблачительных статей. В ответ на них личный адвокат Терезы, мэтр Дюбуи, пообещал в присутствии свидетелей открыть сейф в спальне мадам Юмбер, чтобы заверить всех в чистоте помыслов своей патронессы. Демонстрация содержимого сейфа была назначена на 8 мая 1902 года.

За два дня до назначенной даты дом мадам Юмбер сгорел дотла. Подстроено это было специально или нет, однако предприимчивая Тереза не учла всего лишь один факт: главная улика, способная разоблачить ее многолетний обман, то есть сейф, стоявший в ее спальне, был несгораемым, а значит, сохранилось и его содержимое.

Следующей ночью мадам Юмбер со всем своим семейством выехала из Парижа в неизвестном направлении. Но скрыться бесследно ей не удалось.

Правосудие настигло ее спустя семь месяцев в Мадриде, откуда ее доставили в Париж, где и состоялся суд. Большую Терезу осудили на пять лет тюремного заключения. Ее открытый сейф в эти дни приобрел куда более высокую популярность, чем самый редкий и необычный музейный экспонат. Его выставили в витрине одного из магазинов на парижской рю Бланш.

Современники рассказывали, что любопытство приводило сюда толпы парижан, желавших убедиться в истинной гениальности мошенницы, которая на протяжении более чем двух десятков лет водила за нос не только простых граждан, но и высокопоставленных особ.

А шутка, если, конечно, можно этим словом назвать деяние аферистки, была не нова: на дне пустого сейфа не было ничего, кроме все того же пресловутого кирпича.

Мавроди – чемпион среди мошенников

Первое место среди российских аферистов, пожалуй, по праву занимает Сергей Пантелеевич Мавроди, создатель знаменитой финансовой пирамиды под названием «МММ», благодаря которой карманы некоторых доверчивых жителей России заметно опустели. Чтобы понять, как Мавроди удалось провернуть аферу с «МММ», нужно немного рассказать биографию этого человека. Сергей Мавроди появился на свет 11 августа 1955 года в Москве. Окончил среднюю школу, проявив при этом во время учебы выдающиеся способности в математике и физике. Затем Мавроди успешно сдал экзамены в Московский институт электронного машиностроения, на факультет прикладной математики. Получив диплом, Сергей устроился на работу в один из НИИ и уже спустя два года занял должность руководителя группы. В 1980-годах Мавроди уволился из госорганизации и ушел в бизнес.

Стремление Мавроди к извлечению максимальной прибыли из своего дела сбило его с правильного пути. Первый раз уголовное дело против него было заведено в те времена, когда он занимался коммерческой деятельностью, связанной с видео– и звукозаписью. Об этом столкновении с законом Мавроди поведал журналисту из «Комсомольской правды» следующее: «Кончилось все тем, что мне дали десять суток официально. И за эти десять суток должна была решиться моя судьба. У меня изъяли всю видеотехнику, по тем временам ее было тысяч на 200. Бешеные деньги. Привели в отделение. Все, говорят, с тобой ясно, вот аппаратура, вот список клиентов. Говори, где, что – отпустим пока. Ну, лет пять получишь. Я пошутил: «Успеется, там видно будет». И за эти десять суток вышло постановление ЦК о перегибах. Это самое смешное. И меня выпустили. Невероятно». Статья, где значатся эти слова Мавроди, была опубликована в той же «Комсомольской правде» от 28 ноября 1994 года.

П.А. Мавроди

В следующий раз будущему президенту «МММ» пришлось иметь дело с законом тогда, когда он провел операцию по обналичке денег. Ему обещали дать уже от 8 лет до «вышки», но в конце концов опять отпустили с миром. Серьезный повод призадуматься, почему же так везло Мавроди, не правда ли?

Компания «МММ», ставшая в определенный момент времени одной из ведущих фирм российского бизнеса, была организована усилиями Мавроди в 1988 году. Все началось с торговли компьютерами. Сделки заключались через частных лиц и за наличные деньги.

Дела «МММ» очень быстро пошли в гору. На телеэкранах постоянно появлялась их реклама. Кроме того, популярности компании способствовали и частенько проводимые ею акции среди российского населения, например, дни бесплатного проезда на метро для всех москвичей и гостей столицы! Случай беспрецедентный – хоть в книгу рекордов Гиннеса заноси.

Когда же в России была объявлена всеобщая приватизация, Мавроди не растерялся, а быстренько учредил инвестиционный фонд под названием «МММ-инвест», которому принадлежало 8,2 % акций АВТОВАЗа, 17,3 % акций УАЗа, 24,5 % акций Московского ювелирного завода, 19,5 % акций

АО «Березка в Лужниках», 18,5 % акций Томского нефтехимического комбината, 11,3 % акций АО «Ангарскнефтеоргсинтез» и др.

В конце 1993 года на горизонте российского бизнеса яркой звездой засияло АО «МММ». По результатам работы за этот год дивиденды его акционерам были выплачены из расчета 1000 % годовых – рекорд, свидетельствующий о процветании компании. Кроме того, о благополучном состоянии АО «МММ» можно судить и по отчетам налоговых органов, которые постоянно фиксировали огромную прибыль фирмы.

Феномен «МММ» обсуждался и за рубежом. Вот что, например, писали эксперты популярного американского еженедельника «Ньюсуик» в конце 1993 года: «Компания „МММ“ – самая перспективная. Уставной капитал „МММ-инвест“, зарегистрированный в ГКИ РФ, составляет 102 млрд. рублей – самый большой в России. Акции „МММ-инвест“ – самые ценные акции в России. С начала года стоимость каждого ваучера, вложенного в фонд „МММ-инвест“, возросла в 87,2 раза».

Но все гладко, как известно, не бывает, и коса рано или поздно, скорее всего, найдет на камень. Таким камнем в жизни Сергея Мавроди оказалось АОЗТ «Инвест-Консалтинг». Данное общество было зарегистрировано в феврале 1994 года по адресу: Москва, Малая Пироговская, д. 21, кв. 1. Генеральный директор – Сергей Мавроди, главный бухгалтер – его брат Вячеслав. Уставной капитал – 2,5 млн. рублей, хранящихся на счету в Национальном пенсионном банке. Была определена и сфера деятельности «Инвест-Консалтинга»: консультации, выпуск и купля-продажа ценных бумаг.

Все, казалось бы, шло хорошо, и вот тут-то Мавроди и допустил серьезный промах: он представил в налоговую полицию заявление, в котором, в частности, отмечалось, что в первом квартале, прошедшем с момента регистрации «Инвест-Консалтинга», общество хозяйственной деятельности не вело.

Однако после соответствующей проверки налоговая полиция выяснила, что акционерное общество «Инвест-Консалтинга» утаило от государства прибыль в размере 24,5 млрд. рублей наличными.

И грянул гром. Представители налоговых органов начали операцию «Обыск» против руководителя «МММ» Сергея Мавроди, к которому они и прибыли на квартиру, расположенную по адресу: Москва, Комсомольский проспект, 41. Инспекторы застали хозяина, а вместе с ним его брата Вячеслава и двух охранников. Последние по первому требованию налоговиков выложили имеющееся оружие на стол (газовый пистолет и

охотничье ружье) и предъявили разрешение на его ношение.

Обыск продолжался недолго и закончился изъятием нескольких коробок с документами, проливающими свет на работу АО «Инвест-Консалтинг». Инспекторы забрали братьев Мавроди на допрос в Департамент налоговой полиции и в тот же день провели обыск в главном офисе «МММ», находящемся на Варшавке, 26. Работники «МММ», присутствующие в то время в помещении, затруднялись назвать налоговикам имя своего шефа. Когда же сыщики добрались до подвала, также принадлежащего «МММ», оказалось, что там кипит работа: 17 человек с помощью дыроколов проделывали отверстия в билетах фирмы.

На следующий день полицейские распечатали кассу на Варшавке и обследовали те кабинеты, в которых не успели побывать накануне. На черной лестнице они обнаружили бронированную дверь, защищающую вход в помещение, в котором стояли сейфы, где как раз и хранились недекларированные денежные средства в мелких купюрах по 100, 200 и 500 рублей, а также билеты «МММ». Представители налоговых органов извлекли из сейфов в общей сложности 700 тыс. долларов и билетов на сумму 1,5 млрд. рублей.

6 августа 1994 года в прокуратуру поступило дело о неуплате налогов директором фирм «Инвест-Консалтинг» и «МММ» Сергеем Мавроди. И в тот же день Мавроди заключили под стражу.

Деятельность организаций «Инвест-Консалтинг» и «МММ», а также имя их основателя обросли самыми различными слухами. Например, корреспондент периодического издания «Аргументы и факты» в статье, опубликованной в № 33 за 1994 год, писал: «В момент максимального отъема денег у трудящихся, когда не было и намека на сброс акций, «МММ» готовилось приобрести акции довольно большого числа предприятий. Возможно, какой-то одной отрасли, скорее всего, в авиапроме. После этого, имея огромный запас свободных денег, «МММ» должно было начать финансирование строительства самолетов».

Еще одним объектом для скупки назывался крупный пакет акций Газпрома. В случае реализации этих проектов акционеры «МММ» автоматически превращались в держателей первосортных ценных бумаг. Государство же попросту не хотело давать такую власть акционерам и потому решило остановить «МММ».

Существует версия и «борьбы кланов», согласно которой «МММ» стало мешать тем финансовым структурам, мимо которых уплывали деньги

простых вкладчиков. Они и «свалили» Мавроди с помощью своих людей, занимающих важные посты.

Есть и предположение о том, что Мавроди в один прекрасный момент просто перестал давать деньги тем, кто прикрывал его деятельность, за что и поплатился.

Андрей Грачев в «Московских новостях» дал свой комментарий по делу об «МММ»: «Правительство всем фронтом развернулось против господина Мавроди. Не потому, что внезапно озаботилось интересами и жизненными делами своих подданных. Будь это так, оно должно было бы включиться в игру много раньше и хотя бы предостеречь миллионы игроков в «русскую рулетку» о вреде их опасного пристрастия, как это делал Минздрав с курильщиками. Тем более что, избрав инфляционный вариант реформы, оно само превратило экономику в игорный бизнес. Сейчас же, как бдительный держатель казино, оно поспешно «нейтрализует» чересчур ушлого клиента, разгадавшего правила игры.

В сущности, справедливо усмотрев в «МММ» конкурента, государство вступило в защиту своего монопольного права обирать население. В «разборке» между государственными и частными налетчиками на наши карманы силовые аргументы, разумеется, на стороне правительства. На стороне «МММ» – во многом иррациональное упрямое желание миллионов уже многократно обманутых людей крутить колесо фортуны, сниматься в телесериале про дом в Париже, пастись на «поле чудес» и мечтать о золотой рыбке, которая вылавливается из пруда без труда».

У истории с АО «МММ» счастливый конец. Мультимиллиардер Мавроди, чье состояние оценить невозможно, сумел обратить скандал себе на пользу. Упрятанный за решетку по обвинению в неуплате налогов, он, как в сказке, вдруг превратился в мученика, пострадавшего за народ, чем обеспечил себе политическую карьеру.

Предъявленное же Мавроди обвинение о незаконности выпущенных им ценных бумаг его адвокатам удалось разбить без особых усилий, благодаря тому что в России отсутствует закон о ценных бумагах.

И вот Мавроди уже празднует свою свободу, а вскоре и одерживает победу на выборах в Госдуму по Мытищинскому избирательному округу.

Правда, Госдума лишила Сергея Мавроди депутатской неприкосновенности, он вновь попал под следствие, а потом уехал из России...

«Чаровница» Мария Францева

В 1960 году в семье известного в России кардиохирурга Францева появилась на свет девочка, которую нарекли Марией. Тогда еще никто не знал, что в будущем ей предстоит снискать скандальную славу преуспевающей на поприще обмана банкирши.

После окончания средней школы в 1977 году Маша поступила в Московский институт культуры на факультет художественной литературы и искусства, а спустя пять лет получила красный диплом, с которым пришла устраиваться на работу в Государственную центральную театральную библиотеку.

В 1986 году Мария вышла замуж за Владимира Рачука, сына знаменитого начальника главка по кинематографии, возглавлявшего делегацию деятелей кино и участников фильма «Летят журавли» в Каннах. Через два года у супругов Рачук родилась дочка Настя. В то время глава семьи работал в школе учителем истории и занимался репетиторством.

Когда началась перестройка, чета Рачук решила поменять род своих занятий и организовала фирму «Чара», представители которой обеспечивали размещение прибывающих в столицу гостей: как правило, в частных подмосковных коттеджах, превратившихся тогда в мини-гостиницы. С поступлением денег Рачук расширяли свое предприятие, выкупая у города часть коммуналок и арендуя нежилые помещения.

В 1992 году муж и жена реорганизовали гостиничную фирму в индивидуально-семейную компанию, осуществляющую страхование движимого и недвижимого имущества всех желающих.

Позднее их компания превратилась в банк «Чара», председателем совета директоров которого стал Владимир Рачук. Начальный капитал составили взносы состоятельных знакомых Марии, за ними поспешили отдать свои сбережения в «Чару» и другие, прельщенные очень высокими процентами по вкладам, начисляемым в банке.

С января 1994 года номинальным директором банка «Чара» стала значится Мария Францева-Рачук, а его управляющим – сын друга Владимира Рачука, Эльдар Садыков. В следующем году банк «Чара» был объявлен банкротом, а его владельцы находились в федеральном розыске.

Марию Францеву задержали 1 апреля 1996 года, а вскоре она уже выступала на телевидении, уверяя вкладчиков банка «Чара», что каждый из них получит свои деньги назад.

Однако обещание, данное предпринимательницей, как выяснилось впоследствии, не стоило и ломаного гроша, а сама она спустя некоторое время выехала из России и поселилась в Испании, где основала фирму по работе с недвижимостью.

Но еще до поимки и последующего бегства аферистки имела место и другая, более страшная, история. В ноябре 1995 года в результате острой сердечной недостаточности скончался ее супруг Владимир Рачук – такова официальная версия.

Некоторые же источники утверждали, что Рачук погиб насильственной смертью. Следует заметить, что основания для подобного заявления были. При жизни владелец банка «Чара» «сотрудничал» с такими авторитетами в криминальном мире, как Отари Квантришвили и Вячеслав Иваньков, известный также под кличкой Япончик.

Еще в 1994 году Мария Францева и Владимир Рачук, находившиеся на отдыхе в Испании, были похищены бандой Сильвестра, партнера Япончика. Семейную пару держали на яхте до тех пор, пока Рачук не пообещал мафиози передать в один из кипрских банков определенную сумму.

По возвращении в Москву владелец «Чары» вместо того, чтобы заняться поиском денег и их переводом на Кипр, подал в РУОП заявление о похищении и вымогательстве. Мария Францева в свою очередь обратилась к знакомым отца, среди которых были и начальники спецслужб, с просьбой помочь руководству «Чары» избавиться от преследователей.

Неясно, кто и что сделал для спасения четы Рачук от мафии, но вскоре стало известно о взрыве машины Сильвестра, а еще через несколько месяцев и сам Сильвестр оказался в одной из американских тюремных камер.

Ну а затем последовала смерть Владимира Рачука, окутанная завесой тайны. Его личный охранник Анатолий Букин нашел тело своего хозяина в ванной.

Прибывшие на вызов врачи «скорой помощи» зафиксировали смерть в результате острой сердечной недостаточности. Вскрытие подтвердило диагноз. Но подозрительным кажется тот факт, что после проведения вскрытия тело Рачука было немедленно кремировано, что уничтожало всякую возможность проведения повторной экспертизы. К тому же спустя некоторое время обнаружить дело о смерти Рачука в архиве прокураторы Москвы оказалось невозможно.

С криминальными авторитетами был связан не только Рачук, но и его жена, которую внезапная кончина супруга не слишком расстроила. Уже спустя 40 дней после похорон Рачука Мария Францева благополучно вышла замуж за родственника главы солнцевской криминальной группировки, действовавшей в Москве. Несколько позднее во время обыска, происходящего в квартире Францевой, сотрудники милиции нашли небольшой лист бумаги, на котором значилась цифра 450, обозначающая ту сумму в долларах, которую ежемесячно передавала Францева главе солнцевской группировки.

В настоящее время место пребывания Францевой в точности неизвестно, но говорят, что она по-прежнему вращается в бизнесе и дела ее процветают.

Афера мадам Соловьевой

В середине 90-х годов в России приобрела небывалую известность фирма «Властилина», директором которой являлась некая Валентина Ивановна Соловьева. Подчиненные этой предприимчивой женщины занимались тем, что продавали легковые машины за полцены и тем привлекли к себе внимание различных структур, например прессы. Вот отрывок из статьи, опубликованной в газете «Труд» в то время: «С декабря 1993 года в Подольске можно купить новую машину за половинную стоимость. Иномарка „Таврия“ обойдется в два с половиной миллиона рублей. За „Москвич“ приготовьте три девятьсот. „Жигули“ идут по семь миллионов двести тысяч. Самая дорогая модель – „Волга“, отсчитывай восемь. Цены, прямо сказать, бросовые. Они даже ниже заводских отпускных цен. Например, „Москвич“ на самом деле стоит девять миллионов двести тысяч».

Валентина Соловьева

Итак, «Властилина» устраивала свои дела по следующей схеме: машины распродавались партиями по 10 штук. Каждый желающий приобрести автомобиль отдавал фирме деньги с условием, что товар он получит лишь через два месяца. При этом покупатель мог передумать и забрать вместо автомобиля деньги – столько, сколько официально стоила машина на день окончания контракта минус пятая часть. Разумеется, от клиентов у «Властилины» не было отбоя. Около ее офиса, расположенного на Подольском электромеханическом заводе, толпились люди, которые образовывали группы по 10 человек, избирали главного и отдавали ему паспорта и деньги под честное слово или под залог.

В день фирма продавала тысячи автомобилей, получая за них примерно по 6 млрд. наличными. В общем, дело мадам Соловьевой ширилось и процветало. Так, например, около 3 тысяч шахтеров Кузбасса внесли денежные средства на приобретение машин ко Дню шахтера. Среди вкладчиков «Властилины» были и многие известные артисты эстрады и кино.

Сама Соловьева в интервью с корреспондентами различных периодических изданий не раз заявляла, что разработанная ею лично бизнес-схема уникальна и не имеет аналогов в мире. Основной доход она якобы получала от импортных закупок, а дешевые машины при этом представляли как своеобразный способ привлечь инвестиции, необходимые для развития предприятия.

И вдруг чудесная сказка о Золушке, сумевшей занять почетное место в российском бизнесе, кончилась самым что ни на есть банальным образом: героиня попросту исчезла вместе со всеми членами своей семьи – сыном, дочерью и внучкой. Случилось это 20 октября 1994 года, а дальше события развивались следующим образом.

Обманутые вкладчики, будучи не в силах смириться с потерей финансов, обратились в соответствующие органы, и вскоре было заведено уголовное дело, а затем вынесено постановление об аресте Валентины Соловьевой. При этом последней следует отдать должное – масштабы ее аферы грандиозны: за время своего существования фирма «Властилина» заработала около 30 трлн. рублей, или 10 млрд. долларов по курсу ММВБ.

Между тем «Московские новости» представили на суд читателя непонятно как попавшее в их распоряжение генеральное соглашение между АО «Москвич» и индивидуальным частным предприятием «Властилина» о «взаимовыгодном долгосрочном сотрудничестве в комплексном развитии предприятий и организаций АО». Согласно данному

документу, «Москвич» брал на себя обязательства позаботиться об организации филиалов «Властилины» в различных регионах. Впрочем, помощник генерального директора АО «Москвич» Евгений Гассан на следствии по делу о «Властилине» данное соглашение назвал подделкой, несмотря на то что на нем, помимо реквизитов фирмы мадам Соловьевой, имелись печати «Москвича» и подпись его генерального директора Юрия Бородина.

Все время, пока продолжалось разбирательство деяний «Властилины», в прессе то и дело появлялись статьи о несчастных людях, доверивших свои деньги злоумышленникам.

В частности, журналисты «Московских новостей» писали: «В том же АО „Москвич“ деньги собирали через профком. Осчастливливали передовиков и ветеранов... Своих „маяков“ поощряло объединение „Росуголь“ – тысячи и тысячи шахтеров назанимали денег на дешевую машину... Общество детей-инвалидов, 110 человек, взяли кредиты, все ценное продали и вбухали во „Властилину“. Наконец, есть сведения о том, что некоторые предприятия, в том числе государственные, обналичивали свои средства, в том числе бюджетные, и несли их „Властилине“. Но следствие не называет их...»

Отвечая на вопросы вкладчиков «Властилины», подполковник Владимир Витковский, руководитель следственной бригады, безуспешно пытающейся найти Соловьеву, сказал: «У нас есть санкция на ее арест. Если она откроет свои пункты, мы ее возьмем. Но не для того, чтобы посадить. Мы хотим, чтобы она работала и платила долги... Будет платить – никто не тронет...»

И действительно, вскоре после этого заявления Витковского началась выдача машин клиентам «Властилины». 531 лицо получило автомобиль, а в подготовленном списке значились фамилии еще 746 человек. Кроме того, представители «Властилины» сделали заявление в прессе, в котором указывалось, что они обязуются ежедневно выдавать своим вкладчикам по 50 автомобилей каждой марки. Но тут вдруг находят мадам Соловьеву и помещают ее под стражу. А на страницах все тех же «Московских новостей» появляется интересная подборка документов. В одном из них, от 28 апреля, начальник академии Генштаба генерал-полковник И. Родионов от имени командования академии «выражает надежду и уверенность», что Валентина Соловьева найдет возможность предоставить академии 10 автомобилей. В другом, от 17 мая, командующий ВМФ вице-адмирал В. Гришанов просит у Соловьевой 12 «Москвичей» для ветеранов ВМФ. А последним в подборке следует письмо из Московского управления по

борьбе с организованной преступностью за подписью начальника – генерала В. Рушайло, который просит (список заинтересованных лиц прилагается) «решить вопрос о приобретении автомашин „Ока” для поощрения сотрудников».

22 сентября 1994 года, то есть за месяц до того, как Соловьева ударилась в бег, начальник муниципальной милиции Северо-Западного округа настоятельно рекомендовал ей как директору «Властилины» вернуть 1 млрд. 683 млн., сданные на депозит в пять приемов тремя гражданами.

Все это неопровержимые свидетельства того, что в афере мадам Соловьевой участие, пусть и косвенное, принимали различные высокопоставленные лица, в том числе и представители правоохранительных органов. Естественно, они прекрасно понимали, что вкладчики «Властилины» останутся ни с чем, но предпочитали закрыть глаза на это дело, стремясь извлечь свою выгоду.

Насколько же доверчивы наши россияне и как легко их обмануть, показал опрос, проведенный сравнительно недавно «Комсомольской правдой» через Интернет. Людям предлагалось ответить на вопрос, чем закончится история с дешевыми автомобилями, «продажу» которых вела фирма Валентины Соловьевой.

Оказалось, что 61,4 % участников опроса считают, что госпожа Соловьева обманула своих клиентов; 21,1 % читателей уверены в том, что дураков в России стало меньше и поэтому теперь вряд ли кто-нибудь клюнет на приманку «Властилины»; 15,8 % полагают, что мошенницу в конце концов отправят в места лишения свободы; зато 1,8 % опрошенных по-прежнему верят «Властилине» и без колебаний готовы отдать все свои сбережения.

«Щедрая» Оксана Павлюченко

Пару лет назад власти США объявили в розыск 24-летнюю россиянку Оксану Павлюченко. Она обвинялась в создании сетевой финансовой пирамиды под названием «StockGeneration», мошенничестве и обмане десятков тысяч человек на общую сумму 70 млн. долларов. А в это время в ряде сел Рязанской области ее портреты висели в домах на почетном месте, так как будучи кандидатом в депутаты Государственной думы по Шиловскому избирательному округу, она в период предвыборной кампании раздала в рязанской глубинке сотни тысяч рублей. Кто же она такая, Оксана Павлюченко? Откуда такая щедрость?

А все началось летом 1998 года, когда выпускница одного из московских вузов Оксана Павлюченко вылетела в Доминиканскую Республику. На этом солнечном острове ей не составило большого труда зарегистрировать компанию «SG Ltd.», открыть сайт в Интернете и объявить на весь мир о начале новой «игры в фондовую биржу». Правда, администратор Федеральной комиссии США по ценным бумагам и биржам Уильям Морс заявил в американской печати, что это была не фондовая биржа, а настоящее инвестиционное мошенничество. Его коллега Джим Адельман в другом интервью добавил, что игра развивалась по классической схеме финансовой пирамиды.

По данным американского журнала «Wired», с Оксаной Павлюченко играло более 200 тыс. человек, главным образом из США. Другие игроки представляли Канаду, ЮАР, Австралию, Великобританию, Россию, Скандинавские страны и Прибалтику.

Американский журналист Пол Гринберг, специалист по финансовым аферам, отзываясь об игре, придуманной Оксаной, следующим образом: «Минимальный начальный взнос составлял 50 долларов. С помощью

системы бонусов, то есть призов, игроков побуждали «стартовать» с больших сумм и убедить своих знакомых тоже принять участие в игре. Начальный взнос каждого игрока, если он приведет приятеля, автоматически увеличивался на 10 %. Кроме того, игроку причиталось 20 % от начальных вкладов других людей, пришедших в игру по его рекомендации.

Акции в «StockGeneration» росли с различной скоростью. Например, малорисковые акции № 9 приносили около 10 % в месяц. Причем изменение курса происходило дважды в неделю, по вторникам и четвергам. Более рискованные акции № 10 могли принести до 50 % прибыли в месяц, но при каждом изменении курса можно было потерять до половины вложенного в них капитала. Низкорисковые акции дотировались за счет высокорисковых. Пока количество денег, включенных в игру, увеличивалось, курсы одних акций медленно росли, и этот рост оплачивали игроки, пострадавшие из-за падения других».

По оценкам специалистов, ежедневный приток денег в пирамиду Оксаны Павлюченко в декабре 1999 года, когда она решила начать свою кампанию по выборам в Госдуму РФ, составлял около 700 тыс. долларов, а ежедневный отток – всего лишь 160 тыс. долларов.

Гроза разразилась после первых претензий игроков. 9 июня 2000 года Федеральная комиссия по ценным бумагам и биржам США подала в федеральный суд штата Массачусетс иск, где деятельность «StockGeneration» была названа «классической финансовой пирамидой, в которую вовлечены многие миллионы долларов».

В конце концов американский суд постановил заморозить все счета компании «SG Ltd.». Но на Доминике ничего найти уже не удалось. Как показало расследование, все доллары, поступавшие туда, уходили по маршруту Доминиканская Республика – Белиз – Кипр – Эстония. В эстонских банках деньги обналачивались и куда-то увозились.

Представители правоохранительных органов США, как сообщается в периодических изданиях, ведут поиски не только самой Павлюченко, но и ее денег. Так, в одном из эстонских банков обнаружили 2 млн. 700 тыс. долларов. На счет наложен арест.

Недавно американцы прослышали и о том, что Павлюченко раздала избирателям сотни тысяч рублей, когда баллотировалась в российскую Госдуму. На выбор ею именно Шиловского одномандатного округа, говорят, повлияло то, что в Касимовском районе (который входит в этот округ) живут ее родственники. Так ли это – трудно сказать. Зато Интерполу известно, что Оксана – троюродная сестра известного финансового

афериста Сергея Мавроди, хотя связь между ними еще не доказана.

Все, кто следил за выборами, в один голос утверждают, что Павлюченко появилась в своем округе всего один раз, в тот самый день, когда вручали удостоверения кандидатов. Предприниматель Алексей Сухов, тоже избиравшийся по этому округу, вспоминает, что перекинулся с Оксаной парой слов, и она сказала ему, что на победу не рассчитывает, но хотела бы отработать кое-какие новые технологии. Что за технологии, остается только догадываться. Практически вся агитационная продукция Павлюченко была заказана в Москве. Оттуда же приехали в Шилово, Касимов, Шацк, Сасово и Спас-Клепики «рабочие группы поддержки». За два дня до выборов все они исчезли.

Предвыборный штаб в Шилове находился в новом трехэтажном Доме быта. Работницы швейного ателье, расположенного в этом здании, вспоминают, как они не могли пройти на работу из-за огромных очередей, стоявших перед дверями штаба Павлюченко. Чего хотели эти люди? Да самого что ни на есть банального – денег. Дело в том, что в штабе любому желающему выдавали разлинованный бланк наказа избирателя, куда нужно было вписать свои паспортные данные, отдать его назад в штаб и получить за проделанную работу 20 рублей.

Очевидцы раздачи денег впоследствии вспоминали, как все происходило: «За столами сидели три женщины. Заходишь, сдаешь бланк, получаешь 20 рублей, расписываешься в какой-то тетрадке. На каждого тратили минуты по две, не больше. И так работали с девяти до девяти, без обеда. Не менее тысячи человек в день получали деньги. Приезжие из деревень, где зарплату по году не видят, привозили бланки, заполненные родственниками. Сдавали пять бланков – получали сотню. Потом, когда и этих данных не хватило, говорят, вообще стали фамилии и даты рождения с надгробных памятников списывать, а номера паспортов выдумывать. Никто их не проверял. Добрая половина кладбища наказы этой Оксане дала...»

Такая же картина наблюдалась в Касимове и Шацке. По приблизительным подсчетам за тридцать пять дней предвыборной агитации на руки было выдано около 2 млн. рублей. Правда, многие говорили, что деньги брали, но голосовать за Павлюченко не стали. И все равно за денежки, украденные у американцев, благодарны.

Примечательно, что безличные расчеты предвыборный штаб Павлюченко почти не вел. По словам редактора районной газеты Натальи Байкиной, однажды представитель кандидатки пытался оплатить агитационную статью пачкой купюр. Однако ему сказали, что деньги нужно отдать в Сбербанк, а в газету принести только квитанцию об оплате.

Больше представителя Павлюченко в офисе этого периодического издания не видели.

Через месяц после выборов, на которых Оксана собрала 4 % голосов, по Шилову прокатился слух, что в Москве она погибла в автомобильной катастрофе. Американские правоохранительные органы, как пишет печать, считают, что это всего лишь попытка замести следы. «Погибшую» видели в Эстонии, да и данные базы WHOIS, содержащей информацию о владельцах Интернет-доменов, показывают, что весной она находилась в Венгрии. Однако пока выйти на след Оксаны Павлюченко не удалось.

«Золотая лихорадка» в Бусанге

В 1988 году группа австралийских геологов, привлеченная блеском золота, добываемого вручную представителями индонезийского племени дайак, решила приступить к исследованиям.

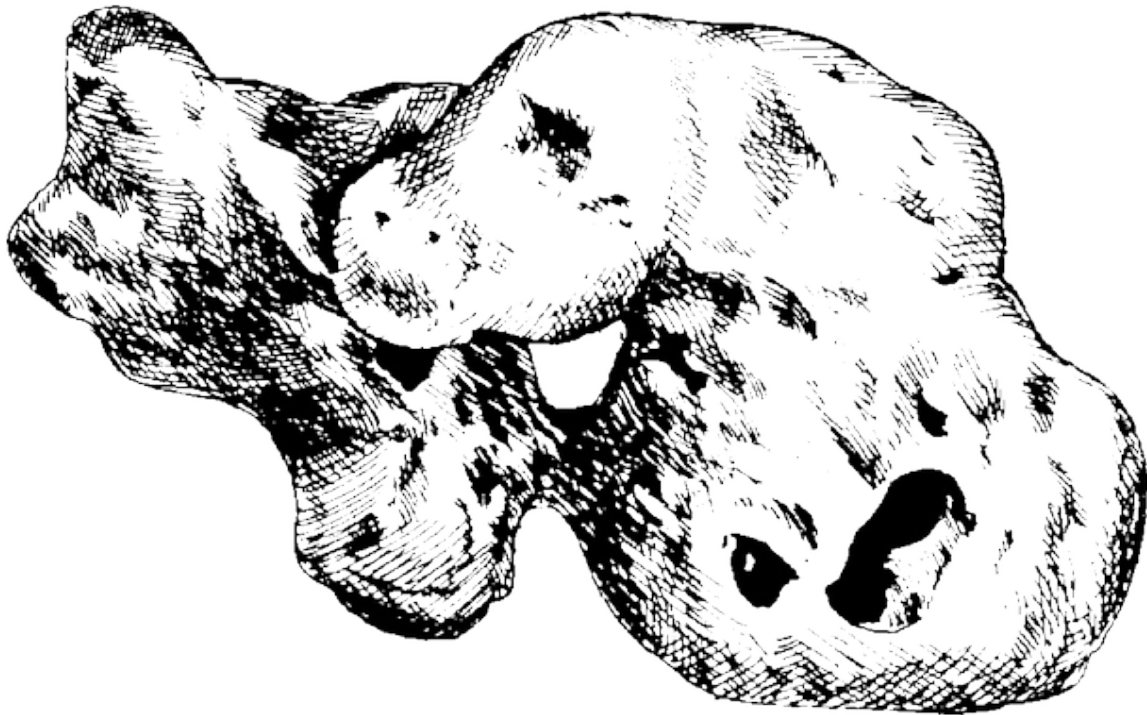
Через год в арсенале ученых было уже 19 геологических проб, однако ни одна из них не могла дать точного ответа на вопрос, есть ли в районе месторождения Бусанг золото. Для продолжения исследований были необходимы крупные суммы, но солидные фирмы, не желая подвергать огромному риску свое благосостояние, отказали геологам в помощи. Отчаявшиеся исследователи вскоре покинули район обитания племени дайак.

Ушли все, кроме Джона Фельдерхофа и Михаэла де Гусмана, опытного геолога, прожившего на индонезийских и филиппинских землях не один десяток лет.

Утверждая, что золото чаще всего встречается в зонах землетрясений, оба ученых в один голос заявляли, что район Бусанга – крупнейшее золотое месторождение на Филиппинских островах и в Индонезии.

В начале 1991 года Фельдерхоф уехал в Канаду в надежде отыскать богатых спонсоров для продолжения исследований, а де Гусман продолжил работу в Индонезии.

Встреча Фельдерхофа с воротилами фондовых бирж круто изменила судьбу Бусанга: в 1993 году один из дельцов по имени Дэвид Уолш зарегистрировал в Калгари компанию «Бре-Х», специализировавшуюся на покупке земель. Именно эта компания через несколько месяцев приобрела золотоносное месторождение Бусанг, оцененное специалистами в 89 тыс. долларов.

Вскоре в джунглях Бусанга появился островок цивилизации – современный поселок с антеннами спутниковой связи, факсами, площадкой для посадки вертолетов и замечательной школой для детей аборигенов, обитавших в близлежащих деревнях.

Для осуществления разведывательных работ и бурения геологических пород была нанята специальная бригада, представлявшая солидную австралийскую фирму. Михаэл де Гусман принимал непосредственное участие в исследованиях, вместе с рабочими-филиппинцами он тщательно изучал каждый сантиметр добываемых пород.

Для дальнейшего исследования образцы обычно отправлялись в лабораторию Самаринды, небольшого городка, расположенного в нескольких сотнях километров от Бусанга. Сюда же каждый месяц приезжал Джон Фельдерхоф, которого в неменьшей степени, чем де Гусмана и владельца компании «Бре-Х», интересовали результаты исследований.

Каждое посещение Бусанга Фельдерхофом сопровождалось появлением в газетах сообщений о положении в поселке золотодобытчиков и потенциале месторождения, золотые запасы которого постоянно «увеличивались»: сначала они составляли 2,5 млн. унций, затем – 30 млн. и постепенно повысились до 200 млн. унций, что в денежном эквиваленте

составило 70 млрд. долларов.

Газетные сообщения о Бусанге вызывали неподдельный интерес биржевых воротил. Это, в свою очередь, способствовало росту цен на акции «Бре-Х»: довольно быстро центы превратились в доллары, к середине 1995 года одна акция этой компании стала стоить 200 долларов.

На фондовых биржах начался настоящий бум, в спор за обладание золотоносной добычей вступили крупнейшие фирмы Канады, Соединенных Штатов Америки, Индонезии. Так, три наиболее крупных пенсионных фонда Канады внесли в Бусанг 73 млн. долларов, фондовый гигант «Фиделити групп» из Бостона инвестировал 15 млн., а бухгалтер из американского города Цинциннати вложил около 50 тыс. долларов, причем большую часть этих денег он взял в долг.

Золотая лихорадка охватила сотни тысяч людей, многие одалживали деньги в надежде получить от месторождения большой доход. Однако никто из вкладчиков даже не догадывался, что участвует в гигантской финансовой пирамиде всемирного масштаба. Ни де Гусман, ни Фельдерхоф, ни основатели компании «Бре-Х» не вызывали никаких подозрений. Михаэл де Гусман в то время был семейным человеком, в столице Филиппин Маниле его ждали жена и шестеро детей, которых он навещал раз в полгода.

Принятие ислама, проповедуемого в Индонезии, позволило исследователю начать совместную жизнь еще с тремя женщинами, средств на содержание которых у Михаэла вполне хватало. Примечательно, что самой молодой из них и самой любимой он подарил дом, оцененный в 123 тыс. долларов.

Особой страстью де Гусмана была работа. Исследователь каждый день проводил на площадках, где брались пробы. Обычно его рабочий день начинался с походов на склад, где хранились образцы, предназначенные для отправки в лабораторию. Однако, что Михаэл делал на складе, оставалось для всех тайной.

Товарищ де Гусмана, Джон Фельдерхоф, также казался всем человеком честным и вполне благонадежным. Однажды, желая произвести на биржевых игроков и золотоискателей из поселка благоприятное впечатление, он даже привез в Бусангу помощника – своего семнадцатилетнего сына Стефена.

Индонезийские власти не могли не обратить внимания на компанию, развернувшую активную работу по добыче золота. Вскоре президент Сухарто и члены его семьи предложили «Бре-Х» свое содействие.

В ответ на этот любезный жест руководство компании назначило

старшему сыну президента, Сигиту Харджоюданто, ежемесячный оклад в 1 млн. долларов, а также 10 % от золотодобычи.

Вмешательство дочери президента, Сити Хардиянти, полагавшей, что ее кандидатура более необходима для компании, нарушило планы «Бре-Х». Сухарто был вынужден самостоятельно разрешить этот вопрос.

Президент выбрал в компаньоны де Гусману и Фельдерхофу мультимиллионера Мохамеда Хасана, известного в Индонезии как лесной барон по кличке Боб. Ему было определено 30 % месторождения, в благодарность за это Мохамед обязался оказывать золотодобытчикам всяческое содействие.

По рекомендации мультимиллионера «Бре-Х» отдала образцы пород из Бусанга в лабораторию крупнейшей индонезийской компании «Фрипорт», у специалистов которой сразу же возник ряд вопросов к основоположникам финансовой пирамиды.

Однако руководство «Бре-Х» не собиралось раскрывать свою тайну и избегало встреч с сотрудниками лаборатории «Фрипорт».

Для ответа на возникшие вопросы и более тщательного изучения образцы отправили в Торонто. Здесь ученые обнаружили подлог: оказалось, что присланные им образцы «соленые», то есть в пробы было искусственно добавлено золото и некоторые минералы. Афера постепенно раскрывалась.

Вскоре было доказано речное происхождение частиц золота, обнаруженных в первых образцах пород. Именно такое золото намывали старинным дедовским способом представители племени дайак, и к такому выводу пришли австралийские исследователи, начавшие в конце 80-х годов XX столетия изыскания в районе Бусанга.

Но возникает вопрос: почему М. Де Гусману, Д. Фельдерхофу и руководству компании «Бре-Х» на протяжении ряда лет удавалось обманывать большое количество людей?

Дело в том, что цилиндрические образцы поставляемых на изучение пород обычно разрезаются пополам, одна из частей отправляется на анализ в лаборатории крупнейших геологических фирм, на другую наносится маркировка, позволяющая в дальнейшем подтвердить идентичность того или иного образца.

В отличие от других компаний «Бре-Х» не хранила вторые половинки проб, в итоге возникали определенные трудности с подтверждением результатов лабораторных исследований. В то же время авторитет компании и респектабельность ее виднейших представителей не позволял сомневаться в истинности утверждений Михаэла де Гусмана и Джона

Фельдерхофа.

1997 год запомнился биржевым игрокам как крах компании «Бре-Х». В марте покончил жизнь самоубийством главный геолог этой фирмы, Михаэл де Гусман, он выбросился из вертолета, направлявшегося из Манилы в Бусанг.

Лишь приземлившись в поселке, пилоты обнаружили предсмертное письмо де Гусмана (исчезновение пассажира они обнаружили, еще находясь в воздухе), в котором говорилось о причине самоубийства – неизлечимой болезни, отравляющей Михаэлу жизнь.

Тело геолога удалось обнаружить в топком болоте по пути следования вертолета. Труп был идентифицирован по отпечаткам пальцев, однако полиция не удовлетворилась результатами следствия. А так появилась версия, что де Гусман находится в бегах.

В смерть Михаэла не поверила и его жена Тереза, жившая с детьми в Маниле. Женщина утверждала, что найденное пилотами письмо является подделкой, поскольку в обращении к ней допущена ошибка: вместо «Tess» написано «Thess».

Однако дело не только в гибели Михаэла де Гусмана, полицейские чины Канады и Индонезии по сей день пытаются раскрыть истинные причины финансового скандала, связанного с компанией «Бре-Х».

Расследование затруднено отсутствием каких-либо документов компании, они были уничтожены во время пожара, неожиданно разразившегося в Бусанге в январе 1997 года. Не удалось обнаружить следов противозаконной деятельности и в канадском офисе «Бре-Х».

Так рухнула очередная финансовая пирамида, разорившая многочисленных инвесторов.

Пожалуй, только для одного мультимиллионера Боба произошедшее не обернулось трагедией, ведь он не потерял ничего, кроме обещанных ему 30 % добытого золота. Компаньон «Бре-Х» даже пошутил однажды: «Данная история – хорошая реклама для Индонезии. Теперь уже все знают местонахождение этой страны».

Часть 4

В черном списке громких афер...

Явление, которое принято называть словом «афера», складывается не только из самозванчества, фальшивомонетничества и возведения финансовых пирамид. Сорвать солидный куш можно и другими способами. История знает сотню примеров, когда никому неизвестный художник или скульптор в одно мгновение становился богат и популярен только потому, что умел ловко подделывать картины или скульптуры и выдавать их за шедевры признанных мастеров. Банальное воровство, если им заниматься профессионально, оказывается, тоже может принести несметное богатство.

Как видно, способов одурачивания людей существует множество. Однако прежде чем использовать хотя бы один из них, следует вспомнить слова мудрой пословицы: «Как аукнется, так и откликнется». Зло, принесенное другому человеку, неизменно возвращается обратно. Никто из мошенников не остался неразоблаченным. А потому, взяв в руки эту книгу и перелистав ее страницы, лучше всего только подивиться человеческой изобретательности на пути к богатству и наживе, но не принимать приведенные статьи как руководство к действию.

Тюльпановый бум

В начале XVII века предметом спекуляций национального масштаба стал тюльпан. С точки зрения современного человека сложно понять, какие причины заставляли тысячи голландцев отдавать все свои сбережения за луковицы эфемерного цветка, который ценился более, чем драгоценности, заморские специи и прочие колониальные товары, к которым страна мореплавателей имела чуть ли не единственный доступ. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо поставить себя на место голландца начала XVII века, для которого букет тюльпанов в гостиной означал примерно то же самое, что сейчас собственная загородная вилла или иномарка. Тюльпан в то время символизировал принадлежность к высшему слою голландского общества. Поэтому, когда в стране сложилась такая ситуация, что любой средний голландец получил возможность приобрести луковицу тюльпана, в Голландии началась настоящая тюльпановая лихорадка. Каждый стремился заполучить свою долю от того богатства, которое вращалось на рынке тюльпанов.

Существовала и еще одна причина, из-за которой тюльпан стал предметом грандиозной спекуляции, разорившей одну из самых экономически развитых европейских стран. Так же как и большинство других декоративных растений, тюльпан был привезен в Европу из стран Ближнего Востока в середине XVI века. Его родиной считается Турция.

Однако это весеннее растение обладало одной удивительной особенностью, которая в те времена стала настоящим чудом. Из луковиц тюльпана вырастали красивые цветки, в зависимости от сорта имевшие определенную окраску.

Проходило несколько лет, и цветки вдруг изменялись: на их лепестках появлялись полосы, которые каждый год также могли приобретать разные оттенки. В наши дни найдено простое объяснение такому чуду: его

появление связано с вирусным заболеванием тюльпановых луковиц. Но в те времена об этом даже и не догадывались. Если торговец бриллиантами должен был вложить немалые средства в приобретение нового алмаза с последующей его огранкой, то владелец одной-единственной луковицы тюльпана мог неожиданно для себя получить новый, неповторимый сорт (причем не прилагая особенных усилий), который на тюльпановом рынке стоил на несколько порядков больше по сравнению с обычными, всем известными сортами.

Спекулянты пользовались тем, что полосатые сорта идеально соответствовали потребностям верхней составляющей рынка сбыта, поэтому продавались по очень высоким ценам, в то время как обычные желтые, розовые и красные тюльпаны шли по умеренным ценам, доступным для среднего класса.

В 1612 году в Амстердаме вышел каталог «Florilegium», в котором были представлены рисунки 100 сортов тюльпанов. Новым символом богатства заинтересовались многие европейские королевские дворы. В результате цены на эфемерный цветок значительно повысились. Так, например, в 1623 году луковица редкого сорта *Semper Augustus*, который пользовался большим спросом, стоила 1000 флоринов, в разгар же тюльпанового бума, разразившегося в 1634–1636 годах, состоятельные люди готовы были выложить за нее до 4600 флоринов. Кстати, свинья в то же время стоила 30, а корова – 100 флоринов.

Второй причиной тюльпанового бума стала эпидемия чумы 1633–1635 годов, унесившая сотни жизней. Из-за высокой смертности в Нидерландах стало не хватать рабочих рук, поэтому промышленники вынуждены были увеличить оплату труда. Так что у простых голландцев появились лишние деньги, и, взирая на тюльпановое безумие богатых, они начали создавать собственный тюльпановый бизнес.

Однако, как известно, тюльпаны – сезонные растения. До того как страной овладела тюльпановая лихорадка, луковицами этих цветов торговали лишь с мая, когда их выкапывали, по октябрь, когда их снова сажали в землю. Зацветали же тюльпаны следующей весной. Но, поскольку спрос на цветы был настолько велик, что во много раз превышал предложение, в зимний период тюльпановые дилеры начали продавать крохотные луковички. Хотя такой способ разведения цветов был в известной мере рискованным для покупателей, их все же привлекала гораздо меньшая цена посадочного материала. К тому же риск был оправданным: купленные в ноябре или декабре луковицы тюльпанов весной можно было продать на несколько порядков дороже, что привело к

заклучению фьючерсных сделок. В конце 1635 года тюльпаны стали «бумажными»: большая доля их урожая 1636 года приобрела вид фьючерсных контрактов, а так как это были ценные бумаги, они тоже не замедлили превратиться в предмет спекуляции.

Тюльпановые торги регулярно проводились на амстердамской фондовой бирже. В провинциальных городах – таки, как Роттердам, Харлем, Лейден, Алкмар и Хорна, – в тавернах собирались импровизированные тюльпановые биржи, которые получили название коллегий. Так же как и в Амстердаме, на них занимались спекуляцией «бумажными» тюльпанами.

На коллегиях существовал даже специальный ритуал торговли ценными бумагами. Потенциальному покупателю было запрещено вслух называть свою цену. Он мог только намекнуть, что не отказался бы приобрести данный контракт, после чего один из торговцев вставал из-за стола и они вдвоем уединялись в задней комнате таверны. В случае несостоявшейся продажи бумаг они возвращались в общий зал и в качестве компенсации за неудавшуюся сделку выплачивали всем собравшимся в таверне небольшую сумму. Продавец же снова отправлялся в отдельную комнату обрабатывать очередного покупателя. Остававшиеся на местах брокеры тут же тратили компенсацию на выпивку, и начиналось всеобщее веселье. Если же продавцу удавалось сойтись в цене с покупателем и они заключали сделку, по возвращении из кабинета им полагалось угостить присутствующих пивом и водкой и, по обычаю, обрызгать всех теми же напитками.

В 1636 году тюльпаны превратились в предмет большой биржевой игры. Некоторые рискованные предприниматели скупали в течение лета «бумажные» цветы, а перед началом весеннего сезона умудрялись перепродавать их по более высоким ценам. Один из современников описывал сценарий подобных сделок следующим образом: «Дворянин покупает тюльпаны у трубочиста на 2000 флоринов и сразу продает их крестьянину, при этом ни дворянин, ни трубочист, ни крестьянин не имеет луковиц тюльпанов и их иметь не стремится. И так покупается, продается, обещается больше тюльпанов, чем их может вырастить земля Голландии».

Цены на тюльпановые луковицы поднимались как на дрожжах. Например, стоимость луковиц тюльпанов Admiral de Maan за два года выросла с 15 флоринов до 175 флоринов за штуку. Цена сорта Centen с 40 флоринов подскочила до 350, одну луковицу Admiral Liefkin продавали за 4400 флоринов. Согласно сохранившимся документам, рекордной стала сделка в 100 000 флоринов за 40 тюльпановых луковиц.

Чтобы расширить круг покупателей и привлечь внимание к своей продукции людей небогатых, продавцы начали брать небольшие авансы наличными, залогом же остальной суммы становилось имущество покупателя. Например, стоимость луковицы тюльпана *Vicerooy* составляла 2 лоуда (2,25 кубометра) пшеницы, 4 лоуда ржи, 4 жирные коровы, 8 жирных свиней, 12 жирных овец, 2 меха вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 1000 фунтов сыра, кровать, шкаф с одеждой и серебряный кубок. Все это добро оценивалось суммой ни много ни мало 2500 флоринов. Художник Ян ван Гойен за десять луковиц тюльпанов заплатил гаагскому бургомистру аванс в 1900 флоринов, в залог остальной суммы предложил картину Соломона ван Руйсдаля, а также обязался написать собственную.

Тюльпановая лихорадка достигла таких грандиозных масштабов, что вокруг нее начали появляться легенды. Одна из них рассказывала о том, как портовый босяк, увидев издали входивший в гавань корабль, бросился в контору его владельца. Купец до того был обрадован известием о возвращении долгожданного судна, что выбрал из бочки самую жирную сельдь и милостиво вручил ее оборванцу. Но последний был еще и нечист на руку. Он увидел на конторке благодетеля луковицу, которая была похожа на очищенный репчатый лук, и решил, что селедка в сочетании с луком гораздо лучше, чем просто селедка, поэтому он без зазрения совести стянул эту луковицу и отбыл в неизвестном направлении. Через несколько минут купец обнаружил пропажу. Оказалось, что за репчатый лук оборванец принял луковицу тюльпана *Semper Augustus*, что в переводе означает «вечный август», за которую ее владелец выложил целые 3000 флоринов. Увы, бедняга, с наслаждением доедавший селедку с «луком», был пойман с поличным, после чего загремел в тюрьму с обвинением в хищении частной собственности в особо крупных размерах.

Другая легенда повествовала о том, как харлемские торговцы тюльпанами прознали о некоем гаагском сапожнике, который сумел вывести тюльпан с черной окраской лепестков. Вскоре к сапожнику прибыла депутация из Харлема, которая скупила у него все луковицы удивительного растения за 1500 флоринов. Как говорится, не отходя от кассы, коварные покупатели бросили все редкостные луковицы на землю и принялись в ярости топтать их ногами, пока они не превратились в кашу. Нет, торговцы не были сумасшедшими, а совершили они этот странный поступок лишь потому, что боялись, как бы невиданный черный тюльпан не повредил их прекрасно налаженному бизнесу. Сапожник же, бывший свидетелем сей кошмарной сцены, не вынес варварского уничтожения деяния рук своих и вскоре умер от удара.

Однако все на свете имеет свой конец. В конце 1636 года не только городские магистраты, но и сами производители тюльпанов наконец-то заметили, что торговля идет главным образом «бумажными» тюльпанами. Количество игроков на тюльпановой бирже все более увеличивалось, и цены стали скакать быстрее, чем понижался или поднимался реальный спрос. Во всех этих рыночных хитросплетениях способны были разобраться только эксперты, которые и посоветовали в начале 1637 года снизить покупки. 2 февраля покупки фактически прекратились, предложение же оставалось по-прежнему высоким. Эта мера вызвала катастрофическое падение цен, что привело к банкротству как богатых, так и бедных тюльпановых предпринимателей.

Последней отчаянной попыткой основных дилеров спасти положение стало проведение инсценировок аукционов. Однако покупатели не поддавались на подобного рода обман и продолжали разрывать контракты на цветы летнего сезона 1637 года.

24 февраля представители главных центров по выращиванию тюльпанов вынуждены были собраться в Амстердаме на экстренное совещание. Чтобы вывести из кризиса тюльпановый бизнес, решено было действовать по следующему сценарию: контракты, которые были заключены до ноября 1636 года, считать действительными, а более поздние сделки разрешить покупателю расторгать в одностороннем порядке, заплатив 10 % отступного.

Однако план не удался, потому что Верховный суд Нидерландов счел главными виновниками массового разорения голландцев тюльпановодов и поэтому наложил вето на это решение, взамен предложив собственный вариант. Продавцы, которые не надеялись уже на получение денег со своих покупателей, могли продать товар третьей стороне, причем за любую цену. Недополученную разницу они имели право потребовать с того, с кем было заключено первоначальное соглашение. Но становиться покупателями желающих больше не было.

Правительство поняло, что винить в тюльпановом безумии какую-то определенную категорию граждан нельзя. Виновными в той или иной мере были все, кто заразился тюльпановой лихорадкой. Поэтому было решено организовать, где это необходимо, специальные комиссии для разрешения многочисленных споров по тюльпановым сделкам. В результате большинство продавцов согласилось получить по 5 флоринов из каждых 100, которые полагались им по контрактам.

Тюльпановый бум дорого обошелся голландской экономике. Многие очевидцы событий утверждали, что именно из-за трехлетнего застоя в

«нетюльпановых» ее областях главный конкурент Нидерландов, Англия, сумела перехватить многие исконно голландские рынки за границей. Как бы то ни было, но масштабы перенесенного потрясения действительно оказались грандиозными. Однако, несмотря ни на что, на протяжении многих веков Голландия считается страной тюльпанов, и нынешним масштабам голландского цветочного бизнеса остается только позавидовать.

Первый российский вор

Титулом «первый российский вор» по праву наделяют разудалого молодца, на протяжении долгого времени державшего в страхе всю Москву и одновременно прославившегося гениальным сыщиком в буквальном смысле этого слова, Ваньку Каина, урожденного Ивана Осипова. Одним словом, речь пойдет о незаурядной личности, сыгравшей далеко не последнюю роль в русской истории.

Родился будущий «хозяин Москвы» в 1718 году в селе Иваново Ростовского уезда Ярославской губернии. В 1731 году, когда Ваньке исполнилось 13 лет, его перевезли в Москву, на господский двор купца Филатьева.

На новом месте юному Ваньке не понравилось: били много, а кормили мало. Поэтому он решил бежать, прихватив с собой деньги и драгоценности, которые стянул из ларца из-под самого носа барина, когда тот преспокойно почивал в своей спальне.

Мир во все времена был не без добрых людей. На следующий же день Ванька познакомился с солдатским сыном Петром Камчаткой. Он был опытным вором и сразу же признал в Ваньке родственную душу. Так он оказался в воровской шайке.

Первым серьезным делом Ваньки стало ограбление императорского Анненгофского дворца. Через окно первого этажа он пробрался в семейную спальню придворного доктора Евлуха, откуда вынес золото и серебряную утварь. Товарищи по шайке по достоинству оценили молодецкую удачу новичка. Вторая вылазка шайки состоялась на следующую же ночь. В этот раз мошенники стянули ценности у слуги его императорского величества, дворцового закройщика Рекса. Разбойники прибрали к рукам фантастическую по тем временам сумму в три тысячи рублей.

Ванька быстро вошел во вкус и сам спланировал третье ограбление. На этот раз жертвой грабителей стал его бывший хозяин, купец Филатьев. Грабили купца шумно и весело. На шум сбежалась встревоженная прислуга. Мошенники подхватили награбленное добро и рванули через забор, преследуемые дворовыми людьми. Бежать с мешками, доверху заполненными драгоценностями и посудой, было нелегко. Преследователи оказались упорными и не хотели отставать. Ванька быстро нашел выход из сложившейся ситуации, не отдавать же награбленное обратно. Когда грабители пробегали мимо известной на всю Москву «великой тины», что

близ Чернышева моста, они побросали мешки в грязь. Там они и пребывали до тех пор, пока не были извлечены разбойниками, когда страсти немного поутихли.

Ванька Каин

Однако Ванька не успокоился на достигнутом. Это было не в его характере. Будучи истинным виртуозом своего дела, Ванька предпочитал работать красиво, так, чтобы у товарищей дух захватывало. Вот и на этот раз решено было разыграть настоящий спектакль. Не дожидаясь, когда наступит утро, воровская шайка отправилась к дому генерала Шубина, который славился своими конюшнями. Выманить сторожа оказалось делом не таким уж сложным. Освободив путь, Ванька умыкнул нескольких скакунов, которых выбрал по своему вкусу. Лошадей запрягли в обнаруженный тут же «берлин» и отправились на фабрику Милютина, к знакомой одного из грабителей. Прихватив самодеятельную актрису, которой была уготована в предстоящем действе главная роль, вся шайка

возвратилась к Чистым прудам. Там, на чердаке старого купеческого дома, Ванька оборудовал собственную костюмерную.

Приодетая актриса превратилась в настоящую барыню. Усадив ее в повозку, шайка помчалась к Чернышеву мосту, где и развернулось задуманное Ванькой комедийное действие. Въехав в грязь, грабители незаметно сняли с «берлина» два колеса. Тем временем «барыня» встала во весь свой немалый рост и начала дурным голосом орать на бегавших вокруг мошенников, изображавших испуганных лакеев: «Псы негодные! Ужо я вам! Не можно ль было дома смотреть, все ли цело! Кошками выдрать велю! Лбы забрею!»

Делая вид, что пытаются исправить повозку, воры быстро выловили из жидкой грязи мешки с награбленным добром, которые и побросали в «берлин», после чего надели колеса и, разогнав сбежавшихся на шум зевак, двинулись восвояси.

В тот же вечер мошенники решили замести следы. Не дожидаясь справедливого преследования, воровская шайка прихватила все деньги и драгоценности, которые удалось добыть в последние дни, и скрылась из Москвы. Ванька отправился на Волгу, где во всей своей красе развернулся его изобретательский талант.

Немало шума наделало ограбление известной во всем мире Макарьевской ярмарки. На этот раз роль жертвы московской шайки была уготована богатому армянскому купцу. Потратив первый день на то, чтобы разведать обстановку, на следующее утро банда отправилась в поход против армянской кассы. Воры улучили момент, когда купец вышел из своего амбара и направился на базар за мясом. За ним вслед Ванька послал одного из своих товарищей, который должен был стать одним из главных действующих лиц задуманного спектакля. Приблизившись к гауптвахте, разбойник вдруг принялся кричать: «Караул!» На крик прибежали дежурные солдаты и для верности схватили и армянского купца, и Каинова товарища. В то же время остальные члены шайки побежали к амбару, чтобы сообщить о случившемся компаньону купца. Тот, не задумываясь о последствиях, запер склады и поспешил на выручку товарищу. Касса наконец-то осталась без присмотра. Ванька проломил стену, извлек всю выручку и закопал деньги в песок всего лишь в нескольких метрах от амбара. Затем один из членов шайки закупил на пристани все, что было необходимо для строительства шалаша, который соорудили на том самом месте, где были закопаны армянские денежки.

Тем временем солдаты отпустили незадачливого купца, которого ожидала весьма неприятная новость. Ванька же как ни в чем не бывало

сидел в шалаше и изображал уличного торговца, предлагавшего честному народу тесьму и прочую галантерейную мелочь, срочным образом приобретенную в соседнем ряду.

Молва о дерзком налетчике разнеслась по всей Нижней Волге. Шайка Каина росла с каждым днем. В итоге с шести человек она увеличилась до нескольких сотен, так что молодой атаман мог теперь проворачивать крупномасштабные операции. Его отряд взял штурмом винный завод, сжег несколько деревень. Если жители одного села замечали его бандитов, все церкви по обе стороны Волги начинали бить в набат, предупреждая об опасности. Воровской беспредел вынудил правительство предпринимать экстренные меры к поимке разбойника, поэтому Ваньке пришлось на некоторое время исчезнуть.

Дальнейшие события с трудом поддаются объяснению. 27 декабря 1741 года красивый молодой человек с густой бородой и русыми волосами до плеч объявился в московском сыскном приказе. К удивлению окружающих, вошедший вдруг сообщил, что он прославленный вор и разбойник Ванька, знает многих воров в Москве и в других городах, поэтому предлагает свои услуги в их поимке.

В тот же день Ванька Каин превратился в доносителя сыскного приказа. Более того, власти решились предоставить преступнику военную команду из 15 человек. Так первый российский вор стал настоящей грозой своих бывших товарищей.

В первую же ночь с помощью новоявленного сыщика были раскрыты воровские притоны в доме дьякона и в доме протопопа. Первый насчитывал 45 человек, а второй – 20 воров во главе с атаманом Яковом Зуевым. Все они были схвачены. Той же ночью в татарских банях за Москвой-рекой был найден ружейный склад, охраняемый 16 беглыми солдатами, которые также подверглись аресту. Всего во время первого боевого крещения Ванька Каин выдал 150 человек, за что и поплатился. В их числе оказался его старый знакомый, нищий солдат Алексей Соловьев. Возомнив себя ни много ни мало как римским императором, мошенник запечатлевал все подвиги, причем совершенные не только им самим, но и многими его друзьями, в свой воровской журнал. Для сыщиков он стал настоящим досье на всех живших в городе воров и мошенников. Значилось там также и имя Ваньки Каина.

Недолго думая, Ванька обратился в Сенат с нижайшей просьбой взять в расчет все его сыскные заслуги и простить ему былые прегрешения. Сенат не только помиловал Ваньку, но и официально назначил его сыщиком. В течение двух лет Ванька выдавал своих бывших товарищей.

Ежедневно в Москве арестовывались десятки воров, убийц и разного рода мошенников.

С первыми проблемами Ванька столкнулся лишь в ноябре 1743 года. Каин задумал жениться и по этому случаю обратился в сыскной приказ с просьбой оказать ему материальную помощь, необходимую для оплаты долгов и на будущее пропитание. Власти просьбу, естественно, удовлетворить отказались. Однако они не взяли в расчет последствий своего решения.

Ванька начал новую жизнь, еще более опасную, чем прежде. Поскольку он не получил вознаграждения за свою работу от государства, он решил восстановить былые отношения с воровским миром и одновременно оставаться на службе в сыскном приказе. Иными словами, первый российский вор начал вести двойную игру. Пышная свадьба Каина превратилась в настоящую воровскую сходку. Впрочем, история Ванькиной женитьбы заслуживает отдельного внимания.

Со своей будущей невестой Ариной Ванька был знаком с давних пор. Когда-то они жили в одном доме и Ванька довольно часто заходил к ее отцу, который был отставным сержантом, на чашечку чая. Девушка не скрывала своего интереса к молодому и красивому соседу, однако о том, чтобы выйти за него замуж, и не помышляла, поскольку была наслышана о его воровских подвигах. Сделавшись сыщиком, Ванька снова решил посвататься к Арине, и опять получил от ворот поворот.

Но отступить было не в правилах Каина, привыкшего в любом деле и любыми средствами добиваться желаемого результата. Возмущенный отказом девушки, он отправился в сыскной приказ и, пообещав вознаграждение, подговорил сидящего там фальшивомонетчика оклеветать разборчивую невесту. Тот сообщил кому следует, что Арина знала о его проделках и не донесла об этом в полицию. Девушку притащили в приказ и «под жестоким битьем плетью» начали допрашивать. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы Ванька не прислал к Арине женщину, объяснившую девушке, что стоит ей сказать «да» настойчивому ухажеру, и истязания прекратятся. Арине ничего не оставалось делать, как согласиться.

Желающих присутствовать на Ванькиной свадьбе нашлось великое множество. Приглашенный священник отказался совершить обряд венчания, потому что «венечная память», поданная женихом, оказалась фальшивкой. Но для Ваньки, как известно, не существовало проблем.

Несколько верных ему людей в мгновение ока разыскали на улице и втащили в храм первого попавшегося священника. Насмерть перепуганный, пастырь без излишних вопросов совершил то, что от него требовалось, и наконец выпущенный на свободу, бросился наутек.

Однако Ванька не мог так быстро остановиться. Его душа просила новых свершений, а ум был неиссякаем на подобного рода выдумки. Каин разослал своих молодцов по московским улицам, где они ловили всех прохожих купцов. Вскоре «гостей» набралось около сорока. Тогда Ванька велел молодой супруге насыпать в мешок гороха и это угощение преподнести купцам, которым, естественно, приходилось выкладывать

денежки взамен на отказ от несъедобного кушанья. После того как Ванька собрал довольно внушительную сумму денег, он распустил торговый люд по домам.

Скопив еще немного денег, Каин приобрел себе шикарный дом в престижном московском районе, Китай-городе. В светлицах своего нового жилища он развесил образа в серебряных и золоченых окладах, на стенах – зеркала и печатные картинки с портретом Петра I, к которому вор относился с особенным уважением. День у Ваньки, как и обычно, проходил на службе в сыском приказе, а ночью он устраивал воровские оргии. В одной из комнат его дома была оборудована специальная пыточная камера, в которую попадал каждый пойманный им вор или мошенник. Если преступник выплачивал требуемый откуп, его выпускали на волю. Если же у вора денег не находилось, его, как и полагается, везли в приказ.

До поры до времени Ванька мог не беспокоиться, потому что весь сыской приказ, от начальства до мелкого писца, был у него на откупе. Однако пускать все на самотек было опасно, поэтому в сентябре 1744 года Каин явился в Сенат с просьбой о подписании указа, который оградил бы его от доносов пойманных им преступников.

Прошел месяц, и Ванька снова пришел в Сенат, чтобы сообщить о поимке более 500 воров и мошенников. Но московские чиновники не торопились оказывать ему помощь в сыске злодеев. В очередной раз Каин обратился в Сенат с просьбой выдать ему инструкцию и объявить по всем московским командам, «чтобы в сыске и поимке воров ему препятствия не чинили».

В конце концов старания Ваньки увенчались успехом. Сенат предоставил ему неограниченные полномочия, так что двадцатилетний вор, урожденный крестьянин Ярославской губернии, стал диктатором всей Москвы.

Ванька создал настоящую воровскую империю, которая просуществовала немногим более трех лет. Каин выдавал властям мелких воришек, а матерых воров укрывал.

В результате в Москве с каждым днем возрастало число беглых солдат, убийц и грабителей. Один из историков справедливо заметил, что такое скопление всякой нечисти «должно было выразиться общественным бедствием». Так и произошло. Весной 1748 года в Москве начались страшные пожары. Сгорели тысячи домов, в дыму погибли сотни горожан. Люди в страхе за свою жизнь покидали дома и поселялись за городом в чистом поле.

Императрица, обеспокоенная происходившими в Москве событиями,

повелела ввести в город войска. Кроме того, по ее высочайшему указанию была создана специальная комиссия, которую возглавил генерал-майор Ушаков. Для того чтобы предупредить новые поджоги, команда Ушакова задерживала на улицах Москвы всех подозрительных людей и, минуя сыскной приказ, где у Каина все были подкуплены, отправляла их в комиссию.

Так настала пора стремительного заката громадной Ванькиной империи. Все его «подвиги» были раскрыты. На счет Каина были записаны многие грабежи, поджоги, вымогательство и умыкание девиц – Ванька всегда был «страстен до женщин».

Присланный в Москву новый генерал-полицмейстер Татищев отдал приказ о срочном аресте Ваньки Каина, которому вынесли обвинение в хищении 15-летней дочери Тараса Зевакина.

Сначала Каин все отрицал, однако под пытками не выдержал и раскрыл изумленному Татищеву весь механизм чиновничьего беспредела, царящего в Москве: от графа Шереметьева, который брал взятки рублями, кафтанам и баранами, до безымянного протоколиста, требовавшего за свои услуги аршин черного бархата. Генерал-полицмейстер был до такой степени потрясен всем услышанным, что решил ходатайствовать об учреждении по делу Ваньки Каина особой комиссии.

Понадобилось шесть лет, чтобы во всех подробностях расследовать Ванькины деяния. В 1755 году Ивану Каину был вынесен смертный приговор. Его должны были колесовать, но Сенату удалось отменить смертную казнь.

В результате после наказания кнутом Каину вырвали ноздри, на щеках и лбу выжгли слово «вор», после чего бывший «хозяин Москвы» был сослан на каторгу в Сибирь.

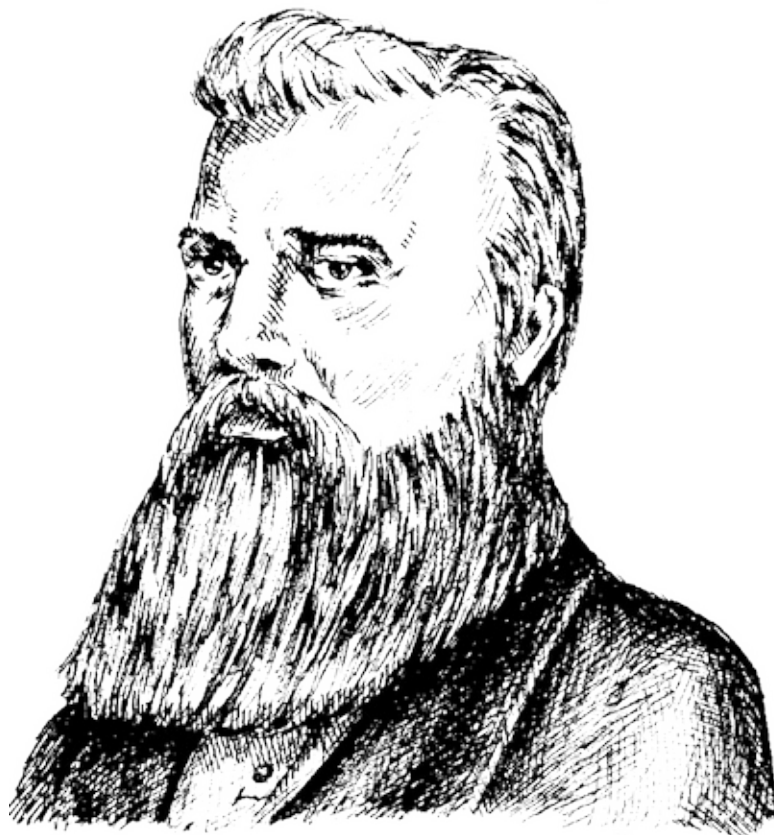
Однако «подвиги» первого российского вора надолго сохранились в памяти народной, так что даже в начале XX века урочище, где Ванька Каин устроил народное гулянье по случаю собственной свадьбы, москвичи все еще называли Каиновой горой.

Афера с завещанием

В сентябре 1858 года в Санкт-Петербурге в собственном доме умер бездетным один из богатейших представителей российского купечества Козьма Васильевич Беляев. Купец первой гильдии родом из никому не ведомого в Петербурге городка Сарапула принадлежал к тем людям, которые «сотворили себя сами» буквально из ничего.

Точной величины его состояния не знал никто, но зато было известно, что Беляев владеет несметным богатством. И надо сказать, что для такого вывода имелись основания.

Так, в сентябре 1858 года купец по одному только Петербургу одновременно вел два огромных контракта: на покупку судостроительного завода Берда и литейного завода герцога Лейхтенбергского. По первой сделке Беляев вместе с купцами Жадимеровским и Клеменцом покупали полностью производство и Гутуевский остров за 2,3 млн. рублей, причем из этой суммы Беляев вносил 1,5 млн. рублей. А кроме этого, Козьма Васильевич брал огромные винные откупа в разных регионах России, управлял спиртовыми и винными заводами, занимался лесозаготовкой, рыбными промыслами и пр.

Купец I гильдии К.В. Беляев

Между тем для окружающих не являлось тайной и плохое здоровье купца: помимо артрита, мешавшего ему ходить, он страдал болезнью сердца, мучился сильными мигренями. Впрочем, до самых последних минут он сохранял завидную бодрость духа, ум предпринимателя оставался точным и ясным. Смерть купца последовала от обширного кровоизлияния в мозг, что и было удостоверено надлежащим образом. Вообще, естественность причины смерти Козьмы Васильевича Беляева никогда не подвергалась сомнению и никем не оспаривалась.

6 ноября 1858 года, по прошествии 40 дней с момента кончины, вдова Козьмы Васильевича, Екатерина Васильевна Беляева, предъявила для засвидетельствования в Первом департаменте Санкт-Петербургской гражданской палаты духовное завещание мужа, датированное 10 мая 1858 года. Завещание было исполнено на одной странице листа обыкновенного формата, подпись купца легко прочитывалась как «Козьма Беляев». Текст завещания в существенной своей части гласил: «Все движимое и недвижимое имение, в чем бы оно ни состояло и где бы оно ни оказалось,

денежный капитал, какой будет налицо, в делах и оборотах или в долгах на других, и все мои коммерческие предприятия с казною и частными лицами предоставляю в неприкосновенную собственность моей жены, Екатерины Васильевны Беляевой, должной сделать следующие выдачи – родной сестре моей, вдове Анне Васильевне Ремянниковой 4000 рублей, вдове Анне Никифоровне Арефьевой 2000 рублей и конторщику моему Николаю Дмитриевичу Шмелеву 3000 рублей».

Палата приняла предъявленное завещание к рассмотрению, а тем временем из полиции был получен документ, составленный в случае возможного возникновения спора о наследовании. Он представлял собой полицейский акт, составленный и подписанный старшим помощником станowego надзирателя Рошковским и являвшийся, по сути, описью бумаг и личного имущества покойного. Назначением сего документа было не допустить расхищения ценных вещей и документов прислугой или теми из наследников, которые могли бы поспеть к телу раньше других.

16 ноября 1858 года Гражданская палата засвидетельствовала предъявленное Екатериной Беляевой завещание, то есть по результатам проверки документ этот признавался подлинным, и вдова объявлялась юридически законной наследницей состояния купца.

Однако Беляева числилась в «миллионщицах» недолго, вследствие того что 22 декабря 1858 года она уступила полученное наследство заодно с собственными винокуренными заводами и тихвинской лесной дачей своим родственникам – братьям Александру Константиновичу и Ивану Константиновичу Мясниковым. Взамен вдова получала от Мясниковых сохранную расписку на сумму 272 663 рубля 30 копеек, которую выписал Козьма Беляев 21 мая 1858 года, получая от братьев указанную сумму, и их обязательство выплатить Екатерине Васильевне еще 120 тыс. рублей равными долями в течение 10 лет. Отдельным пунктом договора было проведено условие передачи Беляевой всех исков по обязательствам умершего несостоятельным должником Николая Мясникова, дяди братьев.

С тех пор прошел год. И вот в начале сентября 1859 года в Петербурге появился сын родной сестры Козьмы Беляева, мелкий купец, звавшийся Иваном Мартьяновым. Пришел он к вдове и завел с ней разговор, о содержании которого нам ничего не известно, но можно предположить, что Ивану просто захотелось получить долю наследства, оставленного дядей. Вскоре после этого Мартьянов объявился в приемной столичного генерал-губернатора и подал заявление, в котором завещание Козьмы Беляева от 10 мая 1858 года и сохранную расписку от его имени на 272 663 рубля 30 копеек называл подложными и просил личного вмешательства генерал-

губернатора для восстановления справедливости.

Заявление Мартьянова было передано в Санкт-Петербургскую управу благочиния, в чью компетенцию входило рассмотрение исков по гражданским делам. Там никаких нарушений в порядке вступления вдовы Беляева в права наследства не обнаружили и посоветовали Мартьянову обратиться с заявлением о подлоге завещания в Гражданскую палату. Последний, по-видимому, собирался продолжить борьбу, но вскоре с подозрением на холеру был доставлен в приемный покой Обуховской больницы, где и умер.

Далее последовал целый ряд событий, являвшихся звеньями одной цепи. Так, в 1860 году умер Макар Афиногенович Целебровский – человек, написавший текст завещания Беляева и способный рассказать историю этого документа. Спустя некоторое время в Петербурге появилась мать умершего от холеры Ивана Мартьянова – Надежда Васильевна Мартьянова. Она сделала то, что не успел ее сын, а именно – предъявила в Санкт-Петербургскую Гражданскую палату «спор против завещания Козьмы Беляева», при этом женщина прямо заявляла, что имел место подлог и присвоение денег. Но миновало всего три недели с подачи Мартьяновой ее заявления, и она скоропостижно умерла, оставив, однако, после себя завещание, в котором назвала своих наследников и настойчиво рекомендовала им не оставлять попыток вернуть украденное состояние. Ее преемниками оказались некто Иван Алексеевич Ижболдин, его супруга Анна Николаевна, а также Зоя Николаевна Пешехонова. Все они были жителями Сарапула, вели там торговые дела, но «беляевские миллионы» показались им настолько серьезной целью, что, оставив дела в родном городе, они на многие годы поселились в Северной столице.

Между тем продолженный покойной Надеждой Васильевной Мартьяновой «спор против завещания» лежал в Гражданской палате безо всякого движения. Чтобы возобновить рассмотрение дела, Ижболдиным пришлось переоформить бумаги, указывая самих себя в качестве истцов.

Иван Ижболдин по приезду своему в Петербург обратился с просьбой о содействии к некоему Федору Карловичу Кемпе, своему другу, бывшему одно время в числе управляющих Мясниковых. Своим местом он был обязан протекции Козьмы Васильевича и после смерти последнего довольно быстро его лишился. Кемпе прямо заявил Ижболдину, что завещание от имени Беляева подложно и что оно было написано после смерти купца по инициативе братьев Мясниковых доверенным конторщиком по фамилии Караганов, умевшим подделывать подпись хозяина. Далее Кемпе рассказал Ижболдину, как Иван Мясников принес в

контору сохранную расписку Козьмы Беляева на сумму 300 тыс. рублей, указав при этом, что покойный хозяин написал бы столь ответственный документ только на гербовой бумаге и ни за что бы не воспользовался обычной писчей. В общем, сведения, полученные от Кемпе, укрепили намерение Ивана Ижболдина разоблачить подлог и привлечь аферистов к суду.

Начал Ижболдин с того, что попытался встретиться с доверенным конторщиком, упомянутым Кемпе, но это ему не удалось, так как тот служил управляющим на одном из заводов Мясниковых и в Петербурге практически не появлялся. Но Ижболдину все же удалось разыскать двоюродного брата конторщика, который поведал ему много интересного. Например, он сразу подтвердил факт подделки подписи Беляева братом, после чего добавил, что Мясниковы были крайне озабочены поисками людей, которые согласились бы подписать завещание в качестве свидетелей. От него же Ижболдин узнал и точный адрес проживания конторщика.

Тем временем закончился 1861 год, но Иван Ижболдин не оставлял своих поисков. Он уже, видимо, нисколько не сомневался в том, что подлог имел место, а раз так, украденное имущество и деньги можно вернуть. Его помощником в борьбе с аферистами стал отставной коллежский секретарь Николай Семенович Герман. Вдвоем они явились к конторщику, предложив ему чистосердечно во всем признаться и обещая взамен спасти его от каторги. Однако Караганов ничего им не сказал, и партнеры вынуждены были уйти ни с чем.

Затем Ижболдин отправился к дяде Караганова – купцу Федору Красильникову, недолголюбивавшему своего племянника. Последний, очевидно, дал Ижболдину несколько дельных советов, так как следующий его шаг оказался весьма удачным: он встретился с Василием Михайловичем Китаевым, много лет служившим в качестве камердинера у Козьмы Беляева.

Прежде всего Василий Китаев подтвердил в общем и целом слова Федора Кемпе, добавив к тому же несколько любопытных деталей. В частности, он сказал, что в день смерти Козьмы Беляева в дом явились квартальный надзиратель с помощником для проведения необходимых в подобных случаях мероприятий: описи личного ценного имущества и опечатывания бумаг. Их встретил у входа Александр Мясников, который уже служил офицером жандармского корпуса, и заявил прибывшим, что сегодня им работать в комнатах никак нельзя, поскольку вдова очень расстроена, пусть полицейские приходят завтра. На следующий день

полицейские явились опять и опечатали некоторые вещи в кабинете умершего купца. Все действия полиции были абсолютно бессмысленны, поскольку весь предшествующий день и вечер братья Мясниковы были заняты тем, что перевозили к себе домой архив купца.

Рассказ Китаева был исключительно важен, так как опровергал достоверность полицейского протокола от 24 сентября 1858 года. Напомним, что этот протокол предъявлялся вдовой в Первый департамент Санкт-Петербургской Гражданской палаты наряду с завещанием и формально он тогда же должен был быть проверен. Если протокол оказался подложным, то уже одно это позволяло оспаривать законность вступления вдовы в права наследования. Если Екатерина Васильевна Беляева, будучи прекрасно осведомленной о подложности документа, согласилась тем не менее представить его в палату, значит, она принимала непосредственное участие в организации подлога.

Отставной коллежский секретарь Николай Герман, уже упомянутый выше, тоже не сидел сложа руки: он разыскал некоего купца Ивана Чонина, присутствовавшего на похоронах и поминках Козьмы Беляева. Чонин сказал Герману, что на поминальном обеде вопрос о завещании поднимался несколько раз, причем вдова покойного в присутствии многих свидетелей утверждала, что Козьма Беляев завещания не оставил.

И тогда Ижболдин решил лично встретиться с Екатериной Васильевной Беляевой. У них состоялся любопытный разговор, суть которого имеет смысл передать подробно. Итак, Ижболдин сказал вдове, что прекрасно знает, каким именно образом появилось на свет пресловутое завещание Козьмы Васильевича, готов доказать в суде факт подлога и представить свидетелей, которые подтвердят личное участие Екатерины Васильевны в афере. В том случае, если она пожелает принять его – Ивана Ижболдина – сторону и выступить в суде с показаниями против братьев Мясниковых, он обещает не выдвигать против нее гражданского и уголовного исков и отдать ей в случае успешного разрешения дела четвертую часть наследства Беляева. Женщина же призналась, что ее саму племянники обобрали, и послала Ижболдина решать все вопросы к ним, но последний в открытую заявиться к братьям Мясниковым по вполне понятным причинам не мог.

Зимой 1864 года Николаю Герману удалось встретиться с Карагановым, который на этот раз не стал уклоняться от разговора, но, наоборот, изложил свою версию событий. Он, по сути, сознался в том, что подписался под завещанием вместо Козьмы Васильевича Беляева. При этом свой поступок он объяснил тем, что, являясь обыкновенным приказчиком,

просто подчинился указаниям Александра Мясникова. Караганов заявил также, что, ставя подпись под завещанием, он не знал, какой именно документ подписывает и для чего.

Через некоторое время Иван Ижболдин был приглашен для переговоров с Александром Мясниковым. Последний предложил Ижболдину прекратить расследование, приняв в качестве подарка 10 тыс. рублей. Ижболдин от денег отказался, и в результате противники расстались ни с чем.

В следующем, 1865, году Ижболдины узнали о некоторых преобразованиях, постигших имущество, некогда принадлежавшее Беляеву. Так, при передаче астраханских рыбных ловлей Екатериной Беляевой своим племянникам в декабре 1858 года их стоимость составляла 74 тыс. рублей. Через два с небольшим года – летом 1861 года – новые владельцы при покупке у коллежского секретаря Трощинского крупного имения Кагарлык предложили эти ловли, оцениваемые уже в 889 тыс. рублей, в качестве частичной уплаты. Однако в тот момент сделка не состоялась, так как выяснилось, что за астраханские рыбные ловли Мясниковы за все время владения ими ни разу не утратили положенную государственную пошлину. В 1864 году Мясниковы наконец внесли положенные платежи за все время с 1858 года, сняли с рыбных промыслов запрет на продажу и тут же передали их Трощинскому. Тот, действуя как опытный спекулянт недвижимостью, тут же включил их в цепочку своих торговых манипуляций и уже через восемь месяцев перепродал промыслы за 1 030 тыс. рублей.

Когда все обстоятельства перепродаж рыбных промыслов стали известны в Петербурге, Ижболдины поняли, что начался процесс распыления состояния, которое они считали своим. Чтобы потом собрать его вновь, потребовалось бы опротестовывать все сделки, совершенные с имуществом, судиться с десятками людей. Понятно, что это чрезвычайно осложняло их задачу.

К этому же времени Мясниковы уже избавились от мебельного салона в Петербурге и мебельной мастерской при нем, которые перешли к ним наряду с прочим имуществом Козьмы Беляева.

Все эти годы, пока Иван Ижболдин вместе с партнерами собирал свидетелей по делу о подлоге, его иск против завещания Беляева находился на рассмотрении в столичной Гражданской палате. Но государственное расследование практически не продвигалось: оценка имущества и состояния Беляева, которую попыталась было провести палата, затянулась и в конце концов дала результат, который явно противоречил информации,

находившейся в распоряжении истцов. Графологическая экспертиза текста завещания, проведенная по указанию палаты, признала завещание подлинным, хотя и оговорилась, что вызывает сомнение написание буквы «веди» в подписи «Беляев».

Разбирательство продолжалось ни много ни мало 7 лет, и палата за неимением новых фактов уже собиралась закрыть дело, но тут произошло непредвиденное: супруги Ижболдины 2 июля 1868 года подали прокурору Санкт-Петербургского окружного суда А. Ф. Кони жалобу на бездействие Гражданской палаты и просьбу о возбуждении уголовного преследования братьев Александра и Ивана Мясниковых и Амфилогия Караганова.

Прокуратура принялась за дело весьма энергично. Уже формальная проверка документов, изъятых из Гражданской палаты, вскрыла ряд весьма подозрительных моментов. В первые же дни выяснилось, что тот самый полицейский акт, составленный «в целях охранения имущества умершего Козьмы Васильевича Беляева», был написан непонятно как и когда и вообще ничего не удостоверял, то есть не выполнял той самой функции, для которой, собственно, и предназначался. Кабинет Беляева и его личные вещи на самом деле никто не опечатывал, в результате чего сложилась благоприятная обстановка для махинаций с завещанием. Причем на этот момент представители Гражданской палаты при регистрации внимания не обратили, допустив, следовательно, грубейшую ошибку.

О происхождении завещания от 10 мая 1858 года один из братьев Мясниковых на допросе рассказал примерно следующее: о существовании завещания он узнал от Екатерины Беляевой, вдовы, и увидел впервые его тогда, когда она отдала этот документ ему для представления в Гражданскую палату. Подлинность завещания от 10 мая у него сомнений не вызывает, поскольку при жизни Козьма Беляев неоднократно заявлял, что все оставит своей жене.

Кроме того, Мясников прямо сказал, что никогда не предпринимал попыток тайно договориться с сарапульскими претендентами о наследстве Беляева (то есть с Мартьяновыми и Ижболдинами), чтобы те отказались от своих исков. Однако у чиновников имелось заявление Ивана Ижболдина, где утверждалось совершенно противоположное словам Мясникова. В результате после допроса последнего в Сарапуль отправился чиновник судебного ведомства для проверки истинности заявлений, явно исключаящих друг друга. Оказалось, что правду говорил Ижболдин, так как в 1860 году поверенный Мясникова, некто Гонин, в самом деле приезжал в Сарапуль и встречался с Надеждой Мартьяновой, предлагая ей в качестве отступных 20–25 тыс. рублей. Свидетелями этого разговора

были купец Дедюхин и священник Домрачев. Оба дали официальные показания, которые приобщили к делу. Таким образом Александра Мясникова прокурор первый раз поймал на серьезной лжи.

Между тем после вызова на первый допрос Александр Мясников вдруг проявил необыкновенное рвение, желая уладить дело миром. Он пригласил для переговоров Ивана Ижболдина и предложил ему (в связи с тем, что Ижболдину-купцу вроде как с ним, Мясниковым, государственным чиновником, все равно не сравниться) решить все по-хорошему. Проще говоря, Мясников обещал Ижболдину 150 тыс. рублей за то, что тот откажется от своих исков. Ижболдин отверг это предложение, и сделка не состоялась.

В течение 1869–1870 годов следствие сумело разыскать и опросить очень большое количество людей, которые могли в той или иной степени пролить свет на обстоятельства дела. К тому времени число лиц, разысканных и допрошенных в ходе предварительного расследования, уже превышало 250 человек.

Начало 1871 года оказалось для Мясниковых временем тяжелых и неожиданных испытаний. 11 февраля в квартире Александра был проведен обыск, в результате которого полицейские нашли небольшой кусочек листа с обрывком фразы следующего содержания: «что сие завещание составил действительно купец Козьма Васильевич Беляев».

Совсем скоро случилось несчастье с Иваном Мясниковым: молодой 37-летний мужчина пережил кровоизлияние в мозг и остался парализован. Не повезло и старшему брату: после обыска на квартире ему было предложено покинуть ряды Корпуса жандармов по собственному желанию, таким образом его карьера заканчивалась.

Наконец, 18 марта 1871 года было приобщено к делу заключение графологической экспертизы текста завещания Козьмы Беляева от 10 мая 1858 года, гласившее: «Оспариваемая подпись на духовном завещании „Козьма Беляев” сходства с его несомненным почерком не имеет как по характеру, так и по стилю букв, равно как по связи их. Росчерк в подписях Беляева совершенно свободный; на духовном же завещании этот росчерк не представляет и подобия несомненного росчерка. Вообще подпись на духовном завещании „Козьма Беляев” представляет весьма плохое подражание несомненным подписям Беляева».

Относительно самого текста высказывалось следующее замечание: «Первая половина текста писана сжато, вторая – разгонисто, последние две строчки снова сжаты так, что можно прийти к заключению, что текст завещания пригонялся к подписи». Последнее означало, что первыми на

чистом листе бумаги были написаны слова «Козьма Беляев» и лишь позднее над ними появились два десятка строк текста.

Судебный процесс по обвинению Александра Мясникова, 39 лет, Ивана Мясникова, 38 лет, и Амфилогия Караганова, 38 лет, открылся в Санкт-Петербургском окружном суде 17 февраля 1872 года. Екатерину Беляеву решили суду не предавать, поскольку ее можно было рассматривать как потерпевшую, поэтому на процессе она выступала в качестве свидетеля.

Решение жюри присяжных было оглашено 23 февраля 1872 года. Согласно ему, завещание от 10 мая 1858 года признавалось неподложным, соответственно, все обвиняемые – невиновными. Прокурор столичного окружного суда принес протест на этот приговор, и кассационный департамент Сената отменил решение суда. Не полагаясь на объективность столичных заседателей, Министерство юстиции передало дело в ведение Московского окружного суда. Но там последовал такой же приговор. Почему произошло такое?

Дело в том, что к 1872 году в живых не осталось ни одного свидетеля подлога, и в результате судьи могли опираться лишь на косвенные улики. Суд не исследовал вопроса причин всех смертей свидетелей, никто ни в чем не обвинил Мясниковых. И нам остается лишь догадываться: имела ли на самом деле место грандиозная афера с завещанием или же существовала просто цепочка совпадений, заставлявших усомниться в подлинности данного документа.

История о знаменитой Соньке Золотой Ручке

Настоящее имя знаменитой воровки Соньки Золотой Ручки – Шейндля-Сура Лейбова Соломониак-Блювштейн. Она родилась в 1846 году в небольшом польском городке, в семье ростовщика Варшавского уезда.

По некоторым данным, Сонька Золотая Ручка прожила чуть более 40 лет. В течение всей своей жизни она занималась воровством и при этом могла легко избегать наказания. С течением времени о ее изворотливости, неуловимости и удачливости стали ходить легенды. Постепенно злостная воровка обрела почти сказочным ореолом славы, которая нередко помогала ей выпутаться из самых трудных ситуаций.

Судя по воспоминаниям современников, Сонька Золотая Ручка обладала не только хитростью и умом, но и была очень привлекательной женщиной. Ее стройная фигура, большие глаза с длинными ресницами и милая улыбка не раз обезоруживали даже самого опытного следователя, не говоря уж о тех многочисленных сообщниках, вместе с которыми Сонька проворачивала свои аферы.

Воровское ремесло Сонька освоила еще в детстве. Сначала это было воровство мелких вещей. А спустя некоторое время Сонька поняла, что гораздо больший доход может ей принести игра на деньги. Вскоре девушка стала профессиональной воровкой, которая может безнаказанно сотворить любую махинацию с получением для себя большой прибыли.

Протоколы многочисленных расследований свидетельствуют о том, что Сонька в основном работала в дорогих гостиницах, ресторанах и ювелирных магазинах. Но нередко бывало и так, что нападению компании Соньки Золотой Ручки люди подвергались и в обычных подъездах. Правда, люди, пострадавшие от преступной деятельности Соньки, не всегда были случайными. Она точно знала, у какого человека и чем можно было бы поживиться.

Известно, что Сонька Золотая Ручка будоражила своими проделками не только Москву, но и другие столицы европейских государств. Долгое время никто не мог распознать в этой шикарной, одетой в дорогие меха женщине мошенницу и воровку, жившую в Москве, Петербурге, Одессе, Варшаве или любом другом городе по поддельным документам.

Интересен тот факт, что именно Соньке принадлежит создание особенного метода краж, совершаемых в гостинице. Этот способ получил название «гутен морген», и заключался он в следующем. Ранним утром

Сонька обувала специальные, сшитые из войлока тапочки, открывала дверь в один из номеров гостиницы и в то время пока хозяева спали беспробудным сном, она быстро взламывала хрупкие замки на шкатулках и выгребала оттуда все, что попадет под руку.

В том случае, если Сонька видела, что хозяева просыпались, она начинала медленно раздеваться, изображая уставшую после ночной вечеринки девушку, якобы по ошибке зашедшую в чужой номер. После этого она обращалась к хозяевам с извинениями и затем молниеносно удалялась из комнаты.

Как-то раз, пробуя на практике результативность своего метода, Сонька Золотая Ручка оказалась в номере молодого человека. Искраженное страданиями лицо спящего юноши очень поразило воровку. Она решила разгадать тайну его мучений. Порывшись в бумагах, находящихся на письменном столе, Сонька обнаружила письмо юноши, адресованное матери.

В найденном мошенницей письме молодой человек рассказывал о том, что недавно он выкрал из кассы деньги в сумме 500 рублей. Однако сослуживцы смогли определить вора. Таким образом, юношу ждал позор и судебное разбирательство или смерть. Молодой человек выбрал самоубийство.

Едва только Сонька Золотая Ручка прочла о принятом юношей решении свести счеты с жизнью, она решила помочь ему. Выходя из комнаты, она оставила на столе рядом с письмом пачку денег. В ней было ровно 500 рублей. Вот такой щедрой и доброй бывала нередко знаменитая воровка Сонька.

О неподдельной доброте Соньки и ее умении сочувствовать человеческому горю свидетельствует и другая история. Однажды Соньке удалось выкрасть достаточно большую сумму денег. Наутро газеты сообщили о том, что накануне была обкрадена вдова чиновника, имевшая двух дочерей. Автор статьи сообщал, что 5000 украденных рублей составляли все наследство вдовы, оставленное ей мужем.

Сонька не могла смириться с такой несправедливостью и жестокостью, причиной которых стала она сама. В тот же вечер она выслала вдове украденную у нее сумму денег, а в письме просила прощения за содеянное: «Милостивая государыня! Я прочла в газетах о постигшем вас горе, которого я была причиной по своей необузданной страсти к деньгам, шлю вам ваши 5 тысяч рублей и советую впредь поглубже прятать деньги. Еще раз прошу у вас прощения, шлю поклон вашим бедным сироткам».

Нужно признать, что Сонька Золотая Ручка была настоящим профессионалом своего дела. Для удачного проведения операций она мастерила специальные приспособления. Так, например, однажды полицейским удалось разыскать место нахождения Соньки.

Разумеется, тогда стражи порядка не смогли поймать саму мошенницу. Однако в квартире было обнаружено необычное платье, приспособленное для краж. Оно мало было похоже на предмет женского гардероба в привычном понимании этого слова. С виду оно напоминало простой мешок, в котором при необходимости можно разместить небольшой рулон ткани.

Специально разработанным ею самой методом кражи Сонька пользовалась и в ювелирных магазинах. Вместе со своими подельниками она приходила в магазин под видом богатой покупательницы. Затем Сонька просила показать ей особенно понравившиеся драгоценности.

В то время пока сообщники отвлекали внимание продавца, мошенница быстро прятала камни под ногти, а взамен их подкладывала заранее приготовленные фальшивки. Настоящие драгоценности Сонька так же незаметно для окружающих зарывала в находившиеся в зале цветочные горшки. Спустя некоторое время она вновь появлялась в магазине, вырывала спрятанные сокровища и безнаказанно уносила их с собой.

Работала Сонька Золотая Ручка и в поездах. Чаще всего ее злостным нападениям подвергались пассажиры вагонов первого класса, то есть люди достаточно состоятельные. Перед чарами Соньки не могли устоять ни землевладельцы, ни банкиры, ни степенные генералы и иностранцы. Известен случай, когда знаменитая мошенница смогла обобрать, что называется, до нитки генерала Фролова. Тогда Соньке удалось заполучить сумму, составляющую около 213 000 рублей.

В вагонах-купе предприимчивая Сонька использовала несколько иной план. Подсаживаясь к кому-либо в купе, она разыгрывала из себя несчастную и одинокую маркизу или графиню, получившую в наследство огромную сумму денег. Постепенно попутчики проникались к ней доверием и рассказывали о своем богатстве.

После этого оставалось лишь дожидаться прихода ночи. Едва только пассажиры купе засыпали, Сонька приступала к работе. Перетряхнув все вещи попутчиков, она редко оставалась недовольной. В том же случае, если пассажиры долго не засыпали, мошенница пускала в ход тайное оружие: опиум или хлороформ.

Во многом с успехом добиваться своей цели Соньке помогал природный актерский талант. Используя грим и парики, она умело

перевоплощалась в самых разных женщин: молодых и старых, красивых и умных.

Изменять внешность мошеннице помогали также накладные брови и ресницы, всевозможные мушки, дорогие и нарядные платья, широкополые шляпы с длинными перьями, шикарные меховые манто и, конечно же, сверкавшие и переливавшиеся всеми цветами радуги драгоценные камни (безусловно, краденые).

Видимо, для Соньки воровство было не только увлечением, но и «настоящей» работой. Периодически мошенница позволяла себе кратковременный отдых. Больше всего Сонька любила отдыхать на дорогих курортах Крыма, Пятигорска, а также на находившихся за границей, например в Мариенбаде. Там она, предъявляя всевозможные визитки, вновь разыгрывала из себя знатную и богатую даму и потому быстро оказывалась принятой в высший свет. Интерес к столь красивой и изысканно одетой женщине подогревали и романтические истории, во множестве рассказываемые самой Сонькой тихими южными вечерами.

Нужно сказать, что Сонька Золотая Ручка не сразу стала работать вместе с сообщниками. Долгое время она промышляла одна. Однако вскоре аферистка поняла, что гораздо больший успех ее ждет в том случае, если она соберет воедино надежных и преданных ей людей.

Помимо прочих, в компании, возглавляемой Сонькой, работали все ее бывшие мужья. Несколько позже к ней присоединились вор в законе Березин и известный своими аферами Мартин Якобсон, который имел двойное гражданство (шведское и норвежское). Все мужчины беспрекословно подчинялись Соньке, которая могла организовать преступное предприятие так, что оно безотказно работало и приносило огромную прибыль.

Говорили, будто от своего первого мужа, мелкого торговца по фамилии Розенблад, Сонька убежала, прихватив солидную пачку денег – 500 рублей. Однако несколькими годами позднее, став членом воровской шайки Соньки Золотой Ручки, он с лихвой смог вернуть утраченное.

Действительно, в мошеннической компании все мужчины безропотно подчинялись своей атаманше. Однако был среди них тот, кто заставил сердце коварной мошенницы биться неровно. Им оказался молодой человек по имени Вольф Бромберг, или Владимир Кочубчик, как называли его сотоварищи.

Вольф Бромберг славился своим преступным прошлым. В компанию Соньки он пришел, имея за своими плечами достаточно солидный, несмотря на свой юный возраст (во время встречи с Сонькой ему было

около 20 лет), стаж профессионального шулера и налетчика.

Во время описываемых событий Бромберг твердо стоял на ногах. Он чувствовал себя довольно уверенно в общении с себе подобными. Смелый и решительный характер Владимира не мог не приковать к себе внимание столь же отважной женщины, какой была Сонька Золотая Ручка. Очень скоро она поняла, что не может не подчиниться воле этого человека. А потому немало мошеннических операций Сонька провела не без предварительных уговоров Владимира Кочубчика.

Нередко такие операции сопровождались неоправданным риском. А потому с течением времени Соньке стало все сложнее совершать свои преступления. Ведь в то время полиции многих стран было известно о ее мошенничестве. В любую минуту, допустив всего лишь один неверный шаг, Сонька могла очутиться за решеткой.

Ежесекундно предчувствуя провал, Сонька Золотая Ручка превратилась в злобную, жестокую и алчную особу. Ее страсть к легкой наживе и добыче денег превратилась в манию. Поговаривают, в то время Сонька не брезговала даже карманными кражами. Тут уж мошенница не разбирала, у кого стоит тянуть из кармана кошелек, а у кого – нет.

Долгое время в воровской шайке не могли понять, откуда у невзрачного на вид Владимира Кочубчика столько внутренней силы, которая смогла подавить волю Соньки. На самом деле, нередкими бывали случаи, когда Владимир, пользуясь благорасположением, ослушивался приказов атаманши и поступал, руководствуясь собственным мнением.

Владимир Кочубчик стал единственным членом воровской команды, кто отважился свалить свою вину на Соньку. Как-то раз, 30 сентября, в день рождения, Вольф подарил Соньке Золотой Ручке изящную бархотку, которую украшал прозрачный, словно вода горного ручья, голубой алмаз.

Этот алмаз был украден Кочубчиком из ювелирного магазина. Мошенник взял украшение на прокат под залог фальсифицированной закладной бумаги на часть якобы существовавшего у вора дома. Кроме того, Кочубчиком была выплачена и недостающая сумма в 4000 рублей.

На следующее утро после дня рождения Соньки Кочубчик возвратил алмаз «в целости и полной сохранности». Однако спустя некоторое время оказалось, что возвращенный алмаз есть не что иное, как мастерски сделанная фальшивка.

Тогда обманутый ювелир решил проверить документ, переданный покупателем под залог. Как оказалось впоследствии, бумага так же, как и камень, оказалась поддельной. Тогда решительный торговец ворвался в дом, где жил Кочубчик и потребовал объяснений. Однако мошенник указал на стоявшую рядом Соньку и сказал, что, вероятнее всего, настоящий алмаз находится именно у нее, поскольку именно Сонька носила дорогую подвеску накануне в течение всего дня.

Более того, Кочубчик обвинил Соньку и в фальсификации закладной. Таким образом опытная мошенница пострадала за свое увлечение. В период с 10 по 19 декабря 1880 года она предстала перед судом, который обвинял ее в многочисленных кражах.

На судебном процессе Сонька Золотая Ручка чувствовала себя вполне уверенно и с чувством собственного достоинства заявляла о том, что она непричастна ни к одному из причисляемых ей преступлений. Сонька говорила судье и присутствовавшим в зале заседания о том, что она – самая честная из всех женщин, живущих на земле. А деньги якобы она

периодически получала от своих бывших мужей и поклонников.

Но все подобные сентенции мошенницы оказались напрасными. На суде выступило достаточное количество свидетелей, людей, которые когда-либо были обмануты Сонькой. Вердикт судей стал для воровки настоящим ударом. Она была приговорена к полной конфискации имущества и к ссылке.

В далекой от столичной суеты и заморских богатых городов сибирский деревушке с названием Лужки Сонька прожила сравнительно недолго. Спустя некоторое время ей удалось бежать. Однако на пути к Москве она была поймана. Состоявшийся вслед за тем суд приговорил ее к телесному наказанию (40 ударов плетью) и каторге сроком на три года.

Однако даже каторжные работы не заставили Соньку отказаться от мысли о свободе. Собрав все остатки своего обаяния, она смогла очаровать тюремного надзирателя. Спустя некоторое время мошенница благополучно покинула стены тюрьмы и вновь пустилась в путь по направлению к столице, где кипела жизнь.

На свободе Сонька пробыла совсем недолго, всего четыре месяца. После этого суд приговорил матерую воровку к тюремному заключению и ссылке на далекий остров Сахалин.

Как известно, Сонька Золотая Ручка не могла долгое время пребывать в одиночестве. По дороге в сахалинскую тюрьму она повстречала опытного преступника по кличке Блоха, в которого влюбилась с первого взгляда. Уже потом, находясь в тюрьме, Сонька станет ежедневно платить надзирателю определенную сумму за разрешение на кратковременные свидания с возлюбленным.

Во время таких романтических свиданий Сонька и Блоха смогли разработать план бегства из тюрьмы. Блоха придумал сравнительно легкий и безопасный план побега. Однако Сонька настоятельно просила о том, чтобы воспользоваться ее планом, хотя тот и был связан с большим риском. Действительно, мошенница отличалась авантюрным характером и была склонна к некоторой театральности в своих поступках.

Подобное желание сделать что-то напоказ и сгубило двух влюбленных. Их замысел оказался неудачным и потерпел фиаско. Почти сразу же после того, как Блохе удалось отойти от стен тюрьмы, он был схвачен высланными в погоню охранниками. Сонька была поймана несколькими часами позднее.

Спасло Соньку от предстоящего наказания настоящее чудо. Дело в том, что к тому времени она была уже несколько месяцев беременна, а потому надзиратели, пожалев будущего ребенка, не стали ужесточать

положенного мошеннице по суду наказания. Блохе же воздалось сполна. Он получил 40 ударов плетьюми и кандалы.

Ребенку Соньки Золотой Ручки так и не довелось увидеть белый свет. Возможно, причиной тому были достаточно тяжелые условия жизни в тюрьме. Как бы то ни было, Сонька недолго горевала по поводу гибели так и не родившегося малыша. Все ее внимание было поглощено другими заботами. Так, например, известна история о том, как Сонька Золотая Ручка разработала и воплотила в действие план по убийству сахалинского лавочника, приезжавшего в тюрьму для того, чтобы продать продукты и одежду.

В 1891 году Сонька решилась на вторичный побег. Но и он так же, как и первый, не удался. Тогда тюремное начальство вынесло решение отдать ее на расправу жестокому палачу, известному далеко за пределами сахалинской тюрьмы, Комлеву. Он нанес заключенной 15 сильных ударов плетьюми. А окружавшие лежавшую на деревянной скамье женщину

преступники лишь подзадоривали палача своим криком и непристойными возгласами.

Гордая Сонька молча сносила удары палача. А после окончания экзекуции она медленно отправилась в свою камеру. В течение двух лет и восьми месяцев Сонька носила тяжелые кандалы и находилась в отдельной камере, единственным украшением которой было маленькое оконце, защищенное решеткой.

К тому времени на Большой земле дело Соньки Золотой Ручки имело в обществе невероятную известность, а сама мошенница пользовалась у русских людей такой большой популярностью, словно она была киноактрисой, а не преступницей-воровкой. В камере Соньки побывал не один журналист и простой обыватель. Встречались с ней и иностранцы. Многими она воспринималась как экспонат какого-либо музея. Фотографироваться с Сонькой Золотой Ручкой было в то время столь же обычным делом, как и сниматься на фоне крымского берега или городского фонтана.

После освобождения из тюрьмы Сонька осталась на Сахалине как вольная поселенка. Спустя некоторое время она смогла открыть небольшое кафе, главным источником дохода которого была запрещенная официальными властями торговля алкогольными напитками. Кроме того, это было единственное питейное заведение на полуострове, где можно было потанцевать.

В то время любовником Соньки стал известный в преступных кругах рецидивист Николай Богданов. Необходимо сказать, что это был жестокий и своевольный человек, жить с которым для Соньки означало умереть заживо. Однако долгое время бывшая воровка не могла решиться уйти от него. Наконец, пришел день, когда Сонька задумала побег.

В те годы она была уже немолодой и больной женщиной. А потому претворить в жизнь план бегства для нее оказалось далеко не простым предприятием. Тем не менее она бежала. Но через некоторое время ее догнали конвойные и вновь поместили в тюремную камеру, где она и скончалась спустя несколько дней.

Граф без родословной

Произошло это скандальное событие в годы правления императора Александра III Миротворца. Из спальни великой княгини Александры Иосифовны в Мраморном дворце некий злоумышленник похитил золотые и серебряные, инкрустированные драгоценными камнями ризы икон. Вся полиция и жандармерия Санкт-Петербурга была поднята на ноги, так что вор был обнаружен очень быстро. Им оказался адъютант сына потерпевшей, великого князя Николая Константиновича, корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Савин.

На допросе мошенник сознался в содеянном. Более того, он сообщил, что, заложив драгоценности, он выручил полмиллиона рублей. Похищенное тут же изъяли. Арестованный же начал рассказывать во всех подробностях, каким образом и зачем он совершил кражу. Оказалось, что деньги корнету нужны были не для себя, а для великого князя, по чьему приказанию он и действовал. Вырученные деньги Савин отдал Николаю Константиновичу, которому якобы срочно потребовалась наличность для ублажения некой английской танцовщицы.

Поскольку дело касалось одного из членов августейшего семейства, его расследование проводилось в строжайшей тайне. Однако, несмотря на крайнюю предосторожность, скандальные подробности происшествия все же каким-то образом сумели проникнуть сквозь стены служебных кабинетов, и вскоре их в том или ином виде излагал весь Петербург. Для того чтобы замять скандал, великого князя Николая Константиновича объявили душевнобольным и в спешном порядке отправили «для лечения» в Ташкент, где он через несколько лет благополучно скончался. Корнета Савина выгнали из полка и настоятельно порекомендовали ему как можно быстрее покинуть Россию.

В свете произошедшего громкого скандала личность Савина за границей приобрела необычайную популярность. Когда корнет объявился в Париже, ему присвоили статус политэмигранта. Некоторое время Савин был в зените славы. Газеты печатали его имя на первых своих полосах. Корнет давал многочисленные интервью, в которых не только сообщал о подробностях дворцовой кражи, но и заявлял, что в действительности деньги необходимы были князю для осуществления целей возвышенных и благородных, а именно на дело революции. Более того, корнет брал на себя смелость утверждать, что будто бы сам великий князь являлся членом

какой-то революционной организации.

Однако сенсация, некогда производившая неизменный фурор, вскоре начала забываться. О былой славе корнета напоминали только многочисленные кредиторы, которые готовы были сомкнуть свое кольцо вокруг русского проходимца. Не дожидаясь, когда это произойдет, Савин решил отделаться бегством и рванул в Америку. В Сан-Франциско он появился под звучным именем граф де Тулуз-Лотрек. На руку мошеннику сыграл тот факт, что Новый Свет в те времена с величайшими почестями встречал каждого обладателя аристократического титула. Поэтому перед Савиным как человеком высокого происхождения с удовольствием открывали свои апартаменты самые роскошные отели. Снова он купался в лучах славы и давал бесконечные интервью.

Чем же сумел привлечь внимание калифорнийцев новоявленный «граф»? В интервью представителям прессы он заявлял, что прибыл в Америку по поручению российского правительства для того, чтобы разместить крупные заказы для строительства Транссибирской магистрали. Но прежде чем приступить к распределению заказов, «граф» изъявил желание поближе ознакомиться с деятельностью крупнейших машиностроительных корпораций.

Виднейшие промышленники и финансисты, столпы машиностроения и рельсового проката выстраивались в очередь для того, чтобы удостоиться великой чести быть представленными «графу». Последний же охотно заводил с ними знакомства, не стесняясь принимать крупные авансы за посредничество. Собрав солидную сумму денег, в один прекрасный день «граф» исчез так же неожиданно, как и появился. Обманутые промышленники бросились в полицию, однако, как говорится, поезд ушел.

Полиция разыскивала графа де Тулуз-Лотрека чуть ли не во всех европейских столицах: в Берлине, Лондоне, Париже, Вене. Савин же преспокойно проводил время, путешествуя по Балканам. Но такая жизнь не могла долго устраивать предприимчивого афериста, и он наконец решил объявиться в Софии, причем графский титул также показался корнету не слишком достойным для его персоны, поэтому в регистрационной книге отеля он вывел: «Великий князь Константин Николаевич».

В мгновение ока весть о приезде высокого гостя разнеслась по всему городу. В холле отеля постоянно собирались известные люди, разные организации присылали сюда своих делегатов, дабы засвидетельствовать почтение князю. Савину было известно о том, что русский посланник, который был лично знаком с великим князем, в то время был болен, и он решил этим воспользоваться.

«Великий князь» заверил членов правительства Болгарии, что ему не составит особого труда заполнить в парижских банках заем для дружественной страны. «Сколько, вы говорите, требуется, чтобы поднять вашу экономику? – обращался он к доверчивым просителям. – Двадцать миллионов франков? Да стоит ли хлопотать из-за такой мелочи? Я был бы согласен оказать вам протекцию, если бы сумма займа составила не меньше тридцати миллионов!»

Экономика Болгарии в то время находилась на грани полного краха, так что министры восприняли появление «великого князя» как дар Божий и пообещали, если ему удастся спасти их страну и болгарский народ, возвести его на трон властителя Болгарии, который в ту пору был пустым. Подобного оборота событий не ожидал даже сам корнет. Неудивительно, что туманные перспективы вскружили ему голову. Разве мог он себе представить, что фортуна предоставит ему возможность занять царский трон!

Однако всем этим благочестивым надеждам суждено было рухнуть в одночасье. Дело в том, что специально для высокого гостя в отель был приглашен лучший парикмахер Софии, который когда-то работал в Петербурге и отлично представлял себе, как выглядит великий князь Константин Николаевич. Но корнету и на этот раз посчастливилось ускользнуть от справедливого возмездия. Когда в гостиницу явилась полиция, чтобы взять под арест самозванца, тот уже успел выехать далеко за пределы столицы и снова скрыться в неизвестном направлении.

После того досадного случая Савин по очереди появлялся во всех крупнейших европейских столицах. Для того чтобы остаться неузнанным, мошеннику каждый раз приходилось изменять свой облик. Он то отращивал густую бороду, то снова ее сбрасывал, то отпускал пышные бакенбарды... Корнет объявлялся, прокручивал лихие аферы и, как всегда, внезапно исчезал, так что обманутым им людям оставалось только почесывать в затылке. Изобретательность Савина с целью вымогательства денег не знала границ, причем способы эти были не столько дерзкими, сколько анекдотичными. Не менее поразительной была его способность оставаться безнаказанным.

Так, на Английской набережной Ниццы каждое утро в одно и то же время с хронометрической точностью появлялся высокий представительный господин с пышной седой бородой, которая веером покрывала его грудь. На голове у него неизменно возвышался матовый полуцилиндр, в руке он каждый раз держал палку с набалдашником в виде черепа, в петлице красовалась орденская розетка. Кем был этот господин,

никто не знал. Но все сходились в одном: не вызывало сомнения, что это был человек солидный и богатый.

Каково было удивление полицейских, когда к ним обратился нефтепромышленник из Батуми с жалобой на то, что стал жертвой вымогательства со стороны солидного господина с орденской розеткой в петлице. Поначалу ему отказывались верить. Но нефтепромышленник продолжал убеждать полицейских в том, что все было именно так, как он рассказал. Затем потерпевший изложил все подробности своего злключения. Тот человек подошел к нему, когда он прогуливался по набережной, с любезной улыбкой взял под руку и, наклонившись к самому уху нефтепромышленника, прошептал: «Или вы сейчас же даете мне тысячу франков, или сию же минуту на виду у всех я отхлещу вас по щекам». Нефтепромышленник поначалу воспринял эти слова как дурную шутку, потому что солидный господин произносил их с улыбкой на лице. Потом он решил, что разговаривает с сумасшедшим. Но времени на размышления не оставалось, поскольку незнакомец не отступал. И нефтяной король, испугавшись, что станет посмешищем окружающих, предпочел выплатить требуемую сумму.

Савин не пытался скрываться, поэтому его быстро отыскивали и арестовали. Как только «граф де Тулуз-Лотрек» услышал предъявленное ему обвинение, он пришел в ярость и возмущенно закричал: «Гнусная клевета! Да вы знаете, с кем имеете дело?! Я сию же минуту телеграфирую министру внутренних дел!»

Полицейский комиссар был до того смущен подобными угрозами, что начал неразборчиво бормотать извинения. Однако описанный случай был не единственным, и уже спустя несколько дней солидный господин снова угодил в полицию. На этот раз жалоба поступила от владельца отеля, где остановился «граф». Он сетовал на то, что его постоялец неожиданно исчез, ничего не заплатив за проживание. Поднимать шум вокруг этого дела хозяин отеля поначалу не собирался, потому что решил, что в счет платы приберет к рукам оставшееся в номере имущество беглеца, которое, как он предполагал, находится в двух тяжелых чемоданах, оставленных «графом» в его номере. Но, увы, владелец отеля просчитался, потому что чемоданы были набиты камнями.

Мошенник, не скупясь на красноречие, и на этот раз до такой степени заморочил всем головы, что вышел сухим из воды. Более того, владельцу отеля пришлось в конце концов взять назад свои обвинения да еще и дать Савину денег взаймы, причем не успев даже покинуть стен полицейского комиссариата.

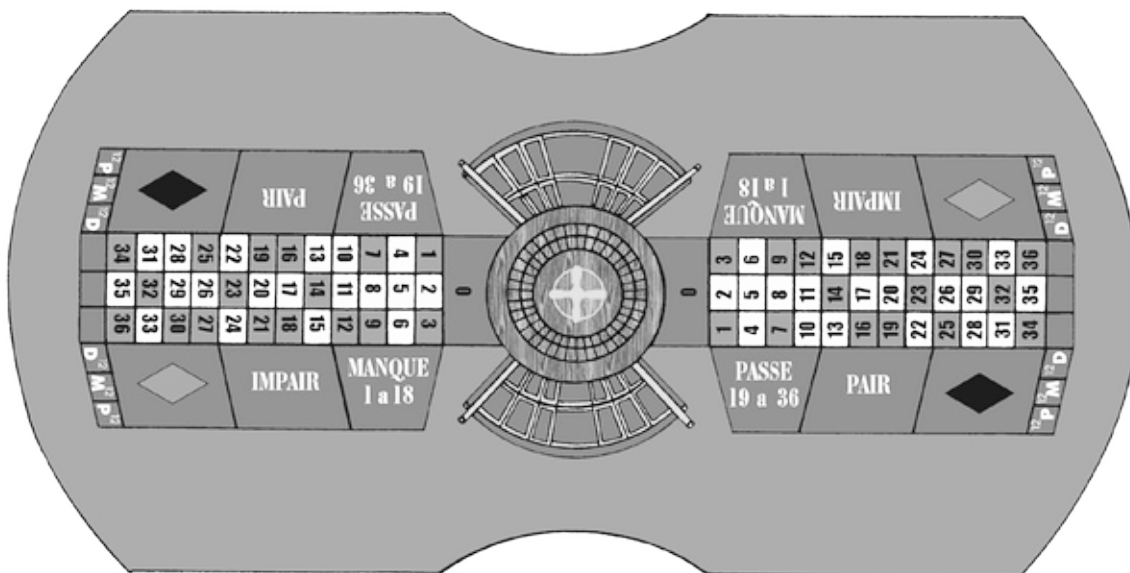
Поскольку корнет привык бросать деньги на ветер, очень скоро после очередной успешной аферы, принесшей ему немалый доход, наступала черная серия, как мошенник называл дни безденежья. Тогда Савину приходилось придумывать наиболее изощренные и дерзкие трюки. Например, он приходил в дорогой ресторан, где заказывал роскошный обед с изысканными блюдами и тонкими винами. Не спеша он поглощал все эти яства, а когда ему подавали десерт, он незаметно подкладывал туда заранее засахаренного таракана, который и должен был оградить его от оплаты за съеденный обед. Все проходило как нельзя лучше. Увидев «сладкого дружка» в тарелке с десертом, Савин изображал невероятное негодование и, подозвав метрдотеля, брезгливо указывал ему на неприятную находку. Чтобы спасти престиж ресторана, метрдотель расшаркивался перед Савиным в глубочайших извинениях и вздыхал с облегчением, когда рассерженный посетитель наконец уходил прочь. Разумеется, об оплате по счету речь даже и не заходила.

Частенько корнет заказывал себе ботинки у двух разных, но самых лучших обувщиков, причем обязательно одинакового фасона и цвета. После примерки ботинок он одному мастеру заявлял, что ему жмет правый ботинок, а другому – что левый. «Жмущие» ботинки он оставлял на доработку, а хорошие забирал, пообещав расплатиться, когда все будет готово. Обувщики не возражали, ведь заказчик все равно не сможет ходить в одном ботинке, а значит, обязательно придет за вторым, тогда и заплатит за работу. Но не тут-то было. Из двух ботинок, взятых у разных мастеров, которые практически не отличались друг от друга, получалась прекрасная пара.

Удавалось корнету Савину обвести вокруг пальца и то заведение, которое само существовало за счет того, что вытягивало деньги из карманов своих многочисленных клиентов. Речь идет о казино в Монте-Карло.

Как-то раз Савин, побродив по залам казино, зашел в бюро администрации, которое от главного зала отделяла лишь тонкая перегородка, и потребовал так называемый виатик, то есть ссуду на отъезд, выдаваемую администрацией казино игрокам, оставшимся без копейки в кармане. Получивший такую ссуду клиент не имел права приходить в казино до тех пор, пока не погасит задолженность.

Администрация без разговоров выплатила «графу» самую высокую ставку виатика – тысячу франков. Уж очень внушительной им показалась внешность клиента. Тот небрежно кивнул и тут же удалился.

Спустя две недели Савин, для которого, как известно, не существовало никаких правил, снова объявился в казино, правда, несколько изменив свою внешность, так что сумел пройти мимо швейцара неузнанным. Подойдя к столику, за которым шла большая игра, он небрежно бросил крупье луидор и едва слышно проговорил по-русски: «На, подавись, чертова кукла!» Крупье, конечно же, ничего не понял и переспросил: «На какой, вы сказали, номер ваша ставка, месье?» Однако «граф» как будто бы не расслышал обращенного к нему вопроса.

На этот раз выпал номер семнадцать. Лицо «графа» вдруг преобразилось, и он закричал: «О! Я выиграл! И готов забрать свой выигрыш в семьсот двадцать франков!» Крупье с растерянным видом попытался возразить: «Но, месье, вы очень неясно назвали номер, и я не уверен, что вы сделали ставку именно на семнадцать. Я, вы помните, даже переспрашивал, но вы не ответили...»

При этих словах «граф» пришел в ярость и в то же время в благообразной тишине казино раздались истошные вопли: «Разбой! Грабеж!»

Испуганные инспекторы игры сбежали на шум и начали уговаривать разбушевавшегося клиента: «Успокойтесь, месье! И ради бога не поднимайте скандала. Возьмите ваши деньги. И будьте уверены: неловкий крупье будет наказан!»

Получив деньги, все еще негодующий «граф» покинул игорный зал. Администратор, который сопровождал его к выходу, прекрасно понял, что произошло, поэтому вдогонку «графу» зло прошипел: «На этот раз ваша

взяла, месье. Но только попробуйте еще раз появиться в нашем казино!»

В течение месяца корнет отсутствовал в Монте-Карло. Наверное, только поэтому он не появлялся в казино. Как только он возвратился в город, сразу же направился в игорное заведение и предстал перед администрацией, возмущению которой не было предела: «Как вы посмели сюда прийти? Убирайтесь немедленно!» «Граф», пропустив мимо ушей эти слова, абсолютно спокойно произнес: «И не подумаю. Разве что вы дадите мне тысячу франков на дорогу. Вот ведь не везет, опять проигрался!» Однако администратор не унимался: «Вы не получите ни сентима! Вон отсюда!» Сохраняя невозмутимость, корнет начал снимать с себя пиджак. На изумленный вопрос администратора он ответил: «Сейчас разденусь догола, выйду в зал и покажу всем игрокам, как обирают честных людей в этом притоне! Только троньте меня – я так закричу, что сюда сбежится вся ваша публика!»

Не рассчитывая на такой поворот событий, администрация вынуждена была сдать позиции, а Савин с торжествующим видом снова получил свою тысячу франков. Но на этот раз «графа» взяли под руки, проводили до вокзала и посадили в поезд двое в штатском. С тех пор «граф» ни в Ницце, ни в Монте-Карло не появлялся.

Последние годы своей жизни блистательный аферист, превратившийся в дряхлого старикашку, провел в Шанхае. Он зарабатывал на хлеб продажей манускриптов богатым иностранцам... Рядом с фальшивой розеткой ордена Почетного легиона в петлице его потертого пиджака красовались еще какие-то ленточки, а к графскому титулу Савин самолично добавил еще два – барона и князя... Однако в больнице, где он умер в 1937 году, над изголовьем его кровати написали только одно слово: «Савин», о его же мнимых титулах даже никто и не вспомнил.

Великий махинатор

Сегодня о Корнелиусе Герце могут вспомнить разве что профессиональные историки, а в конце XIX столетия имя этого человека было у всех на устах. От связи с ним зависела политическая карьера большинства депутатов французского парламента, министров и партийных руководителей.

В начале 1880-х годов страницы многих газет мира пестрели сообщениями о маленьком коренастом человечке с мясистым носом, хитрыми глазками и вкрадчивым голосом. Это был не кто иной, как знаменитый политический интриган и финансовый мошенник Корнелиус Герц.

Родился он в провинциальном Безансоне, в семье эмигрантов. В возрасте пяти лет мальчик вместе с родителями перебрался на Северо-Американский континент: свобододлюбивая Америка манила в те годы многих.

Получив базовые знания по медицине в одном из учебных заведений США, Корнелиус возвратился во Францию, чтобы принять участие в войне против Пруссии. Этот патриотический поступок бывшего француза был удостоен высокой награды – ордена Почетного легиона.

После войны Герц уехал обратно в Соединенные Штаты Америки, где по окончании медицинского института в Чикаго (возможно, он просто купил диплом врача) женился на дочери состоятельного фабриканта и занялся медицинской практикой.

Однако довольно скоро основным занятием Корнелиуса Герца, приносящим высокий доход, стало мошенничество. Желание уйти от наказания за свои деяния и расплаты с многочисленными кредиторами вынудило его скраться в неизвестном направлении. Затем неожиданно для всех он объявился в Париже.

Герц безошибочно угадывал выгодные сферы приложения капитала, однако все его планы в те годы терпели неудачу. Одной из причин его невезения в бизнесе явилось отсутствие выгодных связей среди политической элиты; именно в этом преуспели конкуренты Корнелиуса и, воспользовавшись благоприятной для себя ситуацией, заняли на французском рынке важнейшие места.

Как известно, на ошибках учатся, и уже через несколько месяцев после первой неудачи Герц получил доступ в высшее общество, среди его

наиболее влиятельных друзей был и лидер радикальной партии Жорж Клемансо.

Желая завоевать доверие этого неподкупного человека, талантливый авантюрист стал финансовым спонсором радикальной газеты «Справедливость». Кроме того, он принимал непосредственное участие в выпуске данного издания.

В Корнелиусе Герце как бы уживались два человека, один из которых отличался алчностью и беспощадностью к соперникам, другой – политическим честолюбием. По сей день этот мошенник поражает воображение своим умением войти в доверие, заставить серьезных людей поверить в истинность своих убеждений, и нет ничего удивительного в том, что Жорж Клемансо и Поль Друлед стали жертвами этого гениального авантюриста.

Жорж Клемансо

В действительности же Герцу были чужды радикальные устремления,

он частенько позволял себе издевки над своими весьма уважаемыми сподвижниками.

Не менее достойным даром Корнелиуса было умение инсценировать принципиальность. Так, например, он отказался принять участие в политической компании буланжистов, взгляды которых противоречили взглядам радикалов, и заслужил тем самым ненависть первых и уважение вторых.

Уже во второй половине 1880-х годов Герц стал заметной фигурой в кругах парижских политиков и парламентариев, ему даже открылись двери в дом президента Гриви.

По свидетельству некоторых современников, Корнелиус Герц всегда добивался поставленной цели. Чтобы провести тот или иной благоприятный для него закон или положение, мошенник неоднократно подкупал депутатов.

Однажды при помощи авансированных депутатов он вынудил военного министра Фрейсине передать компании Герца контракты на выгодные поставки для армии.

Неудивительно, что этот человек легко добивался высоких званий в списках Почетного легиона. О его авантюрных махинациях французское правительство не вспомнило даже в 1886 году, когда распределялись высшие чины, и это несмотря на откровенные публикации в американских газетах.

Постепенно сфера деятельности Корнелиуса Герца расширялась. Удержаться на плаву во время общественно-политических неурядиц ему помогли все те же связи в верхних эшелонах власти, отношения с представителями которых можно охарактеризовать как политику лавирования.

Герц контактировал с лидерами различных враждующих партий. Известно, что генерал Буланже, занявший пост военного министра не без помощи ловкого мошенника, написал письмо, в котором поздравлял «близкого друга Корнелиуса» с получением нового звания и успешным ведением дел.

Одним из наиболее эффективных методов завязывания добрых отношений с депутатами и министрами, занимавшими важнейшие посты в государстве, было задабривание жен высокопоставленных особ. Подарки в виде драгоценностей или изысканной, со вкусом подобранной обстановки для новой квартиры в большинстве случаев принимались с благодарностью.

Старые контакты часто использовались для завязывания новых

отношений. Для привлечения на свою сторону наиболее неподкупных Герц пускал в ход самые фантастические предложения, сулившие большие выгоды.

Знаменитый журналист Анри Рошфор, отношения с которым у Герца не сложились, сообщал позже, что предприимчивый делец пытался убедить всех в своем всемогуществе. Претендуя на роль «благодетеля человечества», он заявлял о том, что способен оказать влияние на ход Первой мировой войны и разрушить союз Германии, Италии и Австро-Венгрии, направленный против союзников Франции.

К началу XX столетия практически весь Париж знал Корнелиуса Герца, его бизнес процветал, что, в свою очередь, расширяло круг друзей и знакомых.

Финансовые спекуляции этого ловкого мошенника неизменно сопровождались политическими интригами. Зачастую средства и цель становились взаимозаменяемыми частями той или иной аферы. Видимо, Герц и сам не понимал, когда он стремился увеличить свой и без того немалый капитал, а когда – удовлетворить свое честолюбие и страсть к политическим авантюрам.

Корнелиус с презрением относился к подкупленным им депутатам, министрам и прочим представителям сильных мира сего. Обладая большим кошельком, он мог беспрепятственно выражать свое мнение и высказывать истинное отношение к финансируемым политикам.

Особого внимания в этой истории заслуживают отношения Корнелиуса Герца с банкиром Рейнаком. Их знакомство произошло в 1879 году, тогда же они стали акционерами компании Панамского канала. Дело сулило большие прибыли, уже через несколько месяцев барон Рейнак получил 7,5 млн. франков, часть которых должна была пойти на взятки и на рекламу в прессе, а другая – на оплату трудов самого акционера.

Рейнак, догадывавшийся об источниках доходов друга Корнелиуса, благосклонно относился к его бизнесу. В 1885 году, когда правительство Бриссона отказало Панамской компании в просьбе выпустить значительное количество облигаций выигрышного займа, именно барон поручился за Герца, предложившего сыну главы компании, Шарлю де Лессепсу, посодействовать всего за 10 млн. франков в изменении решения правительства.

В этом предложении явно усматривалась какая-то авантюра, однако де Лессепс согласился заплатить названную сумму в том случае, если Герц добьется благоприятного голосования в парламенте по данному вопросу.

Однако авантюрист решил сначала воспользоваться ситуацией в

личных целях. Компания выплатила ему 1,2 млн. франков за помощь в деле, однако взамен ничего не получила, решение правительства осталось неизменным. Уладить возникшую проблему удалось барону Рейнаку. Тут возникает вопрос: зачем состоятельному банкиру прикрывать своими гарантиями и действиями мошенничество Герца?

Обрывки корреспонденции афериста и банкира, датированные 1886–1887 годами, свидетельствуют, что у Герца имелись основания угрожать Рейнаку, именно это обстоятельство заставило последнего согласиться на грандиозную авантюру.

Так, в августе 1887 года Герц писал барону: «Или Вы выполните Ваши обязательства в отношении меня, или поставите меня в печальную необходимость также пожертвовать Вами и Вашими родными, как Вы сами были безжалостны ко мне и моим родным».

Угрозы Герца сыпались на несчастного банкира как из рога изобилия, аферист постоянно требовал крупные денежные суммы, в том числе и 10 млн. за обещанное проведение через парламент закона о выпуске облигаций выигрышного займа (заметим, что в этой операции Корнелиус не принимал никакого участия, поскольку находился в то время за границей).

Не встречая сопротивления со стороны Рейнака, Герц продолжал свой шантаж: устные угрозы сменялись зашифрованными и нешифрованными письмами и телеграммами угрожающего характера.

Примечательно, что после смерти Рейнака в его бумагах отыскали счет под названием «Шантаж Герца», в котором значилась сумма в 9 382 175 франков. Однако этих денег авантюристу было явно недостаточно, и он продолжал настаивать на выплате новых сумм.

Стоит отметить, что глава радикальной партии Жорж Клемансо и премьер-министр Флоке в 1888 году обратились к Лессепсу с просьбой оказать влияние на Рейнака и заставить его удовлетворить требования Корнелиуса Герца. Видимо, эти высокопоставленные особы чем-то провинились перед гениальным мошенником и опасались стать жертвами его шантажа.

Все попытки Рейнака убедить Герца в отсутствии средств, предоставленных Панамской компанией для подкупа министров и парламентариев, оказывались тщетными.

В 1889 году шантажисту был предоставлен список законодателей, получивших взятки, с указанием сумм, доставшихся каждому из них. Банкир пошел на этот отчаянный шаг, прекрасно сознавая, какое мощное оружие вкладывает в руки ловкого афериста. И снова возникает вопрос:

зачем это было сделано?

В начале 1890-х годов доведенный до отчаяния Рейнак попытался избавиться от вымогателя при помощи наемного убийцы, роль которого должен был исполнить изгнанный со службы полицейский агент по фамилии Амьель.

Однако наемник, прихватив крупное денежное вознаграждение, уехал в Бразилию, откуда послал Герцу письмо с предостережением относительно коварных планов банкира.

Вскоре послание Рейнака оказалось в руках Корнелиуса, которому Амьель уступил его за определенную сумму. Удивительно, что барон даже не изменил свою подпись, продемонстрировав необъяснимое легкомыслие.

Через некоторое время Герц сообщил Рейнаку об оказавшихся в его руках письмах к Амьелю. Банкир попытался обратить все в шутку, а затем признался, что хотел таким образом заставить шантажиста покинуть Париж. Разговор завершился предложением забыть все старое, а Рейнак даже попросил у Герца руки его дочери для своего сына.

Примерно через шесть месяцев после знаменательного примирения, обошедшегося барону в кругленькую сумму, «убийца» Амьель неожиданно умер. Согласно одной версии, он стал искупительной жертвой мира шантажиста и банкира, другие усматривали причину преждевременной кончины в приступе астмы.

Попытки современников проникнуть в тайну Рейнака, с помощью которой Герц сумел заработать крупную сумму, оказались тщетными. Выдвигались различные версии: убийство бароном банковского служащего, занятие шпионажем в пользу одного из иностранных государств, участие Рейнака в каком-то тайном деле, имевшем важное государственное значение, и др.

Эта загадка волновала умы многих, тем более что спасение банкира от рук шантажиста правительство рассматривало как дело государственной важности.

Вымогательства Герца не прекратились и после краха Панамской компании, когда Рейнаку было предъявлено обвинение в соучастии в преступных действиях администрации, периодически нарушавшей доверие акционеров и проводившей мошеннические операции. Однако обвинения не помешали барону продолжить махинации с деньгами, и крупные суммы по-прежнему отправлялись на счет Герца.

В ноябре 1892 года разразился новый скандал, связанный все с той же Панамой. По распоряжению правительства началось секретное расследование. Предстоящие разоблачения грозили катастрофой многим

высокопоставленным чиновникам и политическим деятелям.

В конце ноября 1892 года в печати появились сенсационные сообщения о причастности к ряду финансовых махинаций Рейнака, причем эти сведения журналисты почерпнули от самого барона, пошедшего на контакт с прессой в обмен на спокойную жизнь на зарубежных курортах.

Попытка Рейнака помешать при помощи взяток разоблачительным выступлениям в парламенте не увенчалась успехом. 18 ноября буланжистская газета «Кокарда» предъявила обвинения во взяточничестве члену палаты депутатов Флоку.

В ходе журналистского расследования удалось установить, что в 1888 году парламентарий получил от Панамской компании 300 тыс. франков, которые были израсходованы партией радикалов на проведение избирательной кампании. Темное пятно ложилось на репутацию всей партийной организации.

Уже на следующий день, 19 ноября, в палате депутатов началось обсуждение возникшей проблемы. За несколько часов до начала заседания встревоженный Рейнак посетил квартиру министра финансов Рувье с заявлением, что газетная кампания зашла слишком далеко и необходимо ее прекратить. Сделать это, по мнению банкира, мог только один человек – Корнелиус Герц.

Рувье согласился принять афериста, выказав тем самым готовность оказать всяческое содействие Рейнаку. Барон поспешил за Герцем, но последний, сказавшись больным, остался дома. По настойчивой просьбе банкира министр финансов согласился посетить афериста «исключительно из соображений человеколюбия», как говорил он позже.

Не прошло и получаса после заседания совета министров, как Рейнак и Рувье стояли у дверей дома Герца на улице Анри Мартена. Жорж Клемансо, выбранный свидетелем этого филантропического похода, прибыл к мошеннику несколькими минутами раньше и, вероятно, успел обсудить с ним проблему.

Просьба Рейнака оказать содействие в прекращении нападок прессы встретила отказ Герца, повторные увещевания также оказались безрезультатными.

Отчаявшийся барон вместе с Клемансо отправился к бывшему министру внутренних дел Констану, которому и предъявил обвинения в организации всей газетной кампании. Констан, отрицавший свою причастность к публикациям, касающимся Рейнака, заявил, что он бессилён в этом деле.

О посещении банкиром Герца и Констана широкой общественности

стало известно со слов Рувье и Клемансо. Однако, как считает французский историк Дансет, свидетельства этих людей не заслуживают особого доверия, поскольку они не рассказали о том, какую роль во всей этой истории сыграли они сами.

Вероятно, человеколюбие, проявленное министром и руководителем радикалов в отношении Рейнака, было не чем иным, как стремлением обезопасить собственные позиции: в интересах Рувье и Клемансо было добиться прекращения скандала, лишь этим можно объяснить их совместное путешествие с подследственным Рейнаком к ловкому мошеннику Герцу и коварному политику Констанцу.

Утром 20 ноября 1892 года слуга банкира Рейнака нашел своего хозяина мертвым. Это сенсационное сообщение сразу же разнеслось по всему Парижу. Герц был вынужден покинуть французскую столицу и отправиться в Лондон (по некоторым данным, он еще несколько дней провел в Париже), а Клемансо выступил с заявлением, что этого можно было ожидать, поскольку барон при прощании обронил фразу: «Я погиб».

Корнелиус Герц надолго обосновался в Англии. Просьбы французских властей о выдаче им мошенника правительство Великобритании не смогло удовлетворить, поскольку состояние здоровья обвиняемого не позволяло ему добраться до Франции (Герц заявил, что он тяжело болен, врачи обнаружили у него сахарный диабет, сердечную недостаточность и еще ряд серьезных заболеваний).

Слушание же дела в Лондоне было невозможно по той простой причине, что Герц считался неспособным добраться до столицы из Борнмута.

Под давлением французских дипломатических служб английские власти все-таки разрешили провести разбирательство и слушание дела вне столицы. Но на это ушло несколько лет, время было потеряно, и результаты дела оказались наиболее благоприятными для ловкого мошенника.

Английский суд признал Корнелиуса Герца невиновным, поскольку в одном из основных доказательств, присланных из Франции, Рейнак признавал себя должником Герца. Следовательно, не могло быть и речи о выдаче афериста французским властям, кроме того, английские судебные власти порекомендовали выплатить причитающуюся ему денежную сумму.

В результате все прежние решения французского суда, согласно которым Корнелиус Герц признавался виновным в вымогательстве и ряде других мошеннических операций, не оказали никакого влияния на дальнейшую судьбу ловкого авантюриста. Не взволновало его и исключение из списков Почетного легиона.

Более того, Герц даже позволил себе поиздеваться над высокопоставленными судебными чиновниками Парижа. В 1897 году, узнав, что во Франции начала работу новая парламентская комиссия, он отправил в Париж письмо с предложением посетить его в Борнемуте, дабы разобраться с фактами «по делу Корнелиуса Герца».

Желая получить подтверждение, что письмо написано действительно мошенником, комиссия отправила в Англию двух представителей, которые были любезно приняты в доме Герца. Однако во время этой встречи Корнелиус не без иронии отметил, что проверить подлинность его письма можно было и не выезжая из Парижа: министру иностранных дел и президенту республики подпись мошенника очень хорошо известна.

Герц сообщил, что готов раскрыть великие тайны, связанные с интригами французских политиков. В надежде получить важные сведения комиссия телеграфировала авантюристу о своем желании прибыть в Борнемут 22 июня 1897 года и выслушать его показания.

Ответ Герца, полученный 20 июля, гласил, что он еще не готов к разоблачениям, мошенник просил доставить протоколы всех судебных процессов по его делу и сообщал, что в ответ на его сведения комиссия должна будет признать Герца невиновным, а также объявить его мучеником.

Скорее всего, это было открытое издевательство над французскими судебными властями, очередной шантаж в отношении правительства, состоящего по-прежнему из «панамистов». По свидетельству некоторых современников, власти сумели договориться с авантюристом еще до того, как представители парламентской комиссии побывали у него.

Корнелиус Герц не прекращал шантажировать правительство. Так, он потребовал выплатить ему 5 млн. долларов в качестве компенсации за то, что несколько лет назад по просьбе французских властей полицейские Англии следили за ним в Борнемуте. Только смерть мошенника летом 1898 года избавила французское правительство от непрекращающегося вымогательства.

Помогите «Саламандре»

Как-то в декабре 1895 года к «южнорусскому Шерлоку Холмсу» Склауни обратился за помощью юрисконсульт известного страхового общества «Саламандра», приехавший из Петербурга. Он рассказал следующее.

«Саламандра» с давних пор осуществляет страховку людей от несчастных случаев. Правление общества крайне обеспокоено тем фактом, что в последнее время количество несчастных случаев, происшедших с застрахованными на крупные суммы лицами, стало резко возрастать. Причем все пострадавшие проживали в одной и той же местности. Двоим пострадавшим страховка была выплачена полностью, потому что не только врачи общества, но и независимые профессора-хирурги пришли к заключению о непоправимости вреда, причиненного их здоровью.

Прошло некоторое время, еще два человека, получивших точно такие же увечья, как и первая пара клиентов, обратились в правление с требованием выплаты каждому страховой суммы в размере двухсот тысяч рублей. Прежде чем выплатить деньги по этим случаям, компания решила еще раз произвести проверку достоверности первых двух. Ко всеобщему удивлению выяснилось, что первые два клиента, которые некогда объявили себя пожизненными инвалидами и при этом заручились поддержкой компетентных хирургов, абсолютно здоровы и прекрасно себя чувствуют. Правление общества насторожилось и тот факт, что характер увечий и обстоятельства, при которых они были получены, у всех четверых практически одинаковы.

Житель Новочеркасска Болдырев, застрахованный на сорок тысяч рублей, при выходе из железнодорожного вагона упал и так сильно повредил руку, что его отправили в лечебницу. Однако проведенное лечение никакого действия не возымело и рука осталась совершенно искривленной. Врачи отнесли эту травму к разряду необратимых. Болдырев получил инвалидность, а вместе с ней и полагающуюся по закону страховку. Аналогичным образом был покалечен в результате произошедшего с ним несчастного случая и житель города Грушевска Медведев, которому общество также на законных основаниях вынуждено было выплатить страховку в тридцать тысяч рублей. Но вторичная проверка показала, что обоим изувеченным вскоре каким-то чудесным образом удалось излечиться и полностью вернуть себе здоровье.

Со времени выплаты страховок Болдыреву и Медведеву прошло четыре месяца, когда в Ростове произошел несчастный случай с помощником полицейского пристава Англиченковым, который, кстати, был застрахован в «Саламандре» на двести тысяч рублей. Когда пристав обходил свой участок, он упал в открытый водопроводный люк, в результате чего получил непоправимое увечье правой руки и правой ноги, что и подтверждала выданная ему врачебная справка. Пострадавший, естественно, потребовал от «Саламандры» выплатить ему полную страховую сумму.

Через некоторое время аналогичное несчастье постигло нахичеванского купца Штарка, который был застрахован обществом на ту же сумму, что и Англиченков. Сбитый с ног на железнодорожной платформе, он повредил ногу, и это повреждение также было признано врачами пожизненным.

Заподозрив неладное, правление «Саламандры» решило приостановить выплаты страховых сумм Англиченкову и Штарку и предложило им пройти курс лечения под надзором врачей общества, но оба клиента наотрез от этого предложения отказались. Более того, Англиченков приехал в Петербург и, объявившись в правлении общества, устроил там настоящий погром, требуя немедленной выплаты денег. Возмущенный отказом, он на костылях вышел на Невский проспект, закрепив на груди и спине плакаты с одинаковой надписью: „Саламандра“ не платит денег несчастному калеке». В ответ на подобную выходку петербургский градоначальник, знавший уже к тому времени, в чем дело, выслал Англиченкова в Ростов.

Рассказывая об этих событиях, Склауни, юрисконсульт «Саламандры» сказал, что члены правления его общества подозревают, что четверо пострадавших являются организаторами тщательно задуманного и хитроумно обставленного преступления. Поэтому «Саламандра» ходатайствует о возбуждении уголовного дела на основе указанных фактов и просит Склауни начать расследование и розыск. Выслушав юрисконсульта, знаменитый сыщик пообещал сделать все, что в его силах.

Склауни решил, что Медведев и Болдырев, получив деньги, считают, что в «Саламандре» о них уже давно забыли и даже не подозревают о том, что им грозит разоблачение. Поэтому сыщик начал именно с них. Правда, в этом случае существовала опасность спугнуть всю компанию, если эти двое действительно были связаны с Англиченковым и Штарком. Но другого выхода просто-напросто не было.

Склауни отпустил бороду, изменил прическу, оделся в штатское и

отправился в Грушевск. Там он разыскал лавку Медведева, купил кое-какие безделушки и попытался вызвать на разговор хозяина. Но сделать это было нелегко: как и все типичные мелкие лавочники, Медведев отличался замкнутостью, угрюмостью и чрезвычайной подозрительностью. Вскоре стало ясно, что попытка более близкого знакомства с этим человеком заведомо обречена на провал.

На следующий день Склауни приехал в Новочеркасск, где проживал Болдырев. Он явился в его ювелирный магазин, в котором заказал два обручальных кольца. В отличие от своего предшественника Болдырев оказался человеком любезным и общительным, поэтому с удовольствием вступил в разговор с приветливым незнакомцем. Когда Склауни пришел забрать свой заказ, он сказал хозяину магазина, что явился по роду службы (а представился он контролером над кассирами от биржевой артели) ему придется некоторое время провести в Новочеркасске, где, по всей вероятности, придется поскучать. Расчет сыщика оказался верным: Болдырев тут же ответил, что в городе есть хороший театр и несколько клубов, где можно развлечься игрой в карты. Более того, он предложил новому знакомому порекомендовать его в члены клуба «Общественное собрание».

Склауни поблагодарил нового знакомого, снял номер в гостинице и постарался сойтись с ним поближе. Несколько раз поужинав вместе с Болдыревым, сыщик заметил, что ювелир не только обладает пристрастием к азартным карточным играм, но еще и весьма любит выпить.

Прошло не так уж много времени, как Склауни и Болдырев перешли на «ты», и сыщик решил, что настала пора вплотную заняться осуществлением цели своего приезда в этот городок. Склауни пригласил Болдырева к себе в гостиницу и, беседуя с ним, заметил вскользь, что артель, в которой он работает, застраховала его на пять тысяч рублей на случай смерти или увечья, так что теперь он может спокойно жениться, по крайней мере, его семья будет обеспечена. В подтверждение своих слов он достал из укромного места страховой полис на имя Волкова (этой фамилией он представился), который и показал новому другу.

Болдырев, как человек широкой души и большой знаток в этой области, решил проконсультировать своего нового знакомого и посоветовал застраховаться в «Саламандре», потому что, как он объяснил, это общество не придирается при платежах. Когда Склауни поинтересовался, откуда он все это знает, ювелир доверительно ответил: «Я, брат, сам был застрахован на сорок тысяч и получил полную сумму за увечье. У меня тогда пострадала рука, а сейчас, как ты видишь, она вполне здорова».

Склауни, изобразив беспредельную зависть, сказал: «Да за такие деньги и с одной рукой прожить можно». Тогда Болдырев, лукаво подмигнув собеседнику, проговорил: «Заручись-ка, брат, еще одним страховым полисом в обществе „Саламандра“, может, и тебе повезет». Недоверчиво засмеявшись, сыщик спросил: «Ты, верно, шутишь?», на что Болдырев отвечал: «Шучу или нет, это ты увидишь потом...» На этом тема была закрыта.

Вечер друзья провели в игорном клубе. Болдырев вдруг снова завел разговор о страховке: «Ну что, будешь ты страховаться? Решай, денюга сама в карман лезет». Склауни сделал вид, что сомневается, но наконец согласился. Это чрезвычайно обрадовало ювелира: «Вот и хорошо. И ты обеспечишься, и я копеечку наживу».

Спустя несколько дней Склауни привез страховой полис на пятьдесят тысяч рублей, выданный на фиктивную фамилию Волков. Показав его Болдыреву, сыщик спросил, что ему делать дальше. Тот на минуту задумался, потом сказал: «Мы организуем тебе несчастный случай, но не опасный, и ты получишь пятьдесят тысяч, но из них часть отдашь мне...» После этих слов ювелир объяснил, что на это дело придется затратить немалые средства: одной мадам заплатить десять тысяч рублей за операцию, ну и ему за посредничество – пять тысяч. Все это, разумеется, после получения страховки.

«Поедешь в местечко Смела Киевской губернии, – пояснил он. – Найдешь там парикмахера Бермана и скажешь, что у тебя есть поручение к Мариам Самойловне Эйхенгольц. Эта женщина, доложу я тебе, прямо министерская голова, любого профессора за пояс заткнет. Она тебе в лучшем виде все оборудует, не беспокойся. Уж я-то знаю. Я и сам деньги получил, и приятеля одного устроил. И тебе помогу, только ты держи язык за зубами».

Итак, Склауни был на верном пути. Он получил паспорт на имя купца Волкова, удостоверение градоначальника о его действительной личности и о командировке для розыска по уголовному делу. Прихватив с собой четыре тысячи рублей, он отправился в местечко Смела.

Вскоре сыщик познакомился с мадам Эйхенгольц – миловидной женщиной лет сорока пяти, державшейся спокойно и с достоинством. Когда Склауни упомянул о Болдыреве, она с удивлением подняла брови и сделала вид, что имени этого человека никогда не слышала. Сыщик, доверительно понизив голос, сказал, что они с Болдыревым друзья, что он осведомлен о его страховых делах и добавил: «Я очень рассчитываю на вашу помощь. Ведь дела мои в полном упадке. Пожалейте, будьте мне

благодетельницей».

Мадам успокоилась, но заметила, что не следовало бы так торопиться: еще одно дело не закончено, а они уже за другое берутся. Склауни передал Эйхенгольц письмо от Болдырева. Прочитав его, женщина со вздохом произнесла: «Ну что ж, поживите пока у нас, а там посмотрим».

В тот же вечер по приглашению мадам Склауни, захватив с собой вино и закуску, явился к ней на ужин. Кроме него, к Эйхенгольц пришли две красивые девушки – ее дочери. Одна из них была с мужем. После ужина Склауни предложил всей семье посетить кинематограф. Таким образом ему удалось установить со всеми абсолютно доверительные отношения.

Время шло, а Эйхенгольц ни разу не упомянула о деле. Для того чтобы ускорить события, сыщик обратился к мадам с настоятельной просьбой заняться, наконец, его вопросом, после чего показал ей свой полис. Она заявила, что за услугу возьмет две с половиной тысячи наличными и семь с половиной тысяч в векселях. Склауни не возражал, но все-таки решил спросить, гарантирует ли она успех.

«Не беспокойтесь, – ответила Эйхенгольц. – У меня комар носу не подточит. Сделаем так: послезавтра в 7.30 вечера мы выедем поездом в Киев. Вы займете отдельное купе в первом классе. Я сяду с вами и сделаю вам маленькую операцию. Хотите на руке, хотите на ноге – как вам будет угодно. Больно не будет, я вам впрысну одно лекарство. Я выйду на первой остановке, а вы поедете дальше.

Часа через два вы выйдете на большой людной станции. И там с криком упадите на платформе и потребуйте, чтобы вас отправили к доктору, так как не можете передвигаться. Непременно постарайтесь попасть к хорошему врачу. Дня через два у вас появится огромная опухоль, никакое лечение не поможет. Рука или нога будут выглядеть совершенно покалеченными.

Но вы не бойтесь, это потом пройдет. Главное – чтобы на вокзале составили протокол о том, что с вами случилось. А у доктора возьмите свидетельство, сколько вы лечились. И после этого подавайте заявление в страховое общество «Саламандра» с приложением всех бумаг. Вас освидетельствуют доктора общества и признают инвалидом. Потом вы получите деньги. Сразу же пришлете мне семь с половиной тысяч рублей, а я вам вышлю векселя. Когда рассчитаетесь с обществом, то делайте два раза в день тепленькую ванну для руки или ноги, минут по пятнадцать. После этого – легкий массаж больного места. Месяца через два будете совершенно здоровы».

Дело близилось к развязке. Надо было хорошо подготовиться к

предстоящим событиям. Склауни решил встретиться с местным полицейским приставом, представился, показал отношение, составленное ростовским градоначальником, и попросил оказать ему содействие и подобрать помощника, обладающего не столько физической силой, сколько смекалкой и быстрой реакцией.

От пристава Склауни отправился на вокзал к жандармскому ротмистру, с которым договорился о том, чтобы ему предоставили отдельное купе, а также чтобы назначенный вахмистр утром следующего дня, к десяти часам, пришел на квартиру полицейского пристава.

Вечером Склауни в последний раз ужинал с семьей Эйхенгольц, которая, казалось, была охвачена предчувствием надвигающейся беды, потому вместо обычной непринужденности и веселья за столом в этот день воцарилась напряженная тишина.

После ужина Склауни подписал векселя и показал деньги. Перед уходом Эйхенгольц предупредила своего клиента, чтобы на вокзале он к ней ни в коем случае не подходил и что встретятся они только в закрытом купе.

Утром Склауни пришел к приставу, где его ожидали бравый жандармский вахмистр и помощник пристава. Эти двое должны были незаметно сесть в тот же вагон, что и Склауни, или, в крайнем случае, в соседний. Дальнейшие действия их будут заключаться в следующем: через десять минут после отхода поезда они подойдут к купе, занимаемому сыщиком, и, сильно постучав в дверь, потребуют, чтобы им немедленно открыли. Когда Склауни им откроет, они должны будут охранять лицо, находящееся в купе, и вещественные доказательства, которые окажутся там же.

Наступил вечер. Склауни приехал на вокзал заранее. Эйхенгольц с небольшим саквояжиком в руках ждала его в буфете. После первого звонка Склауни сел в поезд и занял свое место. Эйхенгольц появилась чуть позже. Она сразу же закрыла за собой дверь. После того как поезд отошел от станции, сыщик передал своей спутнице конверт с деньгами и векселями, которые она положила в саквояж.

Настал самый ответственный момент. Мадам достала из своего саквояжа подсвечник со свечой, коробочку со шприцем и маленькую бутылочку с какой-то жидкостью. Склауни снял с левой ноги ботинок и сказал, что укол ему нужно сделать в ногу. Для того чтобы оттянуть время до прихода помощников, Склауни начал испуганно высказывать опасения в том, что и один укол может вызвать заражение, от которого начнется гангрена. Мадам со знанием дела начала его успокаивать, объясняя, что его

жизни ничего не угрожает и что ей он может полностью доверять.

Неожиданно в дверь купе кто-то начал громко стучать и требовать, чтобы ему немедленно открыли. На лице Эйхенгольц появилось выражение невообразимого страха. Дрожащими руками она попыталась схватить пузырек, но Склауни тут же пресек попытку уничтожить улики и, оттолкнув мадам, быстро открыл дверь. Осознав свое положение, Эйхенгольц впала в полубморочное состояние. Склауни приказал вахмистру сесть рядом с мадам, а помощнику пристава – охранять саквояж, обратив их внимание на то, что на его левой ноге нет ботинка.

Помощник пристава приступил к составлению описи всех вещей, которые лежали в саквояже. Эйхенгольц наконец оправилась от оцепенения и неистово закричала: «Ах, ты, змея проклятая!» Далее последовал страстный поток нецензурной брани, при этом преступница рвала на себе волосы и билась головой о стену купе. Склауни пригрозил ее связать и заткнуть ей рот, если мадам не перестанет кричать. Угроза подействовала.

Судя по запаху, в бутылочке был керосин. Кроме нее, в опись были включены шприц, маленькая записная книжка и конверт с деньгами и векселями. Склауни ощупал дно саквояжа, которое оказалось двойным. Подняв верх, сыщик обнаружил там конверт с пятью векселями, подписанными небезызвестным нам Штарком, на общую сумму в пятьдесят тысяч рублей, и привезенное Склауни письмо Болдырева.

Поздней ночью поезд должен был прибыть в Киев. Склауни клонило ко сну, но спать было нельзя. Эйхенгольц тоже не смыкала глаз. Она сидела молча, тупо уставившись в одну точку. Когда она вдруг заговорила, в ее голосе не осталось ни следа бывшего раздражения. «Прошу вас записать в протокол, – обратилась она к помощнику пристава, – что вещи, которые вы нашли в моем саквояже, подбросил мне вот этот человек, – и она указала на Склауни. – С какой целью он это сделал, я не знаю. Я ехала с ним, чтобы показать имение, которое он хотел купить. Ботинок он снял потому, что жаловался на боль в ноге». Склауни понял, что не так-то просто будет разоблачить Эйхенгольц.

В Киеве составили все необходимые протоколы и постановления, после чего заключенную под стражу Эйхенгольц этапировали в Ростов. Расследование продолжалось несколько месяцев. Кроме Эйхенгольц, были арестованы Англиченков, Штарк, Болдырев и Медведев, которых обвиняли в причинении себе искусственного увечья с целью получения страховки. Допросу были подвергнуты многочисленные свидетели из разных городов. Однако, несмотря на бесспорные улики, все обвиняемые продолжали упорно отрицать свою вину. Эйхенгольц по-прежнему повторяла: «Склауни

подкуплен „Саламандрой“, он сфабриковал дело и подбросил мне шприц».

Слушание дела проводилось в Ростове. Зал суда был переполнен. На шестой день Эйхенгольц решила на важное заявление. Ко всеобщему изумлению, она вдруг произнесла: «Господа судьи! Я измучена до крайности. Чтобы поскорее завершить это тягостное дело, я скажу всю правду, в чем давно уже чувствую потребность. Мой покойный муж был фельдшер, но в медицине понимал лучше многих докторов. Он придумал впрыскивания, от которых получались искривления, и даже профессора не могли это вылечить. А ведь это был всего лишь керосин. Умирая от чахотки, муж решил обеспечить меня с детьми до конца жизни и открыл мне этот секрет.

Сам он подпольно занимался освобождением людей от воинской

повинности, но взял с меня клятву никогда не связываться с военными, так как военный суд может приговорить к повешению. Выгоднее и спокойнее, сказал он, работать с застрахованными. После его смерти я приняла его эстафету. Все эти подсудимые – мои клиенты, они приезжали ко мне, я им делала укол, объясняла, как потом вылечиться, а они расплачивались. Вот и все».

Всем своим видом четверо подсудимых – бывшие застрахованные «Саламандры» – показывали, что они никак не ожидали такого поворота событий. Англиченков ощетинился, так что стал похож на затравленного зверя. Штарк смертельно побледнел. Болдырев сидел с низко опущенной головой. Только Медведев с равнодушным видом, как будто все происходившее его абсолютно не касалось, глядел в одну точку.

В зале поднялся шум. Защитники начали взволнованно переговариваться. Председатель призвал присутствующих к порядку. Прокурор и защитники посоветались и решили отложить заседание до следующего утра.

На следующий день мадам Эйхенгольц решила преподнести очередной сюрприз, сделав диаметрально противоположное заявление: «Я оговорила этих людей и созналась в преступлении, которого не совершала, – заявила она. – Все сказанное мной вчера – ложь. Меня научил дать такие показания защитник, который заверил, что присяжные меня пожалеют и оправдают. Но теперь я сожалею об этой лжи и не хочу напрасно губить этих людей, которых до суда никогда не видела. Повторяю то, что уже говорила: дело сфабриковал Склауни, он подбросил мне шприц, керосин, векселя и деньги. У него в этом деле большая корысть, наверняка он получил от «Саламандры» кругленькую сумму».

Возмущенный наглой ложью подсудимой, защищавший ее присяжный поверенный потребовал освободить его от защиты. Суд удовлетворил его просьбу и назначил Эйхенгольц нового защитника. Слушание затянулось еще на пять дней. В итоге суд признал всех подсудимых виновными. Мужчин осудили на три года арестантских работ, а Эйхенгольц получила такой же срок тюремного заключения.

Страховые полисы четверых мошенников были признаны недействительными, поэтому «Саламандра» от уплаты убытков по ним освобождалась.

Тайны великих шулеров

Как известно, карты были изобретены в IX веке в Китае. В Европе же они получили распространение лишь в конце XIV века, причем практически сразу же отыскивались мошенники, которые использовали в игре крапленые карты.

В середине XVI века в Англии вышла книга, посвященная азартным играм, в которой во всех подробностях были описаны способы нанесения на рубашку карт малозаметных для постороннего глаза меток.

Производители игральных карт стали тут же изобретать способы борьбы с этим злом. Была разработана специальная, абсолютно непрозрачная бумага. Карты изготавливались из двух слоев плотной глянцевой бумаги, которые склеивались черным клеем на основе сажи. Выполненная таким образом карта ни при каких условиях освещения не просматривалась на свет. Кроме того, ее невозможно было перегнуть, нанести на ее поверхность вмятины, морщины или потертости. Глянец, покрывавший карты, не позволял сделать на них метки красками или чернилами. Еще более изобретательными в этом вопросе были те, для кого нечестная игра превратилась в профессию.

Шулерство стало довольно опасным занятием. В XVI веке разоблаченных шулеров ожидала виселица. Американский суд предоставлял жертвам шулеров право физической расправы с преступниками, вплоть до их убийства.

В 1849 году магистрат одного из французских городов обратился с просьбой к знаменитому фокуснику Жану Робер-Удену изучить сто пятьдесят карточных колод, которые были изъяты у подозрительно удачливого профессионального игрока.

На протяжении двух недель вооруженный увеличительным стеклом фокусник тщательно исследовал каждую карту, но ему так и не удалось обнаружить ничего подозрительного. Следует отметить, что обратная сторона карт, выпускаемых в те времена, не имела рисунка и была белой. Считалось, что на чистом поле намного труднее нанести крап.

Расстроенный фокусник уже решил смириться со своей неудачей, встал с кресла и со злостью швырнул на стол последнюю колоду карт. «И вдруг мне показалось, что на блестящей спинке одной из карт я заметил бледное пятно, – писал Робер-Уден. – Я подошел на шаг ближе, и пятно исчезло. Но тут же появилось опять, когда я снова отступил».

Наконец, фокусник понял, как шулер метил карты. Вероятно, нанося на картон каплю воды, он удалял с некоторого участка поверхности глянец.

Полученную таким способом метку можно было различить только с некоторого расстояния, под определенным углом зрения и при особом освещении. Место пятна выбиралось неслучайно: оно соответствовало каждой масти и рангу карты. Робер-Удена заинтересовала эта проблема, и он продолжил ее изучение, а спустя несколько лет написал и опубликовал целую книгу, которую посвятил методам работы карточных шулеров.

С 1850 года на обратную сторону карт стали наносить сложный рисунок. Идея производителей заключалась в том, чтобы таким образом скрыть приметные загрязнения, которые могли случайно попасть на карту в процессе ее использования, например капли кофе, вина или потертости, по которым нечестный или просто наблюдательный игрок мог отличить знакомую карту.

Однако и рисунок рубашки карт мошенники научились использовать в своих целях, нанося на него малозаметные сигнальные штрихи, точки или оттенки.

Производителям карт во все времена приходилось непрестанно разрабатывать новые способы глянцеваия, предотвращающие всякие метки. Шулерам же в ответ на это всегда удавалось составлять такие рецепты красок и чернил, с помощью которых можно было бы наносить малозаметные знаки на самый блестящий картон.

Государство выпускало чистые колоды карт, которые переправлялись заказчикам в опечатанных бандеролях. Жулики разработали способы подмены этих колод на меченые.

Порой им приходилось проворачивать и крупномасштабные операции: сознательно снизив цены, они продавали торговцам партии меченых карт, которые у них покупали владельцы гостиничных и клубных киосков и ресторанов. Подготовив тем самым почву, шулеры шли играть в эти заведения.

В середине XIX века испанский шулер Бьянко закупил большое количество высококачественных карточных колод. Самым тщательным образом пометив каждую карту, Бьянко запечатал колоды в оригинальные упаковки и дешево перепродал их в Гавану, слывшую в те времена столицей азартных игр. Затем он сам отправился на Кубу, чтобы пожать плоды своего труда.

Высадившись в Гаване, Бьянко не без удовольствия обнаружил, что его план претворяется в жизнь: помеченные им колоды с гарантией чистоты были проданы во все лучшие казино. Наведываясь по очереди в эти игорные дома, Бьянко каждый раз срывал огромные банки.

Чтобы не вызывать подозрений, в очередном казино или клубе он

красноречиво жаловался на крупный проигрыш, который якобы только что постиг его в соседнем игорном доме.

Однако гениальный аферист не учел лишь одного факта. К сожалению, он был не единственным среди тех, кто мечтал пожить тем же самым способом. Некоторое время спустя в Гавану из Франции прибыл карточный шулер Лафоркад. Ему удалось проникнуть в один из аристократических клубов кубинской столицы, где он украл несколько карточных колод, чтобы нанести на них метки и ввести в игру в том же клубе. Но, увы, Лафоркада ожидало разочарование. Когда он пришел в свой гостиничный номер и распечатал украденные колоды, он обнаружил, что кто-то опередил его: все карты уже были мечеными. Покупая свежие колоды у гаванских поставщиков и находя на них те же метки, Лафоркад понял, что наткнулся на грандиозную аферу.

Французскому мошеннику ничего не оставалось делать, кроме как наводить справки. Он посещал казино и игорные клубы, преследуя пока что единственную цель: вычислить предприимчивого афериста. Наконец, Лафоркад обратил внимание на довольно странное поведение Бьянко, которому постоянно везло, но при всем при этом он не переставал жаловаться на проигрыши. И вот в уютном уголке одного из клубов

Лафоркад составил с Бьянко частную партию в экартэ, в ходе которой уличил его в организации аферы и поставил перед выбором: если Бьянко не поделится с ним половиной всех своих шулерских доходов, его обман здесь же будет раскрыт. Обескураженный испанец, конечно же, предпочел взять француза в долю.

Но в конце концов Бьянко надоело делиться деньгами, и он бежал с Кубы.

Лафоркад попытался продолжить аферу в одиночку, однако внедренные испанцем в гаванские казино крапленые колоды постепенно выходили из употребления. Сам же Лафоркад был не настолько опытен для того, чтобы запустить в игру свой крапленный товар.

Вскоре его уличили в обмане и арестовали. Но, так как следствие не сумело найти доказательств тому, что он метил карты и подбрасывал в игру меченые колоды (Лафоркад действительно этого не совершал), его оправдали.

Многим шулерам удавалось метить карты по ходу игры. При этом точки или царапины, ощутимые осязанием, незаметно наносились на их поверхность острым ногтем, кончиком иглы, припаянным к перстню, или специальными чернилами из оливкового масла, камфары, стеарина и анилина. Когда в том возникала необходимость, шулер слегка смачивал свой палец краской, небольшое количество которой хранилось на пуговице костюма или специальной подушечке, подобной штемпельной, пришитой за лацканом пиджака. Чтобы не оставлять улики, после окончания игры пятнышко таких чернил с меченой карты без особого труда удалялось.

Издавна существуют и другие способы карточного мошенничества. Шулеру совсем не обязательно каждый раз метить карты. Можно и подсмотреть, какие карты держит в своих руках противник. Конечно, в редких случаях самого незадачливого партнера удастся посадить спиной к зеркалу, лакированному шкафу или другой отражающей поверхности. При игре с опытным противником шулеры прибегают к более тонким методам, например, к использованию стеклянной поверхности стола, полированного портсигара или даже лужицы специально для этой цели пролитого на стол напитка.

Уже упоминавшийся ранее Робер-Уден описал в своей книге шулерскую табакерку. На ее крышке располагалась скрытая кнопка, при нажатии на которую овальный портрет дамы заменялся вогнутым зеркальцем. Такая вещица позволяла ее хозяину при раздаче карт видеть, что кому достается. Подобные зеркальца прятали в курительных табакерках, спичечных коробках, на перстнях и даже на кончиках сигарет и

зубочисток.

По мнению одного американского эксперта по шулерскому искусству, опытный мошенник способен заработать кучу денег, зная место в колоде всего лишь одной карты. Но бывают и более интересные варианты, когда шулер не просто знает расположение карт, но и может управлять им, подсовывая нужную карту в подходящий момент или удаляя невыгодную.

В простейших случаях подмена карт была основана только на ловкости рук. Карту прятали в рукаве, под коленом, под воротником рубашки. Кроме того, умельцами были изобретены механические устройства с пружинами, обладающие способностью убирать карту из руки шулера в рукав или за пазуху, а потом выбрасывать ее в игру.

В 1888 году шулер из Сан-Франциско П. Дж. Кеплинджер по прозвищу Счастливый Голландец произвел настоящую революцию в шулерском деле, разработав на основе предыдущих достижений изобретателей свой хитроумный механизм.

В двойной рукав специально сшитой рубашки был помещен стальной выдвижной зажим, который по желанию игрока мог выхватывать у него из

руки карту или несколько карт и втягивать их в рукав. Точно так же карты могли возвращаться из рукава в руку. В действие всю эту систему приводил тросик, проходивший под одеждой через ряд трубочек и шкивов до колена Счастливого Голландца. Расположившись за карточным столом, игрок нащупывал конец тросика, выводил его наружу через разрез в шве брючины и крепил к другому колену. Соединявший колени игрока тонкий тросик под столом был практически незаметен. При разведении колен стальной зажим выдвигался и разжимался, а при сведении он втягивался обратно в рукав. Через несколько часов усиленных тренировок Кеплинджер научился мастерски прятать и выдавать любую доставшуюся ему карту, причем окружающие даже не догадывались о его деятельности.

Блестящее изобретение действовало бесшумно, незаметно и безотказно. Партнер по игре мог заглянуть шулеру в рукав и не увидеть там ничего подозрительного. Использование подобного весьма оригинального устройства могло обеспечить Кеплинджеру безбедное существование на протяжении всей жизни, если бы не овладевшая им жадность, а может быть, азарт профессионального игрока.

Счастливый Голландец стал применять свою систему в самых известных игорных домах Сан-Франциско в покере против таких же отпетых мошенников, как и он сам. Причем шел он на этот риск не время от времени, а, забыв о всякой осторожности, практически постоянно. Это не могло продолжаться до бесконечности, и вскоре небывалое везение

Кеплинджера во всех играх навлекло на него подозрение его опытных соперников, которые решили разоблачить Счастливого Голландца.

Дождавшись условного сигнала, трое противников схватили Кеплинджера и обыскали его с ног до головы. Изобретение, конечно же, было обнаружено, поэтому Счастливый Голландец, дабы избежать разоблачения и суда Линча, который вряд ли оставил бы его в живых, согласился смастерить такое же устройство для каждого из своих разоблачителей. В результате по истечении нескольких лет механическая рука Кеплинджера стала достоянием шулеров всего мира. В конце XIX века специализированные компании продавали его аппарат по 100 долларов за штуку. Для тех лет это была немалая сумма, но волшебный прибор, следует отдать ему должное, того стоил.

XX век произвел на свет немало выдающихся новинок в области карточного шулерства. Один из вариантов механической руки крепится к грудной клетке и приводится в действие глубоким вдохом или выдохом. В США в свободной продаже можно встретить карты, крапленые таким пигментом, который способен видеть лишь тот, кто носит контактные

линзы определенного цвета. Полиция не вправе конфисковать такой товар, потому что эти карты продаются в магазинах шуток и розыгрышей.

Профессиональные шулеры прибегают также к помощи специальных наводчиков, вооруженных биноклем и рацией. Так, в 1949 году известный американский шулер Ник Дандолос по прозвищу Грек с помощью такого наводчика выиграл ни много ни мало 500 000 долларов. Напротив здания гостиницы «Фламинго» в Лас-Вегасе, где проходила игра, была снята комната, в которой укрывался человек, вооруженный сильным биноклем и рацией. Чтобы избежать разоблачения, партнеров Грека усаживали спиной к окну. При соблюдении этого единственного простого условия предприятие просто было обречено на успех.

Первое упоминание о карточных играх в России относится к началу XVII века. Предположительно карты были завезены в нашу страну в Смутное время из Польши. Наверняка сразу же появились люди, желавшие извлечь выгоду из этого дела. Вместе с тем судить о том, много ли тогда было шулеров и какому наказанию их подвергали, в наши дни довольно сложно, поскольку карты в России были запрещены царским указом. В «Уложении» Алексея Михайловича картежники упоминаются в одной строке с убийцами и ворами, так что первоначально в России-матушке карались не только промышлявшие мошенничеством, но и честные игроки.

Однако существовало и исключение из всеобщего строгого правила. Так, сохранившаяся до настоящего времени опись дворцового имущества, составленная после смерти царя Алексея Михайловича, свидетельствует о наличии среди прочих вещей нескольких десятков карточных колод, что позволило сделать вывод, что в царском дворце в карты все-таки поигрывали.

Но законным способом проведения досуга они были признаны только при Петре I.

В романе Фаддея Булгарина «Иван Выжигин», появившемся в 1829 году, описываются некоторые способы карточного шулерства, применявшиеся в то время в России. Вот как один из шулеров посвящает героя романа в тайны своего ремесла:

«Зарезин вынул из ящика в столе табакерку и подал ее мне.

– Видите ли вы в ней что-нибудь? – спросил он.

– Ничего, кроме того, что она тяжела и очень хорошо сделана, – отвечал я.

– Тяжела оттого, что середина золотая, а верх платиновый и что тяжесть эта весьма нужна. Видите, это нижнее дно обведено рубчиком или рамочкою, а на самой середине дна – цветок, отделанный матом? Теперь извольте смотреть: вот я, например, банкир (то есть тот, кто раздает карты и против кого играют партнеры, называемые понтёрами).

При сем Зарезин сел за стол, взял карты в руки и продолжал:

– Теперь вижу, что вторая карта должна выиграть большой куш. Кладу карты на стол, прикрываю колоду табакеркой, как бы из предосторожности, чтобы понтёры не видали карт; вынимаю платок, вытираю нос, потом открываю табакерку, беру табаку, снимаю табакерку, продолжаю метать, и вот видите: семерка, которая должна была лечь влево, ложится направо.

– Как же это получается?

– А вот как. В табакерке два дна. Этот цветочек вставной, на пружине, и намазан по мату воском или клеем. Когда я беру табак, то прижимаю пальцем середину. Верхняя карта прилипает к цветку и держится в рамочке. Вторая остается верхней. Теперь идет другая карта, которую мне надобно положить направо. Я точно же таким порядком кладу табакерку на карты, прижимаю дно, и карта отстает от цветка и ложится наверх, а та, которая должна была выиграть при первой раздаче, проигрывает понтёру при второй».

Затем Зарезин демонстрирует еще одно чудо техники, так называемую гильотину. «Слово французское, – говорит он, – но изобретение русское, и не столь страшное, как французский механизм того же названия».

Гильотина представляла собой карту, масть которой и очки изменялись при помощи движения пальца. Любую карту с очками (но не фигурную) осторожно расщепляли посередине на два листочка. Между ними вставляли устройство для смены очков, роль которого выполняла тонкая стальная пружинка от часового механизма. Один ее кончик едва заметно выступал сбоку карты, а к другому были приклеены очки, вырезанные из других карт.

Иногда в подобном устройстве пружинку заменяли плоским

рычажком, который изготавливали из расплющенной на наковальне тонкой швейной иглы. Затем на месте очков в лицевом листочке расщепленной карты вырезали окошки, после чего всю карту склеивали. Подобное изобретение неплохо работало, потому что при тусклом свете свечей партнеры не могли рассмотреть, как шулер двигал ногтем выступающий кончик часовой пружинки для того, чтобы выставить в прорезанные окошки нужные ему очки.

Одно время карты были сильным увлечением Николая Васильевича Гоголя. Неслучайно в его пьесе «Игроки» содержится описание нескольких способов подбрасывания в игру крапленых колод. «Приезжает на ярмонку наш агент, – рассказывает один из персонажей, опытный шулер. – Останавливается под видом купца в городском трактире. Лавки еще не успел нанять, сундуки и вьюки держит в комнате. Живет он в трактире, издерживается, ест, пьет – и вдруг пропадает неизвестно куда, не заплативши. Хозяин шарит в комнате. Видит, остался один вьюк: распаковывает – сто дюжин карт. Карты, натурально, тут же продали с публичного торга. Купцы вмиг расхватили их в свои лавки. А через четыре дня проигрался весь город!»

Так с помощью трюка с пропавшим агентом шулерская команда распространила по всему городу колоды с мечеными картами.

А вот еще один хитроумный трюк. Задумав обобрать богатого помещика, группа приезжих шулеров садится в повозку, запряженную тройкой лошадей, и во весь опор летит мимо купеческого дома. Для пущей убедительности пассажиры прикидываются пьяными. Они кричат и во все горло расппевают песни. Из повозки выпадает чемодан. Дворовые люди машут вслед удаляющимся шулерам, кричат, но те якобы ничего не замечают и мчатся прочь. Чемодан, естественно, прибирают к рукам и рассматривают его содержимое. Среди кое-какой одежды находят колод сорок карт, которые, по замыслу мошенников, попадают на барские столы. На следующий же день хозяин и все его гости остаются без копейки в кармане. Обчищают их, конечно, шулеры, которые подбросили им чемодан с колодами крапленых карт.

В книге «Жизнь игрока, описанная им самим, или Открытие хитростей карточной игры», опубликованной в 1826 году, автор которой по вполне понятным причинам предпочел остаться неизвестным, приводится история, повествующая о том, как страстного картежника и меломана обыграли в карты при помощи скрипки.

Двое сели играть в бостон, а третий, скрипач-виртуоз, начал ходить по комнате и наигрывать импровизации якобы для развлечения игроков.

Музыкант изучал карты обоих игроков и своей игрой передавал своему сообщнику сведения о мастях карт, которые находились на руках у его партнера. Так, если скрипач начинал играть на басовых струнах, это означало пики, на высоких тонах – трефы и т. д.

Другим способом передачи информации являются кодовые слова. Например, зная, какие карты есть на руках у партнера, шулер обращается к помощнику с такими словами: «Что ты думаешь? Ходи!» или «Батенька мой, как же тебе везет!» Оказывается, подобные фразы несут в себе определенную информацию: первое слово, начинающееся на букву «Ч» – это указание ходить с червей, на «Б» – с бубен и т. п.

Бывали в России и международные аферисты, владевшие шулерскими приемами. Кратковременный фаворит Екатерины II генерал-поручик С. Г. Зорич был известен как страстный картежник, который ввел при дворе игру на такие суммы, о которых до него никто и не помышлял. Именно о нем упоминает Александр Сергеевич Пушкин в «Пиковой даме».

За скандальное увлечение картами царица отослала Зорича от двора. Он уехал на Украину и поселился в своем имении в Шклове, где занялся большой игрой.

Спустя некоторое время Шклов стал международным центром карточных игр, чем-то вроде европейской Гаваны. В этот город съезжались искатели приключений со всей Европы.

Среди них оказались известные в те времена шулеры – австрийские графы, братья Зановичи, близкие друзья знаменитого Казановы, высокий титул которых помогал им в организации карточных афер. Зная о том, что свежие колоды привозили к Зоричу на обозах, графы подменили в одном из обозов настоящие колоды на крапленые и начали неизменно выигрывать.

Там же, на Украине, Зановичи занялись изготовлением не только крапленых карт, но и фальшивых банкнот, за что и были взяты под арест после того, как в Шклове обнаружили поддельные российские ассигнации на общую сумму в 700 000 рублей. Графы с позором были высланы из России. Вполне вероятно, что не без помощи подобных партнеров генерал Зорич накопил карточных долгов на два миллиона рублей.

«Золотые прииски» генеральши Штейн

В начале XX века состоялся скандальный судебный процесс, главной героиней которого являлась Ольга Григорьевна Штейн. Кроме нее, в деле фигурировали высокопоставленные чиновники, обманутые вкладчики, известные юристы и знаменитые журналисты.

Начало же этой истории было положено в августе 1894 года, когда молодая симпатичная провинциалка Оля приехала в Петербург вместе со своим мужем, профессором Петербургского университета по фамилии Цабель.

Очень скоро выяснилось, что тщеславие и жажда богатства Ольги Григорьевны не имеют границ. Она с восхищением любовалась огромными домами и парками, великолепными экипажами и модными нарядами аристократок. По сравнению со всем этим великолепием участь жены ученого казалась Ольге совсем незавидной. Тем более что профессор Цабель не одобрял увлечений своей супруги, о чем и не забывал ей напоминать при каждом удобном случае. Конечно, несчастного мужа можно понять, ведь именно он платил за все туалеты и развлечения Оли. В конце концов дело кончилось разводом. Правда, профессор Цабель вел себя при этом очень благородно и даже разрешил своей бывшей жене пожить у него до тех пор, пока она не устроит свою личную жизнь.

Ольга Григорьевна между тем даром время не теряла, а вела активные поиски мужа. Наконец, в марте 1901 года она стала женой старого генерала Алексея Михайловича Штейна, который имел неплохие связи в обществе и даже поддерживал дружбу с главой Синода Победоносцевым. Познакомиться с последним было заветной мечтой Ольги. И вот как-то раз она упростила мужа пригласить интересующую ее персону на ужин.

В назначенный день Победоносцев явился к супругам Штейн. В течение всего вечера он не отходил от Ольги Григорьевны, так сумела она увлечь его своими речами о безнравственности общества. В дальнейшем Победоносцев сделался частым гостем в доме Штейн.

Вслед за ним в гостиную Ольги Григорьевны стали наведываться и другие высокопоставленные лица: сенатор фон Валь, Маркович и др.

Обеспечив себе поддержку столь влиятельных лиц, Ольга занялась обдумыванием того, как бы ей добыть достаточно большое количество денег без особых проблем. Однажды, просматривая периодические издания, она обратила внимание на то, что многие коммерческие компании в объявлениях о найме на работу указывали такое условие, как залог, который должен был внести потенциальный служащий. Данная информация подсказала жене генерала план дальнейших действий.

В мае 1902 года Штейн поместила в столичной газете «Новое время» объявление о найме на работу примерно такого содержания: коммерческой компании требуется опытный и честный управляющий с хорошими рекомендациями.

Первым претендентом стал некий Иван Свешников. Ольга Григорьевна приняла его очень любезно, рассказала об условиях работы. Свешникова все устраивало, и он, недолго думая, внес залог в 45 тыс. рублей.

Госпожа Штейн назначила Свешникова управляющим трех домов в Петербурге и золотых приисков в Сибири, пообещав ему жалованье в 300 рублей ежемесячно и неплохой процент от прибыли сибирских предприятий. Новоиспеченный управляющий немедленно выехал в Сибирь, чтобы на месте ознакомиться с делами.

Вскоре по объявлению, данному Штейн, пришли еще несколько людей, желающих занять прибыльную должность. Каждому из них была обещана щедрая оплата труда, а взамен Ольга получала деньги. Дела у талантливой аферистки шли прекрасно. Однако и на ее ясном небосклоне вдруг возникла тучка: из Сибири вернулся первый «управляющий золотыми приисками» Свешников. Он объездил почти всю Сибирь, разыскивая место своей работы, но сделать это по вполне понятным причинам не смог.

Тем временем финансы Свешникова все таяли, и в конце концов он, чтобы собрать деньги на обратную дорогу в Петербург, устроился грузчиком. По возвращении в столицу Свешников сразу же отправился в дом супругов Штейн, но там его не приняли. И все попытки его проникнуть в этот особняк успеха не имели.

Обманутых было много, но, что интересно, никому из них и в голову не пришло обратиться к властям. Почему? Некоторые опасались, что судебное разбирательство не понравится высокопоставленным друзьям аферистки, а другие не хотели стать объектом насмешек и предстать в невыгодном свете «простачка», обведенного вокруг пальца женщиной.

И все-таки нашелся человек, который не побоялся ни слухов, ни скандала, ни чиновников. Звали его Кузьмой Саввичем Марковым. Он был зачислен на должность доверенного лица Ольги Григорьевны, заплатив 5 тыс. залога. В обязанности ему при этом вменялся поиск подходящего австрийского замка для госпожи Штейн. Бедолага в течение нескольких месяцев добросовестно записывал все подходящие замки и посылал отчеты о проделанной работе в Петербург, но ответа не получал. Оставшемуся без средств к существованию Маркову помог вернуться на родину русский консул в Румынии.

Приехав в Петербург, несчастный первым делом пошел в прокуратуру, где было заведено уголовное дело, которое взялся вести опытный прокурор М. И. Крестовский. Не испугавшись покровителей аферистки, он тщательно собирал необходимую информацию и вскоре передал накопившиеся у него разоблачительные материалы журналисту из «Петербургского листка».

Ольге по своим каналам удалось узнать о затее прокурора и вовремя вмешаться. В результате из подписанного в печать номера разоблачающая ее статья исчезла. Правда, спустя некоторое время Крестовский смог-таки опубликовать имеющиеся у него документы, но они не произвели ожидаемого эффекта на общественность. Ни один потерпевший не обратился к прокурору. Более того, под стражу был заключен журналист, написавший статью по заказу Крестовского.

Все же прокурор, несмотря ни на что, решил не сдаваться. Он разыскивал пострадавших и свидетелей и буквально вырывал у них сведения, прибегая к обещаниям и угрозам. Кроме того, Крестовский задействовал всех своих знакомых в различных периодических изданиях и благодаря этому то в одной, то в другой газете стали появляться статьи, повествующие об афере госпожи Штейн. И наконец Крестовский добился своего, всколыхнув общественность.

13 августа 1906 года Ольга Григорьевна была арестована. Но на помощь Штейн пришел Победоносцев, добившийся того, чтобы ее выпустили на свободу. Ольге, скорее всего, удалось бы избежать суда, но тут высокий покровитель тяжело заболел. Между тем Крестовский собрал

все доказательства вины Штейн, и 4 декабря началось судебное разбирательство ее дела.

В архиве сохранились данные судебных протоколов, из которых следует, что защищали аферистку отец и сын Бобрищевы-Пушкины, обвинителем выступил господин Громов, а свидетелей и потерпевших набралось 120 человек.

Над Ольгой нависла угроза Сибири, но удача в очередной раз улыбнулась ей. Один из депутатов Государственной думы, хороший друг госпожи Штейн, дал ей рекомендацию и помог бежать за границу.

Аферистку разыскивали по всей Европе, но все поиски оставались тщетными до тех пор, пока в руки полицейских не попало письмо с нью-йоркским штампом от некой Амалии Шульц, адресованное депутату Госдумы. Так и удалось выйти на след. Затем полиция обратилась к американскому консулу, и вопрос о выдаче преступницы решился положительно. Депутата обвинили в пособничестве мошеннице, но он не стал дожидаться суда, не сулящего ему ничего, кроме позора, и покончил жизнь самоубийством.

9 декабря 1908 года был оглашен приговор, согласно которому Ольга Григорьевна Штейн, обвиненная в растрате заложенных денег, получила 16 месяцев тюрьмы. Но на этом история аферистки не закончилась.

В октябре 1915 года в Петроградском суде слушалось дело о мошенничестве баронессы Ольги Григорьевны фон дер Остен-Сакен – уже знакомой нам госпожи Штейн, сменившей фамилию. На этот раз ее обвиняли в фиктивном браке с молодым бароном и в шантаже чиновников городской думы. Баронессу осудили на 5 лет, но в 1917 году по амнистии выпустили, и она вновь принялась за свое.

В январе 1920 года по приговору петроградского революционного трибунала Ольга Григорьевна, обвиняемая в очередных махинациях, была сослана на бессрочные исправительные работы и отправлена в костромскую колонию. Между тем начальник последней, некто Кротов, был очень недоволен работой и уже давно мечтал перебраться в Москву и сделать там карьеру, но смелости для осуществления этого плана ему не хватало. Поэтому, когда в его руки попало дело баронессы, Кротов понял, что эта дама может ему пригодиться. Ольга Григорьевна в свою очередь тоже сообразила, как ей надо действовать. Соблазнив Кротова, она добилась с его помощью сокращения срока до трех лет и четырех месяцев. А вскоре начальник колонии дал осужденной блестящую характеристику, и Ольгу Григорьевну помиловали.

В Москву аферистка прибыла вместе с Кротовым. Они сняли квартиру,

но устроиться на работу бывший начальник колонии не смог, и Ольге, чтобы не умереть с голоду, вновь пришлось что-то изобретать. Она познакомилась с владельцем конфетной фабрики, которому очень хотелось купить для производства своей продукции патоку по государственной цене. Экс-баронесса согласилась помочь предпринимателю и попросила его зайти к ней на следующий день. За это время аферистка нашла пустой кабинет и соответствующие бланки.

В назначенное время фабрикант принял Кротов, представившийся сотрудником комхоза. Клиент заплатил наличными за «партию патоки» и получил от Кротова «квитанцию», подтверждающую сделку.

Спустя некоторое время Ольга Григорьевна поместила объявление в газетах от имени малого государственного предприятия о продаже различных товаров вдвое дешевле рыночных цен. И вот вскоре к мошенникам стали приходить письма с вложенными в них наличными. Но дело испортил Кротов, угнавший для своей подруги государственный автомобиль. Аферисты попали в засаду, Кротов был смертельно ранен в открывшейся перестрелке, а Ольге не оставалось ничего другого, как сдаться.

Однако гениальная обманщица выкрутилась и на сей раз. Она придумала трогательную историю о том, как ее взял в заложники бывший начальник колонии, увез в Москву, где ежедневно бил и насиловал. Как ни странно, суд ей поверил, и «жертву» отдали на поруки родственникам. Последние же через несколько месяцев обвинили Ольгу в кражах, но та доказала свою невиновность и уехала в Ленинград. Говорят, что в 1930-е годы она торговала там квашеной капустой и что у нее был небольшой домик с огородом.

Загадочная Мата Хари

Знаменитая разведчица, экзотическая танцовщица, получившая известность благодаря своим любовным похождениям и аферам, Мата Хари прожила недолгую, но интересную жизнь. Этой женщине посвящены романы и кинофильмы, главную роль в которых исполняли такие прославленные актрисы, как Грета Гарбо, Марлен Дитрих и Жанна Моро.

По мнению большинства историков, рассказывавшаяся на протяжении многих десятилетий легенда о коварной шпионке-соблазнительнице далека от истины. Мата Хари по сей день остается загадочной личностью.

Маргарета (Грета) Гертруда Целле – таково настоящее имя прославленной авантюристки – родилась 7 августа 1876 года в небольшом городке Леувардене, расположенном на севере Голландии (кстати, здесь находится музей этой легендарной личности), в семье состоятельного фабриканта-шляпника.

В десятилетнем возрасте девочка лишилась матери, а вскоре потерпел фиаско и бизнес ее отца. Юная Грета была вынуждена переехать к своему дяде в Гаагу.

Учеба в школе давалась одаренной девочке легко, ее способности к наукам поражали учителей, однако Грета, мечтающая поскорее вырваться из-под опеки родственников и обрести самостоятельность, бросила учебу.

Причиной столь опрометчивого поступка стало неожиданное замужество: однажды девушка прочитала в газете объявление некоего капитана голландской армии Рудольфа Мак Леода, искавшего спутницу жизни. Грета написала ему письмо, вскоре пришел ответ, а летом 1895 года состоялась свадьба. Через несколько дней молодожены уехали на остров Яву в Индонезию, бывшую в то время колонией Нидерландов.

Так началась семейная жизнь легендарной Маты Хари. Однако продолжалась она недолго: сорокалетний Мак Леод хотел, чтобы его молодая жена занималась хозяйством, рожала детей и воспитывала их. Но все это не привлекало Маргарету, она жаждала развлечений, ее бешеный канкан, исполняемый на офицерских балах, приводил в восторг собравшихся мужчин и вызывал вспышки дикой ревности у мужа.

В 1899 году чета Леод развелась, маленький ребенок остался с отцом, а Грета, не имевшая никакого образования, была вынуждена уехать в Париж в надежде обрести новое счастье.

Выбор пал на столицу Франции неслучайно, именно в этом городе

ярких впечатлений молодая женщина рассчитывала начать новую увлекательную жизнь, полную интересных приключений и бесконечных любовных походов.

Через несколько месяцев после ее прибытия в Париж в городской префектуре появилось сообщение полицейского инспектора Кюрнье о том, что образ жизни некоей мадемуазель Целле нельзя назвать праведным, кошельки многочисленных любовников и позирование обнаженной – вот основные источники ее доходов.

Однако художники нечасто прибегали к услугам Маргареты в качестве модели, поскольку считали ее слишком «плоской». Эти слова, произнесенные однажды знаменитым импрессионистом Гийоме, запали в душу молодой женщины и в дальнейшем, выступая на сцене с танцевальными номерами, она старалась не показывать собравшимся свою грудь.

Маргарета Целле не думала о карьере танцовщицы до тех пор, пока не увидела на сцене номер в исполнении знаменитой Айседоры Дункан. Но для балета Грета была слишком стара, ей пришлось делать карьеру на популярных в те годы номерах с элементами эротики и экзотики.

Выступления молодой танцовщицы привлекали внимание многочисленных состоятельных промышленников, среди которых был и владелец Музея искусств Востока месье Гиме. По предложению этого человека Грета начала выступать в музее, именно здесь она получила свое новое имя – Мата Хари, что в переводе с малайского означает «око дня».

13 марта 1905 года танцовщица впервые исполнила свой номер перед собравшимися в музее месье Гиме. По свидетельству писателя Луи Дрюмура, Мата Хари была великолепна, она «танцевала обнаженной, ее небольшие груди прикрывали медные резные пластины, придерживаемые на цепях. Сверкающие браслеты охватывали запястья, локти и лодыжки; все остальное тело оставалось... утонченно обнаженным, от кончиков ногтей на руках до кончиков пальцев на ногах».

Вскоре последовали предложения от содержателей наиболее престижных столичных салонов. И здесь выступления Маты Хари ожидал шумный успех. 1905 год стал временем ее триумфа, Париж пал к ногам молодой женщины, приехавшей из голландской провинции. Шесть раз Мата Хари выходила на сцену театра Трокадеро, выступала в домах барона Анри Ротшильда и Сесиль Сорель, знаменитейшей актрисы театра «Комеди Франсез».

Позже, рассказывая репортерам о своей жизни, Мата Хари «признавалась», что ее вырастили жрецы храма в Канда Свани, из нее якобы готовили ритуальную танцовщицу, поэтому уже в тринадцатилетнем возрасте она танцевала обнаженной на храмовых празднествах. От этой жизни девушку избавил один английский офицер, влюбившийся в нее с первого взгляда.

Эта выдуманная история сделала Мату Хари одной из самых загадочных личностей эпохи, придала ей значимость.

Популярность молодой танцовщицы росла с каждым годом, вскоре она стала одной из самых высокооплачиваемых танцовщиц Европы. Выступления этой легендарной женщины на сцене оперного театра Монте-Карло, в Арт-Халле в Вене и в миланском «Ла Скала» сопровождалась неизменным успехом.

За сравнительно короткий срок Мата Хари удалось изменить свою жизнь. Она являлась владелицей шикарных апартаментов в Париже и некоторых крупных городах Европы, ее благосклонностью пользовались

только богатые мужчины, в числе которых был и «шоколадный король» Менье.

Однако «десятилетие Маты Хари» прошло, ее танцы наскучили взыскательной публике, наступил тяжелый период безденежья. Прославленная танцовщица была вынуждена переехать из блистательного Парижа в более скромный Берлин.

В последних числах июля 1916 года в доме одной из подруг, актрисы Данжвиль, Мата Хари познакомилась с человеком, сыгравшим в ее судьбе роковую роль.

Вадим Маслов, капитан русского императорского полка, стал тем мужчиной, для которого звезда стриптиза была готова пожертвовать всем, и своей карьерой в том числе. В июле 1916 года молодой русский офицер находился в отпуске и отдыхал в столице Германии. Он был не прочь ближе познакомиться и пофлиртовать с легендарной танцовщицей, вступившей в пору расцвета своей красоты.

В 1917 году Мата Хари призналась следователю, что хотела выйти замуж за Вадима Маслова и пыталась любыми способами раздобыть крупные денежные суммы для осуществления своей заветной мечты.

В агентуру германской контрразведки Грета Целле была зачислена под кодом Н 21 (буква означала страну, где родился агент, цифра – порядковый номер вербовки).

Вероятно, Мата Хари так и осталась бы в списках немецкой агентуры «мертвой душой», если бы не ее знакомство с шефом берлинской полиции, который заинтересовался прошлым своей любовницы.

Через несколько недель Мата Хари получила от Крамера, представителя секретной германской службы в Голландии, задание и отправилась во Францию с 20 тыс. франков в кармане.

Стремительная жизнь Парижа захватила бывшую танцовщицу, и она забыла о полученном задании: возобновились старые связи, появились новые знакомства, богатые любовники и дорогие подарки...

Однако последние летние дни 1916 года заставили Мату Хари задуматься о своем здоровье, врачи посоветовали ей отправиться на лечение на курорт в Виттель.

Возникла необходимость в получении специального разрешения, именно это обстоятельство вынудило бывшую танцовщицу обратиться за помощью к начальнику 5-го бюро французской разведки и контрразведки, капитану Жоржу Ладу.

Во время следствия по делу Маты Хари последний отрицал факт ее вербовки, однако в автобиографии «Охотники за шпионами», вышедшей в

1932 году, признался в своем обмане, подтвердив, что заключил с бывшей танцовщицей негласное соглашение.

Мата Хари и Жорж Ладу стали любовниками, и женщина рассказала поклоннику о том, что она является секретным агентом германской контрразведки. Последовала перевербовка, Мата Хари должна была уехать в Голландию и ждать новых указаний. Так началась грандиозная афера, многое в которой остается загадкой по сей день.

Осенью 1916 года на пароходе «Голландия» Мата Хари отправилась в Бельгию. Судно попало в руки англичан, принявших знаменитую танцовщицу за немецкую шпионку по имени Клара Бенедикс.

Желая как-то выпутаться из этой истории, подследственная сообщила британским контрразведчикам о том, что она является агентом секретных французских служб. Жорж Ладу, вызванный в качестве свидетеля, отрицал какие-либо связи с этой женщиной, по его предложению Мата Хари была отправлена в Испанию.

По прибытии в Мадрид бывшая танцовщица повела себя как агент французской разведки: она дала телеграмму в Париж с просьбой выслать ей деньги и отослала подробное письмо Ладу, в котором рассказывала о приключившейся с ней истории и просила дать дальнейшие указания.

Однако ответа не последовало, и Мата Хари решила заработать деньги ловкой аферой. Ее план был на удивление прост: рассчитывая на личное обаяние и привлекательность, она хотела соблазнить немецкого офицера Арнольда фон Калле и получить доступ к секретной информации, которая, как надеялась авантюристка, будет по достоинству оценена французской контрразведкой.

Имя майора фон Калле Мата Хари увидела в списке дипломатов, проживавших в лучшем отеле Мадрида. Обратившись к нему с просьбой об аудиенции, бывшая звезда стриптиза в тот же вечер оказалась в его номере. Поводом для разговора послужил инцидент со Скотланд-Ярдом; фон Калле, не желая давать ответа, отправил женщину к некоему барону де Роланду в Мадриде.

Но Мата Хари была не из тех, кто легко сдается. «Я сделала то, что делает в таких обстоятельствах женщина, когда желает завоевать мужчину, и вскоре поняла, что фон Калле мой», – вспоминала позже легендарная контрразведчица.

Вызвать у немецкого капитана важные сведения (например, о высадке во французской военной зоне на Марокканском побережье германо-турецкого десанта, а также о раскрытии немцами шифра французских спецслужб) оказалось довольно просто.

Вскоре полученные сведения достигли ушей начальника французской разведки в Испании, полковника Жозефа Денвиня, очередного любовника Маты Хари.

Их связь началась после большого праздника в отеле «Риц», где Денвинь признался бывшей танцовщице в «больших чувствах». Информация, добытая Мата Хари, ушла в Париж, однако в своем послании французский полковник не указывал источник получения столь ценных данных.

Денвинь был рад, что заполучил прекрасную любовницу и агента, приносившего ему важную информацию из первых уст. Полковник так сильно увлекся Мата Хари, что забыл о ее шпионской деятельности, он даже предложил любимой женщине подыскать в Париже дом, где они смогли бы вместе проводить вечера.

Помимо этого, разведчица обещала сообщать любовнику все сведения, полученные от фон Калле, в обмен на это Денвинь должен был связаться с Жоржем Ладу и обговорить условия дальнейшей работы «секретного агента». Влюбленный француз даже не подозревал о том, что его любовница передает содержание всех их бесед немецкому майору.

Однако связь с Денвином не осталась незамеченной для фон Калле, он решил устроить серьезную проверку Мате Хари, сообщив ей несколько устаревших и ложных сведений. Полагая, что ее любовник слишком болтлив и принимает полученную информацию за чистую монету, Н 21 передала ее в Париж, куда и отбыла в первых числах января 1917 года.

Тем временем атмосфера во французской столице становилась все более напряженной, на стенах домов ежедневно появлялись плакаты с призывами: «Молчите, остерегайтесь, вражеские уши подслушивают вас!»

За Матой Хари была установлена круглосуточная слежка. Вскоре военный губернатор Парижа получил послание от военного министра генерала Лиоте, в котором говорилось, что «некто Целле, бывшая замужем за Мак Леодом и разведенная с ним, именуемая Мата Хари, танцовщица, голландская подданная, заподозрена в том, что является агентом на службе Германии».

Через несколько дней после отправки этого письма Мата Хари была арестована. В столичной пьесе задержание «самого опасного вражеского агента» представили как блестящую операцию французской контрразведки.

Позже Жорж Ладу написал в своей книге, что Мата Хари вернулась в Париж в надежде быть арестованной, поскольку «виселица всегда привлекала ее». Один из испанских сенаторов, близко знавший гениальную авантюристку, свидетельствовал, что она жаждала острых ощущений,

поэтому и стала шпионкой.

Видимо, Мата Хари действительно нуждалась в сильнейших стимуляторах, подобных наркотическим веществам, и только риск, участие в экзотических авантюрах приносили ей желаемое удовлетворение.

Суд по делу знаменитой танцовщицы, «опасной разведчицы» и авантюристки начался 24 июля 1917 года в Париже.

Напряженная общественно-политическая ситуация в стране благоприятствовала проведению показательного процесса, участь подсудимой в котором была предрешена.

Мату Хари назвали «опаснейшим врагом Франции» и предъявили обвинение в передаче врагу секретной информации, что стало причиной неудач в войне доблестной французской армии.

Оснований для вынесения обвинительного приговора было недостаточно. В материалах судебного следствия имелись телеграммы германского военного атташе в Мадриде Арнольда фон Калле, содержание которых секретным французским службам удалось дешифровать.

В одном из этих посланий указывалось время приезда агента Н 21 в Париж, далее сообщалась ее просьба о переводе через Крамера на имя служанки Анны Линтjene 500 франков.

Связь с резидентом секретной германской службы Крамером Мата Хари не могла опровергнуть, также она была вынуждена признать, что получила от этого человека около 20 тыс. франков.

Фон Калле сообщал и о симпатических чернилах, а также иных приспособлениях для тайнописи, полученных разведчицей лично от него.

Тем не менее Мате Хари можно было предъявить обвинение только лишь в мошенничестве, поскольку полученные ею деньги исчезали в неизвестном направлении, а задания французской и немецкой агентур оставались невыполненными.

Все попытки женщины рассказать о работе в 5-м бюро французской разведки и контрразведки оказались безрезультатными. Ее заявление о невиновности также осталось без внимания.

Пожалуй, самым тяжелым ударом для Маты Хари явилось отсутствие на суде Вадима Маслова, вызванного в качестве свидетеля. Мужчина, ради которого она решилась на авантюру со шпионажем, не оценил такого поступка.

Бывшая танцовщица и неудачливая разведчица отказалась от борьбы за свое спасение, да и никакая, даже самая лучшая защита не смогла бы выиграть это дело.

Слушание дела велось за закрытыми дверями, через два дня оно

завершилось вынесением обвиняемой смертного приговора.

Секретные материалы по делу Маты Хари станут доступными широкой общественности лишь в 2017 году, через 100 лет после вынесения смертного приговора. Но уже сегодня некоторые свидетельства позволяют сделать вывод, что эта знаменитая женщина не заслуживала подобной участи.

Так, один из участников процесса, младший лейтенант Марне, ратовавший за смертную казнь через расстрел, позже признавался, что в деле агента Н 21 не было серьезных доказательств виновности, причиной судебной ошибки стало стремление возложить на «опаснейшего агента германской разведки» вину за промахи собственного правительства.

За несколько дней до приведения приговора суда в исполнение бывший любовник Маты Хари, семидесятипятилетний адвокат Эдуард Клюне, заявил во всеуслышание, что обвиняемая ждет от него ребенка. Это была последняя попытка спасти разведчицу, но она не приняла помощи старого друга.

15 октября 1917 года стал последним днем жизни легендарной Маты Хари. Она с достоинством встретила сообщение правительственного комиссара и судебных чиновников об отклонении президентом ходатайства о помиловании, затем написала три записки: своей дочери, рожденной в браке с Рудольфом Мак Леодом, другу из МИДа и любимому офицеру Вадиму Маслову. В этих неторопливых сборах чувствовалось прощание с жизнью.

Казнь состоялась на полигоне военного лагеря в Венсенском лесу, приговор приводили в исполнение 12 солдат-зубов. Мата Хари пожелала встретить смерть с открытыми глазами.

До последней минуты она оставалась женщиной в истинном значении этого слова: прежде чем офицер дал команду к началу стрельбы, бывшая танцовщица и контрразведчица поблагодарила его за оказанную ей «услугу» и послала в толпу любопытных воздушный поцелуй.

В ту же минуту пуля оборвала жизнь Греты Целле. Но Мата Хари, одна из самых загадочных и обольстительных женщин XX столетия, получила бессмертие.

Тело этой легендарной личности было передано на медицинский факультет Сорбонны, а после использования в учебных целях отправлено на захоронение в общую могилу.

Альчео Доссена, «гений фальшивок»

Одним из мастеров фальшивки в области скульптуры часто называют некоего Альчео Доссену, который родился в 1876 году в городе Кремоне и на протяжении всей своей сознательной жизни занимался тем, что создавал подделки бессмертных сокровищ ваяния.

В то время Кремон особенно славился по всему миру тем, что в нем появлялось огромное количество талантливых музыкантов-скрипачей.

Скрипичному делу в детстве обучался и Доссена. Однако он очень скоро понял, что игра на скрипке не завладевает всем его существом. А потому он перешел в мастерскую местного каменотеса, чтобы выучиться этому, как он думал, нехитрому ремеслу. Будучи подмастерьем, Доссена делал в основном надгробные плиты и каминь.

В возрасте 35 лет Доссена почувствовал в себе тягу к большому искусству. Тогда он покинул родной город и отправился в Рим, столицу скульптуры и живописи. Чуть более года Доссена смог проработать в одной из римских мастерских. Война нарушила спокойное и размеренное течение жизни многих людей. В их числе был и Доссена.

В 1916 году, находясь в отпуске (в то время он служил в армии), Доссена в одном из городских кафе познакомился с антикваром по имени Фазоли. Молодой скульптор смог уговорить его выкупить у него небольшую скульптуру, стиль исполнения которой напоминал знаменитые шедевры мастеров Возрождения.

Нужно сказать, что свое детище Доссена представил именно как работу одного из скульпторов эпохи Ренессанса. Прозорливый антиквар понял, что это ложь, однако даже не подал вида, что догадался об этом.

В 1919 году вернувшийся со службы в действовавшей армии Доссена вновь повстречал Фазоли. Тот заказал молодому скульптору небольшую работу и вскоре был доволен той вещью, которую получил. Некоторое время выполнение заказов Фазоли и Палези являлись единственным источником доходов Доссены.

Все заказы были направлены на то, чтобы точно скопировать какое-либо произведение выдающегося мастера предыдущих веков. Доссена хорошо понимал, что создать настоящее произведение искусства ему, в силу отсутствия таланта, никогда не удастся. Тогда он признал, что его предназначение в другом – создавать копии таких произведений скульптуры.

Необходимо сказать, что в искусстве выполнения подобиий известных работ мастеров ваяния Доссене не было равных. За короткий срок из-под его рук выходили точные копии известных и особенно популярных в то время у ценителей искусства авторов.

Любому из своих творений, благодаря особенной технике и собственной интуиции, Доссена мог придать вид работы многовековой давности. Даже опытные антиквары и любители искусства не раз ошибались, принимая скульптуру, выполненную молодым фальсификатором, за подлинник. Так, среди работ Доссены известны скульптуры Афины, сделанные с оригиналов, создание которых относилось к древним временам, а также многочисленные скульптурные композиции, фронтовые группы и небольшие статуэтки, исполненные в стиле мастеров предыдущих эпох.

В настоящее время в экспозициях некоторых музеев искусств всего мира нередко выставляются работы, сделанные Альчео Доссеной. В

основном это подделки произведений знаменитых мастеров скульптуры: Верроккьо, Мино де Фьезоли, Росселлино. Главными распространителями такой продукции были уже названные выше антиквары Фазоли и Палези. Это с их легкой руки были одурачены многие ценители скульптурного искусства, покупавшие за баснословные суммы товар, стоимость которого можно было оценить, условно говоря, несколькими монетами.

Убежденные доводами Фазоли и Палези люди быстро раскупали «шедевры», сделанные руками своего современника. Для того чтобы сбыть свой товар антикварам, нередко приходилось выдумывать всяческие истории, касавшиеся времени создания того или иного «произведения искусства».

Так, например, однажды сам Доссена, пытаясь продать композицию, выполненную из дерева, рассказал доверчивым покупателям о неизвестном для историков и биографов факте из жизни знаменитого итальянского художника Симоне Мартини, жившего в XIV столетии.

По словам Доссены, мастер был известен не только своими живописными работами, но и скульптурными композициями. Одна из таких скульптур и была представлена ценителям искусства. Это были две статуи, изображавшие Марию и ангела, которые якобы и стали прототипами героев знаменитого полотна Мартини «Благовещение».

Нет необходимости говорить о том, что подобное ремесло приносило много денег в кошельки антикваров. Однако сам исполнитель заказов мало что имел от мошеннического предприятия. Фазоли и Палези платили Доссене ровно столько, сколько ему могло бы хватить на еду и одежду. Тогда как сами антиквары за несколько лет торговли поддельными скульптурами смогли накопить состояние, оценивавшееся в 70 000 000 лир.

Доссена же отдавал всего себя «искусству». В 1927 году у него умерла супруга. А когда выяснилось, что тех денег, что имеются в наличии, ему явно не хватит на то, чтобы достойно похоронить жену, скульптор решил обратиться за помощью к двум своим заказчикам. Однако Фазоли и Палези ответили на просьбы Доссены категорическим отказом.

Едва похоронив жену, Доссена решил во что бы то ни стало отомстить «благодетелям». На следующий день он собрал в своей мастерской журналистов и объявил им о том, что все проданные Фазоли и Палези скульптуры были не что иное, как фальшивки, выполненные им самим. Утром все газеты известили о том, что в частных коллекциях многих ценителей искусства могут находиться дешевые подделки.

В газетных статьях Доссена звался не иначе как «гением фальшивок». Не обошлось и без разбирательств. Долгое время считавший себя

первоклассным знатоком скульптурного искусства антиквар Якоб Гирш не мог поверить в то, что купленная им несколькими днями раньше Афина, имевшая архаичное происхождение, являлась жалкой подделкой. В доказательство того сам же скульптор Альчео Доссена продемонстрировал в одной из комнат мастерской отбитую руку «древней Афины».

Веским доказательством создания в мастерской Доссены фальшивых скульптур стал документальный фильм режиссера Ганса Кюрлиха. На глазах зрителей Доссена, «гений фальшивок», вылепил ставшую популярной статую «античной Афины».

С тех пор слава Альчео Доссены необычайно возросла. В 1929 году в Неаполе была организована масштабная выставка работ мастера подделки. Несколько позднее подобные выставки прошли также и в других городах мира: Берлине, Мюнхене и Кельне.

Именно тогда ко многим знатокам искусства пришла мысль о том, что скульптуры, созданные Доссеной, все-таки отличаются от оригиналов. В них не было жизни и яркого выражения замысла истинного творца. Произведения Доссены казались мертвыми и безжизненными, действительно всего лишь жалкими копиями тех произведений, что были созданы признанными мастерами.

Все скульптуры Доссены были чем-то похожи друг на друга. Общим был и характер наносимых бывшим каменотесом повреждений. Казалось, скульптор сознательно отсекал только второстепенные, не имевшие особенного значения детали. Это объяснялось чрезвычайно просто. С одной стороны, Доссена боялся сильно повредить скульптуру, так как в противном случае ее можно было бы продать за довольно низкую цену. А с другой стороны (что вполне понятно), ему вовсе не хотелось ломать произведения, созданные своими собственными руками.

Альчео Доссена скончался в 1936 году. К тому времени шумиха вокруг его имени несколько поутихла и популярность почти сошла на нет. В то время уже мало кто из людей слышал о Доссене, великом и непревзойденном «гении фальшивок».

Ван Меегерен, мастер подделки

Современники начала XX столетия удивлялись не только работам «гения фальшивки» Альчео Доссены. В популярности ему не уступал и другой мастер подделки, художник Хан Антониус ван Меегерен.

В 1889 году в семье простого школьного учителя небольшого городка ван Меегерена родился мальчик. Отец решил назвать его Хан Антониус. К тому времени у ван Меегерена уже было двое детей. А после рождения Хана Антониуса появились еще двое.

Маленький Хан Антониус с детства увлекся рисованием. Первой учительницей стала для него мать, которая в юности также увлекалась живописью. Она хотела было продолжить образование, однако этому воспротивился ее муж.

Ван Меегерен-старший запрещал заниматься рисованием и маленькому сыну. Однако настойчивый Хан Антониус старался каждую свободную минутку посвятить рисованию. Свои первые настоящие уроки живописи он брал в мастерской местного художника Кортелинга. Именно он смог воспитать в мальчике художественный вкус и умение понимать произведения изобразительного искусства.

Хан Антониус ван Меегерен

После того как Хану Антониусу исполнилось 18 лет, отец отправил его на учебу в Делфтский технологический институт. Там ван Меегерен обучался на курсе архитектуры. В то же время мысль о том, чтобы стать настоящим мастером живописи, ни на секунду не покидала юношу. Поэтому он решил продолжить занятия рисованием. Так он попал в Школу

изящных искусств.

В возрасте 22 лет он повстречал и полюбил с первого взгляда красавицу Анну де Воохт. Через год пылкие влюбленные отпраздновали день своего бракосочетания (во многом причиной тому было ожидание Анной ребенка).

У молодой семьи доходы были очень скромными. А потому ее глава, Хан Антониус, стал все чаще задумываться над тем, каким образом можно было бы подзаработать. Именно в то время ван Меегерен решил профессионально заняться живописью. Тогда ему удалось почти сразу же продать несколько созданных полотен.

А началось все несколько лет назад, когда ван Меегерен участвовал в конкурсе живописи, проходившем среди студентов. Подобные конкурсы устраивались в Делфте на протяжении пяти лет.

Ван Меегерен представил на конкурсе полотно с изображением внутреннего убранства роттердамской церкви Сен-Лоран. Молодой живописец проявил свое мастерство в области архитектуры и продемонстрировал знание традиций изобразительного искусства. Тогда на конкурсе он смог завоевать первую премию. После этого ван Меегерен приобрел славу настоящего и подававшего большие надежды молодого художника.

Однако в то время ван Меегерен стремился к большему. После блистательной победы на студенческом конкурсе в Делфте он стал учеником Академии изящных искусств в Гааге. В 1914 году он получил диплом об окончании Академии с присвоением звания мастера искусств.

Первая выставка работ, созданных ван Меегереном, состоялась в 1916 году. Написанные рукой молодого художника полотна привлекали особенное внимание ценителей и знатоков искусства. Однако популярность и слава были целями, далеко не главными в жизни живописца. Он мечтал о том, чтобы получать за свой труд как можно больше денег.

Спустя некоторое время ван Меегерен вспомнил о своем близком друге, перекупщике ван Вайнгардене. Встретившись, они решили открыть небольшую мастерскую по реставрации старинных произведений искусства, в частности недорогих полотен великих мастеров живописи XVII–XVIII столетий.

Как оказалось, не напрасно ван Меегерен и ван Вайнгарден вложили столько труда в свое дело. Отреставрированные ими полотна были вскоре проданы в качестве особенно ценных произведений изобразительного искусства. За продажу картин друзья выручили тогда немало денег.

Однажды ван Меегерену удалось заполнить полотно, которое

оказалось работой ван Халмса. Доказательство подлинности полотна принесло бы молодым мастерам немалый доход. Поэтому они решили отреставрировать его, а затем показать знаменитому в то время искусствоведа и ценителю живописи Хофстеде де Грооту. Спустя некоторое время Хофстеде де Гроот подтвердил подлинность найденного полотна, после чего сказал о том, что знает человека, который смог бы выкупить у ван Меегерена картину ван Халмса.

Через сутки друзья уже держали в руках несколько солидных пачек банковских билетов. Однако уже на следующий день от искусствоведа Бредиуса пришло известие о том, что проданное полотно оказалось жалкой копией.

Такое заявление нельзя было игнорировать. А потому ван Меегерен и ван Вайнгарден во избежание скандала поспешили вернуть обманутому покупателю деньги и получить обратно картину. Однако эта история, как оказалось, имела свое продолжение.

Уязвленный в лучших чувствах ван Вайнгарден сделал копию одного из знаменитых полотен Рембрандта, после чего показал ее Бредиусу. Тот признал в полотне подлинник. Тогда ван Вайнгарден схватил нож и разрезал картину, тем самым доказав, что это фальшивка. Бредиус был уничтожен. С тех пор за ним прочно закрепилась слава одного из наименее компетентных искусствоведов.

Чувствуя, как быт все больше и больше захватывает его, ван Меегерен решил расстаться с семьей. В сорок лет он покинул когда-то горячо и искренне им любимую жену Анну. Спустя тринадцать лет после развода он познакомился с супругой известного в ту пору искусствоведа и страстно полюбил ее. В 1929 году состоялась вторая свадьба ван Меегерена.

Вторая жена ван Меегерена, видимо, была женщиной демократичной, а потому совершенно не ограничивала свободу супруга. Слухами о том, что художник завел роман со своей очередной натурщицей, кого-либо в то время нельзя было удивить. Основной доход семье тогда по-прежнему приносило копирование произведений выдающихся мастеров живописи. В течение одного только 1935 года Меегерен выполнил четыре копии картин известных живописцев Франса Халса, Терборха и двух картин Вермеера.

Творчество Вермеера Делфтского остается малоизученным и в наши дни. Искусствоведам начала XX века было известно еще меньше фактов из биографии великого мастера живописи. Этим обстоятельством и воспользовался мошенник. Узнав из биографических справочников о том, что среди работ Вермеера отсутствовали картины, посвященные религиозной теме, ван Меегерен решил написать такое полотно и затем

выдать его за неизвестный подлинник.

Ван Меегерен внимательно изучил Библию, после чего выбрал сюжет для написания живописного полотна. Картина была посвящена явлению Иисуса Христа своим ученикам в Эммаусе. Основой будущей композиции стало полотно Караваджо. При работе над картиной фальсификатора заботило только одно: создать такое произведение, подлинность которого не могла бы быть опровергнута ни одним из искусствоведов.

Действительно, добиться этого оказалось не так-то просто. Найти холст и раму было вовсе нетрудно – их можно было снять с какой-либо старинной картины. Главная проблема состояла в том, чтобы снять несколько слоев краски не нарушив подмалевок. Если же все-таки это произойдет, то художнику придется восстанавливать подмалевки, а для этого, как правило, используются вещества, неизвестные живописцам предыдущих веков. Впоследствии во время экспертизы и химического анализа подобные вещества смог бы легко распознать даже самый неопытный специалист.

Таким образом, для того чтобы сделать хорошую копию живописного полотна, художнику требуется запастись терпением и знаниями не только живописи, но и химии. Ван Меегерен создал именно такие картины. Он смог разработать собственный рецепт приготовления красок, состав которых держал в секрете.

Долгое время ван Меегерену не удавалось скопировать кракелюры. Масляные краски являются довольно сложным для работы материалом. Нанесенные на полотно, они сохнут достаточно долго. Специалисты устанавливают минимальный срок высыхания масляной живописи – 50 лет.

После этого краска начинает постепенно растрескиваться, таким образом на ней появляются упомянутые выше кракелюры – мелкие трещинки, по которым эксперты и судят о времени создания полотна.

Ван Меегерену удалось создать такую краску, которая по своему составу мало чем отличалась от красок, используемых мастерами предыдущих эпох.

Художник смог также нанести на полотно и кракелюры. Тогда перед ним встала задача покрыть картину слоем пыли, который красноречивее всего говорил бы о возрасте живописного полотна.

Для того чтобы создать эффект вековой пыли, ван Меегерен сначала наносил на полотно тонкий слой лака. После того как тот высыхал, поверх него накладывался слой китайской туши, которая заполняла трещинки. Затем художник смывал тушь и таким образом получал необходимый пылевой эффект.

Работа над созданием копии картины Рембрандта продолжалась в течение долгих семи месяцев.

В итоге от фальсификатора требовалось только одно: поставить подпись. Несколько недель тренировался художник, прежде чем нанести на полотно имя мастера так, чтобы подпись выглядела достоверной.

И вот ван Меегерен решил показать свое творение знатокам. Прежде всего он обратился к своему недавнему другу А. К. Боону, который занимался в Голландии юридической практикой. Ему-то живописец и поведал при встрече историю о том, как к нему в руки чудом попала картина, написанная самим Вермеером.

Ван Меегерен рассказал, будто полотно долгое время находилось в руках итальянских контрабандистов. И только ему путем хитрости и риска для жизни удалось привезти картину в Монте-Карло.

Осенью 1934 года в одном из английских журналов появилась первая статья, посвященная «недавно обнаруженной картине кисти Вермеера». Некоторое время композиция «Христос в Эмманусе» была самой популярной в среде искусствоведов и любителей живописи. А потому очень скоро ван Меегерен получил несколько предложений о выкупе знаменитого полотна. После недолгих раздумий он продал картину роттердамскому Музею Бойманса и смог выручить за нее 340 000 английских фунтов. Спустя некоторое время полотно «Иисус в Эмманусе» украсило центральный зал музея. Сотни людей со всего мира устремились в Англию, чтобы своими глазами увидеть чудо XX века, неизвестную до той поры картину Вермеера. Очень скоро она была признана искусствоведами лучшей работой знаменитого мастера.

От продажи картины ван Меегерен получил значительную прибыль. Вскоре семья художника переехала в Ниццу, где поселилась в престижном квартале Симмеских гор. Там по заказу живописца-фальсификатора уже была построена шикарная мраморная вилла. Рассказывают, будто одних только спальных комнат в той вилле насчитывалось 12. Помимо этого, в доме ван Меегерен оборудовал библиотеку, картинную галерею и огромный музыкальный зал, где обычно проходили вечера, устраиваемые четой

Меегеренов.

В период с 1938 по 1939 год ван Меегерен работал над созданием еще двух копий: полотен голландского художника XVII столетия Питера де Хооха. Так на свет появились поддельная «Пирующая компания» и «Компания, играющая в карты». Первую композицию фальсификатор продал в частную коллекцию ван Бенингену, а вторую – роттердамскому коллекционеру.

К тому времени ван Меегерен был достаточно богатым, пользующимся определенным авторитетом в мире искусства человеком. В какой-то степени его можно было бы назвать счастливым.

Вторая мировая прошла стороной. Суммы наличных все возрастали. Говорят, в то время ван Меегерен увлекся алкоголем и морфием.

В период с 1939 по 1943 год ван Меегерен работал над созданием еще 13 копий шедевров изобразительного искусства. Восемь полотен ему сразу же после написания удалось продать. За них он выручил немалую сумму денег – 250 000 000 франков. Из них самому «мастеру» причиталось всего только 170 000 000 франков.

К тому времени война уже закончилась. Разбирая документы, брошенные фашистами, специалисты случайно обнаружили бумагу, свидетельствующую об участии в торговых сделках ван Меегерена нацистов. Вслед за тем последовал арест художника, которого обвинили в пособничестве фашистам, разграбившим национальное достояние не одной европейской страны.

Тогда ван Меегерен решился на отчаянный поступок. Для того чтобы отвести от себя страшные подозрения, он признался в том, что сбывал копии картин, которые сам же и писал. Естественно, мало нашлось людей, кто тогда поверил живописцу. В доказательство своей правоты тот предложил на глазах нескольких свидетелей сделать копию известного полотна Вермеера «Христос среди учителей». Не нужно говорить о том, что вышедшая из-под пера мастера подделки картина мало чем отличалась от подлинника.

Спустя некоторое время была организована специальная комиссия, целью работы которой стало выяснение обстоятельств дела ван Меегерена. В комиссии работали специалисты различных областей: искусствоведы, химики и историки. Дальнейшая судьба фальсификатора оказалась в их руках.

В результате всестороннего и тщательного исследования специалисты пришли к выводу о том, что, действительно, продаваемые ван Меегереном картины являлись мастерски выполненными подделками. Суд приговорил

мошенника к одному году тюремного заключения.

Однако уже спустя месяц после помещения в тюремную камеру ван Меегерен тяжело заболел. Он скончался от сердечного приступа в возрасте 58 лет. Спустя еще несколько лет современники позабыли о существовании гения в области подделки живописных полотен...

Великие аферы Гриши Календарова

В XX веке мир узнал не только талантливых ученых, музыкантов и литераторов. Среди современников нового тысячелетия оказалось немало и тех, кто решил посвятить свою жизнь поискам способов легкой наживы.

Таким и был родившийся в самом начале XX столетия «джентльмен удачи» Гриша Календаров. Он рос послушным и любознательным мальчиком. А потому по окончании школы без труда смог сдать вступительные экзамены в Среднеазиатский университет. Так Календаров оказался в студенческой среде.

Нужно заметить, что с выбором специальности Гриша смог определиться не сразу. Только после серьезных размышлений он остановил свой выбор на медицинском факультете. Однако новоиспеченному студенту недосуг было заниматься приготовлением домашних заданий. Да и на лекциях Гришу Календарова можно было увидеть крайне редко.

Чем же было занято время молодого студента? Как оказалось, Гриша занимался очень важными (по меркам того времени) общественными делами. Чаще, чем в лекторском зале, его можно было увидеть на собраниях и митингах, а также разъезжающим по соседним кишлакам в составе многочисленных продотрядов. Говорят, он даже принимал участие в бою красных с эмиром Бухары.

Естественно, занимаясь общественными делами, Гриша редко вспоминал об учебе. Тогда ученый совет университета принял решение исключить Календарова из учебного заведения за неуспеваемость. Однако это не особенно испугало незадачливого студента, имевшего в то время хорошие связи в среде сильных мира сего. Спустя некоторое время, получив рекомендации самого М. В. Фрунзе, Гриша Календаров смог перевестись из Среднеазиатского университета в Петроградскую военно-медицинскую академию.

Уже через два года учебы в академии Календаров был демобилизован по состоянию здоровья. Тогда ему ничего не оставалось, кроме как возвратиться на родину. А спустя некоторое время он был назначен в Узбекский ЦИК. В то время у Календарова пробудилась тяга к учебе. Он поступил в интернатуру при медицинском факультете среднеазиатского университета и параллельно учился на физико-математическом факультете.

Но стены родного города, казалось, были слишком тесными для молодого и энергичного Календарова. После окончания физико-

математического факультета университета он решил навсегда перебраться в Ленинград. Там Гриша поступил в Институт экспериментальной медицины. Учеба давалась ему легко, а потому он смог добиться довольно высоких результатов на медицинском поприще.

Необходимо заметить, что научные исследования не представляли главную цель Григория Календарова. Ставку в карьере он делал прежде всего на общественные дела. Как активист института он однажды привлек внимание главы научного учреждения Л. Н. Федорова, который давно уже подумывал о том, чтобы найти себе достойную замену.

Желание Федорова как можно скорее покинуть кресло руководителя было вызвано его осознанием своей бесполезности на месте руководителя. Оказывается, Федоров получил должность главы института только благодаря своей общественно-партийной работе.

В научных кругах Федоров находился с 1923 года. В то время он стал членом лаборатории академика Павлова, а параллельно числился в должности заместителя заведующего губздравотделом.

Спустя некоторое время Федоров пошел на повышение и был назначен ректором Института физической культуры им. Лесгафта. После этого он вновь работал в стенах Института экспериментальной медицины. Вершиной карьеры партийца со стажем стала должность руководителя Института экспериментальной медицины, полученная Федоровым в 1931 году.

Достаточно опытный и хорошо знавший человеческую натуру Федоров сразу же оценил внутренний потенциал молодого ученого Гриши Календарова, поняв, что, используя молодого специалиста с определенными целями, можно сорвать солидный куш и таким образом обеспечить грядущую старость.

Спустя некоторое время Гриша Календаров был посвящен в мошеннические планы Федорова. А через несколько дней руководитель Института экспериментальной медицины и его новый специалист предстали на официальной встрече ученых с правительством. Гриша, что называется, готов был вылезти из собственной кожи, лишь бы привлечь к себе внимание всех собравшихся. Говорят, на том вечере ему удалось поговорить даже с самим товарищем Сталиным. При этом Календаров рассказывал главе государства о том, что в качестве вида вооружения можно использовать УВЧ (ультравысокие частоты).

Спустя несколько дней доклад о применении УВЧ в оборонных целях уже лежал на столе наркома обороны СССР. А еще через сутки с докладом смог ознакомиться и Сталин. Теоретические положения проблемы были

изложены в представленном докладе настолько ясно и четко, что глава государства уже на следующий день отдал распоряжение организовать специальную лабораторию, руководителем которой был назначен Григорий Календаров.

В первое время сотрудники лаборатории проводили эксперименты, в ходе которых удалось установить, что УВЧ можно применять для изготовления легкорастворимых концентрированных продуктов питания.

Однако ученые не намерены были останавливаться на достигнутом. Вскоре они выдвинули теорию об использовании УВЧ-лучей в качестве оружия. В докладной записке на имя Сталина Календаров писал: «Надо изучать действие УВЧ на расстоянии. Уже при мощности 10–12 кВт на расстоянии 1–2 метров проволока сжигается, человек, находящийся в поле облучения, может прикосновением пальца зажечь электролампу значительной мощности. Порох за стеной взрывается. Если удастся концентрировать энергию, то границы будут закрыты, ибо все живое и неживое, попадая в эту зону, сгорит. Можно будет выводить из строя врагов, погружая их в сон или вызывая состояние острого умопомешательства».

Представленный Календаровым проект использования УВЧ был щедро награжден правительством. Сам автор идеи вскоре получил собственную комфортабельную квартиру и автомобиль последней марки. Тогда же было намечено и строительство лаборатории. А местом для возведения корпусов лаборатории был выбран остров у Шлиссельбурга. Курировал работу строителей заместитель начальника НКВД Ленинграда.

Проекты по использованию УВЧ и строительство лаборатории были засекречены и охранялись службами НКВД. Однажды в строящуюся лабораторию приехала правительственная делегация во главе с Запорожцем. Наркома Ворошилова интересовали результаты работы «по закрытию границ». В тот день Календарова на рабочем месте не было. Позднее выяснилось, что накануне приезда представителей правительства руководитель лаборатории получил записку, в которой Запорожец велел ему оставаться дома и не выходить на работу. Позднее эта записка оказалась главным доказательством того, что Календаров был напрямую связан с «врагами народа» Ягодой и Запорожцем, обвинявшимся в том, что «пытаются лишить Красную армию новейших технических средств».

Но вернемся ко времени описываемых событий. Тогда Календаров был не только главой новой лаборатории. Он также заведовал секретным подразделением, которое получило название «Отдел колебательной физики и биологии и технической реконструкции советской медицины». При этом

лаборатории Календарова не были подчинены ни одному государственному ведомству, поскольку охранялись грифом «совершенно секретно».

Такой оборот дела был только на руку мошеннику, который знал обо всех исследованиях, проводимых в лабораториях, и мог легко (нужно сказать, и без зазрения совести) присваивать себе результаты чужих трудов. Так, например, один из сотрудников специальной лаборатории в докладной записке, написанной на имя Календарова, говорил о том, что воздействие УВЧ-лучей на беременную самку мыши неизменно приводит к рождению нежизнеспособного потомства.

На следующий день Гриша Календаров представил на ученом совете цыпленка с двумя головами, заявив при этом, что птенец был рожден из яйца, которое в течение определенного срока находилось под воздействием УВЧ. Дабы окончательно сразить присутствовавших, Календаров продемонстрировал эксперимент над человеческой головой. Спустя несколько минут обрабатываемая УВЧ голова прямо на глазах изумленной публики ссохлась из-за резкой потери влаги в тканях.

Однако не все научные идеи Календарова оказались ворованными. Именно ему принадлежит авторство способов получения с помощью УВЧ концентрированных продуктов. Однако идея так и осталась всего лишь идеей, поскольку ее внедрение в производство оказалось слишком дорогостоящим.

Кроме того, Григорий Календаров сам неоднократно принимал непосредственное участие в экспериментах, целью которых было изучение воздействия УВЧ на организм человека. Тогда он нередко выступал в буквальном смысле слова подопытным кроликом. Позднее, отчитываясь о проведенных опытах, он напишет: «В мощном поле возникает ощущение внутреннего тепла и скованность в движениях. Через две минуты температура тела повысилась до 38,6, наблюдается учащение пульса, выступает пот, ощущение тепла в суставах переходит в резкую боль. После воздействия в течение суток отмечаются головная боль, головокружение, разбитость, нарушение походки, острый голод, который не утоляется даже большим количеством пищи».

Представители сильных мира сего особенного внимания проведению научных экспериментов, руководителем которых был Календаров, не уделяли. Они терпеливо ожидали только результатов опытов, то есть появления мощного заградительного оружия, которое, как говорил сам «автор-разработчик», «будет снимать самолеты, как галок, остановит танки и машины, а кавалеристы при попытке обнажить клинки повалятся с лошадей, как снопы».

Именно поэтому Календаров долгое время мог проводить свои эксперименты, нисколько не опасаясь наказания за мошенничество и обман. А мастером обмана он был превосходным. Как-то раз, во время включения высокочастотной установки, обнаружили помехи в телефонной линии, связывавшей Ленинград и Шлиссельбург. Тогда предприимчивый Календаров велел Запорожцу спешно телеграфировать в столицу и сообщить о том, что им был найден способ с помощью УВЧ создавать помехи на телефонных линиях. Для этого, по словам Календарова, следовало увеличить мощность генератора, испускавшего смертоносные для человека лучи.

Запорожец тут же выслал срочное сообщение на имя членов правительства. Однако уже спустя несколько часов Календаров и Запорожец поняли, что допустили ошибку, которая может стоить им жизни. Тогда Запорожец, назвав руководителя лаборатории обманщиком и аферистом, потребовал от того написать заявление об уходе. Календаров не заставил себя просить дважды.

Г.Г. Ягода

На следующий день заявление Календарова было передано в канцелярию правительства. Ягода, узнавший об отставке Календарова, вызвал его к себе в кабинет, где, применив угрозы, «уговорил» его не отказываться от должности и продолжить проведение научных экспериментов. В противном случае Календарова ждал ГУЛАГ.

Таким образом, мошенничество Календарова вскрылось и стало известно в высоких кругах НКВД. Для того чтобы оградить своих чиновников от наказания, высокопоставленные сотрудники НКВД решили не давать делу огласки. Вскоре на месте Календарова оказался другой человек. А в лабораторию пришли сотрудники военного института.

Но Календарова, казалось, прошедшие события не научили ничему. Вскоре в его голове возник план о том, чтобы разработать электрический прибор, который можно было бы использовать в качестве китобойного орудия. Спустя несколько месяцев вместе с двумя своими друзьями Календаров оказался на одной из китобойных флотилий.

По прибытии на флотилию Календаров представился ученым и сообщил о том, что имеет всяческие награды за научные труды. Кроме того, мошенник заявил о том, что его имя якобы известно в самых широких кругах, он вхож в правительство и перед ним поставлена важная государственная задача – создать чудо-гарпун.

Визит Календарова к китобоям так же, как и история с лабораторией, закончился полным провалом. Гарпун действительно был создан. Но он сразу же разлетелся на куски в руках китобоя при первом же испытании. На следующий день после окончания эксперимента управляющий Дальморрыбпромыслом Лузин телеграфировал в столицу и убедительно просил директора Института экспериментальной медицины отозвать «этого авантюриста Календарова».

Вернувшись в Институт экспериментальной медицины, Календаров ощутил неприязнь к себе своих сослуживцев. В тот же день на имя Сталина и Молотова им была отправлена докладная записка, в которой обиженный сотрудник рассказывал о том, как руководитель лаборатории не позволяет ему проводить эксперименты. Вскоре в Институт экспериментальной медицины пришла правительственная телеграмма, содержащая всего несколько слов, суть которых сводилась к одному: ни в чем не препятствовать Календарову.

Прошло еще несколько месяцев. Институтом экспериментальной

медицины был выпущен научный сборник, получивший название «Электрический наркоз». Брошюра выпускалась под именем Григория Календарова. Его же имя значилось и в списке выступавших с докладом на грядущем Всесоюзном съезде физиологов. Но «великий комбинатор» Гриша Календаров так и не смог предстать перед слушателями. 16 августа 1937 года он оказался под арестом за связь с «врагами народа» Ягодой и Запорожцем.

На первом же допросе Календаров заявил о своей невиновности. Тогда же он говорил и о том, что его связи с «врагами народа» Ягодой и Запорожцем носили только служебный характер. Календаров, казалось, не уставал повторять, что с Запорожцем он встречался только в стенах лаборатории, где выполнял приказ товарища Сталина изготовить новое оружие.

На одном из допросов следователь обратился к задержанному с вопросом о том, почему спустя достаточно много времени после открытия лаборатории Календаров не смог представить ни одного какого-либо существенного результата своей работы. Тогда Календаров оправдался тем, что воплотить планы в жизнь ему якобы мешал руководитель Института экспериментальной медицины, под давлением которого он, Календаров, будто бы и рапортовал о достигнутом.

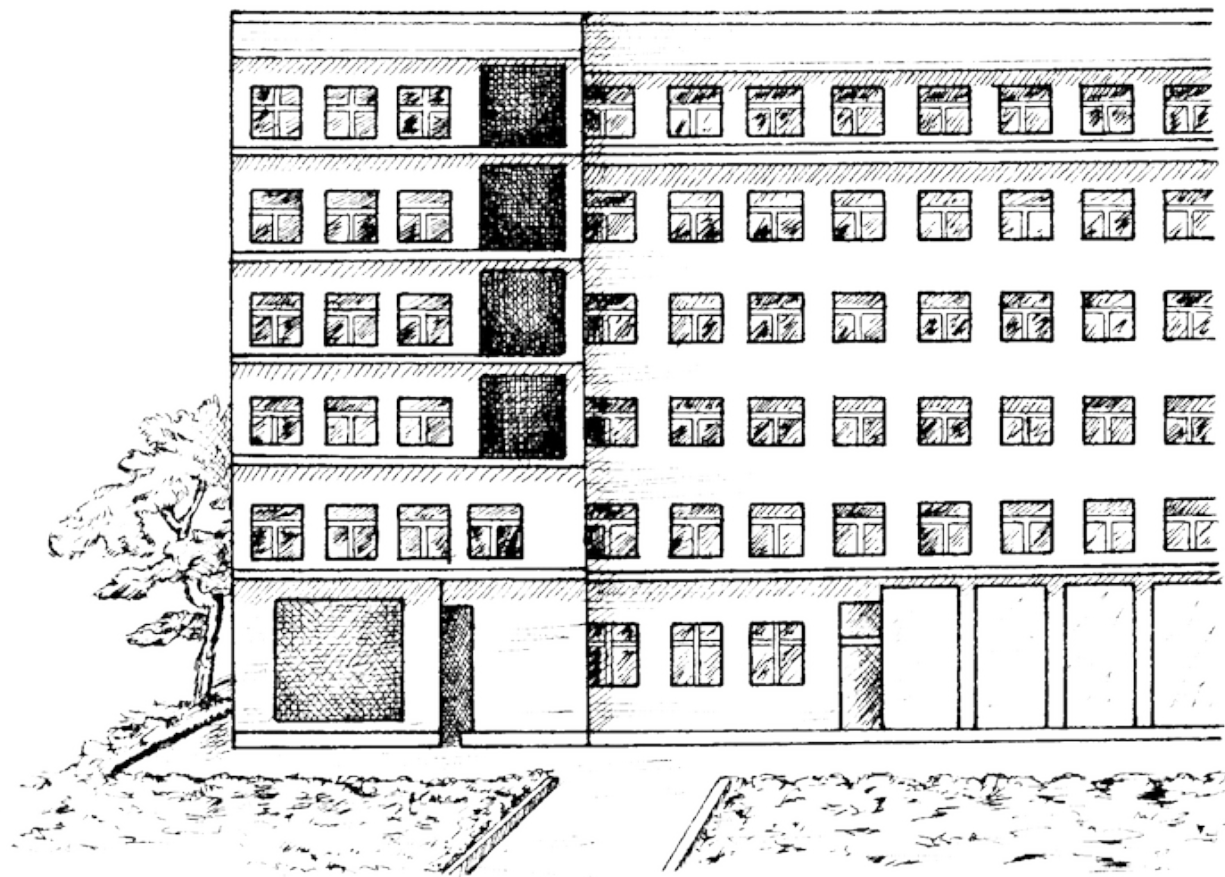
Опасаясь громкой огласки дела, власти НКВД решили упрятать Гришу Календарова подальше от глаз и ушей, то есть поместить в больницу одной из тюрем Ленинграда. Спустя несколько месяцев начальник ленинградского НКВД получит письмо, подписанное Григорием Календаровым. Заключение писал о том, что «решение по [его] делу ставит под удар работу, имеющую огромное значение для всей страны, которую [ему] поручил лично Иосиф Виссарионович Сталин и по которой [он несет] известные обязательства перед правительством и партией».

Именно личное знакомство Календарова и послужило причиной того, что начальник НКВД начал подробное расследование деятельности ученого в стенах секретной лаборатории. В ходе разбирательства выяснилось, что Календаров только создавал видимость работы. На самом деле ни один из проводимых под его руководством экспериментов не дал (и не мог дать) каких-либо результатов. Вот как отзывался о работе Календарова директор секретного НИИ-9 Н. И. Смирнов: «Об антисоветской и контрреволюционной деятельности Календарова ничего не знаю, но могу рассказать о результатах обследования его работы в отделе спецназначения Института экспериментальной медицины. Оказалось, что у Календарова нет даже предварительных технических гипотез. База в Буграх построена

без технического проекта. В лаборатории не было не только специалистов по двигателям внутреннего сгорания, но и самих двигателей, за исключением мотоциклетного. За все время работы поставлен единственный опыт воздействия УВЧ на мотор мотоцикла, сожжена система зажигания, и на этом дело кончилось».

Спустя некоторое время дело Календарова было передано из управления НКВД в прокуратуру. Однако следователь Хайкина не смогла предъявить псевдоученому каких-либо серьезных обвинений, кроме обвинения в порче казенного имущества, мошенничестве и авантюризме. За недоказанностью состава преступления Григорий Календаров в декабре 1939 года был отпущен на свободу. Естественно, после ареста Календаров не мог возвратиться и работать в стенах Института экспериментальной медицины. А потому руководство приняло решение перевести его сначала в московский филиал Института экспериментальной медицины, а через некоторое время – в Институт теоретической геофизики АН СССР.

С приходом в новый коллектив Календаров, что называется, взял быка за рога. Недолго раздумывая, он предложил директору научно-исследовательского института расчеты по применению теллурических токов в сельском хозяйстве.

Однако представленный проект не тронул сердце и душу руководителя Института теоретической геофизики. Раздосадованный неудачей Календаров вынужден был покинуть стены учреждения. А спустя некоторое время его уже встречали как нового директора в Московском областном институте физиотерапии.

Наступил 1941 год. Началась Великая Отечественная война. Нужно отдать должное авантюристу: он не остался в стороне от всеобщей беды. В период с октября 1941 года по сентябрь 1946 года Календаров находился в действующей армии и состоял в должности военного врача. За время службы он был награжден орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

Однако по окончании войны жажда наживы и стремление к наполненной приключениями жизни вновь возобладали в характере Календарова. Демобилизовавшись, он вновь оказался в должности научного сотрудника одного из известных в то время научно-исследовательских институтов. Однако не смог проработать там и года.

Позднее его видели работающим еще в нескольких научных

учреждениях. Так, он состоял в должности руководителя отделом научно-технической пропаганды Министерства трудовых резервов, работал в коллективе психиатрической клиники Первого Московского мединститута, служил в Лаборатории по оживлению организма АМН СССР, где, по слухам, защитил докторскую диссертацию.

После этого Календаров покинул столицу и отправился на поиски счастья в Крым. Там он поступил на службу в Институт физических методов лечения. А в 1953 году судьба забросила ловкого мошенника в Архангельск, где он занимал должность заведующего кафедрой патофизиологии. С февраля 1956 года о Григории Календарове ничего не известно.

Неудачи и везение Пьера де Варги

Один из наиболее знаменитых аферистов XX столетия был уроженцем Венгрии, имя которого интерпретируют по-разному: де Варга, Варга Хирш Пьер, де Варга Хирш де Тамази, де Варга де Томасси или Фишер. В нашем рассказе этот человек будет фигурировать как Пьер де Варга.

Его жизнь хочется сравнить с увлекательным приключенческим романом, в котором можно обнаружить все – интригу и любовь, гениальные аферы и пребывания за решеткой. Кроме того, история Пьера де Варги весьма поучительна как для профессиональных мошенников, так и для начинающих авантюристов, избравших сферой своей деятельности экономические отношения.

Родился прославленный аферист 21 марта 1920 года в столице Венгрии, городе Будапеште. Однако на протяжении ряда лет в заведенных на него досье в графе «дата рождения» значился 1910 год, причиной чего была неточность, сделанная при записи в актах гражданского состояния. Установить истину удалось лишь после получения от венгерских властей свидетельства о рождении Пьера.

С осени 1940 по январь 1941 года де Варга обучался в химической школе Лиона. Но закончить учебу ему не пришлось. По просьбе префекта департамента Рона Пьер был выслан из города.

Образ жизни молодого человека вызывал подозрения местной администрации. Огромные расходы, не соответствовавшие реальным доходам, а также связь с некой особой, известной под именем Соня Мадре де Керлан (она имела репутацию женщины легкого поведения и выдавала себя за московскую журналистку), наводили на мысли о нечестности и порочности Пьера де Варги.

Изгнанники попытались устроиться в Виши, однако отказ в выдаче вида на жительство заставил их отправиться в путешествие по стране.

В апреле 1941 года Варга и его сожительница добрались до замка Шаливуа Пар-Мерри (департамент Шер), в котором располагался детский приют, где в то время проживал сын Сони.

Лишь в сентябре 1941 года, отбыв пятнадцатидневный срок в тюрьме города Шалонсюр-Сон за пересечение демаркационной линии без особого на то разрешения, подозрительная пара обосновалась в департаменте Шер, неподалеку от вышеназванного замка.

Заручившись поддержкой настоятельницы религиозной коммуны,

содержавшей детский приют, выдав при этом себя за барона, а спутницу за законную супругу, баронессу де Варга, Пьер уже через несколько месяцев стал руководителем приюта.

Прикрываясь филантропическими идеями, он осуществил ряд противозаконных действий. Вскоре об этом стало известно руководству департамента Шер, и в соответствии с декретом от 15 ноября 1939 года о мерах, применяемых к лицам, представляющим опасность для общественного порядка, де Варга был на месяц посажен в тюрьму.

Заключению под стражу предшествовало обвинение в воровстве, злоупотреблении доверием и перепродаже краденого имущества (жалобу такого характера прислали главе департамента владельцы замка Шаливуа Пар-Мерри).

Де Варга был вынужден оставить занимаемый ранее пост и уехать из замка. Через некоторое время стало известно, что он возглавил информационно-разведывательный центр в Бурже, оказывающий всяческое содействие оккупационным властям. Именно в этот период деятельности Пьер получил прозвище Фишер, или Хирш.

Расположение немецкой администрации и предоставленная свобода действий способствовали созданию благоприятной атмосферы для осуществления противозаконной деятельности.

Однако и на этот раз удача отвернулась от авантюриста, его преступления были раскрыты. От тюрьмы не спасла даже протекция немецких властей: в апреле 1944 года де Варгу заключили под стражу, а затем перевели в Компьен.

В июле этого же года Пьер был депортирован в лагерь Нойенгамме, а в мае 1945 года освобожден из него с серьезными телесными повреждениями – следствием пыток и истязаний. Позже де Варга утверждал, что причиной его депортации явилась активная деятельность в рядах Сопротивления.

27 мая 1945 года репатриированный мошенник получил Военный крест якобы за участие в боевых действиях в период с 1939 по 1945 год. В сентябре ему вручили почетную грамоту, подписанную генералом де Голлем, а 6 мая 1946 года де Варга был удостоен благодарности самого маршала Монтгомери.

Апрель 1947 года ознаменовался началом новой карьеры талантливого афериста: начав работу в акционерном обществе в качестве редактора-информатора, Пьер поставил начальство в известность о том, что он – высококлассный специалист, обладатель дипломов Высшей школы политических наук и Высших коммерческих курсов. Это обстоятельство способствовало его продвижению по службе и осуществлению некоторых

противозаконных операций.

Однако в марте 1949 года по каким-то причинам де Варга оставил работу, сулившую высокие прибыли. Примерно в это же время стало известно о контактах Пьера с Германией, причем характер и значение данных связей оставались загадкой не только для руководства компании, но и для высокопоставленных чиновников, отвечавших за национальную безопасность.

Вскоре де Варга поступил на работу во французскую торговую компанию, а в сентябре 1949 года возглавил коммерческую службу общества «Лингвил».

Проработав всего два месяца в вышеназванной организации, Пьер начал собственное дело: по его инициативе было создано общество с ограниченной ответственностью «Дантель пластик», специализирующееся на приобретении, продаже и переработке пластмасс.

В апреле 1952 года данное предприятие было ликвидировано, суд приговорил Пьера де Варгу к выплате задолженности в размере 13 млн. старых франков. В октябре этого же года афериста поймали на незаконной торговой деятельности и обязали уплатить штраф в размере 50 тыс. франков.

Январь 1953 года стал для Пьера де Варги началом новой авантюры, сопровождавшейся открытием на дому юридической консультации.

Заявление афериста о том, что он является высококлассным и опытным специалистом в области гражданских и торговых споров, а также уполномоченным представителем коммерческого суда департамента Сена, позволило ему без помех зарегистрировать свою юридическую контору в установленном порядке. С этого времени объектом пристального внимания Пьера де Варги стали люди, попавшие в трудную ситуацию.

Казалось бы, такие показатели, как сомнительная репутация «адвоката», а также многочисленные жалобы и претензии со стороны физических и юридических лиц должны стать препятствием на пути к успеху, но в действительности юридическая консультация де Варги процветала.

Постепенно увеличивалось количество работающих на мошенника людей, к концу 1953 года их насчитывалось уже более 40; повышался также уровень клиентуры: наряду с простыми обывателями, услугами де Варги стали пользоваться состоятельные бизнесмены и политики. Де Варга сумел довольно быстро наладить отношения с высокопоставленными политическими и юридическими деятелями. Это обстоятельство способствовало появлению многочисленных завистников и врагов.

Успех задуманного предприятия способствовал притоку крупных денежных сумм в карман умного афериста. Уже в середине 1953 года он стал обладателем роскошной виллы в Марей-Марли (департамент Ивлин) с удобными подъездными путями.

Через несколько месяцев за довольно крупную сумму де Варга приобрел обширное поместье в Уст-сюр-Си (департамент Дром) с каменным домом, парком и многочисленными хозяйственными постройками. Обстоятельства этой сделки были весьма сомнительными.

В то же время счастливый обладатель имения и виллы не имел постоянного документа на проживание в стране.

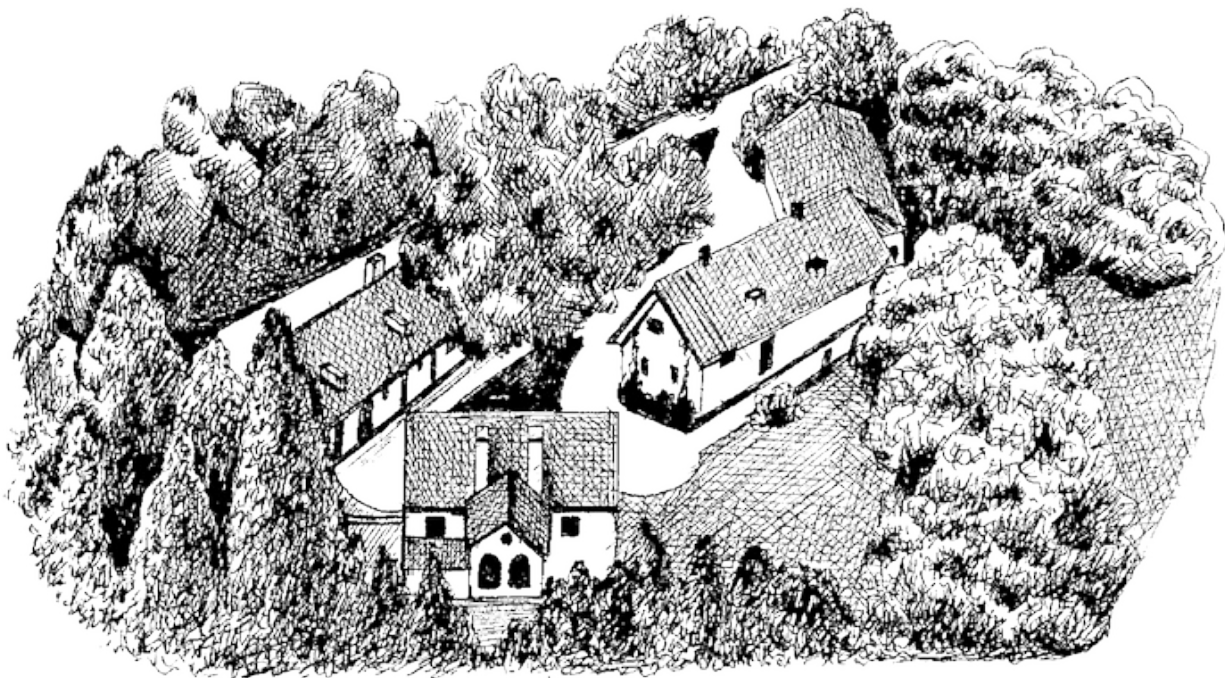
В октябре 1949 года он получил льготный вид на жительство, срок действия которого заканчивался в октябре 1960 года.

Однако неоднократные столкновения с местными властями привели к тому, что документ утратил свою силу на пятнадцать месяцев раньше срока, а в выдаче обычного вида на жительство сроком на три года де Варге было отказано. В результате, чтобы продлить свой временный документ, ему приходилось ежегодно обращаться к властям.

Главным направлением деятельности юридической консультации де Варги в то время была защита прав людей, в той или иной степени пострадавших во время дорожно-транспортных происшествий.

В 1961 году по инициативе этого человека начала работу ассоциация по защите прав автомобилистов и предупреждению несчастных случаев на автомагистралях.

По выходным Пьер лично объезжал больницы в поисках пострадавших на дорогах. Предлагая этим людям доверить защиту их интересов юристам ассоциации, мошенник выплачивал заранее оговоренные суммы, после чего добивался от страховых компаний выплаты максимально возможных страховок, разница, разумеется, шла в карман «защитника».

Деятельность новой организации вызвала подозрения в высших кругах власти.

Вскоре во всех французских департаментах появилось циркулярное письмо министра внутренних дел, в котором горожане предупреждались о действиях «некоторых лиц, создающих под предлогом оказания содействия улучшению условий дорожного движения и безопасности на дорогах различные общества и ассоциации с единственной целью обратить себе на пользу, путем применения мошеннических средств, бескорыстие общественности...»

Многочисленные жалобы, поступавшие из Ниццы, Амьена, Труа, Тулузы и ряда других городов, вынудили власти прибегнуть к такой мере воздействия, как тюремное заключение. Де Варга дважды (в феврале и июне 1963 года) отбывал наказание по обвинению в мошенничестве, злоупотреблении доверием, подлоге, выдаче чеков без обеспечения и фальсификации.

В ноябре 1965 года аферисту было предъявлено более серьезное обвинение, суд приговорил его к восьми годам тюремного заключения, трем годам запрета на проживание во французских департаментах и штрафу в размере 100 тыс. франков.

Кассационный суд подтвердил данное постановление, но отбыть весь срок в тюрьме Пьеру не пришлось. В апреле 1968 года вступил в силу декрет об условно-досрочном освобождении, и уже на следующий день де

Варгу, получившего с согласия начальницы кардиологической службы тюремного госпиталя Нелли Азера подложную медицинскую справку, отпустили на свободу. В дальнейшем у Пьера установились теплые, дружеские отношения с этой женщиной.

Вскоре была решена проблема и с проживанием мошенника на территории Франции: с согласия министра внутренних дел знаменитый мошенник обосновался в одном из департаментов, тем самым как бы снимался наложенный ранее запрет.

Возможно, причина такого снисхождения в том, что Пьер стал другом, то есть главным осведомителем, инспектора полиции, а также нашел других покровителей среди чиновничьей верхушки.

В 1970 году де Варга вошел в состав директоров акционерного общества ФИКОДИП. Уставной капитал этой организации делился между четырьмя акционерами, в числе которых находилась и Катрин де Варга, дочь знаменитого афериста.

Сфера деятельности Пьера де Варги в этот период была очень обширной: он управлял имуществом, участвовал в составлении и подписании всевозможных купчих, писал справки, занимался разделом имущества, операциями купли-продажи, страхованием, займами.

Однако главным его занятием в 1970-е годы стало организованное банкротство – операция несложная, но довольно прибыльная. Вместе с несколькими простофилями, согласившимися вложить деньги в прибыльный бизнес, он открывал рестораны, кафе или магазин. Но заведение сразу же начинало терпеть убытки и в итоге разорялось.

Незадачливым предпринимателям оставалось только смириться со своей печальной долей. Де Варга, «огорченный» не меньше, чем прочие банкроты, утешал: «Непредвиденные трудности, неверная оценка расходных статей».

К этой деятельности де Варга привлек опытного ресторатора Жан-Жака Арлабосса, неоднократно привлекавшегося к суду за нарушение закона об акционерных обществах.

Благодаря совместным усилиям этих авантюристов стали банкротами владельцы многих парижских ресторанов, в том числе «Ля Табльдоты», «Ле Кав де Муфтары», «Ле Трабукэры» и «Лаперузы», излюбленного места встреч деловых людей французской столицы.

Мошенничество де Варги в большинстве случаев оставалось безнаказанным, поскольку все знали, что с особо бдительными служителями порядка случаются разного рода неприятности.

Так, например, судье Пети, выносившему вердикт по делу общества

защиты пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях, чудом удалось спастись во время взрыва доставленной ему на дом посылки с секретом.

Еще одно странное совпадение: во время проверки де Варги в 1973 году получил ранение один из сотрудников налоговой службы, пуля 22-го калибра оказалась несмертельной, но заставила инспектора некоторое время провести в больнице.

В 1976 году Пьер сменил директорское кресло в ФИКОДИПе на аналогичное в акционерном обществе СОФИКОП, занимавшемся рассмотрением спорных вопросов общего характера и проведением финансово-экономических исследований.

Капитал этой организации в размере 100 тыс. франков делился на 100 частей, причем пятью из них обладала Катрин, еще пятью – управляющий делами и консультант по налоговым вопросам Патрик Аллене де Римбон, с именем которого в дальнейшем связывались некоторые сомнительные предприятия Пьера де Варги.

Официальная деятельность не препятствовала осуществлению противозаконных операций, приносящих около 60 тыс. франков в месяц. Эти тайные доходы «неплатежеспособный» де Варга тщательно скрывал от налоговых служб, однако финансисты и полицейские бригады продолжали внимательно следить за неблагонадежным господином.

Нахождение в черном списке французских банков не позволяло де Варге иметь банковские счета, не было в его доме и секретных сейфов для сокрытия крупных денежных сумм. Тем не менее доходы от незаконной деятельности имелись, и полиция долгое время не могла понять, куда они исчезают.

Дело в том, что де Варга располагал значительным количеством подставных лиц: официальной владелицей его квартиры была дочь Катрин, банковские счета отца, племянницы и прочих родственников, а также некоторых друзей служили ширмой для перевода огромных денежных сумм. Так, Эрмина Дельфур, секретарша талантливого афериста, имела три банковских счета, два из которых находились в полном распоряжении Пьера.

Вокруг де Варги образовался настоящий придворный круг из подставных лиц. Среди почитателей выдающегося дарования этого человека было много женщин, которые, видимо, становились жертвами его личного обаяния.

Де Варга привлекал к себе внимание не только умением зарабатывать деньги. Живость и острота ума, высокий интеллектуальный потенциал делали его приятным собеседником.

Увлечение этого человека литературой ознаменовалось появлением нескольких шедевров: в 1952 году увидела свет книга о спиритизме «Ясновидение и сопутствующие ему феномены», одним из авторов которой был Пьер де Варга, примерно в то же время вышел небольшой томик стихов де Варги под названием «Пауза». Конечно, литературная деятельность не являлась источником высоких доходов, но приносила мошеннику моральное удовлетворение.

Еще одним увлечением талантливого афериста была живопись. Он писал свои фантастические полотна под псевдонимом Пьер Валли, затем через подставное лицо продавал их за огромные деньги в казино «Де Шарбоньер».

Эта очередная афера была выгодна и продавцам, и покупателям: первые получали большое денежное вознаграждение, а вторые – возможность снизить сумму прибыли, облагаемую налогом. Нет сомнения, что де Варга возвращал гонорары обратно, а дирекция казино отдавала ему часть прибыли, полученной в результате удачно проделанных махинаций.

Одной из наиболее грандиозных афер, осуществленных Пьером де Варгой совместно с Патриком де Римбоном и принцем де Бреем, стала коммерческая операция с рестораном «Королева Педок».

За несколько недель до начала этой аферы к де Варге обратился депутат парламента принц Жан де Брей с просьбой о помощи: будучи акционером «Пюбли М. Г.», он взял в банке «Гальер» 1 млн. франков, чтобы создать собственное общество под названием «Киоскидео», однако идея оказалась неудачной.

Надеясь получить выгоду от знакомства с высокопоставленной особой,

де Варга сразу же взялся за дело: вынудив создателей «Пюбли М. Г.», Лепина и Маркаряна, передать принцу 660 из 1000 акций общества, он продемонстрировал лишь одну сторону своего дарования и «бескорыстие», с которым он помогает попавшим в беду друзьям. Благодарный простофиля де Бре́й с энтузиазмом взялся за дело, но вскоре снова оказался у разбитого корыта.

В июне 1976 года Банк Франции ликвидировал банковские счета Лепина и Маркаряна (видимо, здесь не обошлось без участия де Варги). Расплачиваться с долгами снова пришлось принцу, на этот раз он занял 500 тыс. франков в банке «Демаши», из которых около 115 тыс. франков пошло на уплату помощи де Варги.

Кроме того, де Брею пришлось занять еще 580 тыс. франков в банке «Креди фонсье коммюналь д'Альзас-Лоррэн» для выкупа платежных обязательств у отдельных клиентов «Пюбли М. Г.». Этот последний заем принцу удалось получить при помощи небезызвестной Эрмины Дельфур под залог своих лесных угодий в нормандском имении.

Участие во всех этих махинациях постепенно лишало де Брею состояния. Желая как-то поддержать принца в беде, мошенник предложил ему приобрести всего за 200 тыс. франков квартиру в Каннах, некогда принадлежавшую одному из основателей «Пюбли М. Г.», Маркаряну. Таким образом, помощь де Варги обошлась принцу де Брею в кругленькую сумму – 1,5–2 млн. франков.

Тем не менее незадачливый акционер продолжал верить своему хитрому финансовому консультанту. Именно такой партнер, напористый, способный раздобыть необходимые средства, был нужен принцу, стремящемуся поправить свое финансовое положение.

На суде, состоявшемся через несколько лет после знаменательной встречи, де Варга будет утверждать, что де Бре́й знал все о его уголовном прошлом, но все-таки продолжал сотрудничество.

Деловые отношения между этими людьми довольно быстро переросли в дружеские, о чем свидетельствуют многочисленные телефонные переговоры и посещения принцем дома де Варги на улице Дарданелл.

К концу 1976 года де Бре́й превратился в винтик отлаженной мошеннической машины де Варги: огромные денежные суммы из состояния принца перекачивались в карман афериста, де Бре́й даже хотел посвятить мошенника в свои семейные дела и доверить управление всем состоянием, но что-то помешало ему сделать этот шаг.

Однако вернемся к афере с рестораном «Королева Педок», пользовавшимся в довоенные годы необыкновенной популярностью.

Об этом заведении де Варга узнал от страхового агента по имени Жан Бесс, отсидевшего в свое время в тюрьме по обвинению в злоупотреблении доверием.

Стремление к наживе заставило мошенника подыскать подходящего покупателя-простофилю, выбор пал на Жана де Брея. Предложение друга Патрика де Римбона приобрести популярный некогда ресторан нашло горячий отклик у принца, однако для совершения этой покупки нужно было снова брать заем.

Де Варгу пригласили в качестве ассистента, «специальные познания в области финансовой деятельности» которого, а также широкие связи и возможности могли оказаться при совершении сделки более или менее полезными.

На суде аферисты объясняли, что принц ухватился за идею с рестораном в надежде «наилучшим образом распределить свое состояние, а также найти подходящее место для возвращающегося из Америки сына» (предполагалось, что Виктор Франсуа займет престижную должность в дирекции ресторана).

Кроме покупки «Королевы Педок», аферисты предполагали приобрести с помощью де Брея фабрику по изготовлению одежды и клинику Амбруаз-Паре в Нейи.

Для реализации этих планов в отделении Национального парижского банка в Бернэ было взято 4 млн. франков, принц обязался вернуть деньги, взятые под залог 801 га лесных угодий, до 1981 года. Таким образом, почти все имущество де Брея оказалось заложено.

Не веря в успех задуманного предприятия и не желая оказаться на улице после банкротства мужа, мадам де Брей сумела добиться раздела их общего имущества, что заметно пошатнуло материальное благосостояние принца.

Сумма займа, большую часть которой следовало потратить на покупку клиники, была вложена в «Королеву Педок». Единственной гарантией Жана де Брея в этом деле были акции ресторана, полученные из рук де Римбона и 600 тыс. франков так называемых скрытых комиссионных.

Де Варга, не принимавший непосредственного участия в этой мошеннической сделке, контролировал ситуацию через свою дочь Катрин. Именно она стала после осуществления коварного плана номинальной владелицей 50 % акций «Королевы Педок», фактически же совладельцем ресторана являлся сам Пьер де Варга.

В феврале 1976 года сын принца был принят на работу в «Королеву Педок» в качестве атташе дирекции, в то же время он занимался делами

отцовской компании «Пюбли М. Г.».

Однако присутствие Виктора Франсуа в ресторане не уберегло это заведение от краха. Уже в начале июня де Варга обратился к принцу с просьбой дать согласие на получение в банке «Демаши» краткосрочного кредита на сумму 700 тыс. франков в обмен на часть акций ресторана. Получив согласие, он уже в конце месяца осуществил задуманное.

Помимо этого, де Варга получал значительные суммы от продажи ресторану написанных им же самим картин (каждая из них имела цену 200 тыс. франков).

Дела ресторана с каждым месяцем становились все хуже и хуже, 7 февраля 1977 года было объявлено о банкротстве «Королевы Педок» с дефицитом в размере 3,5 млн. франков, а в мае этого же года суд вынес постановление о ликвидации этого заведения.

Лишь после смерти Жана де Брея полиция напала на след мошенников. Причину трагической гибели принца следователи усмотрели в нежелании аферистов выплачивать банку 4 млн. франков, потраченных на осуществление мошеннических операций.

Обвинение в убийстве было предъявлено Пьеру де Варге, однако он отрицал свою причастность к этому преступлению, приводя в свою пользу такой аргумент: принц являлся для него «курицей, несущей золотые яйца», смерть этого человека негативно отразилась бы на благосостоянии афериста: «Теряя принца, я теряю целое состояние, исчисляемое 4 млн. 650 тыс. франков».

Де Варга полагал, что он стал жертвой «широкого заговора, направленного на то, чтобы взвалить на него всю вину». Аферист несколько раз повторял следователю: «Жан де Брей убит в результате политического заговора, а я не более чем козел отпущения. Я очень удобная фигура. Посмотрите сами, мой партнер де Римбон, раскрутивший дело с «Королевой Педок», оправдан за отсутствием состава преступления, тогда как я был вынужден пять лет гнить в камере предварительного заключения вследствие вопиющей судебной ошибки».

Однако следователям удалось доказать вину Пьера де Варги: во-первых, все проекты займов так и не были реализованы, во-вторых, малая платежеспособность принца не позволила бы ему в дальнейшем получать крупные займы.

Таким образом, источник высоких доходов постепенно иссякал, а ресторанный бизнес приближался к банкротству еще до убийства принца. Следовательно, не скандал, связанный с убийством владельца ресторана, стал причиной исчезновения клиентов и возникновения опасений у

кредиторов. Именно к такому выводу пришли специалисты, расследовавшие это весьма запутанное дело.

В их отчете говорилось также, что «Королева Педок» прекратила выплачивать суммы по своим обязательствам еще за полгода до смерти Жана де Брея. Видимо, это обстоятельство и послужило основанием для вынесения смертного приговора принцу.

В декабре 1979 года де Римбон и де Варга встретились на скамье подсудимых исправительного трибунала: первого из них присудили к 18 месяцам (девять из них условно), а второго – к двум годам тюремного заключения за «банкротство и злостное нарушение законодательства об акционерных обществах».

В июле 1980 года французская общественность испытала некоторый шок: в газетах появилось сенсационное сообщение – адвокаты Ломбар, Шпинер и Пиньо добились освобождения и полного оправдания Пьера де Варги.

Вся ответственность за банкротство «Королевы Педок» и связанные с ней финансовые махинации была возложена на Патрика де Римбона, и это несмотря на то, что следствие не обнаружило никаких доказательств его сговора с убийцами Жана де Брея.

Окончательное обвинительное заключение гласило: «Результаты, полученные в ходе дополнительного следствия, хотя и подтвердили обвинение, выдвинутое против подсудимых, в частности против де Варги, тем не менее не позволили выявить какие-либо другие мотивы преступления, кроме тех, которые были определены на момент окончания производства по данному делу.

Де Варга, владеющий половиной акций ресторана «Королева Педок» через подставных лиц, имел достаточные основания убрать кредитора, чья смерть позволяла аннулировать за счет договоров страхования задолженность перед банком.

Таковы единственно правдоподобные побудительные причины преступления, установленные на основе конкретных фактов, выявленных в ходе судебного расследования».

Таким образом, суд был вынужден признать верной первоначальную версию преступления, а хитроумный Пьер де Варга ушел от наказания.

Узаконенные взятки

В 1981 году в одном из американских судов проходило рядовое разбирательство дела, суть которого заключалась в следующем. Гражданин Саудовской Аравии Аднан Хашогги предъявил иск компании «Нортроп корпорейшн», не заплатившей ему вовремя комиссионных за посреднические услуги по сбыту своей продукции. Казалось бы, ничего особенного, но кое-что в этой истории настораживало. Во-первых, сумма, которую Хашогги требовал возместить, равнялась 20 млн. долларов, во-вторых, и что самое удивительное, представители «Нортроп» признали требования противной стороны вполне обоснованными и согласились их удовлетворить.

Но и вышесказанное являлось только половиной дела, так как комиссионные, по сути, были не чем иным, как взяткой. А взяточничество, как известно, карается законом. Таким образом, получается, что стороны провели передачу взятки через суд с помощью того же самого закона, обратив его себе на пользу. Как могло это произойти? Чтобы ответить на данный вопрос, надо вернуться немного назад и рассказать об Аднана Хашогги – личности поистине неординарной.

Итак, Аднан Хашогги снискал славу выдающегося авантюриста второй половины XX века, работающего со многими чиновниками из западных стран, занимающих высокие посты в своих государствах. О Хашогги не раз писали различные периодические издания. Вот, например, какую характеристику ему дал журнал «Жен Африк»: «Едва произносят его имя, как в воображении сразу же возникают пачки долларов, оргии, неслыханная роскошь, богато отделанные частные самолеты и яхты, секретные встречи, баснословные взятки официальным лицам, облаченные в достойную форму займов. Это своего рода сказки «Тысячи и одной ночи» эпохи Уолл-стрита».

Аднан Хашогги появился на свет в семье врача, имевшего практику в известном мусульманском центре – Мекке. Чтобы составить представление о доходах семьи Хашогги, достаточно сказать, что к услугам отца Аднана не раз прибегал сам саудовский король Ибн-Сауд. Последний же отличился тем, что за чрезвычайно низкую цену (35 тыс. соверенов) передал права американцам на добычу нефти в аравийских пустынях.

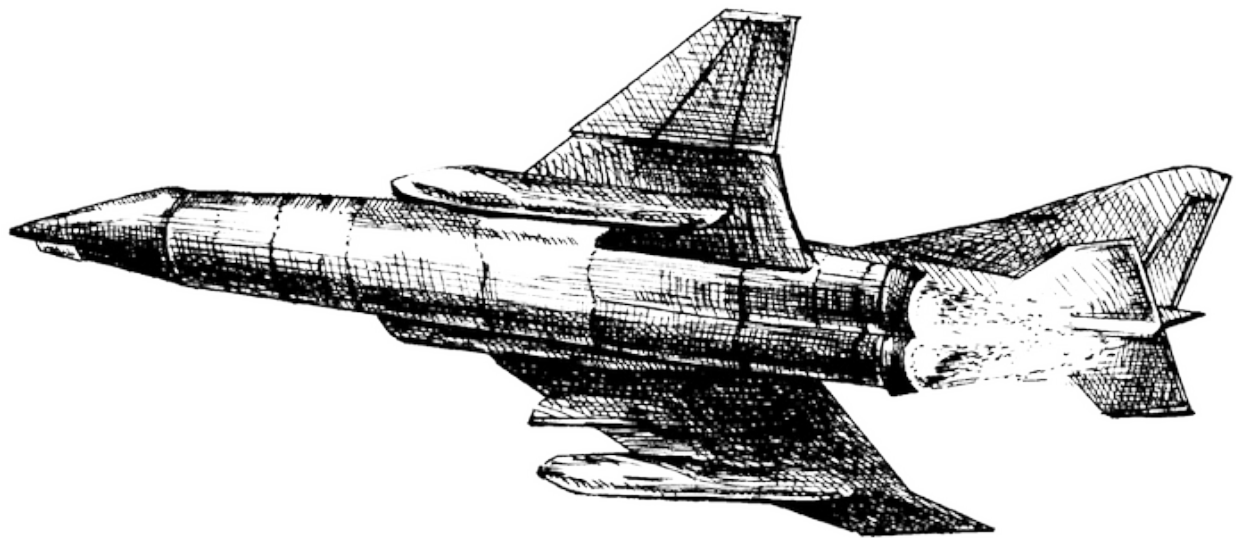
Повзрослев, Аднан отправился учиться в Стэнфордский университет. И хотя диплома получить Хашогги не удалось, в дальнейшей жизни ему это

нисколько не помешало.

В 1962 году Аднан взялся исполнять обязанности посредника по доставке оружия в армию свергнутого имама Йемена и заработал таким образом немалые деньги. А очень скоро имя Хашогги было уже хорошо известно в определенных кругах. К нему обращались всякий раз, когда возникала потребность заключить ту или иную сделку между нефтяными монархиями Ближнего Востока и военными монополиями Запада.

В конце концов Хашогги таким путем нажил немалое богатства. Он является владельцем холдинговой компании «Триад», сети баров, расположенных по всему миру, двух банков в Соединенных Штатах. О размерах его состояния точно неизвестно, но о них можно судить хотя бы уже по тому факту, что жена Хашогги во время бракоразводного процесса потребовала у мужа компенсацию в размере 2,5 млрд. долларов.

И вот однажды пересеклись пути одной из ведущих военно-промышленных корпораций США под названием «Нортроп» и Хашогги. Произошло это, конечно, не в одночасье, и данное событие обусловлено целым рядом различных обстоятельств. Так, в 1974 году министерства обороны четырех государств – Бельгии, Дании, Нидерландов и Норвегии – решили заменить стоящие у них на вооружении американские истребители «Старфайтер» новыми самолетами. В конкурентную борьбу за получение выгодного заказа вступили несколько авиастроительных фирм Западной Европы и США. Предстоящую сделку нарекли «контрактом века», так как заказ оценивался по меньшей мере в 3 млрд. 600 млн. долларов.

В назначенное время четыре европейских министра прибыли на

военно-воздушную базу Эдвардс в Калифорнии, где под руководством министра обороны США Шлесинджера прошел показ истребителей компании «Нортроп» и самолетов фирмы «Дженерал дайнэмикс». Именно эти две корпорации, пользуясь активной поддержкой американского правительства, с самого начала смогли занять лидирующее положение в борьбе за сделку.

Демонстрационные полеты, состоявшиеся на базе Эдвардс, развеяли последние сомнения на счет того, кто подпишет «контракт века» – все преимущества, бесспорно, были на стороне «Нортроп корпорейшн». Но тут возникло неожиданное затруднение. Дело в том, что европейские чиновники поставили такое условие: они приобретут тот самолет, который будет принят на вооружение американских военно-воздушных сил.

Дело в том, что «контракт века» при некоторых обстоятельствах грозил обернуться «скандалом века». А обстоятельства эти, собственно, заключались в том, что были раскрыты незаконные операции, проводимые «Нортроп корпорейшн». Если бы Пентагон принял на вооружение нортроповские самолеты, он тем самым оказал бы открытое покровительство беззаконию. Это, в свою очередь, привело бы к тому, что по прошествии какого-то времени страны – потенциальные покупатели вообще начали бы отказываться от каких-либо американских предложений.

Однако скандала все же избежать не удалось. Специальный прокурор обвинил председателя совета директоров корпорации «Нортроп» в «сознательном пособничестве и подстрекательстве к денежным выплатам с целью осуществления незаконных политических сделок». Перед главой «Нортроп» ясно обрисовалась угроза отбывания приличного срока в местах лишения свободы, но суд приговорил его всего лишь к штрафу в 5 тыс. долларов. Согласитесь, для такого человека, каким являлся председатель совета директоров крупнейшего военно-промышленного комплекса, данная сумма до смешного маленькая.

Но не все так просто. По чьей-то рекомендации американская правительственная комиссия по контролю над операциями с ценными бумагами потребовала, чтобы фирма «Эрнст энд Эрнст», «присматривавшая» за «Нортроп» и следившая за правильностью ведения бухгалтерских счетов компании, составила доклад о зарубежных сделках своего подопечного и передала его в сенатскую подкомиссию по делам многонациональных компаний. И вот тут-то и грянул гром, да какой!

В популярном журнале «Ньюсуик» те дни описываются следующим образом: «События развивались буквально не по дням, а по часам. В них вовлекались все новые люди, новые страны, словно в хорошо закрученном

сюжете международного боевика. Там пало правительство, здесь бизнесмен покончил жизнь самоубийством, еще где-то запятнавшие себя лидеры вынуждены сойти с политической сцены. А разоблачения не прекращались. Все больше американских компаний признавали, что они истратили за границей миллионы долларов на подкуп, взятки и на проталкивание выгодных сделок. Однако все эти разоблачения померкли, когда открылась новая, самая захватывающая глава „боевика“ о 30 млн. долларов, написанная корпорацией „Нортроп“».

Именно такую сумму «Нортроп корпорейшн» израсходовала за 1971–1973 годы на подкуп должностных лиц в разных странах, которые помогали продвижению продукции данной фирмы на рынке военной техники. И надо отметить, что эти деньги не пропали даром: например, нортроповские самолеты стали одними из самых популярных в мире и закупались 30 государствами.

При сложившихся условиях глава «Нортроп» счел за благо для себя признаться в совершенных злодеяниях и честно рассказал обо всех делах корпорации, не упуская при этом малейших подробностей, то есть имен, дат и т. д. Однако в делах компании оказались замешанными такие высокопоставленные чиновники, что американские законодатели поспешили заключить большую часть показаний председателя совета директоров злополучной компании под гриф «секретно».

Одним из агентов «Нортроп корпорейшн», способствовавшим внедрению продукции фирмы в страны Персидского залива, являлся небезызвестный нам Аднан Хашогги. Благодаря его стараниям Саудовская Аравия заключила с «Нортроп» контракт на поставку 110 истребителей на сумму 765 млн. долларов, причем за каждую машину страна-покупательница переплатила порядка 4 млн. долларов. Хашогги же за содействие в осуществлении этой сделки получил 8,9 млн. долларов. Всего же, если верить словам Аднана, в течение 7 лет он получил от «Нортроп» около 45 млн. долларов.

Впрочем, дело о подозрительных операциях «Нортроп» вскоре было закрыто, так как глава данной фирмы, давая показания, не забыл, как бы между прочим, отметить, что программа поставок самолетов принесла в актив платежного баланса США миллиарды долларов. Этот «случайно упомянутый» нортроповским боссом факт оказался настолько веским, что заставил чиновников закрыть глаза на махинации корпорации.

Со временем руководители «Нортроп корпорейшн» набрались ума и больше закона не преступали, вручая взятки не тайком в конвертах, а через суд. Именно таким образом Хашогги получил 20 млн. долларов.

Как уже говорилось выше, процесс по делу о «недоплаченных комиссионных» состоялся в 1981 году, а уже в начале 1982 года Пентагон при пособничестве Аднана Хашогги подписал контракт с Саудовской Аравией на поставку последней партии нортроповских истребителей на сумму 350 млн. долларов.

В дальнейшем дела «Нортроп корпорейшн» неизменно шли в гору, и в настоящее время компания процветает.

Криминал в Стране восходящего солнца

Один из самых скандальных процессов в мире по делу о взятках продолжался в течение семи лет – с января 1977 года по октябрь 1983 года.

Начало же ему было положено еще в конце 1950-х годов. Тогда председатель совета директоров американской военно-промышленной корпорации «Локхид» поручил некоему Кену Халлу, занимающемуся распространением за рубежом продукции данной фирмы, продать в Японию партию истребителей «Старфайтер». Халл немедленно взялся за дело и нашел себе замечательного помощника – Ёсио Кодама по кличке Монстр, свыше 20 лет служившего секретным агентом «Локхида».

Этот человек был личностью весьма незаурядной. Так, в 1941 году Кодама, которому в ту пору было 30 лет, возглавлял агентство, поставлявшее в Японию сырье из Китая. К концу войны Кодама являлся обладателем несметных сокровищ: вывезенных из Китая бриллиантов, платины и других драгоценностей. Правда, за эти богатства Кодама оказался вынужден расплатиться тремя годами лишения свободы, но сам он о том не жалел и впоследствии утверждал, что именно в тюрьме он познакомился с нужными людьми.

Видимо, там же его завербовали и американские спецслужбы.

Основатель новой либеральной партии Японии Исиро Хатаяма, ставший вскоре премьер-министром данной страны, получил основные денежные вложения в фонд своей партии от Кодамы – крестного отца японской мафии.

Ёсио Кодама сделался агентом корпорации «Локхид», которой стало известно о том, что японские ВВС решили закупить истребители «Супертигр», выпускаемые фирмой «Грумман». И вот тут-то в дело и вмешался Кодама. Главой правительства Японии в то время был его друг Нобусуке Киси, поэтому осуществить задуманное шпиону «Локхид» не составило труда: вскоре до сведения представителей компании «Грумман» довели, что закупка ее «супертигров» не состоится. Вместо того премьер Киси заказал 230 локхидовских истребителей.

Примечательно, что все свои махинации корпорация проворачивала с молчаливого одобрения Вашингтона.

Второй этап криминальной истории с прежними действующими лицами, к которым добавилось и несколько новых, начался в 1970-е годы, а именно тогда, когда в Японию прилетел президент «Локхид» Карл Котчиан,

то есть 20 августа 1972 года. Подлинной целью визита Котчиана в Страну восходящего солнца было налаживание партнерских отношений с новым премьер-министром Японии Какуэй Танакой. Следует отметить, что последний безупречным поведением не отличался: в 1948 году Танаку обвинили в подкупе и по приговору суда заключили в тюрьму, откуда он освободился через год. Далее дела Танаки резко пошли в гору, и он быстро сделал карьеру, заняв в начале 1970-х годов пост премьер-министра Японии.

Итак, по прибытии в Японию Котчиан провел несколько важных встреч. Первую – с президентом корпорации «Марубени», являвшейся официальным представителем «Локхид» в Стране восходящего солнца. Котчиан попросил босса «Марубени» поговорить с Танакой по поводу закупки локхидовских самолетов.

Здесь следует немного подробнее рассказать о некоторых других событиях тех дней. Дело в том, что как раз в то время председатель совета директоров компании-конкурента Локхида под названием «Грумман»

предложил через помощника президента США Ричарда Никсона, Ричарда Аллена, чтобы на запланированной встрече в Гонолулу с Танакой глава Соединенных Штатов похлопотал о закупке Японией американского груммановского военного самолета «И2Си».

Через некоторое время Ричард Аллен сообщил президенту «Грумман», что Никсон сможет оказать влияние на японского премьера только в том случае, если корпорация «Грумман» внесет в предвыборный фонд Никсона 1 млн. долларов. Какую сумму пообещало Никсону руководство «Локхид» за посредничество при продаже своих самолетов, неизвестно.

22 августа 1972 года Карл Котчиан опять разговаривал с президентом «Марубени», и тот сказал ему, что премьеру Танаке необходимо дать взятку в размере около 2 млн. долларов.

Котчиан прислушался к совету и в точности исполнил его. Кроме того, он встретился и с Ёсио Кодамой. Последний брался найти надежного человека, занимающего высокий пост, способного за определенную сумму, конечно, склонить премьера в пользу корпорации «Локхид».

Усилия, затраченные Котчианом на выполнение задуманного, вскоре принесли свои результаты. Японский премьер позвонил президенту авиакомпания «АНА» Токудзи Вакаса и предложил ему подписать контракт с компанией «Локхид». Казалось бы, у Котчиана все получилось и можно праздновать победу, но не тут-то было.

Как-то ночью в одном из номеров японского отеля «Окура», где остановился Котчиан, раздался телефонный звонок. Президент «Локхид» снял трубку, и незнакомый мужской голос сообщил ему, что японская компания согласится закупить американские самолеты, только если ее руководителю заплатят 300 тыс. долларов наличными, не забыв при этом раздать по 100 тыс. долларов еще шести японским политикам, замешанным в деле.

Котчиан выполнил требования анонима, и долгожданный контракт был подписан. К тому времени общая сумма взяток, данных Котчианом премьеру Танаке, его министрам и другим заинтересованным лицам, превысила 12 млн. долларов.

Конец истории с корпорацией «Локхид» ознаменовался слушаниями в сенатской подкомиссии США. Примечательно, что главное внимание следователи, ведущие дело о взятках, уделяли не обличению аферистов-соотечественников, а демонстрации низости и беспринципности руководителей Страны восходящего солнца. Президента «Локхид» отпустили с миром на пенсию, а его место занял некто Джон Пламмер, бывший заместитель министра военно-воздушных сил США.

Для Какуэя Танаки, премьер-министра Японии, судебный процесс имел большие последствия, чем для Котчиана. В течение почти 8 лет он приходил в здание токийского окружного суда, давал показания и оправдывался. Прибегал он и к различным хитростям, через подставных лиц подкупая следователей и убирая опасных свидетелей. Все же суд приговорил его к четырем годам тюремного заключения. Однако Танака каким-то чудом умудрился не только остаться на свободе, но и сохранить за собой место депутата парламента.

Бензиновый король

В 1946 году в Бухаресте родился Майкл Марковиц, впоследствии иммигрировавший в Америку и прославившийся там как бензиновый магнат. Но обо всем по порядку.

Отец Майкла был владельцем крупного предприятия по производству текстиля. После прихода в Румынии к власти коммунистов фабрику Марковица-старшего национализировали, а сам он вместе с семьей решил перебраться на историческую родину, в Израиль. Именно там Майкл закончил высшее учебное заведение и получил диплом математика и инженера.

Поступив на службу в армию, он познакомился с некоей Лией Зигельбаум, бывшей сержантом в том полку, куда его направили. В дальнейшем она стала его женой.

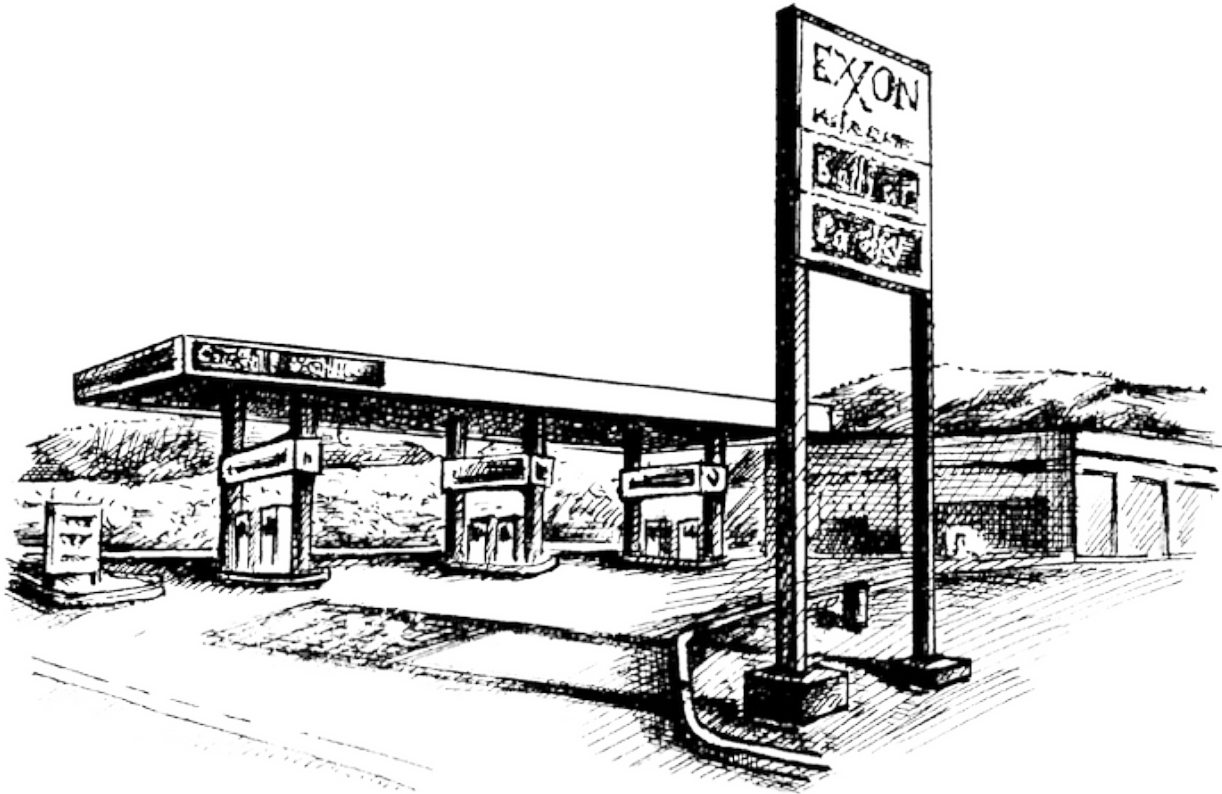
По прошествии некоторого времени Марковиц осознал тот факт, что он не в состоянии обеспечить свою семью достаточным количеством денег. И тогда Майкл перебирается в США, где знакомится с бизнесменом Эфраимом Шуркой. На пару с ним он вскоре изобретает счетчик для такси, предназначенный для фиксации платы за проезд и автоматически выдающий квитанции пассажирам.

Между тем Шурка обещает Марковицу поспособствовать через знакомых внедрению изобретения в производство. Он добивается аудиенции у Хайма Шворца – посредника, который за определенную сумму наличных берет на себя представить проект руководителю Комиссии по такси и лимузинам Джею Турову, после чего сообщить об этом друзьям. В назначенный день последние приходят к Шворцу, но тот вдруг объявляет, что еще за две недели до их первого посещения он сам изобрел счетчик, похожий на тот, конструкцию которого предложили Марковиц и Шурка. В результате приятелям не остается ничего другого, как стерпеть обиду, так как доказать они ничего бы не смогли.

Следует отметить, что неудача со счетчиком явилась поворотным моментом в судьбе Марковица. Именно с тех пор он оставляет всякие попытки заняться легальным бизнесом и сближается с криминальным миром. Его новым знакомым становится главарь крупной американской преступной банды Джозеф Школьник, который «просвещает» Марковица насчет того, как следует вести дела в Америке, чтобы добиться успеха. Именно Школьник дал совет Марковицу заняться достаточно прибыльным

бензиновым делом и одновременно научил способам обхождения налогового кодекса в свою пользу.

Майкл начал с того, что, раздобыв 1,5 млн. долларов, создал в Лонг-Айленде сеть бензозаправочных станций. Причем на должность директора каждой бензозаправки он назначал исключительно иммигрантов, не понимающих и не говорящих по-английски. Ну а дальше деньги рекой потекли в карманы Марковица.

Суть же аферы заключалась в том, что когда на принадлежавшую Майклу заправочную станцию являлся налоговый инспектор, то общаться ему приходилось лишь с иностранцем, не способным воспринимать английскую речь. После нескольких минут разговора представитель налоговых органов уходил, так и не добившись необходимой ему информации. Повторные визиты полицейских также ни к чему не приводили, так как к тому моменту бензозаправки на прежнем месте уже не было.

Между тем благосостояние Марковица все увеличивалось. Вместе с семьей он жил на одной из лучших улиц Бруклина в доме, который оценивали в 800 тыс. долларов.

Сам Марковиц в те годы являл образец идеального мужа и отца: не употреблял алкоголь, не курил и, конечно уж, не баловался наркотиками. Правда, была у него одна слабость – карточные игры. Практически ежедневно он играл со своим соседом на деньги, причем ставки, как правило, не превышали 200 долларов.

Своих родителей Майкл также не забывал. Он приобрел для них особняк в Бруклине, а затем еще и загородный коттедж, оцененный в 1,5 млн. долларов. Кроме того, на счет отца Марковиц перевел 20 млн. долларов.

Постепенно Марковиц расширял свое дело. Так, если в начале 1980-х годов он смог купить только одну заправочную станцию, то через пять лет он уже был владельцем сети бензоколонок, расположенных в Квинсе и Бруклине.

Однако вскоре успехами израильского инженера заинтересовались представители знаменитой итальянской криминальной организации «Коза Ностра». Один из них, некто Лари Иориццо, однажды появился в офисе Марковица и от имени руководителя банды предложил «бензиновому королю» делить прибыль с мафией. Как ни жаль было Марковицу расставаться с деньгами, но страх за свою жизнь и за жизнь близких оказался сильнее, и потому он согласился сотрудничать вместе с главарями «Коза Ностра» по финансовой схеме, предложенной последними, то есть три четверти получали итальянцы и лишь четверть доставалась израильскому предпринимателю. Все же не следует думать, что Марковиц после заключения данного «договора» пребывал в бедственном положении: прибыль его предприятий возросла настолько, что его ежегодная выручка составляла не менее 50 млн. долларов.

Власть и деньги наложили отпечаток и на внешний облик прежде скромного израильского инженера: он все больше стал напоминать гангстера, одевающегося исключительно в кожаные вещи и с головы до ног увешанного драгоценностями.

Но тернист и опасен путь человека, находящегося не в ладах с законом, и погоня за легкой наживой, как правило, заканчивается печально. Спустя некоторое время правоохранительные органы раскрыли аферы с бензином, вышли на след Лари Иориццо, а затем и арестовали его. Последний молчать не стал и назвал полицейским настоящих организаторов бензинового дела, то есть Марковица и главаря «Коза Ностра» Франчезе.

И вот уже Марковиц получил вызов в полицию. Ему предъявили обвинения в сокрытии доходов и связях с мафией. Впрочем, гениальный

аферист не растерялся, а немедленно предложил полицейским сотрудничество и пообещал дать обличительные показания в суде на процессе против членов группировки Франчезе.

Марковица отпустили на свободу, взяв с него честное слово, что он больше не будет заниматься бензиновым делом. Но изворотливый ум, как известно, найдет выход из любого положения. С помощью подставных лиц он продолжил работу в сфере бензинового бизнеса и смог провернуть немало авантюрных проектов.

Позднее он попытался наладить отношения с некоторыми российскими гражданами, но в силу некоторых обстоятельств сделать это ему не удалось. И тогда он решил заняться выпуском журнала, на страницах которого публиковались статьи советских журналистов. В то же время он поступил на службу в ФБР, ведя таким образом смертельно опасную для него игру на два фронта.

В конце концов главарь мафии, не простивший Марковицу связи с «законниками», подослал к нему наемного убийцу. Последний, выбрав удачный момент, подошел к автомобилю, где сидел сам бизнесмен, собравшийся куда-то ехать по делам. Затем прозвучали выстрелы, и жители окрестных домов услышали крики о помощи, но никто и не подумал откликнуться на них. Так закончилась жизнь Майкла Марковица, криминального авторитета и бензинового короля Америки 1980-х годов.

Таланты Юргена Шнайдера

Оказывается, что торговля недвижимостью не такое уж безопасное дело. В этом на собственном примере смог убедиться немецкий авантюрист, потомственный торговец недвижимостью Юрген Шнайдер.

Когда-то он был владельцем самых шикарных особняков в Германии. В настоящее время постоянным местом жительства этого человека является небольшая камера в одной из американских тюрем, покинуть ее Шнайдер мог бы, заплатив огромную сумму в 7 млрд. марок, но таких денег у него нет.

История афериста Юргена Шнайдера началась еще в 80-е годы XX столетия. Тогда торговля недвижимостью, ставшая после падения Берлинской стены самым прибыльным бизнесом в Германии, была не особенно популярной.

Шнайдер, с презрением относившийся к дешевым и невзрачным архитектурным сооружениям, расположенным в восточной части Берлина, и не желавший иметь ничего общего с так называемыми бизнесменами средней руки, поспешно покупавшими и перепродававшими дешевое жилье, отказался называться маклером или торговцем недвижимостью. В его визитных карточках, предоставляемых клиентам, значилось: «частный инвестор».

Источником инвестиций Шнайдера становились довольно необычные предприятия. Так, первоначальный капитал для осуществления самостоятельных операций с недвижимостью Юрген сумел создать, разводя собак породы такса.

Постепенно Шнайдер вырабатывал собственный деловой стиль, характерной особенностью которого являлось стремление к дороговизне: торговец приобретал за большие деньги наиболее привлекательные объекты в престижных районах того или иного города, вкладывал значительные суммы в их реставрацию, после чего сдавал в аренду или перепродавал. В итоге суммы, потраченные на приобретение и ремонт домов, полностью окупались.

Периодом наивысшей деловой активности в жизни Юргена Шнайдера стали 1986–1991 годы. Именно тогда, проведя ряд безупречных торговых операций, он заработал не только несколько сотен миллионов марок, но и репутацию талантливое предпринимателя.

Так, приобретя в конце 1980-х годов во Франкфурте за 40 млн. марок

отель «Fuerstenhof», находившийся в ведении Общества охраны памятников, Шнайдер потратил около 200 млн. на его реставрацию, после чего перепродал японской фирме за 450 млн. марок.

Избрав девизом своей работы охрану архитектурных достопримечательностей и заботу о сохранении исторического облика страны, Юрген принялся старательно сколачивать состояние на продаже старинных зданий.

Он принимал непосредственное участие в реконструкции товара, любовно подбирал колер для покраски фасадов, выбирал оконные рамы и рисунки для дверных ручек.

Если отечественная промышленность оказывалась не в силах удовлетворить взыскательный вкус торговца, заказы поступали на предприятия зарубежных стран, например Великобритании или Бельгии, где выпускались более качественные строительные материалы.

Приобретая один престижный объект за другим, Шнайдер довольно скоро сумел сделать архитектурно-финансовую карьеру. Элитные торговые центры, номера люкс, отели в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Франкфурте и других городах Германии становились собственностью этого человека.

Конечно, для реализации всех проектов у Юргена денег не было, приходилось брать кредиты, документально подтверждая цель займов и размеры необходимых сумм (кстати, главным кредитором Шнайдера был «Deutsche Bank»).

Ни разу в жизни прославленный аферист не получил отказа в предоставлении кредита. Дело в том, что он пользовался безукоризненной репутацией; предоставляемая этим человеком документация свидетельствовала: здание, под которое берется кредит, например, в 50 млн. марок, после сдачи в аренду принесет доход в несколько раз больше.

Еще одной причиной успеха Шнайдера был его внешний вид: входя в банк в темном двубортном костюме с подобранным со вкусом платочком,

выглядывающим из нагрудного кармашка, он производил на кредиторов впечатление человека стабильного, несколько консервативного.

У дверей банка его неизменно ожидал роскошный автомобиль – мерседес модели пятнадцатилетней давности. Это был продуманный ход, свидетельствующий о пристрастии владельца к старинным вещам и демонстрировавший стабильность благосостояния этого человека.

После объединения обеих Германий в 1990 году фирма Шнайдера сумела полностью реализовать свой потенциал. Она стала крупнейшим инвестором в восточной части Германии, в недвижимость этого региона вкладывались крупные денежные суммы. Например, в Лейпциге более 60 % выставленных на продажу объектов недвижимости были куплены фирмой Шнайдера, в Мюнхене и Гамбурге компания стала владельцем около 50 % продаваемых объектов. Подобная ситуация складывалась и в других немецких городах.

В то время многие здания Восточной Германии подвергались реконструкции или сносу. Им на смену приходили недорогие «клетушки», строящиеся из стекла и бетона. Довольно часто хозяева новых квартир обнаруживали, что размеры их жилищ оставляют желать лучшего, а телевизор соседей слышен ничуть не хуже, чем свой собственный.

Дома Юргена Шнайдера оказывались не только самыми дорогостоящими, доступными лишь состоятельным людям, но и комфортабельными. Одним из наиболее эффектных приобретений этого человека был расположенный в центре Лейпцига торговый пассаж «Maedler» с небольшим уютным ресторанчиком «Погребок Ауэрбаха».

31 марта 1994 года, накануне святого пасхального праздника, Юрген Шнайдер поздравил своих сотрудников, выплатив им премиальные и распив с ними бутылочку шампанского, после чего отправился вместе с женой в Тоскану.

Обычно в солидных фирмах пасхальные каникулы стараются продлить, поэтому отсутствие Шнайдера в офисе 5 апреля (в первый день рабочей недели) ни у кого не вызвало подозрений.

Только 7 апреля, когда поверенный Юргена (кстати, тоже Шнайдер) передал в бюро компании «Schneider AG» и правлению «Deutsche Bank» письма, изысканные по стилю и вызывающе наглые по содержанию, появились кое-какие сомнения.

Шнайдер сообщал: «Неожиданно обнаружившиеся признаки тяжелой болезни являются главным препятствием для продолжения моей деловой активности. Надеюсь, что «Deutsche Bank» будет вести наблюдения за завершением реконструкционных работ и строительством начатых мной

объектов. Врачи советуют мне избегать любых стрессов и в связи с этим не сообщать о моем нынешнем месте обитания».

Полученные письма произвели эффект разорвавшейся бомбы – руководство банка и компании Шнайдера не желало верить, что крупнейший за всю послевоенную историю торговли недвижимостью инвестор сбежал, не расплатившись с долгами, сумма которых составляла не один миллион марок.

Ведь Юрген Шнайдер был владельцем многомиллионного состояния и недвижимости, приносившей высокие доходы, кроме того, на него работала большая часть строительных предприятий Германии, начиная от небольших мастерских и заканчивая крупнейшими строительными фирмами.

В тот же день сообщение о письмах афериста появилось в утренних газетах и радионовостях. Некоторым мелким компаниям, услышавшим печальную новость раньше других, удалось частично предотвратить свои убытки, вынеся с незаконченныхстроек Юргена Шнайдера строительные материалы и инструменты.

Вскоре правление «Deutsche Bank», немного оправившееся от пережитого потрясения, распорядилось взять важнейшие строительные объекты Шнайдера под охрану службы безопасности.

Среди сотрудников фирмы «Schneider AG» начали ходить различные слухи. Одни удивлялись, что не сумели разглядеть под личиной честного человека лжеца и обманщика, другие же, зная, что босс боялся шантажа и постоянно находился под охраной частных детективов, утверждали, что богатого инвестора похитили.

Через несколько дней полиция, получившая доступ к бухгалтерской и строительной документации, развеяла все сомнения. Разговоры о похищении прекратились.

Было выяснено, что Юрген Шнайдер сколотил свое состояние исключительно на займах, которые делал с таким же размахом, с каким реставрировал архитектурные достопримечательности.

Он задолжал 50 банкам Германии и Европы, причем сумма кредитов, рассчитаться по которым аферист не смог бы никогда, ежегодно возрастала. Так, в марте 1992 года долг Шнайдера составлял 2,496 млрд. марок, в 1993 году сумма увеличилась до 3,818 млрд., а в 1994 году – до 6,347 млрд. марок.

Помимо многомиллиардных долгов, аферист оставил незавершенными десяткистроек, неоплаченные счета от строительных фирм, большей части которых в данной ситуации грозило разорение (сумма неоплаченных счетов

составляла около 90 млрд. марок). Лишь обращение канцлера Гельмута Коля к немецким банкам с призывом дать строительным фирмам возможность списать убытки по делу Шнайдера предотвратило появление агрессивно настроенных банкротов.

Полиции предстояло ответить еще на один вопрос – мошенник ли Юрген Шнайдер или просто человек с большим воображением? Явилось ли его разорение следствием переоценки собственных сил или это было хорошо подготовленное, тщательно продуманное мошенничество?

Прежде чем ответить на эти вопросы, полиции пришлось тщательно изучить все имевшиеся в ее распоряжении документы. В результате было выяснено, что Шнайдер задумал эту авантюру очень давно. Он оказался не просто мошенником, а очень талантливым авантюристом.

Документы свидетельствовали, что кредиты, получаемые этим человеком, во много раз превосходили реальную стоимость реконструируемых объектов.

Шнайдер выработал три способа получения крупных денежных сумм. Во-первых, в каждом архитектурном сооружении завышался метраж полезной площади, что отражалось (естественно, в сторону с плюсом) на предполагаемых доходах от возможной в дальнейшем аренды помещения.

Так, в документации, касающейся торгового центра «La Facettes», расположенного во Франкфурте-на-Майне, значилось 20 000 м², пригодных для аренды, в действительности полезная площадь была гораздо меньше, всего 9000 м².

Для реконструкции этого торгового центра Шнайдер взял в «Deutsche Bank» кредит на сумму 415 млн. марок, из которых лишь 200 млн. пошли на проведение работ, остальные исчезли в никуда.

Стоит отметить, что число 9000 значилось на заборе, ограждавшем район проведения реконструкционных работ. Таким образом, реальные размеры помещения не являлись ни для кого тайной.

Второй способ, используемый Шнайдером для осуществления своих планов, несколько отличался от первого: суть его заключалась в многократной перепродаже одного и того же здания, причем при заключении очередной сделки стоимость продаваемого объекта значительно увеличивалась.

По инициативе Шнайдера было создано около 50 мелких компаний, формальное руководство которыми осуществляли подставные лица.

Купленные дома переводились с баланса одной фирмы на баланс другой, что создавало видимость активной торговой деятельности и

заставляло верить, что данный объект пользуется популярностью. Афера с небольшой, оборудованной по последнему слову техники виллой в Кенигштайне, являвшейся резиденцией «Schneider AG», является примером именно такого мошенничества.

Смысл этой операции заключался в следующем: подставные фирмы перепродавали виллу друг другу до тех пор, пока ее стоимость не увеличилась до 37,5 млн. марок. Эта цифра послужила основанием для выдачи одним из немецких банков крупной суммы под залог виллы.

Афера была раскрыта лишь после злополучных писем Шнайдера. Банк, предоставивший заем под залог резиденции компании «Schneider AG», сумел выручить за данный объект всего лишь 15 млн. марок, то есть в 2,5 раза меньше, чем зафиксированная на бумаге цена.

Однако не стоит винить Юргена Шнайдера во всех смертных грехах. Не его вина, что банки выдают кредиты, не проверяя истинного положения дел, руководствуясь лишь последней продажной стоимостью того или иного здания. Гениальный аферист лишь умело воспользовался данной ситуацией и обманул банкиров-простофиль.

Третьим, пожалуй, самым простым способом получения кредитов (как известно, все гениальное просто) было предоставление банкам документации с произвольно взятыми показателями возможных доходов от аренды. Например, аренда двух помещений в торговом центре «La Facettes», по данным Шнайдера, должна была приносить около 57,5 млн. марок в год, в действительности доход составлял не более 11 млн.

Комбинируя все эти приемы, Юрген Шнайдер сумел задействовать в своих махинациях огромные суммы, незначительная часть которых находилась на личном счету афериста (всего 250 млн. марок).

Свидетельством того, что Шнайдер был гениальным мошенником, явился следующий факт: в начале 1993 года он начал переправлять свои средства за границу, вскоре вся сумма оказалась на счету в одном из английских банков.

Однако, полагая, что вычислить местонахождение денег не составит для полицейских и финансовых служб большого труда, Шнайдер проделал подобную операцию еще раз: вся сумма была разделена на небольшие части и переправлена в различные банки мира (в итоге все миллионы сконцентрировались в одном из престижнейших банков Швейцарии).

В путешествие отправились не только личные суммы господина Шнайдера, но и он сам вместе с супругой, а также представители многочисленных сыскных служб.

В газетах постоянно появлялись сообщения о месте пребывания

знаменитого мошенника, причем показания очевидцев и журналистов были весьма противоречивы. В один и тот же день Шнайдера видели то в Парагвае и Мюнхене, то в Афинах и на территории герцогства Лихтенштейн. Кроме того, сообщения поступали из Канады и Испании, Швейцарии и Ирана, с Карибских островов и Филиппин.

Шнайдер же все это время нежился на солнышке на пляжах Майами. Прюделав путь до Вашингтона под собственным именем, прославленный аферист приобрел для себя и супруги фальшивые паспорта, после чего отправился в Майами, где снял роскошные апартаменты (месяц проживания в них обходился Юргену в 3 тыс. долларов).

Обходительный и богатый «итальянец», так называемый миллионер в отставке, ни у кого не вызывал подозрений. Шнайдер несколько изменил внешность: в Германии он пользовался небольшим шиньоном, прикрывающим столь неприятный для каждого мужчины фрагмент внешности – лысину. В Майами мошенник расстался с этой деталью своего туалета и отрастил небольшие элегантные усики.

Однако беспечную жизнь нарушали периодические отправки людей в Европу для получения крупных денежных сумм в том или ином банке. Именно связной и подвел Шнайдера, он вовремя не заметил «хвост» и тем самым выдал босса.

Юрген Шнайдер был арестован в момент входа в один из банков. Возможно, что действия ФБР предотвратили еще одну крупную аферу знаменитого мошенника.

Однако место хранения личных сбережений Шнайдера остается неизвестным по сей день. Доказательств против того, что продолжительный отдых этого человека на побережье Соединенных Штатов Америки был обусловлен не чем иным, как стремлением поправить здоровье, нет.

Шнайдеру предъявили обвинение в мошенничестве и сокрытии доходов от налогов. Но о каких доходах может идти речь в отношении человека, задолжавшего гигантские суммы?

Своеобразным послесловием ко всему сказанному выше может служить следующее: с тех пор как Шнайдер сменил свой респектабельный костюм на безрукавку и шорты цвета хаки (такова форма в некоторых американских тюрьмах), руководители многих немецких банков облегченно вздохнули: гениальный аферист не будет их тревожить, по крайней мере, несколько лет.

Рекордсмен по воровству

В 1989 году скончался Фердинанд Маркос – филиппинский диктатор, правивший страной с 1966 по 1986 год и унесший с собой в могилу тайну о несметном состоянии. О миллионах Маркоса до сих пор пишут газеты.

Расстаться с властью диктатору пришлось в результате государственного переворота. Узнав о том, что передовые отряды восставших под командованием генерала Фиделя Рамоса приближаются к его резиденции, Маркос сел на вертолет и отправился на военную базу Кларк-Филд, а оттуда на Гавайские острова, где он провел последние годы своей жизни.

Между тем революционеры, ворвавшиеся в бывший диктаторский дворец, обнаружили, что во всех его комнатах царит полнейший хаос, свидетельствующий о поспешном бегстве семьи Маркос. Повсюду валялись коробки из-под ювелирных украшений, дорогие платья и туфли из знаменитой коллекции Имельды Маркос. Однако обнаружить документы и какие-либо ценности повстанцам не удалось.

Вскоре новая глава администрации Филиппин Корасон Акино издала указ о создании специальной комиссии по возвращению государству богатств диктатора, которые были украдены им у жителей островов. Акино предполагала, что ее предшественник награбил в общей сложности 10 млрд. долларов. Правда, некоторые утверждали, что эта цифра сильно завышена. Так, обозреватель газеты «Малайя» по этому поводу писал следующее: «Маркосы были, безусловно, очень богаты, но не настолько. Кое-кто в администрации Акино явно погорячился при оценке состояния покойного президента».

Впрочем, оценку Акино вряд ли можно признать объективной, так как она имела свои собственные претензии к Маркосу: ее муж, главный соперник филиппинского диктатора в борьбе за власть, был убит именно по приказу последнего.

О коррупции режима Маркоса ходили легенды. Сам же он снискал себе славу «крупнейшего вора планеты», в качестве которого его и занесли в книгу рекордов Гиннеса. Известно, например, что американская компания «Вестингауз», строившая при Маркосе на Филиппинах атомную электростанцию, неоднократно выплачивала правителю этих островов в виде благодарности не один миллион долларов. Кроме того, Фердинанд Маркос не считал себя обязанным платить налоги, поэтому его доходы трудно подсчитать даже приблизительно. Не любила расставаться с деньгами и супруга Маркоса, Имельда.

Корасон Акино

Однажды во время визита в Китай Имельда набрала в магазинах различных антикварных вещей и по привычке «забыла» заплатить за них. Тогда филиппинскому министерству внутренних дел пришлось изрядно постараться, чтобы предотвратить дипломатический скандал. Точно так же вывезла Имельда и старинные русские иконы из Москвы. Против Имельды Маркос в различных судебных инстанциях было возбуждено около 80 исков с обвинениями в незаконном присвоении государственных средств, коррупции и уклонении от уплаты налогов.

После смерти Фердинанда Маркоса его жена рассказала журналистам интересную историю: «Однажды я приказала сломать стену в нашем доме, чтобы лучше был виден сад. Когда разбирали кладку из потемневших от

времени кирпичей, то увидели, что некоторые из них отличались необыкновенной желтизной. Оказалось, что это были золотые слитки. Фердинанд страшно рассердился, узнав, что я велела сломать стену. Позднее он поведал мне, что сразу после войны нашел золотой клад. Слитки оттуда и были вмурованы в стену. Фердинанд уже был богатым человеком, прежде чем стал президентом».

Вообще говоря, то, что поведала Имельда Маркос, является одной из самых популярных версий того, как диктатор нажил свое богатство. Согласно ей, Маркос якобы нашел легендарное золото генерала Ямаситы, награбленное им за годы японской оккупации стран Юго-Восточной Азии и припрятанное командующим императорской армией где-то на Филиппинах. Вероятно, миф о золоте Ямаситы специально распространяли подручные Маркоса, чтобы оправдать его огромное состояние, созданное сомнительными способами.

Однако в таком случае возникает резонный вопрос: куда подевались золотые кирпичики?

Имельда утверждает, что они были проданы, а вырученные деньги пошли на оказание помощи населению. Но это заявление, скорее всего, обыкновенная ложь, а золото или деньги, полученные за него, покоятся в надежном месте. Вот только что это за место?

Председатель президентской комиссии Кастро, занимавшийся расследованием финансовых махинаций семьи Маркос, заявил: «Из надежных источников мне стало известно, что золото хранится на грузовом складе аэропорта в Цюрихе в неприметных ящиках». После того как данная версия не подтвердилась, Кастро сказал: «Мне сообщили, что клад закопан в имении Имельды Маркос на острове Лейте». Раскопки в указанном Кастро месте длились долго, но также ничего не дали.

Некоторые люди ставят под сомнение сам факт того, что Маркос владел какими-то сокровищами. Тем более что подтвердить это пока не удастся в силу ряда причин, одна из которых, например, указана в письме в министерство юстиции Филиппин из Швейцарии: «В соответствии с законами Швейцарии депозиты бывшего диктатора, находящиеся на счетах в цюрихском банке, могут быть выданы правительству Филиппин лишь после того, как суд признает вдову экс-президента виновной в уголовном преступлении и докажет, что миллионы Маркоса были нажиты путем нарушений уголовного кодекса. А до тех пор авуары президента будут заморожены».

Между тем все 80 исков, возбужденных против Имельды, без особого труда один за другим отменяет один из лучших адвокатов Филиппин по

фамилии Коронел, а сотни людей ищут богатства мертвого диктатора.

Так, в 1988 году известный американский обозреватель Джек Андерсон, работая по делу о филиппинском золоте в архиве госдепартамента США, обнаружил свидетельские показания о «забитой золотыми брусками комнате в президентском дворце» накануне бегства президента. В репортаже Би-би-си в 1987 году утверждалось, что Маркосы «отправили с Филиппин от 10 до 50 метрических тонн золота в брусках». О «надежно сокрытых в швейцарских банках 1200 тонн драгоценного металла» писала в 1994 году английская газета «Гардиан».

Американский адвокат Роберт Свифт, представляющий интересы вдов и сирот казненных и замученных в тюрьмах во время правления Маркоса людей, считает, что в швейцарских «Юнион бэнк» и «Бэнк Джулиус Байер» лежат 466 млн. долларов, вырученных от продажи части вывезенного с Филиппин золота, общая стоимость которого составляет 10 млрд. долларов. Но все это версии, а что нам говорят факты?

На руках у следственной комиссии имеется признание Имельды Маркос о вывозе «личного золотого запаса», размеры и местонахождение которого она не называет. Есть показания Бюро национальной безопасности Филиппин о существовании в Швейцарии маркосовских счетов на общую сумму 4,5 млрд. долларов, а также имеется официальное подтверждение одного из банков об открытии для Маркоса счета, на котором хранится 213 млн. долларов.

А пока продолжается скандал, забальзамированное тело Маркоса покоится под толстым стеклом в мавзолее в Батаке, так как Имельда поклялась хранить мумию до тех пор, пока не получит разрешения похоронить супруга в столице Филиппин на кладбище национальных героев.

«Семейное предприятие» Бхутто

В 1996 году премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, первая в мусульманском мире женщина – глава правительства, была во второй раз отправлена в отставку. За что? Ответ на этот вопрос можно узнать, если проследить всю жизнь госпожи Бхутто.

Беназир появилась на свет в семье Зулфикара Али Бхутто, в 1971–1972 годах занимавшего пост президента Пакистана, а в 1972–1977 годах – премьер-министра этой страны.

В 16 лет ее отправили учиться на Запад, где она закончила колледж, получив диплом бакалавра философии, политики и экономики. Кроме того, Беназир слушала курсы международной законности и дипломатии в Оксфорде.

Беназир Бхутто

В 1977 году в Пакистане произошел военный переворот, в результате которого власть захватил генерал Зия-уль-Хак. Зулфикар был арестован, приговорен к смертной казни и повешен. Его жену и дочь выслали из страны.

На родину они смогли вернуться лишь в 1986 году. Тогда же их выбрали сопредседателями Пакистанской народной партии. Вскоре Зия-уль-Хак погиб в авиакатастрофе. К тому времени Беназир уже год была замужем за Асифом Али Зардари, бизнесменом и политиком, который постоянно помогал ей в делах.

1988 год ознаменовался для Пакистана приходом к власти народной партии под руководством Беназир Бхутто. Однако уже в августе 1990 года правительство обвинили в коррупции, неспособности прекратить кровавые

столкновения на этнической почве и по решению президента в полном составе отправили в отставку.

Второй раз Беназир пробилась к власти в октябре 1993 года. На сей раз она продержалась в верхах три года, после чего ее вместе с мужем обвинили в коррупции, а также, как гласил вердикт президента, в нарушении конституции, ущемлении свободы юридических органов и судов, потворстве полиции, крайне плохом руководстве экономикой и финансами.

Решение президента Пакистана об отставке Бхутто пакистанцы встретили с явным одобрением. Впрочем, народная радость имела под собой веские основания.

Международный валютный фонд в ультимативной форме потребовал от правительства Пакистана срочного сокращения расходов бюджета на военные нужды и проведения реформ в промышленности и сельском хозяйстве. Беназир Бхутто понимала необходимость провести преобразования в родной стране, но не желала, чтобы они коснулись верхних слоев общества. Пополнить же казну она решила с помощью усиления поборов со 130 млн. жителей, что вызвало негодование не только народа, но и руководителей финансово-промышленных компаний, так как производство и торговля в Пакистане стали бесперспективными занятиями.

В то время как простые пакистанцы бедствовали, подчас даже не имея возможности раздобыть несколько литров нормальной питьевой воды, семья Бхутто и другие, подобные ей, представители правящих кругов страны процветали. Однако этого еще было недостаточно, чтобы Беназир Бхутто утратила власть. Возможно, что ей и удалось бы продержаться «наверху» гораздо больше, не соверши она одной оплошности, а именно – не вручи портфель министра своему мужу, о коррумпированности которого слагались легенды.

Настоящий скандал разразился в обществе, когда британские газеты раскрутили дело о покупке господином Асифом Али Зардари, мужем Беназир Бхутто, почти за 4 млн. фунтов стерлингов поместья неподалеку от Лондона. Кроме того, в средствах массовой информации сообщалось также и о его попытке переправить на Запад крупную партию контрабандного золота. Оппозиционные периодические издания окрестили правительство Бхутто «семейным предприятием». Да так оно, по всей вероятности, и было.

Основным источником доходов четы Бхутто служили оптовые закупки оружия. За подписание выгодных контрактов западные компании давали господину Бхутто щедрые подарки.

Некоторые считают, что за время своего правления Бхутто, занимаясь импортом оружия, переправили за границу свыше 100 млн. долларов.

Чтобы ничто не мешало господину Бхутто проворачивать свои финансовые махинации, он старался расставить на всех важных постах в банках своих людей, которые иногда даже не имели специального образования и опыта банковской деятельности.

Один из друзей мужа Беназир по протекции последнего возглавил Национальный пенсионный фонд и каждый день играл на бирже. Если он достигал известного успеха, то делился с покровителем, если же его дела были плохи, то он возмещал убытки за счет фонда, то есть за счет сбережений пенсионеров.

15 апреля 1998 года в средствах массовой информации прозвучало сообщение о том, что Беназир Бхутто и ее муж Асиф Али Зардари-Бхутто приговорены к пяти годам тюремного заключения по обвинению в коррупции и получении взяток от иностранных компаний. Госпожа Бхутто отрицает свою вину, заявляя при этом, что ее преследуют по политическим мотивам. Но пакистанские власти заявили, что будут добиваться ареста бывшего премьер-министра, пребывающего в Лондоне, через Интерпол. Зардари-Бхутто же находится в местах лишения свободы с ноября 1996 года, и сравнительно недавно ему было инкриминировано еще и покровительство неформальной организации дельцов, зарабатывавших деньги на производстве наркотиков с последующей их продажей за рубежом.

Данные, которыми располагает следствие, свидетельствуют о том, что Зардари-Бхутто лично курировал преступную банду, получая хороший процент от ее доходов. Если вину мужа экс-преьера удастся доказать, то ему грозит новый срок тюремного заключения.

Несмотря на это, Беназир Бхутто хочет всеми правдами и неправдами добиться своего оправдания и вернуться на родину.

Махинации Офера

Офер Нимроди, старший партнер Владимира Гусинского по израильскому издательскому концерну „Maariv“, недавно вышел из тюрьмы. Израильский бизнесмен арестовывался как минимум трижды и в общей сложности провел в заключении около двух лет. Однако в отличие от коллеги из России сумел сохранить бизнес.

Сравнительно удачным исходом дела, как, впрочем, и самим бизнесом, Офер Нимроди во многом обязан своему отцу. В Израиле и за его пределами председатель совета директоров компании «Israel Land Development» Яков Нимроди известен не менее, чем его сын.

Выходец из многодетной семьи иракских евреев, обосновавшихся на Земле обетованной еще до провозглашения государства Израиль, при иных обстоятельствах мог бы сделать головокружительную политическую карьеру. По крайней мере, начинал он ничуть не хуже, чем предыдущий и нынешний израильские премьеры Эхуд Барак и Ариэль Шарон.

Еще до войны за независимость 1948 года Яков Нимроди вступил в ударно-диверсионный отряд «Пальмах». Затем оказался в израильской военной разведке «Аман», которая в 1955 году направила 30-летнего полковника в Тегеран в качестве военного атташе.

Выполняя поручения как «Амана», так и «Моссада», заинтересованного в установлении более тесных связей с Ираном, Нимроди участвовал в становлении шахской спецслужбы «Савак». Однако функции Якова Нимроди сводились к освоению иранского рынка вооружений. Благодаря военному атташе, не без оснований именовавшему себя партнером шаха, объем израильского оружейного экспорта в Иран достиг 500 млн. долларов в год.

Поговаривают, что честолюбивый разведчик мечтал о должности военного коменданта Западного берега реки Иордан: как показывает современная израильская история, именно высокие военные должности долгое время открывали путь в большую политику. Но долгожданного назначения не случилось. И полковник Яков Нимроди занялся бизнесом, а точнее, торговлей оружием в той стране, чей рынок знал лучше всего, – в Иране. При этом Нимроди максимально использовал связи, накопленные во время работы в «Амане». Новоиспеченный бизнесмен прославился своей уникальной способностью решать сложные вопросы, связанные с экспортными поставками на иранский рынок. А комиссионные экс-

разведчика в иные годы исчислялись миллионами долларов.

Однако в 1979 году его благосостояние находилось под угрозой в связи с тем, что в Иране пришли к власти исламские фундаменталисты, занимавшие антиизраильские позиции. Все же Нимроди сделал все от него зависящее, чтобы сохранить прежние деловые связи.

В этом ему помогли и некоторые израильские политики, считающие нужным поддержать Нимроди в сотрудничестве с враждебной страной.

Уже в октябре 1980 года с помощью Нимроди, учредившего специально для этого фирму «International Desalination Equipment», военнотехническое сотрудничество Израиля с Ираном возобновилось. Причем Нимроди торговал не только израильским оружием, но и самолетами и танками американского производства. К лету 1981 года объем сделок, заключенных Нимроди с министерством обороны Ирана, достигал 135 млн. долларов.

Трудно определить, кто и когда первым предложил совместно торговать с Ираном – американцы израильтянам или наоборот. Но операция, впоследствии получившая широкую огласку под именем «Иран-контрас», разрабатывалась при непосредственном участии Нимроди. Именно он в декабре 1985 года вернул на иранский счет в «Credit Suisse» 18 млн. долларов, когда покупатели выяснили, что Израиль поставил им морально устаревшие ракеты Hawk. В результате конфуза Нимроди отстранили от дальнейшего участия в операции. А ЦРУ попыталось даже установить слежку за недобросовестным посредником. Кроме того, израильские власти проявляли интерес по поводу исчезновения 2 млн. долларов из фондов, выделенных на осуществление сделок с Ираном.

В 1988 году Нимроди приобрел компанию под названием «Israel Land Development», созданную в 1909 году для покупки земель в Палестине и являющуюся одним из крупнейших израильских операторов на рынке недвижимости.

Почти одновременно с покупкой Нимроди «Israel Land Development» британский медиа-магнат Роберт Максвелл приобрел 33 % акций издательского холдинга «Maariv». К концу 1991 года Максвелл имел уже контрольный пакет, увеличив долю своего участия в «Maariv» до 86,7 %. И именно максвелловские акции «Israel Land Development» купила за 18 млн. долларов в 1992 году после смерти британского бизнесмена. Холдинг «Maariv», как и другие активы Максвелла, пребывал тогда не в лучшем состоянии. Тем не менее после покупки «Maariv» молодой юрист Офер Нимроди вышел из тени своего отца, решив попробовать себя в роли издателя.

Первым делом Нимроди-младший сменил главного редактора и дизайн газеты. Кроме того, вопреки своему названию («Maariv» в переводе с иврита – «вечерняя молитва») газета стала выходить по утрам. Результаты деятельности Офера Нимроди проявились уже спустя два года, когда 10,18 % акций «Maariv» были размещены на Тель-Авивской фондовой бирже. Привлеченные инвестиции позволили издательскому концерну существенно усовершенствовать свою полиграфическую базу.

Впрочем, причина менеджерского успеха Офера Нимроди крылась отнюдь не в одних эффективных управленческих решениях. Вскоре выяснилось, что сын бывшего разведчика применяет не только те навыки, которым его обучили в Гарварде. В апреле 1994 года полиция обнаружила подслушивающие устройства, установленные возле дома близкой родственницы главы концерна «Yediot Aharonot», являющегося конкурентом холдинга «Maariv». «Жучки» принадлежали частным сыщикам Рафи Придану и Якову Цуру. А те в свою очередь выполняли заказ руководства «Maariv».

Оказывается, еще в 1992 году Офер Нимроди и шеф службы безопасности «Maariv» Давид Ронен наняли Придана и Цура для слежки за

семьей владельцев «Yediot Aharonot». На основании показаний согласившегося сотрудничать со следствием Цура полиция в апреле 1995 года арестовала Нимроди и Ронена. Однако это на состоянии компании «Maariv» практически не отразилось. Более того, в мае 1998 года выпущенный под залог Офер Нимроди продал Владимиру Гусинскому 25 % акций «Maariv» за 85 млн. долларов.

Спустя два года после этого, а именно 14 июня 2000 года, страницы израильских газет пестрели заголовками типа «Оба владельца «Maariv» за решеткой». К тому моменту Нимроди отсидел в тюрьме 8 месяцев, и ему инкриминировали уже не только подслушивание, подделку документов, злоупотребление доверием, но и покушение на убийство государственного свидетеля Яакова Цура и двух конкурентов.

Правда, суд, состоявшийся в октябре 2001 года, снял с Офера Нимроди обвинение в покушении на убийство. Издателя приговорили к 25 месяцам тюремного заключения (не считая тех, что он уже отсидел, пока шло следствие) и обязали выплатить в пользу государства 80 тыс. долларов. Однако в конце марта 2002 года Нимроди, не отсидевшего и двух третей положенного срока, выпустили на свободу. Почему? Предположений на эту тему много, но кто знает, насколько они соответствуют действительности.

Ник Лисон, финансовый гений

В 1995 году разразился самый крупный финансовый скандал за последние сто лет, главным героем которого стал 28-летний банкир Николас Лисон – человек с незаурядной биографией.

Итак, Николас Лисон родился в простой семье английского рабочего. В детстве особенными способностями не отличался и даже умудрился получить тройку на выпускном экзамене по математике. Однако спустя несколько лет Лисон снискал мировую славу финансового гения. Прологом к этому послужило его назначение на пост главы сингапурского отделения банка «Бэррингс», последовавшее в 1992 году.

Николас Лисон

Пребывая на этой должности, Лисон много и напряженно работал. Его «коньком» являлись фьючерсные сделки, то есть сделки, заключаемые на перспективу, причем в таком случае надо обладать недюжинным умом,

чтобы правильно рассчитать будущую финансовую ситуацию. Кроме того, Лисон удачно играл на токийской и сингапурской биржах. Руководство «Бэррингса» было в высшей степени довольны результатами его деятельности: так, только в 1993 году Лисон принес банку свыше 37 млн. долларов прибыли.

Летом 1994 года один из авторитетных брокеров с Уолл-стрит посоветовал ряду американских корпораций сократить масштабы своей работы на токийской бирже, мотивируя это тем, что азиатский биржевой и финансовый рынки вступили в полосу длительного спада. А в это время Лисон, неизвестно чем руководствовавшийся, сделал ставку на подъем на токийской бирже и начал скупать в большом объеме будущие контракты в Японии, пытаясь разместить их на мировых биржах.

Однако надежды Лисона на быстрый рост японского рынка не оправдались, и вскоре он начал терпеть крупные убытки, что, правда, несколько не поколебало его веру в себя.

Понимая, что руководство «Бэррингса» вряд ли позволит ему и дальше проводить заведомо неудачные операции на токийской бирже, Лисон скрывал свои ошибки. Он даже открыл специальный секретный счет за номером 88 888, на котором накапливались потери от неудачных сделок.

Вопреки всякому здравому смыслу финансовый гений продолжал увеличивать количество скупаемых банком фьючерсных контрактов.

Существуют данные, свидетельствующие о том, что Лисон скупил контрактов на 20 млрд. долларов. Некоторые эксперты считали операции Лисона не такими уж авантюрными, как они казались, и даже считали возможной вероятность того, что финансовый гений в конце концов одержит победу.

Один из них дал такую оценку сложившейся ситуации: «Если бы в феврале индекс контрактов “Никкей” превысил 19 пунктов, то Лисон бы выиграл. В начале декабря появились признаки того, что ставка Лисона выигрывает – индекс “Никкей” пошел вверх, но вдруг вмешался сам Господь Бог».

И действительно, может сложиться впечатление, что судьбу Лисона определили высшие силы, так как в январе в Японии случилось сильнейшее землетрясение, в результате чего пострадали многие индустриально развитые районы страны.

В результате индекс «Никкей» резко упал. Лисон пытался бороться, купив сделок еще на 7 млрд. долларов, но это уже не помогло.

Сингапурское отделение банка «Бэррингс» понесло около 1,5 млрд. долларов убытков, что ознаменовало собой крах старейшего британского

банка, на протяжении 200 лет считавшегося наиболее престижным в мире.

Из Сингапура от Лисона в лондонский офис «Бэррингса» пришел факс, в котором говорилось следующее: «Психологическое давление столь огромно, что я не выдерживаю. Я глубоко извиняюсь за те неприятности, которые вам принес. Но сделал я это не нарочно. Свяжусь с вами позже».

Президент банка Питер Бэрринг срочно созвал совещание директоров, но ничто уже не в состоянии было исправить ситуацию. И говорят, что на собрании Бэрринг, не стесняясь, горько плакал на глазах своих подчиненных, будучи не в силах примириться с банкротством.

23 февраля 1995 года из Сингапура пришло сообщение, что Ник Лисон исчез. Срочно из отпуска был вызван управляющий Английским банком Эдди Джордж. О случившемся доложили министру финансов Кеннету Кларку. Английский банк обратился к Центральному банку Японии с просьбой совместными усилиями компенсировать потери «Бэррингса», но

получил отказ. Эдди Джордж провел переговоры с министром финансов, но кабинет не счел возможным возместить убытки «Бэррингса», который был передан под административное управление. Тем временем Ник Лисон вместе с женой бежал из Сингапура в Малайзию, а оттуда на Борнео, где он сел в самолет и прибыл во Франкфурт-на-Майне, намереваясь затем отправиться в Лондон. Однако германская полиция, получив предупреждение, задержала Лисона, которому теперь грозило тридцатилетнее содержание под стражей.

Министр финансов Англии Кеннет Кларк

Происшедшее с «Бэррингс» едва не привело к кризису мировой финансовой системы, но со временем ситуация стабилизировалась. «Бэррингс» же был выставлен на аукцион и его за символическую плату в один фунт стерлингов приобрела голландская финансовая группа «Ай-Эн-Джи».

Ник Лисон попал в тюрьму, где коротал время за ведением счетов заключенных, работающих в швейной мастерской. Там же он написал книгу, которая впоследствии легла в основу фильма «Маклер-негодяй». 4 июля 1999 года Николас Лисон был досрочно освобожден из-за смертельной болезни – рака прямой кишки.

Темные дела Виктора Козни

Виктор Козни, известный аферист конца XX столетия, появился на свет в 1965 году в Чехии. Детство его никак нельзя назвать счастливым. Когда мальчику исполнилось три года, мать оставила его на попечение отца и уехала за границу, надеясь там стать богатой и знаменитой. Четыре года спустя после этого покончил жизнь самоубийством отец Виктора, и семилетний мальчик, таким образом, сделался круглым сиротой. Впрочем, спустя некоторое время объявилась тетка Виктора по линии матери. Она забрала ребенка к себе в дом, и именно с ее помощью он получил начальное и среднее образование.

В 1984 году Виктор Козни покинул родину и перебрался на постоянное местожительство в Америку. Там он успешно сдал экзамены в Гарвардский университет на физический факультет, но уже в первом семестре преподаватели дали ему понять, что для продолжения занятий в этом учебном заведении ему не хватает ума. Между тем Виктора как будто совсем не волновали его неудачи в Гарварде – он с успехом занимался другими делами.

Например, еще в Праге Козни познакомился с профессором американского университета Нью-Мексико и покорило его своим обаянием. Добрый профессор, проникнувшийся сочувствием к бедному молодому человеку, даже оплатил Козни билет в США и приютил его в своем американском доме. Правда, спустя некоторое время Виктор умудрился совершить ряд поступков, лишивших его доверия профессора. Но и тогда он не растерялся и смог устроиться воспитателем к детям одной из состоятельных американских семей.

Красивая внешность и природное красноречие Виктора привлекли к нему внимание матери воспитанников. В дальнейшем без памяти влюбленная женщина даже оставила своих близких ради Виктора и долгое время оплачивала его учебу в Гарварде. Кроме того, она подарила Козни великолепную машину, на которой он разъезжал по улицам города.

Несмотря на помощь покровительницы, физика никак не давалась Виктору, и в конце концов он решил перевестись на экономический факультет. Там ему тоже не удалось проявить себя, правда, диплом молодой чех все-таки получил.

Спустя некоторое время Козни расстался со своей богатой возлюбленной и женился на дочери банкира. Однако, когда узнал, что его

жена ждет ребенка, попросту сбежал из дома и, как оказалось, навсегда.

В 1989 году Козни перебрался в Англию и устроился на работу в финансовый отдел торгового банка «Роберт Флеминг», где исправно служил в течение полугода, а затем вернулся в Чехию. Кстати сказать, в этой стране в то время происходили знаменательные исторические события: в результате так называемой бархатной революции к власти пришли демократы, начавшие кампанию по приватизации государственной собственности. В 1992 году комитет по приватизации под руководством Вацлава Клауса выпустил ваучеры стоимостью в 40 долларов. Каждый владелец такой бумаги мог обменять ее на акции какого-либо предприятия, перешедшего в частные руки.

Впрочем, чехи не торопились становиться акционерами, мешая таким образом осуществить задуманную правительством приватизацию. Тогда-то вдруг и возникла на горизонте чешского бизнеса новость откуда появившаяся компания под названием «Гарвард Кэпитал энд Консалтинг», реклама которой постоянно появлялась то на одном, то на другом телевизионном канале. Владелец же новоиспеченной фирмы являлся уже известный читателю Виктор Козни.

Итак, «Гарвард Кэпитал энд Консалтинг» предлагала чехам приобрести ваучеры, а затем на весьма выгодных условиях передать их на хранение компании. Надо отметить, что многие прельстились возможностью получения неплохой прибыли, и число клиентов новой фирмы, внушавшей доверие еще и тем, что у подъезда здания, где размещался ее офис, развевался национальный американский флаг, стало постоянно и неизменно расти.

Когда в США узнали о том, что какой-то аферист для устройства своих дел прикрывается именем университета, имеющего огромный вес во всем научном мире, представители этого престижного учебного заведения решили предупредить правительство Чехии о возможном обмане и отправили ему соответствующее извещение, к которому приложили письмо профессора, лично знавшего Виктора Козни. Ученый дал своему бывшему студенту нелестную характеристику, назвав его лживым и беспринципным человеком.

Однако остановить Козни было уже не так просто. Предостережения чешского правительства, прозвучавшие с экранов телевизоров и со страниц газет, не оказали никакого действия на людей, толпами отправлявшихся в офис фирмы «Гарвард Кэпитал энд Консалтинг» с тем, чтобы отдать свой ваучер и получить затем обещанные деньги.

Между тем руководитель компании не сидел сложа руки: в течение только одного года он стал обладателем акций самых прибыльных предприятий Чехии, полученных им в обмен на ваучеры клиентов. Вскоре «Гарвард Кэпитал» превратилась в крупнейший в стране инвестиционный фонд, капитал которого составлял чуть менее 1 млрд. долларов. Состояние же самого Козни, занимающего пост президента компании, в то время исчислялось около 200 млн. долларов.

Беда, как всегда, нагрянула неожиданно. В конце 1992 года в Праге был арестован по обвинению в передаче секретных материалов президенту инвестиционной компании «Гарвард» сотрудник тайной полиции Вацлав Валлис. Последний дал показания, согласно которым он продал видеозапись, компрометирующую одно высокопоставленное лицо Чехии, Виктору Козни. Предпринимателя вызвали на допрос, но он не признался в том, что получил кассету от Вацлава Валлиса. Более того, Козни сам предъявил обвинение бывшему полицейскому в шантаже.

Если верить словам Виктора, то Валлис якобы грозился рассказать общественности об оставленных в США жене и ребенку предпринимателя и требовал за свое молчание 10 тыс. долларов. В конце концов суд признал виновным Валлиса и приговорил его к 3 годам тюремного заключения.

Козни же остался на свободе.

Вскоре после этого президент «Гарварда» принимает решение покинуть родную страну и перебирается в Швейцарию, а оттуда в Ирландию, где открывает филиал своей компании. Однако там у него дела не заладились, и потому Козни переселился на Багамские острова, купил там большой участок земли и построил роскошный особняк. Пребывая в этом тропическом раю, Виктор осуществлял руководство 29 инвестиционными фондами и 15 компаниями, расположенными в различных странах мира.

В 1995 году Козни познакомился со знаменитым мультимиллионером Майклом Дингменом, который стал его компаньоном. Спустя еще некоторое время гениальный авантюрист перевел активы чешского «Гарварда» в один из филиалов фирмы, находящийся на Кипре, лишив таким образом чешских вкладчиков возможности не только получить прибыль, но и вернуть свои сбережения. Кстати сказать, к тому времени акции «Гарварда» полностью обесценились. Так и закончилась приватизация в Чехии.

Виктор Козни, президент «Гарвард Кэпитал энд Консалтинг», в настоящее время жив и здоров. Его постоянное местожительство – Багамские острова. Он владеет сетью компаний, недвижимостью и тратит бешеные деньги на развлечения.

Арманд Хаммер – ангел или дьявол?

Имя Арманда Хаммера хорошо известно каждому жителю Америки. Он был преуспевающим бизнесменом, ни одно предприятие которого не потерпело крах за все время своего существования.

Арманд Хаммер родился 21 мая 1898 года в процветающем финансовом центре Соединенных Штатов, Нью-Йорке.

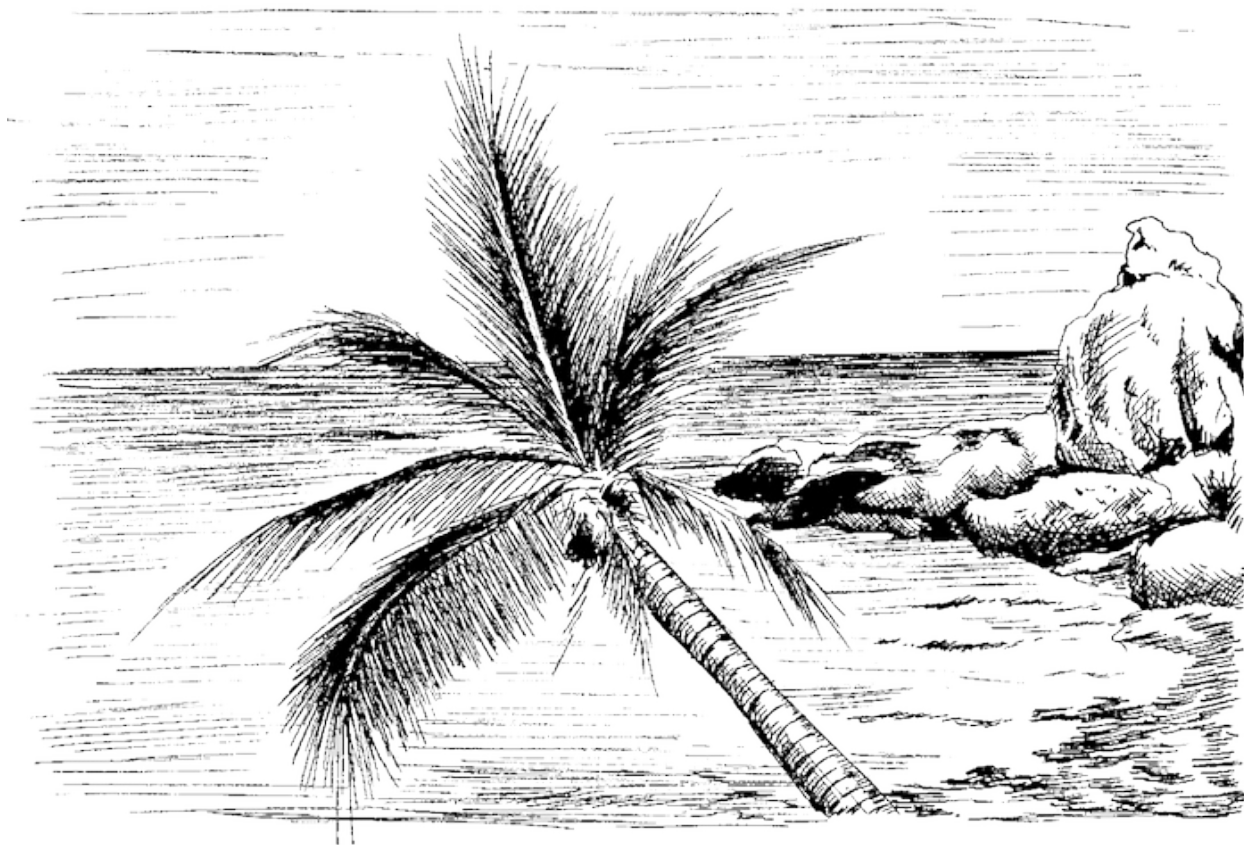
Его родители родились в России, но вынуждены были в конце XIX столетия эмигрировать в Америку, «страну благодати и богатства».

Отец Арманда занимался в то время частной практикой, был врачом-гинекологом. А его дядя (также после переезда в США) состоял на службе в филиале популярной в те годы компании по производству автомобилей «Форд».

Многие в Америке задаются вопросом, откуда появилось столь необычное имя – Арманд. Оказывается, отец будущего удачливого бизнесмена некоторое время увлекался политикой и даже был членом Социалистической рабочей партии Соединенных Штатов Америки. Свое особенное расположение к идеям социализма он выразил в данном сыну имени. Дело в том, что *arm and hammer* дословно переводится с английского как «рука и молот», которые были символами власти пролетариата.

Через некоторое время после прибытия в Америку Джулиус Хаммер открыл собственную фармацевтическую фирму. Спустя годы в ней стал работать и подросший Арманд.

После окончания школы Арманд Хаммер решил посвятить свою жизнь медицине. А потому он заранее готовился к вступительным экзаменам в медицинское учебное заведение. Дела отца и сына шли как нельзя лучше. В то время казалось, что ничто не может нарушить семейную идиллию.

В 1919 году Джулиус Хаммер предстал перед судом по обвинению в убийстве своей пациентки и незаконном проведении запрещенной операции. Так глава преуспевавшего в делах семейства оказался за тюремной решеткой. Мало кто даже из близких знакомых обвиняемого знал о том, что на самом деле оперировал девушку сын осужденного, Хаммер-младший.

В то время пока отец находился в тюрьме, сын не предавался унынию. Он получил диплом, подтверждавший его право профессионально заниматься медицинской практикой. Однако тогда медицина мало привлекала его. Он мечтал о том, чтобы разбогатеть, а потому решил заняться бизнесом.

Нужно сказать о том, что Арманд Хаммер не совсем отказался от медицины. Его торговые дела так или иначе были связаны с фармацевтической фирмой, основанной отцом. Во время описываемых событий компания уже принадлежала самому Арманду. Поэтому он был вправе распоряжаться доходами фирмы так, как ему заблагорассудится.

В те дни в Соединенных Штатах был издан так называемый сухой закон. Предприимчивый Арманд Хаммер понял, что на продаже именно

алкогольной продукции можно будет сколотить пусть небольшой капитал. Однако тогда перед авантюристом возникла другая проблема: каким образом сделать так, чтобы не оказаться не скамье подсудимых? И этот вопрос вскоре был решен молодым дельцом.

Вскоре его предприятие заработало. Под маркой фирмы, принадлежавшей Арманду Хаммеру, выпускалась имбирная настойка, которая имела лечебно-профилактическое назначение. Но главная цель производителей заключалась не в этом. Разбавив настойку в определенном соотношении обычной питьевой водой, любители горячительного могли употреблять ее и в качестве алкогольного напитка.

С течением времени лечебная настойка, рецепт которой был когда-то составлен самим Армандом Хаммером, стала одним из самых популярных «лекарственных средств» в Соединенных Штатах. Всего за один год владелец предприятий, выпускавших «имбирную воду», превратился из никому не известного человека в миллионера, популярность которого в те годы могла посоревноваться с известностью президента страны.

Однако вскоре в Соединенных Штатах сухой закон был отменен. А потому предприниматель, чья фирма занималась выпуском «лечебной воды», вынужден был изменить специализацию своей компании. Тогда Арманд Хаммер решил заработать на производстве дешевых деревянных бочек, предназначенных для хранения пива.

Необходимо сказать, что бизнесмен и из этого предприятия попытался извлечь максимум выгоды. Он закупил в России дешевый лес, который затем перевозили в Штаты для изготовления пивных бочек. Торговля бочками пошла довольно бойко. При этом хозяину фирмы удалось выручить немалую сумму денег.

Полученные от продаж пивных бочек деньги Арманд Хаммер решил использовать для покупки винодельного завода.

Так, в Кентукки появилось предприятие, занимавшееся производством алкогольной продукции.

Необходимо заметить, что качество выпускаемой продукции не являлось для Хаммера залогом успешного бизнеса, а потому ему уделялось немного внимания.

Компания знаменитого бизнесмена вскоре стала известна по всей Америке тем, что производила и распространяла виски весьма сомнительного качества, но по доступным для многих простых людей ценам. Это обстоятельство и стало причиной того, что виски Хаммера не застаивалось на полках магазинов и имело огромный успех у большинства американцев.

Незадолго до начала Второй мировой войны Арманд Хаммер открыл компанию «United Distillers of America», которая должна была осуществлять производство и торговлю алкогольными напитками. С течением времени престиж фирмы, возглавляемой Хаммером, значительно вырос.

Особенное отношение официальных властей к деятельности известного бизнесмена выразилось прежде всего в том, что в военные годы, когда на территории страны был вновь введен в действие сухой закон, Хаммеру удалось заполучить право на изготовление и реализацию спиртных напитков. Кроме того, он смог добиться разрешения на расширение деятельности фирмы. Спустя некоторое время компания Арманда Хаммера превратилась в самую крупную фирму, занимавшуюся выпуском и продажей алкогольной продукции.

Арманд Хаммер славился как рачительный и экономный хозяин, у которого ничто не может пропасть даром. Спустя некоторое время он выкупил завод по изготовлению корма для домашнего скота. При этом в качестве сырья использовались отходы винодельческих заводов. После этого, говорили, Хаммер решил всерьез заняться животноводством и открыть небольшую ферму.

Однако тот план бизнесмену осуществить так и не удалось. Вскоре после начала войны состоялся бракоразводный процесс между Армандом Хаммером и миссис Хаммер. Но поскольку земли, на которых бизнесмен желал возвести ферму, по закону принадлежали супруге, то после развода Хаммер потерял их.

Необходимо заметить, что это был уже второй неудавшийся брак знаменитого миллионера. Однако и после второго развода Хаммер не отчаялся найти свою вторую половину.

В 1956 году он женился в третий раз. Тогда ему было уже 58 лет. Однако, как известно, возраст любви не помеха. Третьей женой предпринимателя стала вдова Френсис Баррет, которая после смерти своего первого супруга получила в наследство солидный кусок земли и немалую сумму денег.

Именно такой супруге и решил посвятить остаток своих дней Арманд Хаммер. В те дни он с большим энтузиазмом взялся за обустройство семейного очага. А спустя еще некоторое время знаменитый бизнесмен отстранился от дел, продал «United Distillers» и на вырученные деньги приобрел комфортабельную квартиру в центре одного из престижных районов Лос-Анджелеса.

Но очень скоро Арманд Хаммер понял, что тихая и спокойная старость

не для него. Тогда он решил осуществить свою давнюю мечту. И вот спустя несколько дней Хаммер стал собственником крупной фирмы «Occidental Petroleum», предприятия которой занимались добычей черного золота.

Через пять лет после основания компании рабочими были найдены достаточно крупные месторождения нефти. Только тогда новое предприятие Хаммера заработало в полную мощь.

Казалось, фортуна благоволила удачливому бизнесмену на протяжении всей его жизни. Всего лишь спустя год доход молодой фирмы уже составлял 500 000 000 американских долларов. А еще через год «Occidental Petroleum» вошла в список самых богатых и крупных предприятий Соединенных Штатов Америки, занимавшихся нефтедобывающим промыслом.

С течением времени фигура Арманда Хаммера стала ассоциироваться в сознании американцев с понятиями успеха и удачи в делах. Авторитет бизнесмена был настолько велик, что его охотно принимали и в коммерческих собраниях, и в кабинетах влиятельных политиков. Так, Хаммер был близко знаком с Брежневым, Горбачевым, многими королями, президентами и даже бандитскими авторитетами.

Арманд Хаммер как близкий друг был вхож в комнаты частных владений многих знаменитых и влиятельных людей того времени. Так, он бывал в резиденциях английской королевы-матери; принца Чарльза, занимавшего тогда пост премьер-министра «железной леди» Маргарет Тэтчер; а также в гостях у Даниэль Миттеран, супруги бывшего президента Франции; Джеймса Рузвельта, сына бывшего президента Соединенных Штатов Америки Франклина Рузвельта; Менахема Бегина, который когда-то возглавлял израильский парламент.

Королю успеха и удачливому человеку была даже посвящена одна из песен знаменитого Фрэнка Синатры, который к тому же долгое время дружил с Армандом Хаммером. Ставшая впоследствии настоящим шлягером серенада носила поэтичное и говорившее само за себя название «Mr. Wonderful».

Конечно же, не вызывает сомнений тот факт, что многие коммерческие операции Арманд Хаммер проводил не без участия столь знаменитых людей. Так, благодаря близкому знакомству с представителями власти в СССР бизнесмен смог начать прибыльное предприятие по строительству газопровода, протянувшегося из Сибири на Японские острова. Более того, именно с разрешения генерального секретаря Хаммер получил возможность продать в Советский Союз большую партию химических удобрений.

Приблизительно в то же время Арманд Хаммер учредил фирму, занимавшуюся разработкой недавно открытого в Китае угольного месторождения. Затем он стал разрабатывать план организации крупной корпорации, которая занималась бы выпуском и реализацией гражданской авиационной техники. Но смерть помешала Хаммеру воплотить эту мечту.

На первый взгляд могло показаться, что Арманд Хаммер часто вкладывал деньги в новое предприятие, нимало не заботясь о его дальнейшем успехе. Однако это не так. Многие близкие друзья отмечали в Хаммере его ум и деловую хватку.

Однако бизнесмен не был расточительным. Напротив, он хорошо знал цену бумажным купюрам и их силу. Так, например, однажды во время возведения в Колумбии нефтеперерабатывающего предприятия местные бандиты прислали владельцу компании письмо с угрозой сорвать строительство. Хаммер тотчас же распорядился выдать боевикам требуемую сумму наличных в обмен на прекращение хулиганства. Договоренность с бандитами стоила бизнесмену ни много ни мало 3 000 000 долларов.

Столь же огромную сумму денег Арманд Хаммер потерял и на учреждении нефтеперерабатывающего комплекса в Ливии. Тогда деньги тратились в основном не на возведение завода, а на дачу многочисленных взяток ливийским чиновникам, которые никак не желали давать американскому бизнесмену разрешения на открытие промышленного комбината.

Однако думать о том, что Хаммер мог тогда разориться, было бы ошибочным. Действительно, расходы оказались значительными. Но дальновидный предприниматель прекрасно понимал, что все они окупятся уже через год работы новых компаний. Так и получилось. Доходы фирм были такими высокими, что Хаммеру ни разу не пришлось пожалеть о вложенных в них ранее средствах.

В одном из интервью Арманд Хаммер признался в том, что труднее всего было найти «путь к сердцу» американского правительства. Однако и в общении с президентом Америки бизнесмена, обладающего даром талантливого психолога, ждал успех. Тогда посредником в знакомстве знаменитого предпринимателя и президента принимал самое активное участие Альберт Гор-старший.

Как известно, Альберт Гор смог сделать головокружительную карьеру, практически за один день став из школьного учителя конгрессменом. Именно в то время он и привлек внимание влиятельного миллионера, который не раз одалживал политику на «общественные нужды»

необходимые суммы денег.

Нужно сказать, что дружба Арманда Хаммера и Альберта Гора продолжалась и после того, как политик ушел в отставку. После этого бизнесмен предложил Гору занять кресло в совете директоров фирмы «Occidental Petroleum» с более чем достойным окладом – 500 000 долларов ежемесячно. Нет необходимости говорить о том, что бывший политик с радостью согласился принять должность руководителя угольным отделом преуспевающей и знаменитой на весь мир компании. У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: чем вызвано столь горячее дружеское чувство Арманда Хаммера к покинувшему свое место в конгрессе политику? Ответ вполне прост. Дело в том, что близость к Альберту Гору стала своеобразным золотым ключиком, который открыл бизнесмену дверь в высший свет. Он смог познакомиться лично со многими влиятельными в то время людьми Соединенных Штатов.

Кроме того, Гор однажды выручил Арманда Хаммера, когда тот попал в достаточно щекотливую ситуацию. Тогда руководители ФБР предъявили предпринимателю обвинение в шпионаже и сотрудничестве с советским КГБ. И только Гор смог помочь Хаммеру выпутаться из всей той истории и избежать крупного скандала.

После ухода из конгресса Альберта Гора-старшего его заменил сын. Прозорливый Арманд Хаммер завязал дружбу и с Альбертом Гором-младшим. Поговаривали, что Гор-младший также не раз выручал бизнесмена.

Однако дружба, построенная на деньгах, не может быть вечной и, как правило, обречена на скорую гибель. «Святая троица» распалась во время избирательной кампании. Тогда Арманд Хаммер вложил достаточно крупную сумму денег в выигравшего президентские выборы Никсона. Однако вскоре разразился скандал. Арманд Хаммер был обвинен американским судом в даче взятки одному из претендентов на президентское кресло.

Обвинение было настолько неожиданным, что в первые минуты Арманд Хаммер растерялся, не зная, какие аргументы привести в свою защиту. Он попытался отрицать факт передачи определенной суммы денег Никсону, тем самым усугубив свое и без того тяжелое положение.

Однако уже спустя несколько часов Хаммер нашел выход из создавшейся ситуации. Накануне судебного разбирательства он объявил о своей обострившейся болезни, которая якобы и стала причиной его срочной госпитализации.

Несмотря на свою «болезнь», бизнесмен все же явился в зал судебных

заседаний, хотя слово «явился», пожалуй, в этом случае не вполне уместно. Дело в том, что Арманд Хаммер въехал в зал суда, сидя в инвалидной коляске и окруженный по меньшей мере десятком докторов и медицинских сестер.

У судей тоже есть сердца. Они не смогли без участия отнестись к престарелому и к тому же тяжело больному и еле дышавшему (а именно так выглядел тогда Арманд Хаммер) обвиняемому. В конце концов, думали судьи, он же не убийца и не хулиган, а всего лишь взяточник... Да и это обвинение нужно еще доказать...

Как бы то ни было, спустя несколько часов судьи огласили единодушно принятое решение. Таким образом инвалид, престарелый бизнесмен Арманд Хаммер получил за свое очередное «предприятие» несколько лет тюремного заключения... условно. Видимо, именно от бешеной радости болезнь предпринимателя тот же час отступила, и на следующий день он появился в своем служебном кабинете в добром здравии и не менее добром расположении духа.

Несмотря на столь благополучный исход дела, авторитет Хаммера в деловом мире оказался подмоченным. Говорят, что судебное разбирательство и стало причиной для того, чтобы отказать Хаммеру в награждении знаменитой Нобелевской премией. Кроме того, бизнесмену было отказано и в присвоении дворянского титула, о коем предприниматель грезил всю свою сознательную жизнь.

Но Арманд Хаммер был из числа людей, кого не так-то просто заставить сдаться перед жизненными невзгодами. Для того чтобы вернуть себе былую репутацию наичестнейшего бизнесмена, он решил заняться благотворительными акциями.

По воспоминаниям его друзей, в последние годы жизни на благотворительные цели Хаммер тратил огромные суммы денег.

Из газетных статей, выходящих в 1989 году, стало известно, что фактически Арманд Хаммер владеет всего лишь 1 % акций своего предприятия. Однако это не мешает ему тратить много денег не только на коммерческие нужды, но и исходя из своих личных потребностей.

Говорят, что именно на деньги компании Хаммером было приобретено на аукционах множество живописных полотен, организованы всевозможные выставки частных коллекций, конференции (в их числе и конференция, посвященная правам человека), а также пышные торжества по случаю именин владельца и основателя фирмы.

По словам родственников Хаммера, на протяжении всей жизни для него главными были две вещи: деньги и слава (в том числе и посмертная).

А потому он всячески заботился о том, чтобы оставить свое имя в веках.

Так, например, однажды на пачке с солью он прочел название фирмы: «Arm & Hammer». Оказалось, что соль выпустила никому не известная второсортная фирма. Однако знаменитый предприниматель заявил, что компания с подобным названием должна быть только его собственностью. На следующий день фирма была выкуплена и передана во владение Хаммеру. Необходимо заметить, что Арманд Хаммер принимал активное участие и в политике. Так, он еще в молодые годы мечтал о прекращении холодной войны между Соединенными Штатами Америки и СССР. Благодаря своему близкому знакомству с главами обеих стран Хаммеру удалось (пусть хотя бы на какое-то время) прекратить вражду между двумя могущественными государствами.

Другой жизненной целью Хаммера было оказание помощи медицинской науке, в частности тому ее разделу, который специализировался на борьбе с таким тяжелым недугом, как рак.

Действительно, вклад знаменитого бизнесмена в эту отрасль науки оказался немалым. Именно с его легкой руки в Америке был учрежден исследовательский институт, сотрудники которого пытались (и пытаются по сей день) найти средство лечения смертоносной болезни.

Многие из друзей и знакомых Хаммера видели в его меценатской деятельности только лишь нечто показное, вроде хорошего рекламного трюка. Как бы то ни было на самом деле, участие бизнесмена в деле борьбы против страшной болезни, от которой ежегодно гибнут тысячи людей, неоспоримо.

В наше время найдется не так много людей, которые могут и, что самое главное, хотят безвозмездно вложить деньги в медицину или образование. А потому Арманду Хаммеру, наверное, можно низко поклониться хотя бы только за то, что он обратил внимание общественности на существующую проблему и, более того, заставил деньги работать на благо людей.

Однако человек всегда сложнее, чем устоявшийся психологический штамп. Казалось, вместе с ангелом в хаммеровской душе хорошо уживается и дьявол. Бизнесмен прославился не только своим стремлением помочь больным раком. Близкие вспоминали о том, что Хаммер не был лишен и тщеславия.

Так, например, прежде чем картины, подаренные миллионером, оказались в одном из университетов Южной Калифорнии, они предварительно были провезены в ярко раскрашенных автомобилях по всем дорогам Соединенных Штатов. А сделал это бизнесмен для того,

чтобы каждый американец смог по достоинству оценить его щедрость. Посвоему оценила тот поступок и налоговая полиция, освободившая мецената от выплаты налога размером в 1 000 000 американских долларов.

Однако спустя несколько месяцев тот же отдел налоговой полиции выявил факт сокрытия Хаммером истинной стоимости подаренных университету полотен.

Как оказалось, их цена была гораздо ниже той, что указал бизнесмен в документах. А потому даритель во избежание скандала и судебного разбирательства вынужден был выплатить сумму 267 000 долларов.

Репутация Хаммера оказалась несколько подмоченной и в тот день, когда мир узнал о присвоенных им картинах, до той поры хранившихся в уже указанном калифорнийском университете.

Как-то раз Арманд Хаммер вошел в кабинет ректора и попросил одолжить на пару дней для фотосъемок понравившиеся бизнесмену холсты, принадлежавшие кисти Рубенса и Брейгеля.

Когда же пришло время возвращать полотна, Хаммер отказался сделать это. Свой поступок он мотивировал желанием отомстить ректору за то, что тот когда-то не дал разрешения на присвоение бизнесмену ученой степени. Взятые Хаммером полотна смогли вернуться в университет только после смерти миллионера.

Действительно, одной из главных целей Арманда Хаммера было его стремление оставить память о себе и своем имени.

Так, незадолго до смерти он решил возвести Художественный музей и культурный центр им. Арманда Хаммера. Строительство велось, конечно же, не на личные средства заказчика, а за счет его фирмы «Occidental Petroleum».

Внешне и внутренне Художественный музей напоминал мавзолей. А почти каждый камень строения возвещал о том, кто является хозяином этого храма смерти. Фасад здания украшает надпись с именем бизнесмена. При входе в вестибюль каждый посетитель может полюбоваться портретом Хаммера, высота которого достигает не менее 2 м. Во дворе музея красуется бюст знаменитого миллионера.

Еще в молодости Арманду Хаммеру удалось приобрести за сравнительно низкую стоимость рукопись выдающегося живописца эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Данная рукопись под названием «Кодекс Хаммера» по достоинству украсила специально предназначенный для ее хранения зал Художественного музея.

Торжество, посвященное открытию Художественного музея им. Арманда Хаммера, проходило 27 ноября 1990 года. А через две недели

тщеславный владелец его скончался вследствие долгой болезни – рака.

Множество газет и журналов страны выразили на своих страницах соболезнования семье неординарного человека и удачливого бизнесмена XX столетия.

Однако необходимо заметить, что долгими годами создаваемая в обществе самим Хаммером, не без помощи средств массовой информации, репутация честного, добродушного и рачительного владельца нескольких компаний развалилась на следующий же день после похорон миллионера. Спустя некоторое время на свет появилась масса всевозможных мемуаров многих известных в свое время людей, на страницах которых упоминалось и имя Арманда Хаммера. В большинстве автобиографических заметок говорилось о том, что он был далеко не честным и добропорядочным игроком в бизнесе. Для него главной целью было обогащение, при этом выбор правильного и законного пути получения прибыли мало занимал внимание бизнесмена.

После смерти миллионера всплыло немало интересных фактов из его биографии. Настоящей сенсацией стало известие о том, что его истинный капитал может быть оценен не в несколько миллиардов долларов, как уверял при жизни сам Хаммер, а всего лишь 40 000 000 долларов.

Кроме того, при жизни миллионер заранее оповестил родственников о том, что оставит каждому из них значительные средства.

Однако никто из близких бизнесмена не получил даже цента. Кроме того, им пришлось выплачивать долги, которые еще при жизни наделал их знаменитый родственник, и, стоит заметить, их сумма в несколько раз превышала указанную выше оставшуюся после смерти Хаммера.

После смерти Арманда Хаммера фирма «Occidental Petroleum» перешла в руки другого владельца. Для того чтобы восстановить былой статус честной компании, он решил аннулировать все те сделки, которые были заключены его предшественником. Так, оказались расторгнутыми контракты, заключенные с киностудией, фирмой «Arm & Hammer», занимавшейся добычей соли, а также были упразднены предприятия, работавшие в местах угольных месторождений, обнаруженных в Китае.

Художественный музей имени Арманда Хаммера после смерти миллионера отошел в ведение местного университета.

Спустя некоторое время он превратился в многопрофильный культурный центр, который с течением времени стал знаменит проводившимися там художественными выставками.

Нужно сказать, что музей претерпел некоторые изменения. Был снят со стены портрет Арманда Хаммера, вынесен со двора его бюст.

В настоящее время они хранятся в подвале музея. Однако местные жители все же не забывают о том, что культурный центр, который они так любят посещать, был построен именно Хаммером. Недаром и сейчас фасад здания украшает надпись: «Armand Hammer».

Как уже было сказано выше, близкие родственники оказались жестоко обмануты миллионером. Пожалуй, еще до сих пор они вспоминают о его обещании оставить им богатое наследство. Как видим, ожидания близких были напрасными. Богач и тут смог уйти от выполнения своих обязательств.

В свою очередь внук Хаммера так же, как и его дед, не захотел выполнять свое обещание. Дело в том, что внук должен был внести в казну определенную сумму денег за то, чтобы имя его славного родственника красовалось в зале Славы американского музея. Сам Хаммер еще при жизни выплатил фонду 800 000 долларов. Оставалось внести еще 1 000 000 долларов. Однако внук знаменитого миллионера наотрез отказался сделать это. Более того, он выплатил 200 000 американских долларов за то, чтобы надпись с именем деда стерли со стены музейного зала.

Так имя Арманда Хаммера исчезло со стены музея. Однако он все же остался в памяти многих американцев тем, что смог подарить надежду на исцеление многим больным раком, и как человек, который ценит в бизнесе ум, риск и удачливость.

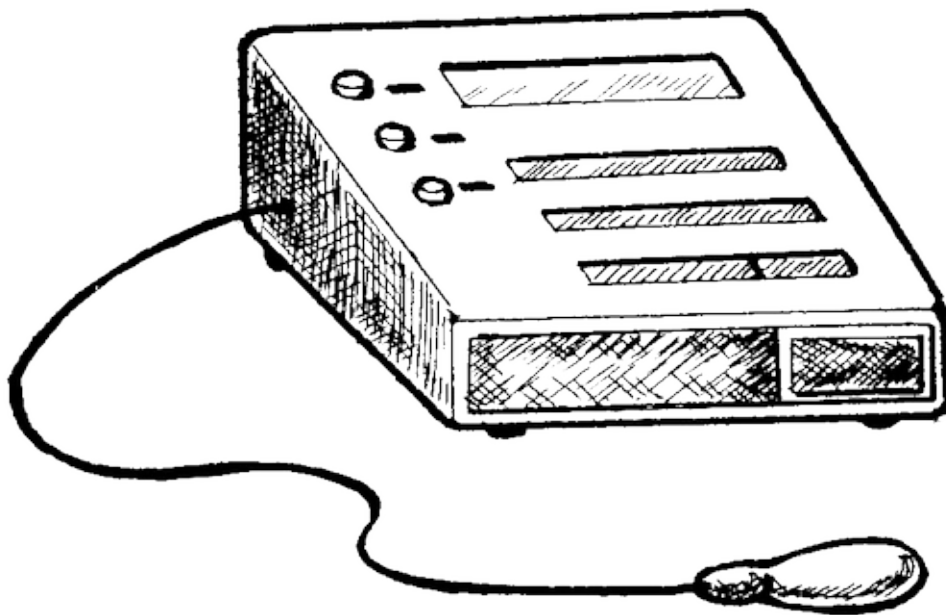
Хочешь быть здоровым? Плати!

Сколько раз твердили миру: не покупайте дорогие игрушки у случайных людей! Тысячи доверчивых граждан – жертв многочисленных канадско-китайских компаний – оплакивали безвременно утраченные денежки, выбрасывая на помойку неосмотрительно приобретенную одноразовую дребедень. Непонятно почему, но такой печальный опыт не идет впрок, и все новые и новые люди попадают на удочку «представителей фирм», распространяющих чудодейственные приборы, излечивающие от всех болезней, игрушки, предназначенные для детей любого возраста, и т. д. Вот об одной из таких «новинок» под названием «Коралл», испускающей инфракрасные лучи, с помощью которых можно якобы исцелить что угодно, хоть псориаз, хоть подагру, мы и хотим вам рассказать.

Итак, местом действия стал обыкновенный московский двор, куда в один прекрасный день явились обаятельные лица мужского пола лет тридцати на вид. Начинается все с того, что в одной из квартир раздается звонок и на пороге как раз и появляется один из этих мужчин. Поздоровавшись, он сообщает заговорщическим тоном хозяину о том, что через десять минут во дворе состоится собрание, призывает его спуститься вниз, а затем направляется к дверям следующей квартиры.

Жильцы видят: в квартиру пришелец попасть не стремится, звонит во все двери подряд. А собрание игнорировать, пожалуй, не стоит: вдруг пропустишь что-нибудь важное? И вот уже через четверть часа во дворе собирается целая толпа. Тут уж, как водится, затеваются споры по поводу того, зачем людей сюда позвали, но говор смолкает в ту минуту, когда один из инициаторов сбора просит всех замолчать, предоставив тем самым возможность высказаться ему.

Оказавшись в центре внимания, рассказчик представляется примерно следующим образом: «Я менеджер Сидоров. Наша фирма – официальный представитель в нашем городе предприятия-изготовителя уникального медицинского прибора „Коралл“».

Сидоров достает из пакета какой-то предмет, похожий на фен, демонстрирует его притихшей толпе, после чего продолжает говорить: «А вот доктор Петров. При помощи «Коралла» он избавил от мучительных болей десятки пациентов».

Менеджер указывает на своего спутника – мужчину с желтым лицом, который тотчас же принимается скрипучим голосом, как и подобает доктору, постоянно переживающему за своих немощных клиентов, перечислять болезни, отпустившие тех страдальцев, кто регулярно применяет чудо-аппарат.

Если верить словам доктора Петрова, то «Коралл» лечит все. Причем сам врач честно предупреждает, что те, кто делает зарядку по утрам и регулярно закаляется, могут обойтись без волшебного агрегата еще годик-другой. Хотя он лично этим страдальцам не завидует и никаких гарантий их удовлетворительного самочувствия дать не может.

И Петров продолжает увещевать граждан, взывая к их сознательности. Он спрашивает у какой-то сторбленной бабушки, делает ли она зарядку, а у женщины, кутающейся в пуховой платок, – обливается ли она водой по утрам. Те, к кому обращены эти слова, смущенно улыбаются, вдруг понимая, как пренебрежительно они относились к своему здоровью до сих пор.

Правда, доктор сразу же вселяет в своих «пациентов» уверенность в

том, что все их беды поправимы, ведь теперь они могут приобрести «Коралл». И чтобы на практике показать всем присутствующим чудесные свойства прибора, Петров выхватывает из толпы скромную даму бальзаковского возраста и буквально обрушивается на нее с вопросом: «Я чувствую, я знаю, что вы страдаете от болей в спине. Я прав?»

И женщина волей-неволей соглашается с доктором. Расчет мошенников при этом тонок, ведь чуть ли не каждый человек в своей жизни хоть раз да испытал боль в спине.

Петров просит зрителей внимательно следить за происходящим и в течение нескольких минут сосредоточенно водит потрескивающим прибором по пояснице женщины, а затем интересуется, как она себя чувствует. Та же, видимо, стесняющаяся того, что ее выставили на обозрение толпы, и желая избавиться от назойливого лекаря, поспешно отвечает, что ей как будто стало полегче. Результат рекламной акции налицо.

Тут же раздаются возгласы в толпе: «Сколько стоит?»

Сидоров не торопится и говорит по-прежнему спокойно и убедительно: «Минуточку, друзья мои. Вы еще не знаете, насколько выгодно наше предложение. Цены постоянно растут: инфляция. Уже через две недели прибор появится в свободной продаже. Его можно будет купить в любой аптеке. За две тысячи рублей...»

При этих словах люди разочарованно вздыхают: здоровье, оно понятно, удовольствие дорогое, только где деньги взять, все равно неясно.

Менеджер же тем временем продолжает: «Не волнуйтесь, у нас осталось еще несколько аппаратов по старой цене. В нашем офисе на Гончарной вы можете приобрести их за тысячу двести».

Публика в негодовании: дорого!

А Сидоров в ответ заявляет, что они с партнером, жертвуя своим драгоценным временем, отложили прием пациентов и приехали специально в этот тихий московский дворик, чтобы предложить жильцам данного дома купить «Коралл» всего за шестьсот рублей. Причем это чрезвычайно заманчивое предложение действует всего лишь полчаса.

Толпа погружается в раздумья, которые длятся не слишком долго, так как на сцене внезапно появляется женщина, проживающая в квартире под номером 23, и говорит, что она уже покупала «Коралл», теперь регулярно использует его по назначению, и вот вроде бы самочувствие ее улучшилось. При этом женщина выказывает обеспокоенность тем, что как бы ее приборчик не сломался.

Обрадованный таким поворотом дела, Сидоров восклицает: «Не

переживайте, мы все уладим. Дамы и господа! Вот эта уважаемая гражданка уже приобрела у нас „Коралл“! Она убедилась в его чудесных свойствах! Это – лучший подарок для нас, представителей фирмы. Мы в свою очередь сделаем ответный подарок нашей клиентке. Мы заменим ее аппарат на новый, усовершенствованный».

Счастливая женщина спешит домой со всей скоростью, какую только позволяет ей развить подагра. Торжественный обмен аппарата осуществлен. С этой минуты продавцы уже не сомневаются: купят. Процесс пошел... Хрустят купюры, извлеченные жильцами из своих карманов. Причем люди берут по два, а то и по три прибора, увлеченные затеей, подсказанной распространителями «Коралла», подарить их своим близким.

Аферистам следует отдать должное: механизм придуманной ими махинации чрезвычайно прост и вместе с тем приносит просто великолепную отдачу. Видимо, сказывается так называемый стадный инстинкт, когда у человека появляется мысль: вот же, все берут, а почему бы и мне не попробовать, да вроде и 600 рублей по сравнению с двумя тысячами недорого... Ну а о последствиях подобных мыслей уже было сказано выше.

Что думают об этом власти? Они, как правило, ограничиваются всякого рода предупреждениями. Так, председатель Комиссии по лицензированию и аккредитации медицинской и фармацевтической деятельности Михаил Чумаков сообщает следующее: «На недавней коллегии Минздрава РФ обсуждалась проблема поступления на рынок опасных для здоровья населения товаров. Упомянули и „Коралл“. Это устройство в Министерстве здравоохранения не зарегистрировано. Какое воздействие на организм человека оказывает этот аппарат, неизвестно. Использовать его не стоит. По крайней мере, в медицинских целях».

Королева красоты

Пару лет назад на российском телевидении появилась реклама о том, что на кинопробы приглашаются дети, девушки и юноши для последующего участия в съемках телесериала «Королева красоты». Никакого специального образования не требовалось, впрочем так же, как и не указывались ограничения в возрасте, росте, весе и т. д. Что кроется за этим? Давайте выяснять вместе. Итак, тот, кто заинтересовался рекламой, звонит по указанному телефону и тут же... попадает на крючок, особенно если оставляет свой номер «киношникам». С данного момента его жизнь кардинально меняется: несчастной «рыбке», проглотившей приманку, начинают чуть ли не каждый день звонить представители организации, отвечающей за кинопробы, и советовать ей быстрее приехать к ним. Для чего? Ну конечно, чтобы продемонстрировать свой актерский талант во всем блеске.

Ну а дальше человек либо едет, либо нет. Во втором случае «киношники» от него рано или поздно отстают, а в первом – все гораздо интереснее. Потенциального актера снимают на камеру, вводят его данные в «компьютерную базу» и отправляют домой, предварительно пообещав позвонить через пару дней.

Действительно, через указанный срок в квартире будущей «звезды» телеэкрана раздается звонок и приятный женский голос сообщает примерно следующее: «Вы прошли первый отборочный тур, и вас зачислили на обучение». Конечно, жертва своего желания прославиться тут же переспрашивает, что это за обучение, о котором никто ничего не говорил. На что тот же голос отвечает: «А актерское мастерство? Вам пока его не хватает. Нужно учиться. Это стоит столько-то. Вы не можете заплатить? Ну уж найдите средства! Не зарывать же ваш редкий – один на миллион – талант в землю! У вас такое будущее! Тем более все окупится, как только начнутся съемки, а они уже не за горами...»

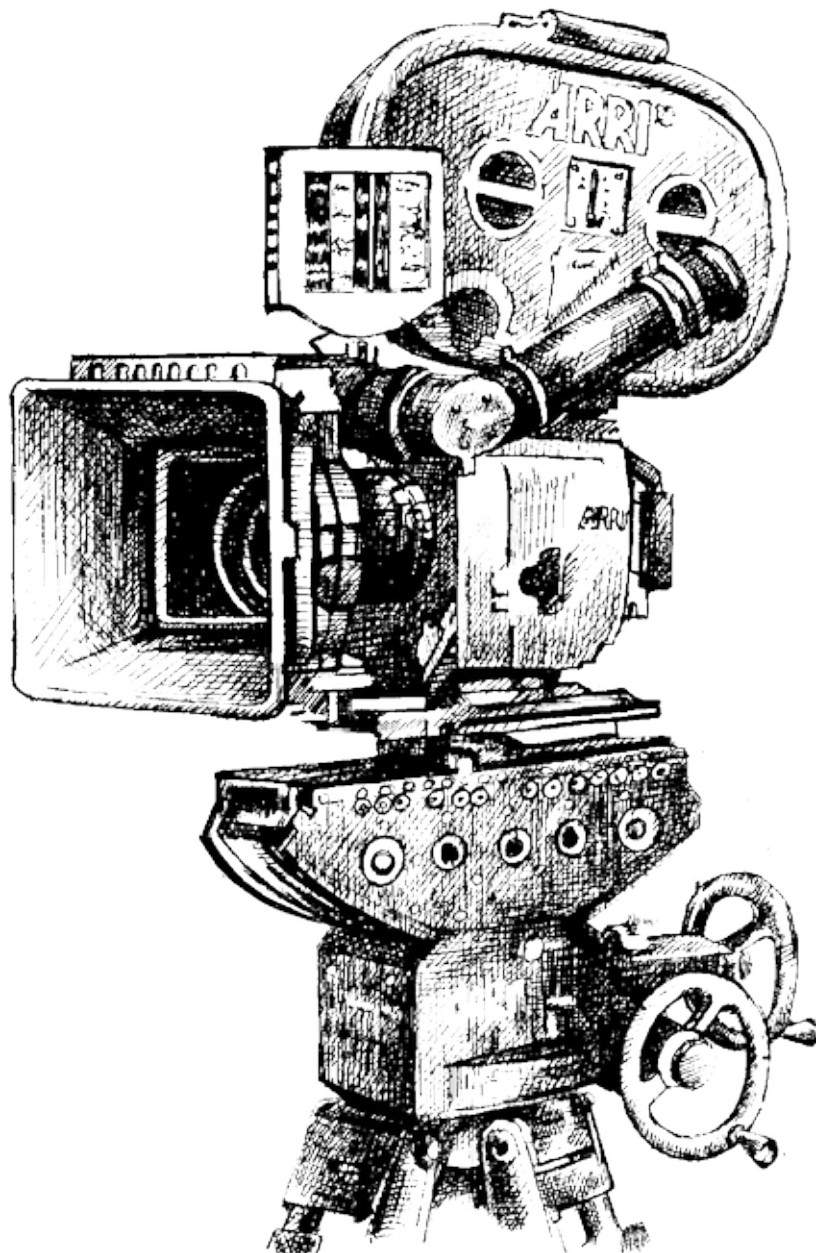
И тогда еще у человека есть возможность повернуть вспять! Но есть те, кто любыми способами изыскивает необходимую сумму, отдает ее «киношникам» и начинает посещать занятия в надежде, что скоро его лицо увидят миллионы телезрителей.

Однако время идет, а съемок как не было, так и нет. «Звезда» начинает что-то подозревать, пытается дозвониться до своего «менеджера», с которым имела дело все это время, а тот, оказывается, давным-давно уже не

работает в компании. Потом выясняется, что человека «с необыкновенным актерским талантом» вообще нет в списках претендентов на роль в сериале. И тут-то человек в буквальном смысле прозревает, понимая, как жестоко его обманули.

Однажды рекламой «Королевы красоты» заинтересовалась одна журналистка, решившая проверить, насколько достоверны слухи об обмане клиентов организацией, отвечающей за кинопробы к этому сериалу. Она позвонила в данное агентство, и ее попросили прийти на следующий день с деньгами.

В назначенное время девушка уже стояла перед дверьми офиса «киношников». Здесь ей вручили листовку, в которой было написано следующее: «„Королева красоты“ – новый проект студии „Арктос“. Телесериал в жанре комедии. Уникальность телесериала „Королева красоты“ состоит и в количестве серий, их планируется 112, и в сложности жанра комедии, и в количестве актеров, до 50 человек в одной серии.

Для этого уже сейчас проводятся специальные кастинги, строятся большие декорации. Сценарий к ТВ-сериалу «Королева красоты» пишет творческая группа, состоящая из 12 сценаристов, возглавляемых Сергеем Гариным. Главный режиссер – Мичислав Юзовский, генеральный продюсер – Кирилл Лановский.

Съемки телесериала „Королева красоты“ будут проходить в павильонах компании „АСТ-Прометей“. Сейчас полным ходом идет сценарная подготовка и предварительный отбор актеров».

Журналистка прошла «просмотр», после чего ей сказали, что ее типаж как нельзя лучше подходит для роли второго плана, а неповторимый тембр голоса – как раз то, что они так долго искали.

По завершении восхваления достоинств претендентки на роль в сериале «киношники» заявили, что она должна научиться актерскому мастерству, а также пройти курс в модельном агентстве «Види Вичи» всего за 350 долларов.

Учиться журналистка не пошла, так как денег у нее не было, да и обо всем, что кроется за таким «обучением», она уже знала из писем читателей газеты, в которой работала. Во-первых, «курс в модельном агентстве» не стоит тех денег, что за него платят. Во-вторых, никаких последующих съемок в телесериале нет: компания «АСТ-Прометей», в павильонах которой они якобы должны проходить, отрицает свою причастность к сериалу «Королева красоты» и заявляет, что агентство «Види Вичи» просто арендует помещение в одном с ними здании и, вероятно, потому прикрывается их названием для убедительности.

Ну а как же те люди, фамилии которых упоминались в листовке? Знающие киноеды о таких, как оказывается, никогда и не слышали. Правда, кое-что узнать о них все же удалось. Так, Сергей Гарин известен как автор сценария к фильму «Вздувайте горны», снятого в 1925 году. Мичислав Юзовский – сын режиссера Михаила Юзовского, числящийся соучредителем одной рекламной фирмы, с киноискусством вроде никак не связанной. «Продюсер» Кирилл Лановский так и остается загадкой.

Так кто же стоит за всей это аферой?

Выяснилось, что модельное агентство «Види Вичи» уже давно пользуется дурной славой. Например, сравнительно недавно скандал с его участием разгорелся в Новосибирске. Комиссия Новосибирского территориального управления Министерства по антимонопольной политике РФ оштрафовала «Види Вичи» на 100 минимальных зарплат за нарушение закона о рекламе.

Дело в том, что по сибирскому телевидению долгое время шла массивная реклама: «Набор детей от 4 лет в элитную школу моделей. С вашими детьми будут работать лучшие педагоги, стилисты, визажисты, режиссеры и фотографы. Вас ждут режиссеры кино и телевидения, известные кутюрье, лучшие стилисты и ведущие мировые журналисты. Не упустите единственный шанс для своих детей».

Документально подтвердить звучащие термины авторы рекламы не смогли. Кроме того, выяснилось, что у «Види Вичи» вообще нет лицензии на осуществление образовательной деятельности. А здесь уже налицо

состав преступления по статье «Незаконное предпринимательство» (ст. 171 Уголовного кодекса РФ).

Далее скандал вокруг «Види Вичи» произошел уже в Москве, а именно после того, как на телевидении появилась все та же реклама: за четыре месяца детей обещали научить всем тонкостям работы на подиуме.

Предполагалось, что будущие звезды будут посещать занятия два раза в неделю, а продолжительность одного урока составит один час. Курс обучения стоил 9800 рублей за одного ребенка, причем деньги необходимо было заплатить сразу же после зачисления малыша в учебное заведение. Однако после того как родители произвели предоплату, занятия не начались. Более того, все попытки узнать у организаторов модельной студии точную дату и время первого урока не увенчались успехом. Тогда папы и мамы обратились в Московское общество защиты потребителей, а затем с помощью юристов общества – к служителям Фемиды. Деньги родителям, говорят, вернули, но деятельность своего агентство не прекратило, придумав очередную аферу с «Королевой красоты».

Из жизни хакеров

Давным-давно остались в прошлом те времена, когда люди передавали друг другу различные сообщения при помощи голубиной почты и других подобных способов связи. В наш век прогресса передать знакомым или друзьям привет стало гораздо проще: достаточно иметь дома телефон, а еще лучше – компьютер, и ваши слова долетят практически в любую точку света буквально за считанные секунды. Такая передача информации, без сомнения, очень удобна, но как быть, если люди не желают доверять имеющиеся у них сведения лицам, для которых они не предназначены?

Специалисты, чтобы решить эту проблему, придумали различные способы защиты информации и продолжают разрабатывать новые. Однако всегда найдется человек, которому небезынтересны чужие тайны, и если у кого-то хватило знаний, чтобы создать защитную систему, то почему не может быть того, кто сможет взломать ее и добраться-таки до той или иной информации. И чем совершеннее становятся методы защиты, тем более изобретательны хакеры – взломщики компьютерных систем.

Следует заметить, что их иногда интересуют и не какие-то конфиденциальные сведения, с которыми еще надо знать, как поступить, чтобы извлечь из такой аферы какую-то выгоду для себя, а вполне реальные деньги. И современные «разбойники с большой дороги», используя виртуальную жизнь в Интернете, набивают свои кошельки хрустящими банкнотами и звонкими монетами. Каким образом им это удастся? Расскажем несколько случаев, произошедших не так давно.

Один молодой человек занялся рекламным бизнесом в Интернете, зарабатывая на нем неплохие деньги. Но, как известно, людей завистливых много, и вот некая преступная группировка просит бизнесмена уступить им столь доходное место. Последний, не желая связываться с ними, соглашается с их требованиями, но, так как жить на что-то надо, он занимает в виртуальном мире другой участок: вместе с друзьями молодой предприниматель открывает в Интернете магазин.

Однако продавать и покупать никто ничего не собирался. Товарищи по бизнесу разыскали несколько человек, разбирающихся в компьютерной технике и имеющих доступ в мировую электронную сеть. Среди последних был и хакер, согласившийся поставлять важнейшую информацию – реквизиты электронных кредитных карточек, добывая их в Интернете, взламывая коды в зарубежных магазинах. За один номер карточки хакер

получал по два доллара.

Необходимо отдать должное аферистам: они оказались не слишком жадные, то есть красть-то они, конечно, крали, но понемногу – не более 100 долларов с карточки. Рассуждали так: исчезновение со счетов небольших денег особого беспокойства вызвать не должно. Тем более что, покупая товары в магазине по электронной карточке, ее владелец получает из банка отчет о расходах только через месяц. За это время он, скорее всего, благополучно забудет, куда делась не столь крупная сумма, и не обратит внимания на стодолларовую покупку. Как показала жизнь, расчет оказался верным.

Схему можно назвать классической. Хакер продавал реквизиты кредитных карт «директору» виртуального магазина, чьи подручные продолжали работу: вводили в свой магазин номер карты, по ней якобы покупали какую-то информацию или регистрировали будущих клиентов и оплачивали первоначальные взносы. Потом переводили деньги из магазина на транзитный, так сказать, перевалочный, счет в кредитный банк, откуда деньги перечислялись уже на расчетный счет в другой банк, где их и получала компания мошенников. Причем если кто-то из клиентов обнаруживал, что не тратил своих ста долларов ни на какие услуги магазина и заявлял об этом в своем банке, представители последнего посылали запрос в кредитный банк, и тот возвращал деньги обратно.

Достаточно долгое время друзьям-аферистам все шло с рук. Такая безнаказанность, по-видимому, сделала их менее осторожными: с каждой карточки они стали снимать уже не по 100 долларов, а по 800. И вскоре люди все чаще и чаще стали обнаруживать на своем счету крупные недостачи, о чем они и заявляли соответствующим должностным лицам. В конце концов разразился страшный скандал. Мошенников удалось задержать и привлечь к ответственности.

Как выяснилось, за пять месяцев своей бурной деятельности аферисты сумели скопить на счету своей фирмы свыше 18 млн. рублей, воспользовавшись для этой неблагоприятной цели более 5400 карточками.

Пострадали граждане Австралии, Англии, Испании, Франции, США и других стран.

А вот еще одна история. В начале 2002 года сотрудники московского Управления по борьбе с преступностью в сфере высоких технологий пресекли деятельность компьютерного гения из Сургута, который вымогал деньги у одного из американских банков через Интернет.

В ноябре 2001 года в управление «Р» обратился атташе посольства США и сообщил о том, что из компьютерной сети одного из банков штата

Нью-Йорк кто-то похитил информацию о личных счетах клиентов.

Через некоторое время хакер связался с руководством банка и под угрозой обнародования украденных данных потребовал выплатить ему 10 тыс. долларов. Опасаясь разглашения конфиденциальной информации, банкиры приняли решение заплатить вымогателю требуемую сумму. Банк сделал три перевода на указанные хакером счета.

В ходе расследования было установлено, что деньги вымогатель получал в одном из коммерческих банков Сургута. После этого удалось установить и личность преступника, которым оказался 21-летний житель этого города. Как показали предварительные подсчеты, он сумел выкачать из американского банка приличную сумму – 250 тыс. долларов.

Компьютерный гений, сидя у монитора своего домашнего компьютера, взломал систему защиты известного американского банка, благодаря чему получил доступ к базе данных, содержащей информацию о клиентах.

Взломщику удалось использовать более полутора тысяч имен и фамилий клиентов банка, номера их счетов, суммы вкладов и другие данные, не подлежащие разглашению. Преступник разместил полученные сведения в Интернете и начал шантажировать банк, требуя за свое молчание 10 тыс. долларов.

Александр Слуцкий, начальник отдела по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации ГУВД Москвы, сообщил по поводу совершенного преступления следующее: «Им (взломщиком) было прислано письмо руководству банка, в котором фактически ставился ультиматум: если в трехдневный срок они не перечислят деньги, то информация будет опубликована. И давалась ссылка на созданный им сайт, на котором находилась часть этой конфиденциальной информации».

При участии ФБР банк вступил с вымогателем в переписку. После того как выяснилось, что преступник является гражданином России, ФБР обратилось за помощью к милиционерскому управлению «Р» в Москве. Но к моменту задержания хакера банк уже успел заплатить требуемые деньги. Более того, вымогатель потратил часть полученных денег на приобретение новой техники.

В процессе расследования было выяснено, что у взломщика не было никакого специального образования. После окончания средней школы он поступил в институт, но через полгода учебу забросил. Навыки компьютерного взлома хакер приобрел, общаясь в Интернете.